

ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ. 1881.

(Годъ двадцать второй).

НОЯБРЬ. — № 11.

Содержаніе:

Страницы:

I. Блаженнаго Августина, епископа иппонійскаго (въ русскомъ переводѣ) О Градѣ Божіемъ, книга тринадцатая	287—326
II. Очерки по исторіи нравственности и нравственныхъ ученій. (Генезисъ нравственности. Дикіе народы). <i>М. А. Оленицкаго</i>	233—288
III. Католическій догматъ о непогрѣшимости папы. <i>М. Ф. Ястребова</i>	289—328
IV. Отчетъ о состояніи Кіевской духовной Академіи въ 18 ⁸⁰ / ₈₁ учебномъ году. <i>Ив. П. Исаева</i>	329—392
V. Извѣстія церковно-археологическаго Общества при Кіевской Академіи (за августъ и сентябрь 1881 г.). <i>Н. И. Петрова</i>	393—404

Въ приложеніи:

VI. Протоколы засѣданій Совѣта Кіевской Академіи	241—288
VII. Объявленія	1—20

„Труды Кіевской дух. Академіи“ выходятъ по прежней программѣ.
Цѣна 7 рубл. съ пересылкою.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчака-Новицкаго, Михайловская улиц., собственный домъ.
1881.

въ 1882 году при Киевской Духовной Академіи будутъ издаваться:

- 1, Киевскія Епархіальныя Вѣдомости, (два раза въ мѣсяцъ).
- 2, Воскресное Чтеніе, (еженедѣльно).
- 3, Труды Киевской Духовной Академіи, (ежемесячно).

Цѣна за годъ съ пересылкою: Епархіальныхъ Вѣдомостей 4 р.; Воскреснаго Чтенія—4 р.; Трудовъ Киевской Духовной Академіи—7 р. Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей *вмѣстѣ* съ Воскреснымъ Чтеніемъ—7 р.; Епарх. Вѣдомостей съ Трудомъ—10 р.; Воскреснаго Чтенія съ Трудомъ—10 р.; Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудомъ—12 р. с.

Адресъ: въ Редакцію Киевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, или Воскреснаго Чтенія, или Трудовъ, при Киевской духовной Академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) Н. Я. Оглоблина, въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, 2) Игн. Л. Тузова—въ С.Петербургѣ, 3) А. Н. Ферапонтова—въ Москвѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи: I (1837—38), II (1838—39), V (1841—42), X (1846—47), XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXII (1859—60), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVII (1863—64), XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 2 руб. 60 к. за годъ съ пересылкою. В. Чтеніе за 1879—81 гг. по 4 р. за экземпляръ съ перес.

„Труды Киевской дух. Академіи“ продаются *по уменьшенной цѣнѣ*: 1860—1869 годы (кромя 1867 г.) по 2 р. безъ перес., а съ перес. 2 р. 60 к.; за 1870—1873 годы по 3 руб. 50 к. безъ перес., съ перес. 4 р.; за 1874 годъ 4 руб. 50 к., съ перес. 5 р.; за 1875 годъ 6 руб.; за 1876, 1877, 1878, 1879, 1880 и 1881 гг. по 7 руб.

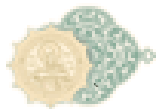
Выписывающимъ единовременно не менѣе 10 годовыхъ экземпляровъ „Трудовъ“ и „Воскреснаго Чтенія“ дѣлается уступка по 25% съ номинальной цѣны; выписывающіе „Воскресное Чтеніе“ получаютъ сверхъ того указатель къ первымъ 25 годамъ этого журнала.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 6 коп., съ пересылкою 75 коп.

Въ редакціи продаются книги:

(Цѣны на нѣкоторыя книги значительно понижены).

1. Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Высокопр. Арсенія, Митрополита Киевскаго (въ 8 д. 634 стр.). Цѣна (*вмѣсто трехъ рублей*) 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 75 коп.
2. Изъясненіе Божественной Литургіи. Высокопр. Арсенія, Митрополита Киевскаго (въ 8 д. 450 стр.). Ц. 2 р.
3. Бесѣды сельскаго священника съ прихожанами, 25 бесѣдъ. Ц. 40 коп., съ пер. 55 коп.
4. Книга для назидательнаго чтенія. Изданіе второе. Ц. 40 к., съ пер. 55 к.
5. Сборникъ статей изъ Воскр. Чтенія (для народныхъ школъ). Ц. 20 к., съ пер. 30 коп.
6. Пятидесятилѣтній юбилей Киевской духовной Академіи. Ц. 2 р. 50 к.,
7. Исслѣдованіе о талмудѣ. Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.
8. Девять историческихъ книгъ св. Писанія ветхаго завѣта въ русск. перев. съ евр., съ примѣчан. М. С. Гуляева. Ц. 1 р. 25 коп. (*вм. 1 р. 80 к.*).
9. Жизнь и творенія блж. Августина. Ц. 40 коп., съ перес. 50 коп.
10. Яковъ Космичъ Амфитеатровъ. Цѣна 30 коп. (*вм. 70 к.*).

О ГРАДѢ БОЖІЕМЪ,

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

*Въ этой книгѣ блаж. Августинъ учитъ, что смерть въ отноше-
ніи къ людямъ имѣетъ значеніе наказанія, и что она произо-
шла отъ грѣха Адамова.*

ГЛАВА I.

О паденіи перваго человека, произведемъ смертность.

Такъ какъ мы уже разрѣшили весьма трудные вопросы о происхожденіи настоящаго міра и началъ рода человѣческаго, то теперь порядокъ изложенія требуетъ предположен-
наго нами разсужденія о паденіи перваго человѣка, или вѣр-
нѣе первыхъ людей, и о происхожденіи и распространеніи
смерти между людьми. Ибо Богъ создалъ людей не какъ
ангеловъ,—не такъ, чтобы и согрѣшивши они вовсе не
могли умирать; но такъ, что, исполни они долгъ повинно-
венія, они получили бы безъ посредства смерти ангельское
бессмертіе и блаженную вѣчность, а не исполни они этого
долга, смерть послужить для нихъ самымъ справедливымъ
наказаніемъ. Объ этомъ впрочемъ мы сказали уже и въ
предыдущей книгѣ.

ГЛАВА II.

*О той смерти, которой можетъ подвергнуться душа,
имѣющая жить вѣчно, и о той, которой подлежитъ тѣло.*

Но я считаю нужнымъ сказать нѣсколько подробнѣе о
самомъ родѣ смерти. Хотя душа человѣческая справедливо

признается безсмертною, однако и для ней существует нѣ-которая своего рода смерть. Она потому называется безсмертною, что не перестаетъ въ извѣстномъ видѣ и въ нѣкоторой степени жить и чувствовать; тѣло же называется смертнымъ потому, что можетъ вполне лишиться жизни и совершенно не въ состояніи жить само собою. Но смерть души бываетъ тогда, когда ее оставляетъ Богъ; подобно тому какъ смерть тѣла случается тогда, когда его оставляетъ душа. Слѣдовательно смерть души и тѣла, то есть смерть всего человѣка, бываетъ тогда, когда оставляетъ тѣло душа, оставленная Богомъ. Ибо въ такомъ случаѣ ни она не живетъ Богомъ, ни тѣло не живетъ ею. За такого рода смертію всего человѣка слѣдуетъ та, которую авторитетъ божественныхъ Писаній назвалъ второю смертію (Апок. XXI, 8). На нее указалъ и Спаситель, когда сказалъ: *Убойтесь могущаго и душу и тѣло погубити въ гееннѣ* (Матѣ. X, 28). Такъ какъ это случится не прежде, какъ по такомъ соединеніи души съ тѣломъ, что ихъ уже никакимъ образомъ нельзя будетъ отдѣлить другъ отъ друга: то можетъ показаться страннымъ, что говорится объ умерщвленіи тѣла такою смертію, при которой оно не оставляется душею, но подвергается мученіямъ, будучи одушевленнымъ и чувствующимъ. Ибо то послѣднее и вѣчное наказаніе, о которомъ мы скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, справедливо называется смертію души, потому что она не живетъ Богомъ; но какъ можно назвать его смертію тѣла, когда оно будетъ жить душею? Вѣдь иначе оно не могло бы чувствовать самыхъ тѣхъ тѣлесныхъ мученій, которыя будутъ послѣ воскресенія. Развѣ ужъ, если всякаго рода жизнь составляетъ нѣкоторое добро, а страданіе—зло,—не слѣдуетъ называть и тѣло живущимъ, какъ скоро душа существуетъ въ немъ не ради жизни, а ради страданія? Итакъ душа живетъ Богомъ, когда живетъ хорошо; ибо она не можетъ жить хорошо,

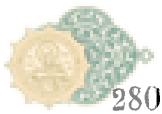

если Богъ не содѣйствуетъ въ ней тому, что хорошо.— Тѣло же живетъ душею, когда душа живетъ въ тѣлѣ, жivet ли она при этомъ или не живетъ Богомъ. Ибо жизнь въ тѣлахъ нечестивыхъ есть жизнь не души, а тѣла. Таку жизнь могутъ сообщать имъ даже умершія, то есть оставленныя Богомъ души, своею собственною, какою бы то ни было жизнью, вслѣдствіе которой онѣ и безсмертны. Но послѣднемъ осужденіи хотя человѣкъ не перестанетъ чувствовать, однако, такъ какъ самое чувство не будетъ доставлять пріятнаго удовольствія и благотворнаго покоя, но будетъ мучительнымъ вслѣдствіе страданія: то справедливъ жизнь эта называется болѣе смертію, нежели жизнью. Второй же смертію она называется потому, что бываетъ послѣ той первой, вслѣдствіе которой происходитъ раздѣленіе соединенныхъ природъ:—Бога и души, или души и тѣла. Такимъ образомъ о первой тѣлесной смерти можно сказать, что она добра для добрыхъ и зла для злыхъ. Вторая же ни для кого не бываетъ доброю, такъ какъ никто изъ добрыхъ не подвергается ей.

ГЛАВА III.

Смерть, перешедшая чрезъ грѣхъ первыхъ людей на всѣхъ людей, служитъ ли и для святыхъ наказаніемъ за грѣхъ.

Но возникаетъ вопросъ, который не слѣдуетъ обходить: дѣйствительно ли смерть, посредствомъ которой разлучаются душа и тѣло, служить добромъ для добрыхъ? Въдѣ если такъ, то какъ можно утверждать, что и она служитъ наказаніемъ за грѣхъ? Ибо первые люди конечно не подверглись бы ей, если-бы не согрѣшили. Какимъ же образомъ она могла бы быть добромъ для добрыхъ, если только злые могли подвергнуться ей? Притомъ, если подвергнуться ей могли только злые, то для добрыхъ не должно бы быть не только

добрѣй смерти, но и никакой. Зачѣмъ было бы какое-либо наказаніе для тѣхъ, въ которыхъ нѣтъ ничего достойнаго наказанія? Поэтому слѣдуетъ признать, что хотя первые люди такъ были сотворены, что если бы они не согрѣшили, не испытали бы никакого рода смерти; тѣмъ не менѣе, сдѣлавшись первыми грѣшниками, были наказаны смертію такъ, что и все происшедшее отъ нихъ потомство подверглось тому же наказанію. Не иное, чѣмъ они сами, могло родиться отъ нихъ. Ибо сообразно съ важностію этой вины осужденіе измѣнило природу къ худшему такъ, что бывшее прежде въ первыхъ согрѣшившихъ людяхъ наказаніемъ стало являться въ прочихъ людяхъ, при ихъ рожденіи, какъ естественное слѣдствіе. Человѣкъ отъ человѣка не такъ происходитъ, какъ произошелъ человѣкъ изъ праха. Прахъ былъ веществомъ для созданія человѣка, а человѣкъ, ражда, бываетъ отцемъ для человѣка. Тѣло не то же, что земля, хотя тѣло создано изъ земли; а человѣкъ какъ бываетъ отцемъ человѣкомъ, такъ бываетъ и потомкомъ человѣкомъ же. Такъ какъ отъ перваго человѣка чрезъ женщину долженъ былъ произойти весь родъ человѣческій послѣ того, какъ эта супружеская чета уже получила божественный приговоръ о своемъ осужденіи: то чѣмъ человѣкъ сдѣлался, — не при своемъ сотвореніи, но когда согрѣшилъ и былъ наказанъ, — то самое онъ и родилъ, насколько это касается именно происхожденія грѣха и смерти. За грѣхъ или въ наказаніе человѣкъ не былъ низведенъ до младенческаго слабоумія или до той душевной и тѣлесной немощи, которую мы видимъ въ дѣтяхъ. Богу угодно было, чтобы это было первоначальнымъ состояніемъ тѣхъ дѣтей, родителей которыхъ Онъ низвелъ до животной жизни и смерти, какъ написано: *Человѣкъ въ чести сый не разумъ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Псал. XLVШ, 13). Различіе развѣ въ томъ, что младенцевъ мы видимъ даже болѣе слабыми въ употребленіи и дви-

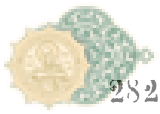
женіи членовъ и въ отношеніи къ чувству желанія и уленія отъ чего-либо, пежели самыя слабыя дѣтеныши живыхъ; потому что сила человѣческая тѣмъ болѣе обнаруваетъ превосходства надъ прочими животными, чѣмъ бо она сдерживаетъ свое стремленіе, подобно стрѣлѣ, отвлекомой въ противоположную сторону, при натягиваніи лу. И такъ за непозволительную самовольность и въ правильное осужденіе первый человѣкъ не низпалъ или не былъ низведенъ до этого первоначальнаго младенческаго состоянію въ немъ такъ повредила и измѣнилась человѣчская природа, что онъ сталъ испытывать въ членахъ противоборствующее и неповинующееся вождѣніе и подвергаться неизбѣжной смерти; а затѣмъ и рождать то, чѣмъ сдѣла. самъ вслѣдствіе порока и наказанія, то есть подлежащій грѣху и смерти. Если же, по благодати Ходатая, дѣти освобождаются отъ этихъ узъ грѣха, то они могутъ подвергаться только той одной смерти, которая отдѣляетъ душу отъ тѣла во вторую же смерть, служащую безконечнымъ наказаніемъ будучи освобождены отъ узъ грѣха, не переходятъ.

ГЛАВА IV.

Почему тѣ, кои по благодати возрожденія освободились отъ грѣха, не освобождаются отъ смерти, то есть с наказанія за грѣхъ.

Но если кого либо смущаетъ то, почему и этой смеркой скоро она служитъ наказаніемъ за грѣхъ, подвергая тѣ, виновность которыхъ уничтожается благодатію; то этотъ вопросъ уже разсмотрѣнъ и разрѣшенъ въ другомъ нашемъ сочиненіи, которое мы написали о крещеніи младенцевъ¹⁾

¹⁾ De peccator. merit. et remiss. deque bapt. parvul. l. II 30 et 31.

Тамъ сказано, что душѣ потому оставляется испытаніе чрезъ разлученіе съ тѣломъ даже и по уничтоженіи узъ грѣха, что если бы за таинствомъ возрожденія тотчасъ послѣдовало безсмертіе тѣла, то ослабѣла бы самая вѣра, которая тогда бываетъ вѣрою, когда съ надеждою ожидаютъ того, чего еще не видятъ въ дѣйствительности. Силою же и подвигомъ вѣры, по крайней мѣрѣ въ прежнія времена, былъ побѣждаемъ даже страхъ смерти, что въ особенности обнаружилось въ святыхъ мученикахъ. Подобный подвигъ не имѣлъ бы конечно никакой побѣды и никакой славы,—потому что совѣтъ не могло бы быть и самаго подвига,—если бы послѣ бани возрожденія святые уже не могли подвергаться тѣлесной смерти. При крещеніи же дѣтей кто не сталъ бы прибѣгать къ благодати Христовой преимущественно ради того, чтобы не отрѣшиться отъ тѣла? Не только не испытывалась бы вѣра посредствомъ невидимой награды, но и не было бы самой вѣры, если бы получали награду за свои дѣла тотчасъ послѣ того, какъ начали ее искать. Теперь же, по болѣе великой и чудной благодати Спасителя, кара грѣха обратилась на пользу правды. Ибо тогда было сказано человѣку: Умрешь, если согрѣшишь (сн. Быт. II, 17); теперь же говорится мученику: Умирай, чтобы не согрѣшить. Тогда было сказано: Если вы преступите заповѣдь, то смѣртію умрете; теперь говорится: Если откажетесь отъ смерти, то преступите заповѣдь. Чего тогда должно было бояться, чтобы не согрѣшить, то теперь должно принимать, чтобы не согрѣшить. Такимъ образомъ и самая кара пороковъ переходитъ по неизреченному милосердію Божію въ орудіе добродѣтели, и даже наказаніе грѣшника дѣлается заслугою праведнаго. Ибо тогда смерть была приобрѣтена посредствомъ грѣха, а теперь посредствомъ смерти совершается правда. Но послѣднее—въ святыхъ мученикахъ, которымъ мучители предлагали одно изъ двухъ: или оставить вѣру,

или подвергнуться смерти. Ибо праведные предпочитаютъ за вѣру подвергнуться тому, чему первые грѣшники подверглись за невѣріе. Если бы тѣ не согрѣшили, то не умерли бы; а эти согрѣшаютъ, если не умрутъ. Итакъ тѣ умерли потому, что согрѣшили: эти не грѣшатъ потому, что умираютъ. Вслѣдствіе вины первыхъ это обратилось въ наказаніе; а вслѣдствіе того, что это было наказаніемъ для нихъ, оно не обращается въ вину: это не потому, чтобы смерть, бывшая прежде зломъ, сдѣлалась какимъ-либо добромъ; а потому, что Богъ такую даровалъ благодать вѣрѣ, что смерть, которая, какъ извѣстно, противоположна жизни, сдѣлалась средствомъ для достиженія жизни.

ГЛАВА V.

О томъ, что какъ грѣшники во зло употребляютъ законъ, который добръ, такъ и праведные во благо употребляютъ смерть, которая зла.

Когда апостолъ хотѣлъ показать, сколько вреда можетъ принести грѣхъ при отсутствіи божественной благодати, то не усумнился даже самый законъ, которымъ воспрещается грѣхъ, назвать силою грѣха. *Жало смерти*, говоритъ онъ, *грѣхъ, сила же грѣха законъ* (1 Кор. XV, 56). И это совершенно справедливо. Ибо чрезъ запрещеніе усиливается стремленіе къ недозволенному дѣйствію, когда не настолько любятъ правду, чтобы любовію къ ней побуждалось желаніе грѣшигъ. А чтобы истинная правда была любима и чтобы привлекала къ себѣ, для этого нужно содѣйствіе божественной благодати. Но чтобы законъ, названный силою грѣха, не былъ признанъ вслѣдствіе этого зломъ, то въ другомъ мѣстѣ, разсматривая того же рода вопросъ, онъ говоритъ: *Законъ святъ, и заповѣдь свята, и праведна и блага. Благое ли убо бысть мнѣ смерть? да не будетъ; но грѣхъ: да явится грѣхъ благимъ ли содѣвая смерть, да будетъ*

по премногу грѣшенъ грѣхъ заповѣдоу (Рим. VII, 12, 13). По премногу, сказалъ онъ, потому что присоединяется еще упорство, когда при усиленіи стремленія ко грѣху презирается и самый законъ. Почему мы признали необходимымъ сказать объ этомъ? Потому именно, что какъ законъ не есть зло, хотя онъ усиливаетъ вождельніе грѣшящихъ; такъ и смерть не есть добро, хотя она увеличиваетъ славу претерпѣвающихъ ее: когда или тотъ оставляется вслѣдствіе нечестія и дѣлаетъ упорствующими, или когда эта претерпѣвается за истину и дѣлаетъ мучениками. Поэтому, хотя законъ и добръ, потому что есть воспрещеніе грѣха, а смерть зла, потому что есть воздаяніе за грѣхъ; но какъ неправедные во зло употребляютъ не только злое, но и доброе, такъ праведные во благо употребляютъ не только доброе, но и злое. И выходитъ, что злые во зло употребляютъ и законъ, хотя онъ составляетъ добро, а добрые ко благу умираютъ, хотя смерть есть зло.

ГЛАВА VI.

О злѣ всеобщей смерти, которымъ разрушается союзъ души и тѣла.

Поэтому, что касается тѣлесной смерти, то есть разлученія души съ тѣломъ, то она ни для кого не бываетъ доброю, когда ей подвергаются такъ называемые умирающіе. Ибо и самая эта сила, которою разрывается то и другое, что было связано и сплочено въ живомъ человѣкѣ, производитъ тяжкое и противуестественное ощущеніе, пока продолжаетъ свое дѣйствіе и пока не отнимется всякое чувство, возникающее изъ самаго соединенія души и тѣла. Иногда одинъ ударъ, нанесенный тѣлу, или убійство предотвращаютъ эту муку и не даютъ возможности испытывать ее, предупреждая ее своею скоростію. Однако чѣмъ бы ни было

въ умирающихъ то, что не безъ тяжелаго чувства лишаетъ чувствительности,—оно, переносимое съ благочестіемъ и вѣрою, увеличиваетъ заслугу терпѣнія, но не уничтожаетъ названія наказанія. Итакъ хотя смерть бываетъ наказаніемъ для рождающагося въ непрерывно продолжающемся потомствѣ перваго человѣка, однако, если она претерпѣвается за благочестіе и правду, служить къ славѣ возрождающагося; и хотя смерть есть воздаяніе за грѣхъ, однако чрезъ нее иногда достигается то, что не бываетъ никакого воздаянія за грѣхъ.

ГЛАВА VII.

О смерти, которой невозрожденные подвергаются за исповѣданіе Христа.

Для тѣхъ, кои умираютъ за исповѣданіе Христа, не принявъ еще бави возрожденія, она имѣетъ такую же силу относительно отпущенія грѣховъ, какъ и омовеніе святымъ источникомъ крещенія. Ибо сказавшій: *Аще кто не родится водою и Духомъ Святымъ, не можетъ внийти во царствіе небесное* (Іоан. III, 5), исключаетъ ихъ другимъ своимъ изреченіемъ, гдѣ съ такою же всеобщію Онъ сказалъ: *Всякъ иже исповѣсться Мя предъ челоуки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ* (Матѣ. X, 32). И въ другомъ мѣстѣ: *Иже аще погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю* (Матѣ. XVI, 25). Поэтому написано: *Честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его* (Псал. CXV, 6). Ибо что честнѣе смерти, чрезъ которую отпускаются всѣ грѣхи и умножаются и увеличиваются заслуги? Вѣдь заслуга тѣхъ, которые крестились, не имѣя возможности избѣгать смерти, и переселились изъ этой жизни, загладивъ всѣ грѣхи, не такъ велики, какъ тѣхъ, которые, имѣя возможность не умереть, умерли потому, что предъ-

почли лучше исповѣдуя Христа окончить жизнь, чѣмъ отречьшись отъ Него принять крещеніе. Поступи они такъ, въ этой купели имъ было бы отпущено и то, что они по страху смерти отреклись отъ Христа; омывается же въ этой купели безмѣрное преступленіе тѣхъ, кои убили Христа. Но безъ обилія благодати того Духа, который, *идѣже хочетъ, дышетъ* (Іоан. III, 8), могли ли они когда либо настолько возлюбить Христа, чтобы, при такой опасности для жизни и при такой надеждѣ на прощеніе, не отречься отъ Него? Итакъ честная смерть святыхъ, которымъ съ такою благодатію была предпослана и испрошена смерть Христова, что для пріобрѣтенія Его они не поколебались сами умереть, показала, что въ ихъ пользу обращено то, что прежде было предназначено для наказанія грѣха, чтобы отсюда возрасталъ обильнѣйшій плодъ правды. Но все же смерть не должна считаться добромъ, потому что не своею силою, а вслѣдствіе божественной помощи она обратилась въ такую великую пользу: такъ что предназначенная прежде служить угрозою противъ совершенія грѣха, теперь предлагается къ принятію, чтобы грѣхъ не совершался, совершенный же заглаждался, и великой побѣдѣ была воздаваема должная пальма правды.

ГЛАВА VIII.

О томъ, что для святыхъ принятіе первой смерти за истину служитъ освобожденіемъ отъ второй смерти.

Вѣдь если вникнемъ внимательнѣе, то смерть составляетъ предметъ опасенія даже и тогда, когда кто либо съ вѣрою и достохвальнымъ образомъ умираетъ за истину. Ради того и подвергаются нѣкоторой части ея, чтобы не подвергнуться всей ей, и чтобы къ этой не присоединилась сверхъ того вторая, которая никогда не будетъ имѣть имѣть конца.

Ради того и подвергаются разлученію души съ тѣломъ, чтобы душа не разлучилась съ тѣломъ въ состояніи отлученія отъ Бога и чтобы такимъ образомъ за первую смертію всего человѣка не послѣдовала вторая, вѣчная. Поэтому-то смерть, какъ я сказалъ, ни для кого не бываетъ доброю, когда ей подвергаются умирающіе и когда она дѣлаетъ ихъ умирающими, но претерпѣвается похвальнымъ образомъ ради сохраненія или приобрѣтенія добра. Когда же пребываютъ въ ней тѣ, которые называются уже умершими, она не неумѣстно называется злою для злыхъ и доброю для добрыхъ. Ибо души благочестивыхъ, отдѣлившіяся отъ тѣла, находятся въ покоѣ, а души нечестивыхъ терпятъ наказанія, пока снова не оживутъ тѣла первыхъ для вѣчной жизни, а тѣла вторыхъ — для вѣчной смерти, называемой второю.

ГЛАВА IX.

Къ умирающимъ ли, или къ умершимъ слѣдуетъ относить тотъ моментъ смерти, въ который прекращается чувство жизни.

Но тотъ моментъ, въ который души, отдѣлившіяся отъ тѣла, бываютъ въ счастливомъ или несчастномъ положеніи, слѣдуетъ ли относить ко времени послѣ смерти, или ко времени самой смерти? Если опъ бываетъ послѣ смерти, то это уже не смерть, которая окончилась и миновала, а дѣйствительная жизнь души послѣ смерти, хорошая ли-то, или худая. Смерть же тогда была для нихъ злою, когда была, то есть когда претерпѣвали ее, когда умирали: потому что они испытывали тогда тяжкое и мучительное чувство, — зло, которое добрые употребляютъ во благо. А когда смерть уже совершилась, — какимъ образомъ она можетъ быть доброю или злою, когда ея уже нѣтъ? Затѣмъ, если глубже вникнуть, окажется, что и то не составляетъ смерти, чѣмъ, какъ мы

сказали, вызывается въ умирающихъ тяжкое и мучительное чувство. Ибо пока они чувствуютъ, до тѣхъ поръ еще живутъ; а если еще живутъ, то скорѣе должны быть признаны находящимися передъ смертію, чѣмъ въ самой смерти, потому что когда она настаетъ, она уничтожаетъ всякое тѣлесное чувство, которое вслѣдствіе ея приближенія бываетъ тяжелымъ. А потому трудно объяснить, какимъ образомъ мы называемъ умирающими тѣхъ, которые еще не умерли, но вслѣдствіе грозящей имъ смерти уже подвергаются послѣднимъ смертельнымъ мукамъ; хотя съ другой стороны и справедливо называются они умирающими, потому что по наступленіи угрожавшей имъ смерти они называются уже не умирающими, а умершими. Итакъ, умирающимъ можетъ быть только живущій, потому что кто не лишился души, тотъ еще живетъ, хотя бы его жизни грозила такая опасность, подвергающихся которой мы называемъ находящимися при послѣднемъ издыханіи. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же бываетъ вмѣстѣ и умирающимъ и живущимъ: приближающимся къ смерти и удаляющимся изъ жизни; тѣмъ не менѣе находящимся еще въ жизни: потому что душа пребываетъ въ тѣлѣ, а не въ смерти, такъ какъ она еще не оставила тѣла. Но такъ какъ и по оставленіи его она будетъ находиться не въ смерти, но скорѣе послѣ смерти; то кто можетъ сказать: когда человѣкъ бываетъ въ смерти? Ибо никого не будетъ умирающаго, если никто не можетъ быть вмѣстѣ умирающимъ и живущимъ. Не можемъ же мы не признавать человѣка живущимъ, когда душа еще находится въ тѣлѣ. Если же того, въ чемъ тѣлѣ уже совершается процессъ, слѣдствіемъ котораго бываетъ смерть, слѣдуетъ правильнѣе назвать умирающимъ; и если никто не можетъ быть одновременно живущимъ и умирающимъ: то я уже не знаю, когда человѣкъ бываетъ живущимъ.

ГЛАВА X.

О жизни человеческой, которую скорѣе слѣдуетъ назвать смертію, нежели жизнію.

Ибо съ того момента, какъ кто-либо начинаетъ бытъ въ этомъ тѣлѣ, подлежащемъ смерти, для него всегда дѣлается о приближеніи смерти. Измѣняемость его во все время этой жизни (если впрочемъ слѣдуетъ называть ее жизнію) ведетъ его именно къ смерти. Ибо нѣтъ никого, кто не былъ бы ближе къ ней чрезъ годъ, нежели за годъ ранѣе, и завтра, нежели сегодня, и немного спустя, нежели теперь и теперь, нежели немного ранѣе. Переживаемое время отнимается отъ времени жизни, и съ каждымъ днемъ его остается все менѣе и менѣе; такъ что время этой жизни есть вообще не иное что, какъ путь къ смерти, на которомъ никому не дозволяется остановиться на нѣсколько времени или идти нѣсколько медленнѣе,—но всѣ вынуждены по необходимости одинаково подвигаться и равномерно приближаться. Ибо не быстрѣе проводилъ время тотъ, кто имѣлъ кратковременную жизнь, нежели тотъ, кто обладалъ болѣе долговременною жизнію; но одинаковымъ образомъ и одинаковыя количества времени отнимались у обоихъ, при чемъ одинъ только былъ ближе, а другой далѣе отъ того, къ чему оба они шли съ одинаковою скоростію. А иное дѣло пройти болѣе пути, и иное идти медленнѣе. Кто проживаетъ до смерти большее количество времени, тотъ не медленнѣе идетъ, а проходитъ болѣе количество пути. Затѣмъ, если съ того момента каждый начинаетъ ‘умирать’, то есть быть въ смерти, съ котораго въ немъ начинаетъ дѣйствовать самая смерть, то есть уменьшеніе жизни; потому что по окончаніи ея путемъ уменьшенія онъ будетъ уже послѣ смерти, а не въ смерти: то онъ находится въ смерти безъ сомнѣнія съ самаго начала

своего существованія въ этомъ тѣлѣ. Ибо это, а не другое что-либо производится каждымъ днемъ, часомъ, минутою, пока вполнѣ не совершится смерть, которая переживалась, и не начнется уже время послѣ смерти, которое при умаленіи жизни было временемъ смерти. Итакъ никогда человѣкъ не находится въ жизни съ того момента, какъ онъ имѣетъ тѣло, скорѣе умирающее, нежели живущее, если не можетъ находиться одновременно и въ жизни и въ смерти. Или не находится ли онъ скорѣе одновременно въ жизни и въ смерти,—то есть въ жизни, которою онъ живетъ, пока не отнимется вся она,—въ смерти, которою онъ уже умираетъ, когда уменьшается жизнь? Ибо если онъ не находится въ жизни, то что будетъ уменьшаться, пока не совершится полная утрата? А если онъ не находится въ смерти, то въ чемъ состоитъ самое уменьшеніе жизни? Ибо когда жизнь совсѣмъ утрачена тѣломъ, то не напрасно это называется состояніемъ по смерти, потому что смерть была тогда, когда уменьшалась жизнь. Если же по утратѣ ея человѣкъ бываетъ не въ смерти, но послѣ смерти; то когда онъ будетъ въ смерти, если не тогда, когда происходитъ это уменьшеніе жизни?

ГЛАВА XI.

Можетъ ли кто-нибудь одновременно быть и живущимъ и умирающимъ.

Если же было бы нелѣпностью сказать, что человѣкъ уже находится въ смерти, прежде нежели онъ достигнетъ смерти (ибо къ чему бы онъ приближался, переживая время своей жизни, если онъ уже находится въ ней?); тѣмъ болѣе что было бы слишкомъ страннымъ назвать его одновременно и живущимъ и умирающимъ, когда онъ не можетъ, напримѣръ, быть одновременно бодрствующимъ и спящимъ:

то возникаетъ вопросъ, когда же онъ будетъ умирающимъ? Ибо прежде чѣмъ наступитъ смерть, онъ бываетъ не умирающимъ, а живущимъ; а когда смерть уже наступила, то онъ бываетъ умершимъ, а не умирающимъ. Слѣдовательно одно бываетъ до смерти, а другое уже по смерти. Когда же онъ бываетъ въ смерти (ибо тогда онъ бываетъ умирающимъ), чтобы соотвѣтственно каждому изъ трехъ состояній, которыя мы называемъ бывающими до смерти, въ смерти и по смерти, были: живущій, умирающій и умершій. Весьма трудно опредѣлить, когда человѣкъ бываетъ умирающимъ, то есть въ смерти, при чемъ онъ не былъ бы ни живущимъ,—то есть до смерти, ни умершимъ, то есть по смерти, но былъ бы умирающимъ, то есть находящимся въ смерти. Ибо пока душа находится въ тѣлѣ, въ особенности если есть въ немъ еще и чувство, то человѣкъ, состоящій изъ души и тѣла, безъ сомнѣнія еще живетъ; и потому его слѣдуетъ называть находящимся до смерти, а не въ смерти. Когда же душа отдѣлится и уничтожитъ всякую чувствительность въ тѣлѣ, то онъ уже признается находящимся по смерти и умершимъ. Итакъ моментъ, въ который онъ является умирающимъ или въ смерти, теряется между тѣмъ и другимъ: потому что если онъ еще живетъ, то находится до смерти; а если перестаетъ жить, то находится уже по смерти. Слѣдовательно никогда не представляется онъ умирающимъ,—то есть находящимся въ смерти. Такъ точно и въ теченіи временъ ищемъ мы настоящаго, и не находимъ его: потому что безъ всякаго промежутка совершается переходъ отъ будущаго къ прошедшему. Но не слѣдуетъ ли опасаться, что такимъ путемъ мы придемъ къ отрицанію самой тѣлесной смерти? Ибо если она есть, то когда бываетъ она,—она, которая ни въ комъ и въ которой никто не можетъ быть? Вѣдь если человѣкъ живетъ, то ея еще нѣтъ: потому что это происходитъ до смерти, а не въ смерти;

если же онъ пересталъ жить, то ея уже нѣтъ: потому что это бываетъ уже по смерти, а не въ смерти. Но съ другой стороны, если никакой смерти не бываетъ ни прежде, ни послѣ, то что такое есть, что называется до смерти или по смерти? Вѣдь и это пустыя слова, если нѣтъ никакой смерти. Но, о еслибы мы могли проводить въ раю добродѣтельную жизнь, чтобы на самомъ дѣлѣ не было никакой смерти! А теперь она не только есть, но и такъ мучительна, что никакимъ словомъ нельзя выразить и никакимъ способомъ нельзя избѣжать ея.

Итакъ будемъ держаться обычнаго способа выраженія, потому что иначе и не должно быть. Будемъ говорить: «до смерти», прежде нежели наступитъ смерть, какъ написано: *Прежде смерти не блажи никогоже* (Сир. XI, 28). А когда случится, будемъ говорить: „По смерти того или другого было то-то или то-то“. Будемъ говорить и о настоящемъ времени, какъ можемъ, подобно тому какъ мы говоримъ: «Умирая такой-то составилъ завѣщаніе, и умирая оставилъ этимъ и тѣмъ то-то и то-то»; хотя это могъ сдѣлать только живущій, и сдѣлалъ конечно до смерти, а не въ смерти. Будемъ говорить даже такъ, какъ говорить Священное Писаніе, которое и умершихъ не поколебалось назвать находящимися не по смерти, а въ смерти. Таково извѣстное изреченіе: *Яко нѣсть въ смерти поминаяй Тебе* (Псал. VI, 6). Ибо до воскресенія они справедливо называются находящимися въ смерти, подобно тому какъ каждый называется находящимся во снѣ, прежде нежели онъ пробудится. Но хотя находящихся во снѣ мы называемъ спящими, однако мы не можемъ подобнымъ образомъ называть умирающими уже умершихъ. Ибо тѣ не умираютъ только теперь, которые,—насколько это касается тѣлесной смерти, о которой мы въ настоящемъ случаѣ говоримъ,—уже отдѣлились отъ тѣлъ. Но объ этомъ-то я и сказалъ, что нельзя объяснить, ка-

кимъ образомъ умирающіе называются еще живущими, или умершіе послѣ смерти называются еще находящимися въ смерти? Ибо какимъ образомъ они будутъ по смерти, если они еще въ смерти? Это—тѣмъ болѣе, что мы не называемъ ихъ умирающими подобно тому, какъ находящихся во снѣ называемъ спящими, или находящихся въ изнеможеніи—изнемогающими,—находящихся въ скорби—скорбящими, находящихся въ жизни—живущими. Называютъ умершихъ, прежде чѣмъ они воскреснутъ, находящимися въ смерти; но все же ихъ нельзя назвать умирающими. Поэтому я думаю, что не кстати и не неумѣстно, хотя быть можетъ не по человѣческому старанію, а по божественной волѣ, произошло то, что этотъ глаголѣ, въ латинскомъ языкѣ, т. е. *moritur* (умираетъ), сами грамматики не могутъ склонять ¹⁾ по тому образцу, по какому склоняются прочіе подобнаго рода глаголы. Ибо отъ *oritur* (происходитъ) получается глаголѣ прошедшаго времени *ortus est*; и другіе подобныя глаголы склоняются при посредствѣ причастія прошедшаго времени. А. когда спрашиваемъ о прошедшемъ времени отъ *moritur*, то обыкновенно отвѣчаютъ: *mortuus est*, съ удвоеніемъ буквы *и*. Мы употребляемъ *mortuus* (умершій) также точно, какъ *fatuus* (сумасбродный), *arduus* (хрутой), *conspiciuus* (видный), и тому подобныя слова, которые не суть глаголы прошедшаго времени, а склоняются безъ времени, потому что это—имена. И въ вышеупомянутомъ случаѣ, какъ бы для склоненія того, что не можетъ склониться, вмѣсто причастія прошедшаго времени употребляется имя. Такимъ образомъ вполне сообразно произошло то, что какъ

¹⁾ Древніе грамматики называли склоненіемъ не только измѣненія именъ, но и измѣненія глаголовъ.

обозначаемое этимъ глаголомъ ¹⁾ не можетъ быть отклоняемо ²⁾ на дѣлѣ, такъ и самъ онъ не можетъ быть склоняемъ въ рѣчи. Но при помощи благодати нашего Искупителя можетъ сдѣлаться, что мы будемъ въ состояніи отклонить по крайней мѣрѣ вторую смерть. Ибо она болѣе тяжела и составляетъ самое худшее изъ всѣхъ золъ; потому что не состоитъ изъ отдѣленія души и тѣла, а скорѣе обнимаетъ и ту и другое, для вѣчнаго наказанія. Тамъ уже, не какъ здѣсь,—не будутъ люди до смерти и по смерти, а постоянно въ смерти; и потому никогда не будутъ живущими или умершими, а будутъ безъ конца умирающими. И никогда не будетъ для человѣка чего либо худшаго въ смерти, какъ когда самая смерть будетъ безсмертною.

ГЛАВА XII.

Какою смертію угрожалъ Богъ первымъ людямъ, если они нарушатъ Его заповѣдь.

Итакъ, если спросятъ, какою смертію Богъ угрожалъ первымъ людямъ, если они нарушатъ полученную отъ Него заповѣдь и не сохранятъ повиновенія: смертію ли души, или тѣла, или всего человѣка, или же тою, которая называется второю; то слѣдуетъ отвѣчать: «Всѣми». Ибо первая состоитъ изъ двухъ, а вторая, общая изъ всѣхъ. Какъ вся земля состоитъ изъ многихъ земель, и вся церковь—изъ многихъ церквей; такъ и общая смерть состоитъ изъ всѣхъ смертей. Ибо первая смерть состоитъ изъ двухъ: изъ смерти души и изъ смерти тѣла, такъ что первая смерть всего человѣка бываетъ тогда, когда душа, оставленная Богомъ, терпитъ

¹⁾ Смерть.

²⁾ Здѣсь игра словъ, основывающаяся на двоякомъ значеніи глагола *declinare*: склонять и отклонять или избѣгать.

безъ тѣла временныя наказанія; вторая же бываетъ въ томъ случаѣ, когда душа, оставленная Богомъ, вмѣстѣ съ тѣломъ терпитъ вѣчныя наказанія. Поэтому, когда Богъ сказалъ относительно запрещенной пищи тому человѣку, котораго Онъ поселилъ въ рай: *Въ онъже аще день сънѣте отъ него, смертію умрете* (Быт. II, 17): то эта угроза обнимала не первую только часть первой смерти, когда душа лишается Бога; и не вторую только часть ея, когда тѣло лишается души; и не первую только смерть во всемъ объемѣ, когда душа наказывается, лишившись Бога и тѣла; но въ смерти до самой послѣдней, которая называется второю и послѣ которой нѣтъ никакой другой.

ГЛАВА XIII.

Какому наказанію подверглось неисполненіе первыми людьми ихъ обязанности.

Ибо какъ скоро произошло нарушеніе заповѣди, тотчасъ же они, лишившись божественной благодати, устыдились наготы своихъ тѣлъ (Быт. III, 7). Поэтому они смоковными листьями, которые можетъ быть первые попались имъ при ихъ смущеніи, покрыли срамные члены, которые хотя и прежде были такими же членами, но не были срамными. Они почувствовали новое движеніе въ своей неповинующейся плоти, какъ бы въ прямое возмездіе за свое неповинованіе. Ибо нашедши превратное удовольствіе въ собственной свободѣ и отвергнувъ служеніе Богу, душа лишилась прежняго повиновения со стороны тѣла; и такъ какъ по собственной волѣ оставила высочайшаго Господа, то не могла удержатъ подъ своею волею низшаго слугу, и никоимъ образомъ не могла уже имѣть плоть въ подчиненіи себѣ, какъ всегда могла бы имѣть ее, еслибы сама осталась въ подчиненіи Богу. Ибо тогда плоть начала похотствовать на духа (Гал. V, 17).

Съ этою борьбою мы рождаемся, имѣя въ себѣ начало смерти, и нося въ своихъ членахъ и въ испорченной природѣ противуборство ея или побѣду, какъ слѣдствіе перваго преступленія.

ГЛАВА XIV.

Какимъ человекъ былъ созданъ Богомъ и какой участи подпалъ онъ по собственному произволу.

Богъ, Творецъ природъ, а не пороковъ, создалъ человека правымъ; но добровольно испорченный и праведно осужденный, человекъ произвелъ испорченное и осужденное потомство. Ибо всѣ мы были въ немъ одномъ, когда всѣ были имъ однимъ, который впалъ въ грѣхъ чрезъ женщину, созданную изъ него прежде грѣха. Мы еще не имѣли отдѣльнаго существованія и особой формы, въ которой каждый изъ насъ могъ бы жить отдѣльно; но уже была природа сѣмени, отъ которой намъ надлежало произойти: а такъ какъ она была испорчена вслѣдствіе грѣха и связана узами смерти и праведно была осуждена, то отъ человека не могъ родиться человекъ съ другими свойствами. Такимъ образомъ вслѣдствіе злоупотребленія свободою волею произошла эта несчастная цѣпь, которая рядомъ взаимно соединенныхъ между собою бѣдствій доводитъ родъ человѣческій, вслѣдствіе испорченности его начала, какъ бы вслѣдствіе порчи корня, до пагубной второй смерти, не имѣющей конца, за исключеніемъ тѣхъ, которые освобождаются благодатію Божіею.

ГЛАВА XV.

О томъ, что Адамъ, совершивъ грѣхъ, самъ оставилъ Бога прежде, чѣмъ былъ оставленъ Богомъ, и что первую смертію души было удаленіе отъ Бога.

Поелику не было сказано смертями, но смертію умремъ (Быт. II, 17), то въ этихъ словахъ мы можемъ раз-

умѣть только ту одну смерть, которая бываетъ тогда, когда душа лишается своей жизни, которою для нея служить Богъ. Ибо она не была оставлена, чтобы оставить; но оставила сама, чтобы быть оставленною. Ибо въ отношеніи къ ея злу предшествуетъ ея воля, а въ отношеніи къ ея добру—воля Творца ея, или чтобы создать ту, которой вовсе не было, или чтобы воссоздать ту, которая погибла чрезъ паденіе. Но хотя бы мы эти слова, въ которыхъ Богъ говоритъ: *Въ онъже аще день спытаете отъ него, смертію умрете* (Быт. II, 17), стали разумѣть въ томъ смыслѣ, что Богъ возвѣстилъ въ нихъ объ этой одной смерти, какъ бы сказавъ: Въ тотъ день, въ который вы оставите Меня чрезъ неповиновеніе, Я оставляю васъ по правосудію: тѣмъ не менѣе въ этой смерти были возвѣщены и прочіе роды ея, которые несомнѣнно имѣли послѣдовать. Въ томъ, что произошло неповинующеся движеніе въ плоти неповинующейся души, вслѣдствіе чего они покрыли свои срамные члены (Быт. III, 7), дала себя знать одна смерть, въ которой Богъ оставилъ душу. На нее было сдѣлано указаніе въ словахъ Его, когда Онъ сказалъ человѣку, скрывавшемуся вслѣдствіе неразумнаго страха: *Адаме, гдѣ еси* (Быт. III, 9); ибо Онъ спрашивалъ не вслѣдствіе невѣдѣнія, но обличая и увѣщавая обратить вниманіе на то, гдѣ находился онъ, когда въ немъ не стало Бога. Когда же сама душа оставила поврежденное вслѣдствіе лѣтъ и изнуренное старостію тѣло, то пришлось испытать и другую смерть, о которой Господь еще при опредѣленіи наказанія за грѣхъ сказалъ человѣку: *Земля еси и въ землю отидеши* (Быт. III, 19); такъ что изъ этихъ двухъ смертей та первая, которая есть смерть всего человѣка, исполнилась, а за него послѣдуетъ наконецъ и вторая, если человѣкъ не освободится отъ нея чрезъ благодать. Ибо тѣло, которое отъ земли, не возвратилось бы въ землю иначе, какъ вслѣдствіе своей смерти, которой оно подвергается,

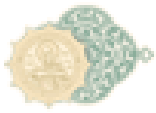

когда лишается своей жизни, то есть души. Поэтому, какъ извѣстно христіанамъ, держащимся истинно католической вѣры, даже самая смерть тѣлесная наложена на насъ не закономъ природы, по которому Богъ никакой смерти не сотворилъ для человѣка, но въ наказаніе за грѣхъ; потому что Богъ, наказывая за грѣхъ, сказалъ человѣку, въ которомъ тогда были все мы: *Земля еси, и въ землю отъидеши* (Быт. III, 19).

ГЛАВА XVI.

О философахъ, которые разлученіе души съ тѣломъ не признаютъ наказаніемъ, хотя Платонъ представляетъ верховнаго Бога дающимъ низшимъ богамъ обитованіе, что они никогда не будутъ лишены тѣла.

Но философы, противъ клеветъ которыхъ мы защищаемъ Градъ Бога, то есть Церковь Его, считаютъ мудростію смѣяться надъ тѣмъ, что мы говоримъ, именно—что отдѣленіе души отъ тѣла должно быть почитаемо однимъ изъ наказаній ея. По ихъ мнѣнію совершенное блаженство бываетъ для нея тогда, когда она, совлекшись совершенно всякаго тѣла, возвращается къ Богу простою, единою и какъ бы нагою. Если бы я не могъ найти въ ихъ же сочиненіяхъ ничего такого, чѣмъ опровергалось бы это мнѣніе, то съ моей стороны потребовалось бы болѣе труда, чтобы доказать, что бременемъ для души служить не просто тѣло, но *тѣмное* тѣло. Отъ того въ нашихъ писаніяхъ и говорится, какъ я упоминалъ въ предъидущей книгѣ: *тѣло бо тѣмное отягощаетъ душу* (Прем. Сол. IX, 15). Присоединивъ: *тѣмное*, оно конечно показало, что душа обременяется не всякаго рода тѣломъ, но такимъ, какимъ оно сдѣлалось чрезъ грѣхъ въ наказаніе. Хотя, впрочемъ, если бы оно даже и не прибавило этого, то и тогда мы не должны были бы раз-

умѣть что либо другое. Но такъ какъ Платонъ яснѣйшимъ образомъ утверждаетъ, что боги, созданные верховнымъ Богомъ, имѣютъ безсмертныя тѣла, и представляетъ самаго Бога, которымъ они созданы, общающимъ имъ, какъ великое благодѣяніе, что они вѣчно будутъ пребывать съ своими тѣлами и не отрѣшатся отъ нихъ никакою смертію: то зачѣмъ же они, для уничтоженія христіанской вѣры, притворяются незнающими того, что знаютъ, или даже, противорѣча сами себѣ, предпочитаютъ говорить противъ себя самихъ, лишь бы не перестать говорить противъ насъ? Вѣдь Платону принадлежатъ слова, переведенныя на латинскій языкъ Цицерономъ ¹⁾, въ которыхъ онъ представляетъ верховнаго Бога обращающимся къ сотвореннымъ имъ богамъ и говорящимъ такъ: „Вы, произшедшіе отъ посѣва боговъ, обратите вниманіе на то, что рождено и сотворено мною. Оно неразрушимо безъ моей воли, хотя все составное можетъ разрушаться. Доброму вовсе не свойственно желаніе разрушать то, что соединено разумно. Хотя вы, какъ получившіе начало, не можете быть безсмертными и неразрушимыми, однако никакимъ образомъ не разрушитесь, и никакія судьбы не погубятъ васъ посредствомъ смерти и не будутъ сильнѣе моего рѣшенія, которое составляетъ болѣе крѣпкую связь для вашего вѣчнаго существованія, чѣмъ тѣ связи, которыми вы были соединены при рожденіи. Такимъ образомъ Платонъ представляетъ боговъ хотя и смертными вслѣдствіе соединенія души и тѣла, но безсмертными по волѣ и рѣшенію сотворившаго ихъ Бога. Итакъ, если для души служить наказаніемъ быть соединенною съ какимъ либо тѣломъ: то почему Богъ, говоря къ опасаящимся умереть, то есть отдѣлиться отъ тѣла, успокаиваетъ ихъ, общая имъ безсмертіе не по природѣ ихъ, которая сложна, а не проста, по сво-

¹⁾ Платонъ въ Тимей.

ей непреодолимой волѣ, по которой Онъ можетъ содѣлать то, чтобы рожденное не умирало и соединенное не разрушалось, но пребывало нетлѣннымъ?

Справедливо ли это мнѣніе Платона въ примѣненіи къ звѣздамъ,—это другой вопросъ. Ибо изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы нужно было согласиться съ нимъ въ томъ, что тѣ шаровидныя или кругообразныя тѣла, сіяющія днемъ или ночью надъ землею, живутъ, имѣя свои собственныя нѣкотораго рода души, и притомъ—души разумныя и блаженныя; что онъ настойчиво утверждаетъ и относительно всего міра, составляющаго какъ бы одно громадное животное, въ которомъ заключаются всѣ прочія животныя. Это, какъ я сказалъ, другой вопросъ, который мы не намѣрены теперь разсматривать. Я призналъ нужнымъ только привести указанныя слова противъ тѣхъ, которые тщеславятся тѣмъ, что они—Платоники или называются Платониками, и гордясь этимъ именемъ, стыдятся быть христианами, чтобы, принявъ общее съ народомъ названіе не унижить общества палліатовъ ¹⁾, тѣмъ болѣе напыщеннаго, чѣмъ оно малочисленнѣе,—противъ тѣхъ, которые, ища въ христіанскомъ ученіи чего либо для порицанія, возстаютъ противъ вѣчности тѣлъ, указывая какъ бы взаимное противорѣчіе въ томъ, что мы стремимся къ блаженству души, и въ то же время желаемъ, чтобы она всегда оставалась въ тѣлѣ, какъ бы связанная тяжкими узами: между тѣмъ какъ ихъ же глава и учитель Платонъ говоритъ, что верховный Богъ далъ сотвореннымъ имъ богамъ, какъ даръ, то, чтобы они никогда не умирали, то есть никогда не отдѣлялись отъ тѣлъ, съ которыми Онъ соединилъ ихъ.

¹⁾ То есть философовъ, называвшихся такъ по имени плаща, паллія, который они носили. A. Gell. Noct. Attic. IX, 2.

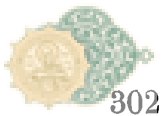

ГЛАВА XVII.

Противъ тѣхъ, кои утверждаютъ, что земныя тѣла не могутъ быть нетлѣнными и вѣчными.

Они утверждаютъ также, что земныя тѣла не могутъ быть вѣчными, между тѣмъ какъ всю вообще землю представляютъ членомъ своего Бога, хотя не верховнаго, но все же великаго, то есть всего этого міра,—членомъ срединнымъ и вѣчнымъ. Но если верховный Богъ создалъ имъ другаго ¹⁾, какъ они полагаютъ Бога, то есть этотъ міръ, который долженъ быть предпочитаемъ другимъ богамъ, низшимъ его, и котораго они признаютъ одушевленнымъ, то есть имѣющимъ разумную или обладающую умомъ душу, по ихъ мнѣнію, заключенную въ такую большую массу ея тѣла; и если въ видѣ членовъ этого тѣла, расположенныхъ и распредѣленныхъ по надлежащимъ мѣстамъ, Онъ сотворилъ четыре стихіи, соединеніе которыхъ они признаютъ неразрушимымъ и вѣчнымъ, чтобы когда либо не умеръ столь великій богъ ихъ: то почему земля, составляющая какъ бы срединный членъ въ тѣлѣ большаго животнаго, вѣчна, а тѣла другихъ земныхъ животныхъ не могутъ быть вѣчными, еслибы Богъ пожелалъ этого подобно вышеупомянутому? Но земля, говорятъ они, должна быть возвращена землѣ, изъ которой взяты земныя тѣла животныхъ: поэтому имъ необходимо разложиться и умереть, и такимъ образомъ возвратиться въ неизмѣнную и вѣчную землю, изъ которой были взяты. Но если бы кто нибудь подобнымъ же образомъ сталъ утверждать это и относительно огня, и сказалъ, что должны быть возвращены міровому огню и тѣ тѣла, которыя взяты изъ него, для сотворенія небесныхъ существъ: то безсмертіе, ко-

¹⁾ Plato in Timaeo.

торое такимъ богамъ общалъ Платонъ какъ бы словами верховнаго Бога, не онаятся ли противорѣчащимъ этому разсужденію? Или тамъ не бываетъ этого потому, что этого не хочетъ Богъ, волю котораго, какъ говоритъ Платонъ, не можетъ преодолѣть никакая сила? Но въ такомъ случаѣ что можетъ препятствовать Богу сдѣлать тоже самое и относительно земныхъ тѣлъ, когда Платонъ признаетъ, что Богъ можетъ сдѣлать, чтобы и родившееся не умирало, и соединенное не разрушалось, и взятое изъ элементовъ не возвращалось имъ, и души, находящіяся въ тѣлахъ, никогда не оставляли ихъ, но вмѣстѣ съ ними пользовались безсмертіемъ и вѣчнымъ блаженствомъ? Да и почему бы Онъ не могъ дать безсмертіе хотя бы и земнымъ тварямъ? Развѣ Богъ не настолько могущественъ, насколько вѣруютъ христіане, а настолько, насколько признаютъ то Платоники? Неужели Платоники могли познать совѣтъ Божій и Его могущество, а пророки не могли? Скорѣе наоборотъ, пророковъ Божиихъ Духъ Его научилъ, насколько благоволилъ, возвѣщенію воли Его, а философовъ обольщало въ познаніи ея человѣческое предположеніе.

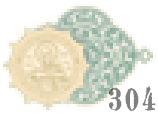
Но всеже они не должны были, не только по невѣжеству, но главное по упорству, обольщаться настолько, чтобы явно противорѣчить себѣ: съ большими натяжками стараться доказать, что душа, чтобы быть блаженною, должна избѣгать не только земнаго, но и всякаго тѣла; и въ тоже время утверждать, что боги имѣютъ души вполне блаженныя, и однако соединенныя съ вѣчными тѣлами, и что души боговъ небесныхъ соединены съ тѣлами огненными, а душа самаго Юпитера, котораго они признаютъ за этотъ міръ, заключена во всѣхъ вообще тѣлесныхъ стихіяхъ, посредствомъ которыхъ вся эта масса возвышается отъ земли до неба. Ибо Платонъ полагаетъ, что эта душа отъ внутренней середины земли, которую геометры называютъ центромъ, разливается

и распространяется чрезъ музыкальныя числа по всѣмъ частямъ ея до самыхъ высшихъ и крайнихъ частей неба; такъ что этотъ міръ представляетъ собою животное, величайшее, блаженнѣйшее и вѣчное, котораго душа и удерживаетъ совершенное счастье мудрости и не оставляетъ собственнаго тѣла; а тѣло и вѣчно живетъ ею, и не въ состояніи ее при-
туплять и ослаблять, хотя и не просто, а сложено изъ столькихъ и столь великихъ тѣлъ. Допуская это въ своихъ предположеніяхъ, почему они не хотятъ вѣрить, что въ силу божественной воли и могущества могутъ быть безсмертными земныя тѣла, въ которыхъ души, не отдѣленные отъ нихъ никакою смертію, не отягощаемы ихъ бременемъ жили бы вѣчно и блаженно; когда возможность этого они признаютъ для своихъ боговъ въ огненныхъ тѣлахъ, а для самаго царя ихъ, Юпитера, во всѣхъ тѣлесныхъ элементахъ? Вѣдь если душа, чтобы быть блаженною, должна избѣгать всякаго тѣла: то пусть бѣгутъ и боги ихъ съ звѣздныхъ шаровъ; пусть бѣжитъ и Юпитеръ съ неба и земли; а если бѣжать не могутъ, пусть считаются несчастными но ни съ тѣмъ, ни съ другимъ они не соглашаются. Они не рѣшаются приписать своимъ богамъ отдѣленіе отъ тѣлъ, чтобы не показалось, что поклоняются смертнымъ; но не смѣютъ отрицать въ нихъ и блаженства, чтобы не признать ихъ несчастными. Итакъ для достиженія блаженства должно избѣгать тѣлъ не всякихъ, а только тлѣнныхъ, обременяющихъ, тягостныхъ, смертныхъ,—не такихъ, какія создала благодѣтель Божій первымъ людямъ, а такихъ, до какихъ довело наказаніе за грѣхъ.

ГЛАВА XVIII.

О земныхъ тѣлахъ, которыя, по мнѣнію философовъ, не могутъ быть на небѣ, такъ какъ все земное естественною тяжестью притягивается-де къ землѣ.

Но необходимо, говорить, чтобы естественная тяжесть или удерживала земныя тѣла на землѣ, или влекла къ землѣ;

и потому-де они не могутъ быть на небѣ. Хотя первые люди находились на землѣ, обильной деревьями и плодами, получившей названіе рай; но такъ какъ и на это слѣдуетъ дать отвѣтъ, частію въ виду тѣла Христова, съ которымъ Онъ вознесся на небо, частію въ виду тѣлъ святыхъ, какія будутъ по воскресеніи: то рассмотримъ нѣсколько внимательнѣе самыя земныя тяжести. Если человѣческое искусство производить то, что сосуды изъ металловъ, которые, бывъ опущены въ воду, тотчасъ же погружаются внизъ, когда бываютъ устроены извѣстнымъ образомъ, могутъ даже плавать: то во сколько вѣроятіе и дѣйствительнѣе нѣкоторый таинственный способъ дѣйствія Бога, по волѣ котораго, какъ говоритъ Платонъ, не погибаетъ то, что получило начало, и не можетъ разрушаться соединенное (хотя гораздо болѣе достойно удивленія соединеніе безтѣлеснаго съ тѣлеснымъ, нежели соединеніе чего-либо тѣлеснаго съ тѣлеснымъ)—можетъ дать земнымъ массамъ способность не влечься никакою тяжестію внизъ; а самимъ душамъ, при полномъ блаженствѣ, помѣщать эти, хотя земныя, однако уже нетлѣнныя, тѣла тамъ, гдѣ захотятъ, и переносить туда, куда пожелаютъ, со всевозможною легкостію и подвижностію? Если ангелы дѣлаютъ это и уносятъ всякихъ земныхъ животныхъ откуда угодно и помѣщаютъ ихъ гдѣ угодно; то неужели слѣдуетъ думать, что для нихъ это невозможно безъ труда или что они чувствуютъ тяжесть? Итакъ почему мы не можемъ думать, что совершенные и блаженные по божественному дарованію духи могутъ переносить свои тѣла, куда захотятъ, и помѣщать ихъ тамъ, гдѣ пожелаютъ? Ибо хотя при ношеніи земныхъ тѣлъ мы обыкновенно испытываемъ тѣмъ большую тяжесть, чѣмъ больше ихъ количество; такъ что большее по вѣсу болѣе обременяетъ, нежели меньшее: однако душа съ большею легкостію носить члены своего тѣла тогда, когда они бываютъ здоровыми и крѣпкими, чѣмъ

тогда, когда они слабы и тощи. И хотя для другихъ, которыми случается нести здороваго и сильнаго, онъ бываетъ болѣе тяжелымъ, чѣмъ тощій и болѣзненный; однако самъ онъ легче движеть и перемѣщаетъ свое тѣло тогда, когда оно имѣетъ болѣе объема при хорошемъ здоровьѣ, нежели тогда, когда онъ имѣетъ очень мало силы вслѣдствіе болѣзни или голода. Такое имѣетъ значеніе въ отношеніи даже къ земнымъ тѣламъ, хотя еще тѣннымъ и смертнымъ, не въсь количества, а условія организациі. А кто можетъ выразить словами, какое различіе между настоящимъ такъ называемымъ здоровьемъ и будущимъ безсмертіемъ? Итакъ пусть философы не опровергають нашей вѣры, ссылаясь на тяжесть тѣлъ. Я не предложу имъ вопроса о томъ, почему они не вѣрятъ, что земное тѣло можетъ быть на небѣ, когда вся земля виситъ на ничемъ. Ибо возможно, что ихъ аргументація покажется болѣе вѣроятною въ отношеніи къ самой центральной части міра, такъ какъ въ ней сосредоточивается все болѣе тяжелое. Но и обращаю ихъ вниманіе на то, что если низшіе боги, которыми, по мнѣнію Платона, созданы между прочими земными животными человѣкъ, могли, какъ говорить Платонъ¹⁾, отнять у огня свойство жечь и оставить свойство свѣтитъ, которое дѣлаетъ его доступнымъ для глазъ: то неужели мы усумнимся допустить, что верховный Богъ можетъ уничтожить тѣніе въ тѣлѣ человѣка, которому Онъ даетъ безсмертіе, но оставитъ природу, удержатъ гармоническое соединеніе фигуры и членовъ, и устранить замедляющую тяжесть,—Богъ, котораго воля и могущество, чтобы объяснить безсмертіе, онъ усвоитъ такую силу, что получившее начало, и при такомъ различіи, и такомъ несходствѣ, каково между тѣлеснымъ и безтѣлеснымъ, взаимно соединенное, не можетъ быть ничѣмъ раздѣлено? Но о вѣрѣ

¹⁾ In Timaeo.

въ воскресеніе мертвыхъ и о безсмертныхъ тѣлахъ ихъ подробнѣ скажемъ, если Богу будетъ угодно, въ концѣ этого сочиненія.

ГЛАВА XIX.

Противъ ученія тѣхъ, кои не вѣрятъ, что люди были бы безсмертны, еслибы не согрѣшили.

Теперь же поговоримъ, какъ предположили о тѣлахъ первыхъ людей. Эта смерть, которая представляется доброю для добрыхъ, которая извѣстна не только немногимъ разумѣющимъ или вѣрующимъ, но всѣмъ, вслѣдствіе которой происходитъ отдѣленіе души отъ тѣла, и чрезъ которую тѣло живаго существа, очевидно жившее, очевидно умираетъ, — эта смерть не могла бы случиться съ ними, если бы они не заслужили ея чрезъ грѣхъ. Ибо хотя нельзя сомнѣваться, что души умершихъ праведниковъ и благочестивыхъ живутъ въ покоѣ; тѣмъ не менѣе для нихъ до такой степени было бы лучше жить вмѣстѣ съ своими тѣлами, при полномъ ихъ здоровьѣ, что даже тѣ, кои признаютъ во всѣхъ отношеніяхъ самымъ блаженнымъ безтѣлесное бытіе, опровергаютъ это мнѣніе свое противорѣчіемъ самимъ себѣ. Никто изъ нихъ не рѣшится людей мудрыхъ, имѣющихъ ли-то умереть, или уже умершихъ, то есть или отрѣшившихся отъ тѣлъ, или имѣющихъ отрѣшиться, поставить выше боговъ безсмертныхъ, которымъ у Платона верховный Богъ общаетъ, какъ великій даръ, неразрушимую жизнь, то есть вѣчное общеніе съ своими тѣлами. Тотъ же Платонъ полагаетъ, что съ людьми, если только они проводили эту жизнь благочестиво и справедливо, поступается прекрасно, что они, по отдѣленіи отъ тѣлъ ихъ, принимаются на лоно боговъ, никогда не оставляющихъ своихъ тѣлъ:

*Чтобы, забывъ прежнее, увидѣли небесный сводъ снова,
И начали снова желать въ тѣла возвратиться* ¹⁾).

Есть указанія, что Виргилій заимствовалъ это изъ Платона ученія. Дѣйствительно, онъ полагалъ, что души умершихъ съ одной стороны не могутъ всегда пребывать въ своихъ тѣлахъ, но отдѣляются отъ нихъ вслѣдствіе неизбѣжной смерти, а съ другой—не могутъ быть вѣчно и безъ тѣлъ, но, какъ думалъ онъ, непрерывно и попеременно то дѣлаются живыми изъ умершихъ, то умершими изъ живыхъ; такъ что мудрые повидимому отличаются отъ прочихъ людей тѣмъ, что послѣ смерти переселяются на звѣзды, чтобы каждый въ теченіе нѣкотораго времени покоился на соотвѣтствующей ему звѣздѣ, и затѣмъ, позабывъ о прежнихъ бѣдствіяхъ и побуждаемый желаніемъ имѣть тѣло, снова возвратился къ человѣческимъ трудамъ и несчастіямъ; а тѣ, кои прежде вели неразумную жизнь, возвращаются, соотвѣтственно ихъ заслугамъ, въ сродныя имъ тѣла людей или животныхъ. Такимъ образомъ въ это весьма тяжелое положеніе онъ ставитъ и души добрыя и мудрыя: потому что и имъ не даны такія тѣла, съ которыми онѣ могли бы жить вѣчно и безсмертно; такъ что онѣ не могутъ ни оставаться въ тѣлахъ, ни безъ нихъ пребывать въ вѣчной чистотѣ. Въ предшествовавшихъ книгахъ мы уже говорили ²⁾), что Порфирій, писавшій во времена христіанства, устыдился этого ученія Платона, и не только устранилъ отъ человѣческихъ душъ тѣла животныхъ, но даже полагалъ, что души мудрыхъ такъ освобождаются отъ тѣлесныхъ узъ, что, избѣгая всякаго тѣла, будутъ вѣчно пребывать блаженными у Отца. Такимъ образомъ, чтобы не показалось, будто онъ побѣжденъ Христомъ, общающимъ вѣчную жизнь святымъ,

¹⁾ Virg. Aen. VI, 750—751.

²⁾ Выше кн. 10, гл. XXX.

онъ и самъ призналъ, что очищенныя души, безъ всякаго возвращенія къ прежнимъ бѣдствіямъ, будутъ пребывать въ вѣчномъ блаженствѣ; а чтобы стать въ противорѣчіе съ Христомъ, онъ, отрицая воскресеніе нетлѣнныхъ тѣлъ, утверждалъ, что онѣ будутъ жить вѣчно не только безъ земныхъ, но и совершенно безъ всякихъ тѣлъ. И однако же, въ силу этого какого бы то ни было мнѣнія, онъ не предостерегъ ихъ ни однимъ словомъ относительно того, чтобы онѣ не совершали религіознаго культа богамъ, обличеннымъ въ тѣло. Почему это, если не потому, что онъ не признавалъ ихъ, хотя и не соединенныхъ съ тѣлами, лучшими въ сравненіи съ этими богами? Поэтому если они не рѣшатся,—а я полагаю, что они дѣйствительно не рѣшатся,—предпочесть человѣческія души богамъ, вполне блаженнымъ и однако же пребывающимъ въ вѣчныхъ тѣлахъ: то почему имъ кажется нелѣпнымъ то, что проповѣдуетъ христіанская вѣра, а именно—что и первые люди такъ были сотворены, что если бы не согрѣшили, то никакою смертію не были бы отдѣлены отъ своихъ тѣлъ, но одаренные за соблюденіе повиновенія безсмертіемъ, вѣчно жили бы вмѣстѣ съ ними; и святые по воскресеніи такими будутъ имѣть тѣже самыя тѣла, въ которыхъ они здѣсь подвизались, что ни ихъ плоть не будетъ испытывать какого либо тлѣнія или затрудненія, ни ихъ блаженство не будетъ подвергаться какой либо скорби или несчастію?

ГЛАВА XX.

О томъ, что плоть святыхъ, упокоивающаяся нынѣ въ надеждѣ, будетъ восстановлена съ лучшими свойствами, нежели какими обладала плоть первыхъ людей до грѣхонпаденія.

Въ настоящее время для душъ умершихъ святыхъ смерть, которою они отдѣляются отъ своихъ тѣлъ, потому

не тяжба, что плоть ихъ упокоивается въ надеждѣ, какому бы она, не имѣя уже чувства, поношенію повидимому ни подвергалась. Они желаютъ тѣлъ, но не вслѣдствіе забвенія, какъ полагалъ Платонъ, помня то, что обѣщано имъ тѣмъ, Кто никого не обманываетъ, Кто далъ имъ увѣренность даже въ цѣлости ихъ волосъ (Лук. XXI, 18), они скорѣе съ преданностію и терпѣніемъ ожидаютъ воскресенія тѣхъ самыхъ тѣлъ, въ которыхъ они претерпѣли много несчастій, но въ которыхъ не будутъ болѣе испытывать ничего подобнаго. Если они не питали ненависти къ плоти своей (Ефес. V, 29) тогда, когда по требованію духа обуздывали ее, не покорявшуюся по своей немощи разуму: то во сколько болѣе любятъ ее теперь, имѣющую быть духовною? Ибо какъ духъ, служащій плоти, прилично называется плотскимъ, такъ и плоть, служащая духу, справедливо называется духовною,—не потому, чтобы она превратилась въ духъ, какъ полагаютъ нѣкоторые на основаніи написаннаго: *Смется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное* (1 Кор. XV, 44), но потому, что она съ величайшею и необычайною легкостію отдаетъ себя въ подчиненіе духу по безмятежному желанію неразрушимаго безсмертія, бывъ освобождена отъ всякаго скорбнаго чувства, всякой тѣнноти и косности. Ибо она не будетъ не только такою, какою бываетъ теперь даже при самомъ лучшемъ состояніи здоровья, но даже и такою, какою была въ первыхъ людяхъ до грѣхопаденія. Хотя они и не умерли бы, если бы не согрѣшили; тѣмъ не менѣе, какъ люди, они пользовались нищею, потому что имѣли пока не духовныя, а одушевленные земныя тѣла. Тѣла эти не одряхлѣли бы отъ старости, и не приблизились бы по необходимости къ смерти (это состояніе поддерживала въ нихъ чудная благодать Божія въ видѣ древа жизни, стоявшаго посреди рая вмѣстѣ съ запрещеннымъ деревомъ); однако же они принимали и другую пищу, кромѣ одного дерева,

которое было запрещено,—запрещено не потому, чтобы само оно было зломъ, а ради внушенія имъ чистаго и искренняго повиновенія, которое составляетъ великую добродѣтель въ разумной твари, находящейся подъ властію Творца и Господа. Ибо если касаются запрещеннаго тамъ, гдѣ нѣтъ никакого зла, то грѣхъ совершается вслѣдствіе одного только непослушанія. Итакъ, они имѣли и другую пищу, которую принимали для того, чтобы душевныя тѣла ихъ не чувствовали чего либо тягостнаго вслѣдствіе голода и жажды; отъ древа же жизни вкушали для того, чтобы не проникла къ нимъ откуда либо смерть, или чтобы не погибли они, удрученные по истеченіи извѣстнаго времени старостію. Прочее служило имъ пищею, а это таинствомъ; такъ что древо жизни представляется имѣвшимъ въ тѣлесномъ раю тоже значеніе, какое въ духовномъ, то есть мысленномъ раю имѣетъ Премудрость Божія, о которой написано: *Древо живота есть всѣмъ держащимся ея* (Притч. Сол. III, 18).

ГЛАВА XXI.

О томъ, что рай, въ которомъ жили первые люди, правильно можно понимать въ духовномъ смыслѣ, не нарушая истины историческаго повѣствованія о тѣлесномъ мѣстѣ.

Въ виду этого нѣкоторые весь этотъ рай, въ которомъ, по несомнѣнному свидѣтельству Св. Писанія, обитали первые люди, прародители рода человѣческаго, относятъ только къ числу предметовъ мысленныхъ и превращаютъ упомянутыя растенія и плодоносныя деревья въ добродѣтели жизни и въ нравы; такъ какъ бы это не было видимымъ и тѣлеснымъ, но было сказано или написано для обозначенія этимъ того, что постигается лишь умомъ. Но развѣ рай не могъ быть тѣлеснымъ, хотя бы подъ нимъ можно было разумѣть и духовный? Развѣ у Авраама не было двухъ женъ, Агари и Сары, и двухъ сыновей отъ нихъ, одного отъ рабы, а дру-

гаго отъ свободной; хотя, какъ говоритъ апостолъ (Гал. IV, 24), они были образомъ двухъ завѣтовъ? Или Моисей, на-примѣръ, ни изъ какого камня не изводилъ посредствомъ удара воду (Исх. XVII, 6; Числ. XX, 11), потому что здѣсь въ иносказательномъ смыслѣ можно разумѣть Христа, по словамъ того же апостола: *камень же бѣ Христосъ* (1 Кор. X, 4)? Итакъ никто не мѣшаетъ разумѣть подъ раемъ жизнь блаженныхъ; подъ четырьмя его рѣками—четыре добродѣтели: мудрость, мужество, умѣренность и справедливость, подъ деревьями его—все полезныя ученія; подъ плодами деревьевъ—нравы благочестивыхъ; подъ древомъ жизни—самую мать всехъ благъ, мудрость, и подъ древомъ познанія добра и зла—опытъ нарушенія заповѣди. Ибо Богъ назначилъ грѣшникамъ наказаніе во всехъ отношеніяхъ какое слѣдуетъ, потому что назначилъ его справедливо; только человѣкъ испыталъ его не ко благу своему. Можно понимать это же самое и примѣнительно къ Церкви, принимая это пожалуй за своего рода предварительныя пророческія указанія будущаго. Такъ подъ раемъ можемъ разумѣть самую Церковь, какъ о ней говорится въ Пѣсни Пѣсней (IV, 13); подъ четырьмя райскими рѣками—четыре Евангелія; подъ плодоносными деревьями—святыхъ, а подъ ихъ плодами—дѣла ихъ; подъ древомъ жизни—Святаго святыхъ, то есть Христа; подъ древомъ познанія добра и зла—личный произволъ воли. Ибо, если человѣкъ пренебрегаетъ божественною волею, то и самимъ собою располагать можетъ не иначе, какъ только гибельнымъ образомъ; и такимъ путемъ узнаеть разность между тѣмъ, предавъ ли онъ общему для всехъ благу, или находитъ удовольствіе въ своемъ собственномъ. Ибо самолюбивый предоставляется себѣ самому, чтобы, исполнившись влѣдствіе этого страха и скорби, онъ пѣлъ по Псалму (если впрочемъ сознаеть свои несчастія): *Бо мнѣ самому душа моя смятется* (Псал. 41, 7); а ког-

да исправится уже, говорить: *Державу мою къ Тебѣ сохранию* (Псал. LVIII, 10). Пусть относительно духовнаго пониманія рая говорить это или что либо другое, болѣе примѣнимое, что могутъ сказать: этого никто не запрещаетъ; лишь бы только сохранялась при этомъ вѣра въ историческую подлинность самаго достовѣрнаго повѣствованія о томъ, что было.

ГЛАВА XXII.

О тѣлахъ святыхъ послѣ воскресенія, которыя будутъ духовными, но такъ, что плоть не превратится въ духъ.

Итакъ тѣла праведныхъ, которыя они получаютъ при воскресеніи, не будутъ нуждаться ни въ какомъ деревѣ, и потому не наживутъ никакой болѣзни или старости, и не умрутъ; не будутъ нуждаться и ни въ какой другой тѣлесной пищѣ, устраняющей непріятное чувство голода и жажды: потому что несомнѣнно и всецѣло облекутся въ ненарушимый даръ безсмертія, такъ что если захотятъ, то будутъ употреблять пищу вслѣдствіе возможности, а не вслѣдствіе необходимости. Это дѣлали и ангелы, когда являлись видимымъ и осязаемымъ образомъ людямъ,—не потому, чтобы нуждались, а потому, что хотѣли и могли, чтобы стать ближе къ людямъ по нѣкоторому чувству челоуѣколюбія при исполненіи своего служенія. Ибо не слѣдуетъ думать, будто ангелы призрачно употребляли пищу, когда люди оказывали имъ гостепріимство (Быт. гл. XVIII); хотя не знающимъ того, что это были ангелы, казалось, что они ѣли вслѣдствіе такой же потребности, каковую имѣемъ и мы. Поэтому ангелъ въ книгѣ Товита говоритъ: «Вы видѣли, что я ѣлъ, но видѣли на свой взглядъ (Тов. XII, 19)», то есть: „Вы полагали, что я принималъ пищу вслѣдствіе необходимости для подкрѣпленія тѣла, подобно тому, какъ вы это дѣлаете“. Но

если относительно ангеловъ и можно предполагать что либо другое, болѣе вѣроятное; то по крайней мѣрѣ относительно самаго Спасителя вѣра христіанская не сомнѣвается въ томъ, что Онъ и по воскресеніи, будучи уже хотя въ духовной, однако въ истинной плоти, принималъ вмѣстѣ съ учениками пищу и питье (Лук. гл. XXIV). Ибо у такихъ тѣлъ отнимается не возможность, а потребность въ пищѣ и питьѣ. Поэтому они и духовными будутъ не потому, что перестанутъ быть тѣлами, а потому что будутъ существовать оживотворяемыя духомъ.

ГЛАВА XXIII.

Что слѣдуетъ понимать подъ тѣломъ душевнымъ и тѣломъ духовнымъ, или кто умирающіе въ Адама и кто оживотворяемые во Христѣ.

Ибо какъ тѣ тѣла, которыя имѣютъ душу живую, а не духъ животворящій, называются тѣлами душевными, и однако это не души, а тѣла: такъ и онѣя тѣла называются духовными, и однако мы должны быть далеки отъ признанія ихъ за духовъ. Эти тѣла будутъ имѣть природу, свойственную плоти, хотя, оживотворяемыя духомъ, и не будутъ подвергаться никакой тѣлности и тѣлесному тлѣнію. Человѣкъ тогда будетъ уже не земнымъ, а небеснымъ,—не потому, что тѣло, созданное изъ земли, не будетъ тѣмъ же самымъ, а потому, что оно, по небесному дарованію, будетъ уже такимъ, что будетъ способно жить и на небѣ, вслѣдствіе не утраты своей природы, а измѣненія свойства. *Первый человекъ отъ земли перстень бысть въ душу живу, а не въ духъ животворящій* (1 Кор. XV, 45, 47); послѣднее оставлялось ему на будущее, въ воздаяніе за повиновеніе. Поэтому тѣло его, которое нуждалось въ пищѣ и питьѣ, чтобы не быть изнуреннымъ посредствомъ голода и жажды,

и не чрезъ совершенное и нетлѣнное безсмертіе, а чрезъ древо жизни не допускалось до необходимости смерти и пребывало въ цвѣтущей юности, было, безъ сомнѣнія, не духовнымъ, а душевнымъ; хотя оно и не умерло бы, если бы чрезъ преступленіе не подпало предупреждавшему и угрожающему божественному приговору. И если бы ему дозволена была пища и внѣ рая, но запрещено было древо жизни, онъ былъ бы преданъ времени и долженъ былъ бы покончить старостію, но живя тою же жизнію, которую онъ могъ бы имѣть въ раю, если бы не согрѣшилъ, вѣчною, не смотря на то, что у него было душевное тѣло, пока не сдѣлалось бы духовнымъ въ воздаяніе за повиновеніе. Поэтому, если въ сказанныхъ Богомъ словахъ: *Въ онъже день снѣте отъ него, смертію умрете* (Быт. II, 17), мы будемъ разумѣть вмѣстѣ и эту явную смерть, вслѣдствіе которой происходитъ отдѣленіе души отъ тѣла; и въ такомъ случаѣ не должно казаться страннымъ, что они не были отдѣлены отъ тѣла въ тотъ же самый день, въ который вкусили запрещенной и смертоносной пищи. Въ тотъ день измѣнилась къ худшему и повредила ихъ природа, и вслѣдствіе вполне справедливаго удаленія отъ древа жизни, сдѣлалась и тѣлесная смерть для нихъ такою необходимостію, съ какою необходимостію и мы родились. Поэтому апостолъ не говорить: „Плоть имѣетъ умереть по причинѣ грѣха“, но говорить: *Плоть убо мертва грѣха ради; духъ же живетъ правды ради* (Рим. VIII, 10). Затѣмъ онъ прибавляетъ: *Аще ли же духъ воскресившаго Іисуса отъ мертвыхъ живетъ въ васъ, воздвигий Христа изъ мертвыхъ оживотворитъ и мертвенная тѣла ваша, живущимъ Духомъ Его въ васъ* (тамъ же, ст. 11). Слѣдовательно тогда будетъ *въ духъ животворящъ* то тѣло, которое теперь — *въ душу живу*. Тѣмъ не менѣе Апостолъ называетъ его мертвымъ, потому что оно уже связано необходимостію смерти. Прежде же оно

было хотя и не въ *духъ животворящъ*, но въ *душу живу* такъ, что по справедливости не могло быть названо мертвымъ, потому что могло подвергнуться необходимости смерти лишь чрезъ совершеніе грѣха. Когда же Богъ словами: *Адаме, гдѣ еси* (Быт. III, 9), указалъ на смерть души, совершившуюся вслѣдствіе оставленія Его, и словами: *Земля еси и въ землю отъидеши* (Быт. III 19), обозначилъ смерть тѣла, совершающуюся вслѣдствіе оставленія его душою: то потому вѣроятно ничего не сказалъ о второй смерти, что восхотѣлъ, чтобы она была сокрытою ради домостроительства Новаго Завѣта, въ которомъ о второй смерти возвѣщается съ полною ясностію; такъ что первоначально дѣлается извѣстною та первая смерть, которая обща для всѣхъ, какъ происшедшая изъ того грѣха, который въ одномъ сдѣлался общимъ для всѣхъ; вторая же смерть вовсе не есть общая для всѣхъ, по причинѣ призванныхъ по предвѣднію: *Ихъ же бо предувѣдъ, тѣхъ и представи*, говоритъ апостолъ, *сообразныхъ быти образу Сына Своего, яко быти Ему первородну во многихъ братіяхъ* (Рим. VIII, 28, 29). Послѣднихъ отъ второй смерти избавила чрезъ Ходатая Божія благодать.

Итакъ первый человѣкъ былъ созданъ, какъ говоритъ апостолъ, съ душевнымъ тѣломъ. Ибо желая отличить теперешнее, душевное, отъ имѣющаго быть по воскресеніи духовнаго, онъ говоритъ: *Снется въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи; снется не въ честь, востаетъ въ славу; снется въ немощи, востаетъ въ силу; снется тѣло душевное, востаетъ тѣло духовное* (1 Кор. XV, 42—44). Потомъ чтобы доказать это, продолжаетъ: *Есть тѣло душевное, и есть тѣло духовное*. А чтобы показать, что такое тѣло душевное, онъ говоритъ: *Тако и писано есть: бысть первый человекъ въ душу живу* (1 Кор. XV, 45; см. Быт. II, 7). Такъ Апостолъ хотѣлъ объяснить, что такое тѣло душевное. Хотя о первомъ человѣкѣ, который былъ названъ Адамомъ,

Писаніе, когда ему божественнымъ дуновеніемъ была сотворена душа, и не сказало: „Бысть человѣкъ въ тѣло душевное“, но сказало: *Бысть первый человекъ въ душу живу* (1 Кор. XV, 45); тѣмъ не менѣе въ написанномъ: *Бысть первый человекъ въ душу живу*, Апостолъ хотѣлъ разумѣть душевное тѣло человѣка. А какъ нужно понимать духовное тѣло, онъ показываетъ, прибавляя: *Послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ* (1 Кор. XV, 46). Безъ всякаго сомнѣнія онъ указываетъ этимъ на Христа, который такъ уже воскресъ изъ мертвыхъ, что послѣ того совершенно не можетъ умереть. Продолжая далѣе, Онъ говоритъ: *Но не прежде духовное, но душевное, потомъ же духовное*. Здѣсь онъ гораздо яснѣе даетъ понять, что подъ тѣломъ душевнымъ давалъ разумѣть то, о которомъ написано, что *бысть первый человекъ въ душу живу*; подъ духовнымъ же то, о которомъ говоритъ: *Послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ*. Ибо по времени предшествуетъ то тѣло душевное, какое имѣлъ первый человекъ (хотя оно и не умерло бы, если бы онъ не согрѣшилъ); какое имѣемъ въ настоящее время и мы, съ природою настолько измѣненною и поврежденною, насколько совершилось это въ немъ, послѣ того какъ онъ согрѣшилъ (откуда и возникла для него необходимость смерти); какое первоначально благоволилъ принять ради насъ и Христосъ, хотя не по необходимости, а по своей властной волѣ: потомъ уже слѣдуетъ то тѣло духовное, какое уже предварило во Христѣ, какъ въ главѣ нашей, но явится потомъ и въ членахъ Его при послѣднемъ воскресеніи мертвыхъ.

Далѣе апостолъ указываетъ новое наиболѣе очевидное различіе между тѣмъ и другимъ человекомъ, говоря: *Первый человекъ отъ земли перстенъ, второй человекъ съ небесе небесный. Яковъ перстенъ, таковы и перстніи, и яковъ небесный, тацы же и небесніи. И якоже облекхомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ небеснаго* (1

Бор. XV, 47—49). Въ данныхъ словахъ Апостолъ излагаетъ это такъ, какъ оно въ настоящее время совершается въ насъ чрезъ таинство возрожденія; подобно тому, какъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. III, 27): на самомъ же дѣлѣ совершится тогда, когда душевное въ насъ чрезъ рожденіе сдѣлается духовнымъ чрезъ воскресеніе. Ибо, — чтобы употребить его же слова, — *упованіемъ спасохомся* (Рим. VIII, 24). Облекаемся же мы во образъ перстнаго человѣка вслѣдствіе распложенія преступленія и смерти, которую намъ дало рожденіе; но облекаемся во образъ небснаго человѣка по благодати помилованія и жизни вѣчной. Это дается намъ возрожденіемъ, и только чрезъ Ходатая Бога и человѣковъ, человѣка Іисуса Христа (1 Тим. II, 5). Его онъ разумѣетъ подъ небснымъ человѣкомъ, потому что Онъ сошелъ съ неба, чтобы облечься въ тѣло земной смертности и чтобы облечь оное въ небсное безсмертіе. Небсными же онъ потому называетъ и другихъ, что по благодати они бываютъ членами Его, чтобы Христосъ былъ съ ними едино, какъ глава и тѣло. Это еще очевидно онъ указываетъ въ томъ же посланіи слѣдующими словами: *Человѣкомъ смерть бысть, и человѣкомъ воскресеніе мертвыхъ. Якоже бо о Адамъ вси умираютъ, такожде и о Христѣ вси оживутъ* (1 Кор. XV, 21, 22), — оживутъ, конечно, уже въ тѣлѣ духовномъ, которое будетъ *въ духъ животворящъ*. Выраженіе: *вси* не значитъ, что всѣ, умирающіе въ Адамѣ, будутъ членами Христа: потому что гораздо большее число ихъ будетъ наказано второю смертію на вѣки; но потому сказано *вси* и *вси*, что какъ тѣломъ душевнымъ никто не умираетъ иначе, какъ только въ Адамѣ, такъ и тѣломъ духовнымъ никто не оживотворяется иначе, какъ только во Христѣ. Поэтому никакъ не слѣдуетъ думать, что мы по воскресеніи будемъ имѣть такое тѣло, какое имѣлъ первый человѣкъ до грѣхопаденія. И

сказанное: *Яковъ перстный, таковы и перстныи*, не слѣдуетъ понимать примѣнительно къ тому, что сдѣлалось по совершеніи грѣха. Ибо не должно думать, что онъ, прежде нежели согрѣшилъ, имѣлъ духовное тѣло и что вслѣдствіе грѣха оно измѣнилось въ душевное. Думать такъ значитъ мало обращать вниманія на слова этого великаго учителя, который говоритъ: *Есть тѣло душевное и есть тѣло духовное; тако и писано есть: бысть первый человекъ Адамъ въ душу живу* (ст. 44, 45). Какимъ образомъ это совершилось послѣ грѣхопаденія, когда таково было первоначальное состояніе человѣка, относительно котораго блаженнѣйшій апостолъ привелъ это свидѣтельство Закона, для доказательства, что тѣло было душевное?

ГЛАВА XXIV.

Какъ нужно понимать то дуновение, посредствомъ котораго бысть человекъ въ душу живу, и то, которое совершилъ Господь говоря: примите Духъ Святъ.

Нѣкоторые необдуманно понимали и слова: *Богъ вдуну въ лице его дыханіе* (духъ—*spiritum*) *жизни, и бысть человекъ въ душу живу* (Быт. II, 7), не въ томъ смыслѣ, что тогда впервые дана была душа человѣку, а въ томъ, что уже бывшая въ немъ душа оживотворена Духомъ Святымъ. Ихъ смущаетъ то, что Господь Иисусъ, послѣ воскресенія изъ мертвыхъ, дунулъ, говоря ученикамъ Своимъ: *Примите Духъ Святъ* (Іоанн. XX, 22). Поэтому они полагаютъ, что и здѣсь было нѣчто подобное тому, что было и тогда, и что Евангелистъ вслѣдъ за тѣмъ могъ бы сказать: «И стали они въ душу живу». Но если бы даже и такъ было сказано, мы и тогда поняли бы это въ томъ смыслѣ, что Духъ Божій нѣкоторымъ образомъ служить жизнию для душъ, и что безъ Него разумныя души должны

считаться мертвыми, хотя присутствіемъ ихъ и представляются живущими тѣла. Но не такъ было при сотвореніи человѣка, о чемъ свидѣлствуютъ самыя слова книги, которыя читаются такъ: И образовалъ (*formavit*) Богъ человека, персть отъ земли (Быт. II, 7). Нѣкоторые, признавая необходимымъ болѣе ясный переводъ, выразили это такъ: «И слѣпилъ (*finxit*) Богъ человѣка изъ грязи земной». Такъ какъ выше было сказано: *Источникъ же исхождаше изъ земли и напояше все лице земли* (ст. 6): то имъ казалось, что здѣсь слѣдуетъ разумѣть грязь, то есть смѣшеніе влаги и земли. Ибо непосредственно послѣ этихъ словъ слѣдуетъ: И образовалъ (*formavit*) Богъ человека, персть отъ земли. Такъ читается это мѣсто въ греческихъ кодексахъ, съ которыхъ Писаніе переведено на латинскій языкъ. Но захочетъ ли кто читать: *образовалъ или слѣпилъ*, что по гречески называется *ἐπλασε*,—это къ существу дѣла не относится; хотя болѣе точно говорится *слѣпилъ*. Считавшіе же нужнымъ избѣжать двусмысленности предпочли выраженіе: *образовалъ*; потому что въ латинскомъ языкѣ слово *слѣпилъ* (*finxere*) употребляется большею частію въ примѣненіи къ тѣмъ, которые вымышляютъ что-либо ложное. Итакъ этотъ человѣкъ, образованный изъ праха земнаго или изъ грязи (ибо это былъ влажный прахъ), или—чтобы сказать выразительнѣе, какъ сказала Писаніе—эта *персть отъ земли* стала, по ученію апостола, тѣломъ душевнымъ, когда получила душу. И бысть человекъ тотъ въ душу живу (1 Кор. XV, 15), то есть: получившій извѣстную форму прахъ сталъ душою живою.

Говорятъ, что онъ уже имѣлъ душу; потому что иначе онъ не былъ бы названъ человѣкомъ, такъ какъ человѣкъ не есть одно тѣло или одна душа, но состоитъ изъ души и тѣла. То вѣрно, что душа не составляетъ всего человѣка, а лучшую часть человѣка, и тѣло не составляетъ всего чело-

вѣка, а низшую часть человѣка; когда же то и другое бываетъ соединено вмѣстѣ, называется человѣкомъ. Но дается это названіе и отдѣльнымъ частямъ, когда мы говоримъ о каждой изъ нихъ особо. Развѣ законы обыденной рѣчи за-прещаютъ кому нибудь говорить: «Человѣкъ этотъ померъ и теперь упокоился или терпитъ наказанія», хотя это можно сказать только объ одной душѣ; или: «Человѣкъ этотъ погребенъ въ томъ или другомъ мѣстѣ», хотя это можетъ разумѣться только относительно тѣла? Не скажутъ ли, что Священное Писаніе не имѣетъ обыкновенія говорить такъ? Но свидѣтельства его въ этомъ отношеніи на нашей сторонѣ до такой степени, что, когда объ части еще соединены и человѣкъ живетъ, оно тѣмъ не менѣе каждую часть отдѣльно называетъ именемъ человѣка: душу называетъ человѣкомъ внутреннимъ, а тѣло—человѣкомъ вѣншнимъ (1 Кор. IV, 16), такъ какъ бы было два человѣка; хотя то и другое вмѣстѣ составляетъ человѣка одного. Но когда говорится, что человѣкъ созданъ по образу Божію, и что онъ земля и имѣетъ возвратиться въ землю,—нужно принимать въ соображеніе, относительно чего это говорится. Въ первомъ случаѣ говорится относительно разумной души, какую Богъ посредствомъ вдыханія или точнѣе сказать—вдуванія далъ человѣку, то есть тѣлу человѣка; во второмъ же относительно тѣла въ томъ видѣ, въ какомъ Богъ создалъ человѣка изъ праха, далъ ему душу, чтобы было тѣло душевное, то есть чтобы былъ человѣкъ въ душу живу.

Поэтому, когда Господь дунулъ, говоря: *Примите Духъ Святъ* (Іоанн. XX, 22), этимъ дѣйствіемъ Онъ, конечно, далъ понять, что Духъ Святый есть Духъ не только Отца, но и самаго Единороднаго. Ибо тотъ же самый Духъ есть Духъ и Отца и Сына, вмѣстѣ съ которымъ составляется Троица: Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, и который есть не тварь, а Творецъ. Не тѣлесное дуновеніе, которое

исходить изъ тѣлесныхъ устъ, было субстанціею и природою Духа Святаго; дуновение это было знакомъ, по которому мы, какъ я сказалъ, должны были понять, что Духъ Святый есть общій Отцу и Сыну, потому что не у каждаго изъ Нихъ особый Духъ, но одинъ у обоихъ. Духъ этотъ въ Священныхъ Писаніяхъ всегда называется погречески именемъ *πνεῦμα*, какъ и въ этомъ мѣстѣ названъ Его Господь, когда, обозначая Его дуновеніемъ тѣлесныхъ устъ Своихъ, далъ Его Своимъ ученикамъ. Ни въ какихъ мѣстахъ божественныхъ Писаній я никогда не встрѣчалъ, чтобы Онъ назывался иначе. Здѣсь же, гдѣ читается: *И созда Богъ человека персть отъ земли, и вдунуль или вдохнуль въ лице его дыханіе (spiritum) жизни* (Быт. II, 7), въ греческомъ не говорится *πνεῦμα*, какъ обыкновенно говорится о Духѣ Святомъ, но *πνοή*,—названіе обыкновенно употребляемое въ отношеніи къ твари, а не къ Творцу. Поэтому и нѣкоторые изъ латинянъ сочли лучшимъ для различія переводить это слово не духъ (*spiritus*), а дыханіе (*flatus*). Слово это стоять по греческому тексту и въ томъ мѣстѣ Исаи, гдѣ Богъ говоритъ: *Всякое дыханіе Азъ сотворюхъ* (Ис. LVII, 16), означая, безъ сомнѣнія, всякую душу. Итакъ то, что по гречески называется *πνοή*, наши иногда переводили дыханіе (*flatus*), иногда духъ (*spiritus*) иногда вдохновеніе или дуновение (*inspiratio vel aspiratio*), хотя говорилось и о дѣйствиіи Божіемъ; *πνεῦμα* же всегда переводили только духъ (*spiritus*),—шла ли рѣчь о духѣ человека, о которомъ апостолъ говоритъ: *Кто бо вѣсть отъ человекъ, яже въ человекѣ, точию духъ человека, живущій въ немъ* (1 Кор. II, 11); или о духѣ скота, какъ написано въ книгѣ Соломона: *Кто вѣсть духъ сыновъ человеческихъ, аще той восходитъ гортъ, и духъ скотскій, аще низходитъ той долу въ землю* (Еккл. III, 21)? Или о томъ тѣлесномъ духѣ, который называется также вѣтромъ: ибо это названіе прилагается и къ нему,

когда въ Псалмѣ поется: *Огнь, градъ, сныгъ, голодъ, духъ буренъ* (Псал. СXLVIII, 8); или даже о Духѣ не сотворенномъ, а Творцѣ, каковъ тотъ, о которомъ Господь говоритъ въ Евангеліи: *Примите Духъ Святъ* (Іоанн. XX, 22), обозначая Его дуновеніемъ Своихъ тѣлесныхъ устъ. Равно и въ томъ мѣстѣ, въ которомъ Онъ говоритъ: *Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Матѣ. XXVІІІ, 19), гдѣ преимущественно и яснѣйшимъ образомъ свидѣтельствуется о Троицѣ. Также тамъ, гдѣ говорится: *Духъ есть Богъ* (Іоанн. IV, 24), и въ другихъ весьма многихъ мѣстахъ Священныхъ Писаній. Во всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ Писаній мы находимъ у грековъ не *πνεῦμα*, а *πνεῦμα*; а у латинянъ не *flatus* (дыханіе), а *spiritus* (духъ). Поэтому, если бы въ словахъ Писанія: *вдохнулъ или, если слѣдуетъ сказать точнѣе—вдуу въ лице его дыханіе жизни* (Быт. II, 7), греческій текстъ имѣлъ не *πνεῦμα*, какъ тамъ читается, а *πνεῦμα*; то и въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы, что мы должны непременно разумѣть Духъ Творца, который собственно называется Духомъ Святымъ въ числѣ лицъ Троицы: потому что *πνεῦμα*, какъ сказано, употребляется часто не только въ рѣчи о Троицѣ, но и о твари.

Но говорятъ, что сказавъ *дыханіе* (духъ), оно не прибавило бы *жизни*, если бы не разумѣлся Духъ Святый. И сказавъ: *Бысть человекъ въ душу*, оно не прибавило бы *живу*, если бы не хотѣло означить жизнь души, которая дается ей свыше, по дару Духа Божія. Такъ какъ душа живетъ свойственнымъ ей образомъ жизни, то для чего, говорятъ, нужно было прибавлять: *живу*, если не для обозначенія той жизни, которая дается ей Духомъ Святымъ? Но что это, какъ не упорная настойчивость на человѣческомъ предположеніи и небрежное невниманіе къ Священнымъ Писаніямъ? Развѣ большой былъ трудъ, не ходя далеко, въ той

же самой книгѣ, только немного выше, прочитать: *Да изведетъ земля душу живу* (Быт. 1, 24), когда творились всѣ земныя животныя? Затѣмъ, черезъ нѣсколько страницъ, развѣ трудно было въ той же самой книгѣ обратить вниманіе на слова: *И вся елика имутъ дыханіе (духъ) жизни, и все, еже бѣ на суши, умре* (Быт. VII, 22), при повѣствованіи о томъ, что все жившее на землѣ погибло отъ потопа? Итакъ, если *душу живу* и *дыханіе (духъ) жизни*, какъ приняло это называть Священное Писаніе, мы находимъ и въ скотахъ; и если въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится: *Вся елика имутъ дыханіе (духъ) жизни*, въ греческомъ текстѣ стоитъ не *πνεῦμα*, а *πνοή*; то почему же мы не говоримъ: Зачѣмъ нужно было прибавлять *живу*, если душа не можетъ быть неживущею; или зачѣмъ нужно было прибавлять *жизни*, когда сказано: *дыханіе (духъ)*? На этотъ разъ мы понимаемъ, что Священное Писаніе употребляетъ этотъ оборотъ, какъ обычный ему, когда оно хочетъ представить существа живыми, то есть одушевленными тѣлами, которымъ чрезъ душу присуще очевидное тѣлесное чувство. При созданіи же человѣка мы забываемъ принятый Писаніемъ образъ выраженія, хотя оно говоритъ на этотъ разъ вполне обычнымъ ему языкомъ. Говоря такъ, оно внушаетъ, что человѣкъ, хотя получилъ и разумную душу, (которую оно представляетъ не произведенною подобно другимъ тѣлеснымъ тварямъ изъ воды и земли, но сотворенною дуновеніемъ Божиимъ), такъ однако же былъ сотворенъ, что онъ въ тѣлѣ душевномъ, получающемъ это свойство отъ живущей въ немъ души, жилъ подобно тѣмъ самымъ животнымъ, о которыхъ сказано: *Да изведетъ земля душу живу*, и которыя, какъ оно тамъ же говоритъ, имѣли въ себѣ дыханіе (духъ) жизни (гдѣ въ греческомъ также употребило не *πνεῦμα*, а *πνοή*, обозначая этимъ словомъ не Духа Святаго, а душу ихъ).

Но, говорятъ, дуновение Божіе представляется испе-
шимъ изъ устъ Божіихъ; если мы признаемъ его за душу:
то естественно должны будемъ признать, что она одной и
той же природы и равна съ тою Премудростію, которая гово-
ритъ: *Азъ изъ устъ Вышняго изыдохъ* (Сир. XXIV, 3). Но
Премудрость не сказала, что она была дуновеніемъ устъ
Божіихъ, а: вышла изъ устъ Его. Какъ мы, когда дуемъ,
можемъ сдѣлать дуновение не изъ своей природы, которая
отличаетъ насъ, какъ людей, а изъ окружающаго насъ воз-
духа, который мы вдыхаемъ и выдыхаемъ: такъ и всемо-
гущій Богъ не изъ своей природы и не изъ подчиненной
твари, но даже изъ ничего могъ произвести дуновение, кото-
рое, какъ вполнѣ сообразно сказано, Онъ, влагая, вдохнулъ
или вдунулъ, — безтѣлесный безтѣлесное, но неизмѣнный,
какъ несотворенный, измѣняемое, какъ сотворенное. Но что-
бы эти люди, которые хотятъ говорить о Писаніяхъ, но не
обращаютъ вниманія на выраженія Писаній, знали, что не
о томъ только говорится, какъ объ исходящемъ изъ устъ
Божіихъ, что одной и той же природы, пусть послушаютъ
или прочитаютъ то, что написано со словъ Божіихъ: *Поне-
же обуморенъ еси, и ни теплъ, ни студенъ, излевати
тя отъ устъ Моихъ имамъ* (Апок. III, 16).

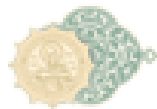
Итакъ нѣтъ никакого основанія, почему бы мы стали
противорѣчить вполнѣ яснымъ словамъ Апостола, когда онъ,
отличая отъ духовнаго тѣла тѣло душевное, то есть отъ
того, въ которомъ мы будемъ, это, въ которомъ теперь на-
ходимся, говорить: *Съется тѣло душевное, востаетъ тѣло
духовное. Тако и писано есть: бысть первый человекъ
Адамъ въ душу живу, послѣдній Адамъ въ духъ животво-
ряющъ. Но не прежде духовное, но душевное, потомъ же
духовное. Первый человекъ отъ земли, перстенъ, второй
человекъ съ небесе небесный. Яковъ перстенъ, таковъ и
перстнѣи, и яковъ небесный, тацы же и небеснѣи. И якоже*

облекохомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ небеснаго (1 Кор. XV, 44—49). О всѣхъ этихъ апостольскихъ словахъ мы уже говорили выше. И такъ тѣло душевное, съ которымъ, по словамъ Апостола, былъ сотворенъ первый человѣкъ Адамъ, было сотворено не такъ, чтобы оно совсѣмъ не могло умереть, а такъ, что не умерло бы, если бы человѣкъ не согрѣшилъ. Ибо только то, что чрезъ оживотвореніе духомъ будетъ духовнымъ, и то, что безсмертно, не будетъ вовсе въ состояніи умереть. Такъ душа сотворена безсмертною; и хотя, какъ умершая чрезъ грѣхъ, оказывается лишившеюся нѣкоторой свойственной ей жизни, то есть Духа Святаго, чрезъ котораго могла жить и мудро и блаженно: однако не перестанетъ жить нѣкоторою собственною, хотя жалкою, своею жизнію; потому что сотворена безсмертною. Подобнымъ образомъ и ангелы—отступники, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ умерли чрезъ грѣхъ; потому что оставили Источникъ жизни, то есть Бога, пользуясь которымъ могли жить мудро и блаженно: однако они не могли умереть такъ, чтобы совершенно перестать жить и чувствовать, потому что сотворены безсмертными; и даже послѣ послѣдняго суда, когда они подвергнутся второй смерти, жизни не потеряютъ, такъ какъ не утратятъ чувство, когда будутъ терпѣть мученія. Люди же, получившіе благодать Божію, сограждане святыхъ ангеловъ, пребывающихъ въ блаженной жизни, такъ облечутся въ тѣла духовныя, что не будутъ болѣе ни грѣшить, ни умирать. Безсмертіе ихъ, подобное ангельскому, не въ состояніи будетъ уничтожить грѣхъ; природа же тѣлесная хотя и будетъ оставаться, но въ ней уже совершенно не останется никакого тлѣнія или косности.

Теперь слѣдуетъ вопросъ, который необходимо разсмотрѣть, и при помощи Господа Бога истины разрѣшить. Если похоть неповинующихся членовъ возникла въ первыхъ людяхъ изъ грѣха неповиновенія, когда ихъ оставила благодать

Божія; если это-то и заставило ихъ открыть глаза на наготу свою, то есть обратить на нее болѣе вниманія, и прикрыть свои срамные члены, такъ какъ безстыдное движеніе ихъ не повиновалось ихъ волѣ: то какимъ образомъ они рождали бы дѣтей, если бы оставались безъ грѣха въ томъ состояніи, какъ были сотворены? Но такъ какъ и книгу пора закончить, и вопросу такой важности не слѣдуетъ давать узкую постановку, то отложимъ его въ видахъ болѣе удобнаго разсмотрѣнія до слѣдующей книги.

О Г Л А В Л Е Н І Е

4-й части

твореній блаженнаго Августина.

О градѣ божіемъ, къ Марцеллину противъ язычниковъ,
двадцать двѣ книги:

	Стран.
Книга восьмая	1— 60
„ девятая	61—100
„ десятая	101—172
„ одиннадцатая	173—232
„ двѣнадцатая	233—286
„ тринадцатая	287—326

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ПРАВСТВЕННОСТИ И ПРАВСТВЕННЫХ УЧЕНИЙ.

ГЕНЕЗИСЪ ПРАВСТВЕННОСТИ.

Между развитіемъ человѣческаго рода и развитіемъ человѣческаго индивидуума есть близкая аналогія, такъ какъ они подлежатъ однимъ и тѣмъ же законамъ развитія. Иначе и не можетъ быть, коль скоро родъ есть организмъ индивидуумовъ. И потому если, съ одной стороны, изслѣдованіе родовой исторіи человѣка можетъ способствовать уясненію нѣкоторыхъ пунктовъ индивидуальной исторіи его, то еще больше изслѣдованіе послѣдней можетъ проливать свѣтъ на теченіе первой, такъ какъ индивидуальная исторія человѣка ближе къ намъ, чѣмъ родовая исторія, и потому тщательнѣе можетъ быть наблюдаема,—такъ какъ она удобнѣе можетъ быть обнята съ одной точки зрѣнія, подведена подъ одно начало и разчленена по періодамъ,—такъ какъ, наконецъ, возникновеніе индивидуальной исторіи можетъ быть наблюдаемо (покрайней мѣрѣ отчасти), между тѣмъ начало родовой исторіи, точно также какъ и конецъ ея, скрывается въ туманѣ человѣческаго недовѣдѣнія, такъ что и въ настоящее время антропологическая наука, не смотря на богатые изслѣдованія въ области первобытнаго міра и огромные успѣхи по этому предмету въ послѣднія десятилѣтія, находится въ недоумѣніи на счетъ происхожденія человѣка. Поэтому изслѣдователю исторической жизни человѣческаго рода, особенно первобытнаго времени, надобно обращать тщательное вниманіе на отношеніе между мікрocosмомъ и макросcosмомъ въ ихъ развитіи,—болѣе тщательное, чѣмъ какое обращалось по настоящее время. Какія, напр., оживленныя

пренія шли и идутъ со времени созданія гипотезы дарвинизма,—между тѣмъ не изъ наблюденія ли надъ возникновеніемъ и развитіемъ индивидуальной (духовной) жизни челоѣка должно быть заимствовано (какъ по крайней мѣрѣ намъ представляется) главное возраженіе къ опроверженію дарвинизма? Говоря это, мы имѣемъ въ виду тотъ фактъ, что челоѣческое дитя, какъ показываетъ опытъ, не можетъ развиваться въ мыслящее и волящее существо подѣ вліяніемъ одной только природы, безъ воспитательнаго вліянія другихъ мыслящихъ и волящихъ существъ ¹⁾; а если достигло ²⁾ нѣкоторой степени развитія духовныхъ силъ, то начинаетъ дичать, дѣлаетъ регресъ духовный, въ случаѣ если будетъ оторвано отъ общества людей и предоставлено исключительно вліянію окружающей природы ³⁾. Уже этотъ одинъ фактъ доказываетъ, что челоѣкъ не могъ произойти изъ животнаго.

По вопросу о происхожденіи нравовъ, служащихъ выраженіемъ и нормою нравственной жизни челоѣческаго общества, точно также какъ и по вопросу о происхожденіи языка, государства, религіи, создались психологами, историками и моралистами разнорѣчивыя теоріи. И неудивительно; время происхожденія нравовъ ⁴⁾—это „туманная область,

¹⁾ Примѣры подобныхъ опытовъ можно находить въ психологіяхъ.

²⁾ Подѣ вліяніемъ, конечно, людей.

³⁾ Тоже самое надобно сказать и о цѣломъ народѣ.

⁴⁾ Говоримъ о первоначальномъ происхожденіи нравовъ, а не о томъ, которое до настоящаго времени имѣетъ мѣсто въ средѣ историческихъ народовъ.— „Въ объемѣ понятія права“, говоритъ *Лазарусъ*, „надобно различать два вида нравовъ,—тѣ нравы, которые создаются до начала выраженія и закрѣпленія нравственнаго содержанія въ опредѣленно сформулированныхъ законахъ и твердыхъ постановленіяхъ, слѣд. въ доисторическое время, отъ тѣхъ, которые образуются и имѣютъ силу въ историческое время наряду съ законами. Существованіе и значеніе послѣднихъ объясняется тѣмъ, что, не смотря на довольно сильное направленіе историческаго развитія къ закрѣпленію зыбкой массы нравовъ въ твердыя формулы закона, въ каждомъ челоѣческомъ обществѣ до

представляющая широкое поле для измышлений фантазіи¹⁾; это „terra incognita“²⁾, о которой можно гадать по аналогии, но которую нельзя наблюдать непосредственно и относительно которой нѣтъ и не можетъ быть прямыхъ историческихъ извѣстій. Одни думаютъ, что нравы предписаны человѣку и онъ наученъ имъ непосредственно Богомъ; другіе считаютъ ихъ изобрѣтеніемъ человѣческимъ, основываютъ на взаимномъ договорѣ людей; иные выводятъ ихъ изъ нравственнаго инстинкта человѣка. Безспорно, что каждая изъ этихъ теорій скрываетъ въ себѣ моментъ истины (чѣмъ и объясняется возникновеніе и существованіе ихъ³⁾); но въ чистомъ своемъ видѣ ни одна изъ нихъ не выдерживаетъ критики. Общій недостатокъ всѣхъ этихъ теорій тотъ, что онѣ находятся въ противорѣчій съ дознанными по настоящее время законами психическаго развитія, механизуютъ моральную силу человѣка.

Сведеніе нравовъ на существо высшее человѣка, Бога или боговъ, какъ на источникъ происхожденія ихъ, объясняется импонирующимъ вліяніемъ ихъ на народное сознаніе. И въ самомъ дѣлѣ, мы обстоятельно разъяснили въ своемъ мѣстѣ⁴⁾ ту истину, что въ нравственномъ сознаніи или совѣсти ощущается человѣкомъ сила, далеко превосходящая ограниченныя условія человѣческаго существованія, и что нравственная норма потеряла бы авторитетное значеніе свое по отношенію къ человѣку, еслибы не утверждалась на незыблемомъ основаніи абсолютной объективной необходимости. Потому-то еще у язычниковъ послушаніе законамъ

настоящихъ дней все еще остается такъ сказать газообразно распространенная сфера нравовъ, неосаждающаяся въ кристаллическую форму закона“. Ueber den Ursprung der Sitten; Antrittsvorlesung, Zweite Auflage, Berlin, 1867, s. 2.

¹⁾ *Лазарусъ*. Ibid., s. 1.

²⁾ *Вундтъ*, Душа человѣка и животныхъ, 2 т., стр. 160.

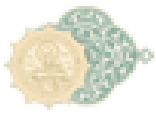
³⁾ Чит. Труды Ак., 1879, Мартъ, стр. 284. 285.

⁴⁾ Въ рѣчи объ отношеніи между нравственностію и религіей.—Труды Ак., 1880, окт.. стр. 209 и д...

государства было нераздѣльно отъ вѣры въ охраняющихъ и судящихъ боговъ; потому-то еще язычники, слыша въ себѣ голосъ совѣсти, говорили—*est Deus in nobis*. Но теорія происхожденія нравовъ непосредственно отъ божества страдаетъ тѣмъ же кореннымъ недостаткомъ, какимъ страдаетъ и всякая теорія *воспріятія* человѣкомъ нравовъ *отвнѣ*, отъ сторонней руки, или наученія имъ. Ясно, что тутъ теряется относительная самообытность духовнаго существа человѣческаго, игнорируется присущая ему способность къ творческой, въ своемъ смыслѣ, дѣятельности; вмѣсто того чтобы постепенно производить и вырабатывать нравы изъ себя самаго, изъ своего собственнаго существа, человѣкъ вынужденъ механически переводить ихъ въ себя въ готовомъ видѣ изъ другаго источника. Съ точки зрѣнія современнаго психологическаго знанія необходимо признать, что нравы должны имѣть основаніе въ психической природѣ самаго существа человѣка.

Въ основаніи второй теоріи происхожденія нравовъ, теоріи человѣческаго изобрѣтенія ихъ, взаимнаго договора людей, какъ основанія нравовъ¹⁾, вѣрна та мысль, что человѣкъ не есть безучастный зритель происходящихъ въ немъ явленій, и что, далѣе, для человѣка, при настоящемъ его состояніи, недостаточно бываетъ субъективнаго внутренняго побужденія, какъ мотива къ нравственной дѣятельности, а необходимо гарантировать послѣднюю строгими и прочными предписаніями вѣшняго закона. Но эта теорія слишкомъ обильна недоразумѣніями и очевидными противорѣчіями, чтобы она могла быть принята въ объясненіе происхожденія нравовъ. Если мы спросимъ объ основаніи, по которому члены извѣстнаго общества слѣдуютъ господствующимъ въ средѣ его нравамъ, то сторонникамъ этой теоріи не трудно указать на взаимный договоръ этихъ членовъ; но что отвѣтять они, если мы спросимъ объ основаніи самаго договора: на какомъ основаніи всѣ члены обще-

¹⁾ По выраженію *Руссо*—*Contrat social*.

ства рѣшаются и соглашаются на заключеніе договора и свято соблюдаютъ его? Дѣло въ томъ, что если заключается договоръ для извѣстнаго образа дѣятельности, то значить предполагается возможность не слѣдовать этому образу дѣятельности,—возможность, которую именно хотятъ исключить договоромъ; но почему же, на какомъ основаніи я и всѣ прочіе члены общества приходимъ къ мысли и намѣренію заключить договоръ и исключить этимъ возможность противоположнаго договору образа дѣятельности, и на какомъ основаніи я и всѣ прочіе должны не нарушать договора (который однако можетъ быть нарушенъ),—что обязываетъ насъ къ этому? Такъ какъ договоръ, по самому понятію своему, не есть актъ первоначальный, а производится людьми по соглашенію, то нужно допустить одно изъ двухъ: въ основаніи его или ничего не лежитъ, или лежитъ болѣе древній договоръ, обосновывающій и гарантирующій договоръ дальнѣйшій. Но въ первомъ случаѣ мы будемъ строить зданіе на воздухъ, а въ послѣднемъ вовлекаемся въ безконечный процессъ договоровъ, который можно расписывать на бумагахъ, но который не можетъ имѣть мѣста въ дѣйствительности. Да и что значать взаимные договоры между людьми, не имѣющие основанія гдѣ-нибудь поглубже чело-вѣческой воли! Выводъ такъ ясенъ и такъ не совмѣстимъ съ теоріей договора, какъ источника нравовъ, что онъ не могъ быть не замѣченъ и не предупрежденъ оговоркой творцами этой теоріи. И вотъ они говорятъ: договоръ, на которомъ основываются нравы, есть договоръ *безмолвный*; онъ „втихомолку принимается и признается всѣми“ (Руссо); онъ, далѣе, совершается не нѣкоторыми только членами общества, а *всѣми*, и притомъ заключенъ всѣмъ первочеловѣчествомъ рѣшительно, безусловно и безъ малѣйшаго разногласія. Но допуская такое ограниченіе, мы совершенно уклоняемся уже отъ понятія договора и приходимъ къ какому-то другому источнику происхожденія нравовъ, лежащему глубже договора. Происхожденіе нравовъ сторонники разсматриваемой

теоріи очевидно смѣшиваютъ съ происхожденіемъ закона; но ниже мы найдемъ различіе между этими двумя понятіями.—И такъ, и эта теорія происхожденія нравовъ механизируетъ моральный процессъ въ человѣкѣ; вмѣсто того чтобы выводить динамически нравственную норму изъ глубины природы человѣческой, она сводитъ происхождение ея на произвольное и случайное намѣреніе человѣка.

Не свободна отъ этого недостатка и третья теорія инстинктивнаго происхожденія нравовъ,—происхожденія въ формѣ готоваго, законченнаго инстинкта. Достоинство ея состоитъ въ томъ, что она поставляетъ человѣческіе нравы въ субстанціальную связь съ человѣческою природою, производя ихъ изъ нея съ неотразимою необходимостію. Но объясненіе происхожденія нравовъ по этой теоріи находится въ противорѣчій съ характеромъ психической дѣятельности человѣка, къ проявленіямъ которой относятся, между прочимъ, и нравы. „Сколь ни темно понятіе инстинкта“ скажемъ словами *Лазаруса*, но то одно ясно, что его можно съ полною увѣренностію отличить отъ всего того, что называется человѣческимъ произведеніемъ“. „Важное различіе между тѣмъ и другимъ состоитъ въ томъ, что содержаніе инстинктивной дѣятельности вполнѣ ограничено; и если оно и не дано вполнѣ готовымъ съ рожденіемъ животнаго, то все-таки всѣ условія къ тому есть уже на лицѣ съ началомъ жизни животнаго; потому то ни одно животное не переступаетъ границъ своего инстинкта, а, съ другой стороны, и не остается позади этихъ границъ; ткань пауковъ и ячейки пчелъ суть художественныя созданія, но ни одно изъ нихъ не отличается отъ другаго; всѣ индивидуумы въ породѣ и во всѣ времена (насколько достигаетъ человѣческое наблюденіе) производятъ одно и то же, совершенно однообразные продукты, и въ этомъ вѣковомъ однообразіи они работаютъ отъ поколѣнія къ поколѣнію“. „Между тѣмъ все человѣческое есть продуктъ постепеннаго и прогрессивнаго развитія какъ въ области каждаго въ отдѣльности ин-

дивидуума, такъ и въ послѣдовательной смѣнѣ поколѣній“. „Слѣд. инстинктъ есть абсолютно необходимое, безусловное, такъ какъ всѣ условія его даны разомъ; все же посре-дствуемое, условное, все то, что постепенно должно восхо-дить отъ условія къ условію (какова человѣческая дѣятель-ность), все это совершается уже не инстинктивно; потому то всякая традиція лежитъ за предѣлами инстинкта“¹⁾. Та-кимъ образомъ произведенія человѣческаго духа сводятся разсматриваемою теоріей происхожденія нравовъ на степень процесса съ характеромъ животныхъ душевныхъ отпра-вленій. Но извѣстно, что психическая дѣятельность живот-наго, по сравненіи съ психическою дѣятельностью человѣка, отличается механическимъ характеромъ, происходи за предѣ-лами самосознанія и самоопредѣленія и потому не находясь во власти и распоряженіи животнаго, состоя въ простыхъ въ высшей степени душевныхъ отправленіяхъ.—И такъ, и настоящая теорія происхожденія нравовъ страдаетъ ука-заннымъ общимъ недостаткомъ всѣхъ критикуемыхъ теорій, именно механизируетъ моральный процессъ въ человѣкѣ.

Что касается нашего мнѣнія по данному предмету, то мы думаемъ, что путь къ его рѣшенію намѣченъ нами еще въ рѣчи о методѣ построенія науки²⁾, такъ какъ первоначальное приобрѣтеніе познаній и созданіе научной системы подлежатъ однимъ и тѣмъ же условіямъ, и развитіе духа человѣческаго посредствомъ субъективированія объективна-го бытія происходитъ на всѣхъ ступеняхъ совершенствованія его (духа) по однимъ и тѣмъ же законамъ. Дедукція и индукція—вотъ двусоставное начало происхожденія всѣхъ процессовъ духовнаго развитія человѣка. Такъ какъ про-цессъ субъективированія въ области условнаго, тварнаго бытія не есть процессъ абсолютно творческій, самобыт-ный, то потому субстратъ, подкладка, такъ сказать, для

¹⁾ Ueber den Ursprung der Sitten, s. 12. 13.

²⁾ Труды Ак., 1879, Мартъ.

этого процесса должна быть дана внѣшней, сторонней силе¹⁾; и должна быть дана въ формѣ объективнаго бытія²⁾; но такъ какъ это объективно положенное есть то начало, изъ котораго имѣетъ развиваться субъектъ (есть субъективный принципъ), то слѣдовательно это объективно положенное есть вмѣстѣ и субъективно имѣющее произвести себя, есть объектъ-субъектъ (отличающійся отъ самосознающаго „я“, которое также есть субъектъ-объектъ, тѣмъ, что въ послѣднемъ случаѣ объектъ поглощенъ субъектомъ, между тѣмъ въ первомъ случаѣ наоборотъ—субъектъ поглощенъ объектомъ). Тутъ мы наталкиваемся повидимому на противорѣчіе, которое должно быть разрѣшено понятіемъ „безсознательнаго“. Понятіе это играетъ въ современной философіи весьма важную роль (*Шопенгауеръ*, *Гартманъ*),—и не напрасно. Прежняя философія, будучи незнакома съ жизнію безсознательной души, приходила къ несообразнымъ съ современною психологическою наукою заключеніямъ о происхожденіи тѣхъ или другихъ, наблюдаемыхъ въ жизни человѣка, психическихъ явленій; отсюда предположеніе происхожденія нравственной нормы изъ человѣческаго разсчета; отсюда взглядъ *Канта* на совѣсть, какъ на первоначальный и неразложимый актъ человѣческаго духа. Но въ настоящее время, по мѣрѣ ознакомленія съ безсознательною областью³⁾, открылась возможность искать происхожденія психическихъ явленій въ безсознательной душѣ. Если *Гартманъ* говоритъ въ своей „Философіи безсознательнаго“ о „ясновидѣніи безсознательнаго“, если *Шопенгауеръ* находитъ „волю въ природѣ“, то въ этихъ фразахъ высказывается

1) Объ этомъ мы подробно говорили въ своемъ мѣстѣ. Ibid., стр. 299 и д. 322 и д.

2) Сущность субъекта или личности въ точнѣ и состоятъ, опять говорили мы, что личность сама себя производитъ, сама совершаетъ процессъ субъективированія.

3) Хотя, конечно, она навсегда будетъ оставаться въ значительной степени темною; на это указываетъ уже названіе „безсознательной“.

та глубокая мысль, что планомѣрный и законосообразный порядокъ какъ вообще въ мірѣ, такъ въ частности въ человѣческой и нравственно-человѣческой жизни, не есть результатъ человѣческаго измышленія, или вообще явленіе случайное, а имѣетъ основаніе свое гораздо глубже, въ самой сущности бытія, и слѣд. не отъемлемъ отъ него, не можетъ не осуществиться или перейти въ безпорядокъ,—та мысль, что не отъ случая и не отъ человѣка зависитъ тотъ фактъ, что различные виды бытія, и между прочимъ бытіе человѣческое, обнаруживаютъ извѣстныя влеченія и стремленія, специфически имъ принадлежащія, но что это явленіе неотдѣлимо отъ самаго бытія, такъ что существованіе его вполне гарантировано и находится въ связи съ существованіемъ самаго производящаго его бытія. Можетъ быть фразы гартмановой философіи—„ясное видѣніе бессознательнаго, преслѣдованіе бессознательнымъ по всюду извѣстныхъ плановъ“, способность бессознательнаго „провидѣть“ все впереди и „упорядочивать“ развитія его—вызываютъ въ читателѣ улыбку и ничего болѣе. Не станемъ удивляться этой улыбкѣ, такъ какъ прямыя мысли¹⁾, выражаемыя этими фразами, суть *contradictio in adjecto*; но если серьезно вдумается въ эти фразы, то предъ нами раскроются истинныя стороны въ пантеизмѣ²⁾, мы увидимъ, что пантеизмъ приводитъ насъ къ „чуду въ природѣ“³⁾, къ бытію, обнаруживающему свойства не принадлежащія этому бытію (къ *a*, которое однако не есть *a*, а есть *b*,—и къ *b*, которое однако не есть *b*, а есть *a*). Не мѣсто здѣсь входить въ метафизическое объясненіе того отношенія, въ которое разумное и волящее аб-

¹⁾ Собственныя мысли *Гартмана*.

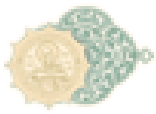
²⁾ Снова сошлемся на тѣ мѣста, гдѣ мы говорили о свойствахъ человѣческихъ заблужденій, всегда скрывающихъ въ себѣ какую нибудь истинную сторону. Труды Аѳ., Мартъ.

³⁾ Только пришедши къ чуду въ природѣ, онъ не хочетъ признать этого чуда въ природѣ.

солютное существо творческимъ актомъ вступило къ своему творенію и по силѣ котораго послѣднее получило способность въ безсознательномъ и невольномъ состояніи дѣйствовать такъ, какъ можно дѣйствовать только въ состояніи сознательномъ и свободномъ; наше дѣло указать здѣсь только тотъ фактъ, что дѣйствительно все происходящее въ сознательной и свободной жизни человѣка въ началѣ жить и движется (подобно процессамъ физической области) инстинктивно, т. е. несознательно и несвободно, но тѣмъ не менѣе такъ, какъ бы оно управлялось разумомъ и свободною волею. Да и впослѣдствіи, съ развитіемъ самосознанія и свободы, человѣкъ никогда не въ состояніи переступить границы самосознанія и свободы, положенныя въ обнимающей ихъ безсознательной и несвободной области, никогда не въ состояніи всецѣло перевести содержаніе, лежащее въ глубинѣ первой, въ ясное сознаніе и свободу. Въ противоположность абсолютному духу, который есть свѣтъ, исключаящій всякую тьму, душа человѣческая всегда живетъ въ двухъ формахъ существованія—въ ясной, сознательной, и въ темной, безсознательной. И эта-то послѣдняя область, составляя ограниченіе для сознанія и свободы тварнаго существа, въ то же время служить для него неисчерпаемымъ источникомъ знанія и дѣятельности не только въ началѣ, но и въ послѣдствіи, когда вполне разовьются самосознаніе и свобода человѣка, и когда послѣднія, въ свою очередь, будутъ доставлять новую пищу и новое возбужденіе процессу безсознательнаго познанія и безсознательной дѣятельности.

Для уясненія послѣдней мысли фактическими данными можемъ обратиться къ какому угодно процессу духовной дѣятельности человѣка. Обратимся къ изящному искусству. Не напрасно говорятъ, что гениемъ надобно родиться; а между тѣмъ только геній въ состояніи произвести гениальное художественное произведеніе. Какъ извѣстно, великія художественныя произведенія не создаются путемъ рефлексіи, нарочитыхъ соображеній, умозаключеній; если бы поэтъ,

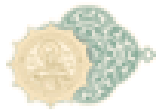

композиторъ и т. д. то и-дѣло рефлексировали на свой предметъ въ минуты творчества, отдѣляя его отъ себя и противопоставляя себѣ, то они разстраивали бы свой творческій процессъ, не создали бы ничего художественнаго; послѣднее есть плодъ вдохновенія, внутренняго созерцанія и невольнаго отраженія созерцаемаго во внѣшнихъ формахъ; оно изливается изъ области безсознательнаго; въ минуты творчества своего художникъ забываетъ себя, сливается въ одно съ объектомъ своего произведенія, соприкасается съ идеальнымъ міромъ, слышитъ гармонію вселенной (*Пифагоръ*). Таковъ же точно глубочайшій источникъ религіозной вѣры. Ненапрасно говорятъ, что вѣра творитъ чудеса, т. е. переступаетъ условія и законы видимаго міра. Этимъ высказываютъ то, что предметъ вѣры превосходитъ содержаніе наблюдаемаго чувственнаго міра, что онъ выше, славнѣе и достойнѣе послѣдняго. Не странно ли послѣ этого вывести религіозную вѣру изъ преодолевающей силы чувственныхъ впечатлѣній? Не противорѣчиво ли производить религію изъ какихъ бы то ни было случайныхъ опытовъ, вмѣсто того, чтобы довѣряться той простой мысли, что уже самая возможность такихъ опытовъ требуетъ объясненія для себя, требуетъ какого бы то ни было основанія, по которому эти опыты были бы возможны? Если, напр., дикарь видитъ въ природѣ божество, то откуда въ немъ мысль о божествѣ, если и сама природа не есть божество, и въ себѣ самомъ онъ не ощущаетъ присутствія идеи божества? Да и въ послѣдствіи, съ развитіемъ въ человѣкѣ религіознаго сознанія, онъ исполняется религіознымъ воодушевленіемъ и религіозною вѣрою изъ неисчерпаемаго источника таинственнаго вліянія въ немъ вѣчнаго божественнаго духа. Равнымъ образомъ при образованіи и усовершенствованіи языка человѣкъ чувствуетъ непреодолимую внутреннюю потребность высказаться, объективировать душевное состояніе свое во внѣшнихъ формахъ (безъ чего не можетъ быть ясности въ этомъ состояніи); и тогда какъ при этомъ мате-

ріальную сторону языка заимствуетъ отъ различныхъ наблюдаемыхъ предметовъ, формальную износить изъ глубины своего духа. При рѣшеніи научныхъ проблемъ мы иногда невольно и неожиданно нападаемъ вдругъ на мысль, которая желательна намъ и которую мы не могли создать самими тонкими соображеніями разсудка. Или наталкиваясь на трудные практическіе вопросы, и рѣшеніе ихъ представляя времени, какъ выражаются, мы иногда по истеченіи незначительнаго времени даже при неизмѣнившихся внѣшнихъ обстоятельствахъ убѣждаемся, что намъ необходимо повести дѣло совершенно иначе, чѣмъ какъ прежде думали мы вести его. Многія полезныя изобрѣтенія, содѣйствовавшія прогрессу культуры, были дѣломъ счастливаго вдохновенія. Совершенно то же надобно сказать, даже à priori, и о-первоисточникѣ нравовъ и права, колы скоро всѣ названныя произведенія принадлежать одной и той же силѣ, одному и тому же человѣческому духу¹⁾.

Приводимъ нѣсколько строкъ изъ процитованнаго сейчасъ автора. „Происхожденіе языка, нравовъ, государства, религіи“, пишетъ *Дельфъ*, „падаетъ за предѣлы сознанія, обусловленнаго рефлексіей. По первому происхожденію своему они истекають изъ того, что лежитъ въ основѣ этого сознанія, слѣд. изъ того, чѣмъ человѣкъ бываетъ непосредственно по происхожденію своему отъ Бога и отъ природы, слѣд. изъ объективной сущности своей, по которой онъ находится въ непосредственномъ реальномъ и органическомъ общеніи съ названными силами (Богомъ и природою), какъ съ своими принципами и элементами, и въ реальномъ взаимодействіи своей жизни съ ихъ жизнью. Слѣд. они происходятъ ненамѣренно и съ необходимостію, основанною на внутренней природѣ самихъ вещей... Тутъ мы возвращаемся на такое психологическое состояніе, въ которомъ знаніе

¹⁾ Чат. Cultur und Religion von *Delff*, s. 107—135.

включено еще въ бытіе, свобода включена еще въ необходимость, первыя дѣйствуютъ въ непосредственномъ еще единствѣ съ послѣдними,—на такое состояніе, въ которомъ субъективность завита еще, какъ имманентное свойство, въ субстанціальное основаніе свое; однимъ словомъ—на инстинктивное состояніе, подобное состоянію животныхъ, также включенныхъ во внутренній контекстъ вещей и изъ него непосредственно производящихъ повидимому разумно-свободныя движенія... То, что прежде всего въ немъ высказывается, это—божественное, т. е. всеобщее, принципиальное, реальныя творческія принципы духовнаго и естественнаго космоса....; и какъ такое, оно всегда производитъ совершенное, безусловно общегодное, лежащее въ основаніи всѣхъ сознательныхъ операций“, —и т. д. ¹⁾). Потому то еще древніе производили цивилизацію отъ боговъ, и высшее озареніе и вытекающее изъ непосредственнаго вдохновенія героическое дѣйствіе ставили весьма высоко, выше холодной разсудительности и обыкновенной прозаической дѣятельности. И не воодушевляемся ли и мы и не уносимся ли въ высшую сферу, въ сферу вѣчной свободы и вмѣстѣ вѣчной необходимости, когда наблюдаемъ напр. тихое и мѣрное развитіе цвѣтка, осуществляющаго въ мельчайшихъ чертахъ и отѣнкахъ своего строенія и своего цвѣта отъ вѣка предуготовленную ему гармонію,—или когда наблюдаемъ удивительныя инстинкты животнаго, когда слѣдимъ за первоначальнымъ развитіемъ дитяти, постепенно раскрывающимъ неизмѣнныя и неотъемлемыя свойства человѣческаго существа?

Надѣмся, сказаннымъ положено нами достаточно прочное основаніе для объясненія того, что не можетъ быть ни одного человѣческаго общества, у котораго не было бы извѣстныхъ *правовъ*. Если то, что составляетъ сущность нрав-

¹⁾ Ibid., с. 107—9.

ственности и что выражается въ нравахъ, составляетъ субстанціальную принадлежность человѣческой природы, принадлежитъ къ метафизическимъ качествамъ ея, слѣд. въ началѣ (въ основѣ) объективно для человѣка, подлежитъ закону абсолютной необходимости, то нѣтъ ничего удивительнаго, если оно всегда и вездѣ съ необходимостію осуществляется; скорѣе было бы удивительно противное. Причина и дѣйствіе должны находиться между собою въ точномъ соотвѣтствіи. Изъ ничего не можетъ быть нѣчто; но и изъ нѣчто не можетъ быть ничто. Изъ сѣмени кипариса не можетъ вырасти дубъ, и изъ сѣмени дуба не можетъ вырасти кипарисъ. Но не могутъ не вырасти кипарисъ и дубъ изъ специфическихъ сѣмянъ кипариса и дуба. А что не можетъ существовать и не существуетъ ни одно человѣческое общество безъ того, чтобы въ немъ не господствовали извѣстные нравы, это слѣдуетъ уже изъ того, что въ самомъ понятіи общества включено требованіе, чтобы совмѣстная жизнь людей нормировалась хоть сколько нибудь и хоть какими нибудь правилами. Это апіорное предположеніе подтверждается à posteriori исторією и опытомъ. Самая первая и простая форма соціального союза, именно семья, не можетъ существовать безъ того, чтобы она не заправлялась волею отца или матери. Что *Плутархъ* сказалъ о религіи ¹⁾, тоже самое можно сказать о нравахъ. И если нѣкоторые изъ новѣйшихъ путешественниковъ говорятъ о народахъ, у которыхъ они не встрѣтили никакихъ слѣдовъ религіи, то виною тому должна быть названа неполнота наблюденій, обуславливавшаяся непродолжительнымъ пребываніемъ пу-

¹⁾ Мѣсто весьма извѣстное: „Посмотрите на лице земли: вы найдете города безъ укрѣпленій, безъ наукъ, безъ чиновначалія; увидите людей безъ постоянныхъ жилищъ, не знающихъ употребленія монетъ, не имѣющихъ понятія объ изящныхъ искусствахъ; но вы не найдете ни одного человѣческаго общества безъ вѣры въ божество“.

тешественниковъ въ средѣ этихъ народовъ, недостаточнымъ знаніемъ языка ихъ и недоступностію дикихъ племенъ для прозрѣнія въ глубину ихъ душевной жизни; это подтверждается тѣмъ, что у народовъ, у которыхъ прежде не замѣчали слѣдовъ религіи, въ послѣдствіи открывали ихъ. Такимъ образомъ тутъ нужна большая осторожность въ заключеніяхъ, и мы въ правѣ сказать съ Цицерономъ, что *arud nos argumenta plus valent quam testes*. Подобнымъ же образомъ если бы насъ увѣряли о не существованіи въ средѣ извѣстнаго народа нравовъ, то *argumenta* у насъ на столько прочны, что мы имѣли бы полное основаніе предложить вопросъ—справедливы ли *testes*? Существованіе нравовъ въ извѣстномъ обществѣ на столько неразрывно связано съ идеей общества, что существованіе послѣдняго не мыслимо безъ перваго, и потому первое (существованіе нравовъ во всѣхъ человѣческихъ обществахъ) не возбуждаетъ никакого сомнѣнія (хотя бы въ самомъ дѣлѣ можно было усумниться въ существованіи у нѣкоторыхъ дикарей религіозныхъ идей)¹⁾. Но мы уже замѣчали, что въ нравахъ, требующихъ подчиненія субъективной и индивидуальной воли волѣ объективной и общей, выражается сущность того, что содержится въ понятіи нравственность. „Всѣ нравы нравственны“, высказался объ этомъ предметѣ Лазарусъ²⁾; и наоборотъ—„все нравственное начинается нравами“³⁾.

Но дедукція, сказали мы, только одинъ членъ того на-

¹⁾ Но если бы и дѣйствительно открыто было совершенное отсутствіе въ средѣ какого нибудь народа извѣстнаго специфически принадлежащаго человѣку свойства, то это явленіе не говорило бы противъ всеобщности этого свойства въ человѣческомъ родѣ. Встрѣчаются же между людьми нѣмые, но тѣмъ не менѣе мы говоримъ, что все человѣчество владѣетъ даромъ слова; встрѣчаются идиоты, однако мы все-таки говоримъ, что человѣкъ есть существо разумное.

²⁾ Ueber d. Ursprung d. Sitten, s. 3.

³⁾ Ibid., s. 2.

чала, которому обязаны своимъ происхожденіемъ наблюдаемыя нами явленія психической жизни человѣка; другой членъ—индукція. Если начало это, съ одной стороны, должно быть *даннымъ*, какъ мы сказали выше, положеннымъ внѣшнею, стороннею силою (коль скоро человѣкъ не есть существо безусловное и самобытное), то, съ другой стороны, оно должно быть и *произведеннымъ*, произведеннымъ самимъ же человѣкомъ, иначе отвергалось бы всякое самостоятельное значеніе человѣка, не только безусловная, но и относительная самобытность его, человѣкъ былъ бы не больше, какъ акциденціей абсолютной субстанціи. Слѣд. для объясненія явленій психической и въ частности моральной жизни человѣка надобно исходить изъ двоякаго начала—априорнаго и апостеріорнаго, надобно черпать изъ двусоставной области—безсознательной и самосознательной. А если такъ, то намъ открывается здѣсь поле и дается средство для изслѣдованія и объясненія специфической разницы между процессомъ образованія нравовъ и процессомъ чисто инстинктивнаго движенія, и затѣмъ—огромнаго неравенства въ содержаніи моральныхъ воззрѣній различныхъ народовъ.

Существованіе нравовъ въ человѣческихъ обществахъ—сказали мы—фактъ безусловно-всеобщій. Но этимъ мы отнюдь не допускаемъ, чтобы у всѣхъ народовъ и во всѣ времена господствовали однѣ и тѣ же воззрѣнія на жизнь, однѣ и тѣ же моральныя сентенціи, однѣ и тѣ же понятія о добрѣ и злѣ, одно и то же нравственно-практическое направленіе; однимъ словомъ—чтобы въ нравственномъ (теоретическомъ и практическомъ) отношеніи всѣ времена и всѣ народы уравнивались между собою. Напротивъ, въ этомъ отношеніи различные народы и времена расходятся, выражаясь иперболически, до безконечности. И это явленіе объясняется именно участіемъ въ процессѣ образованія нравовъ апостеріорнаго элемента. Хотя назначеніе—быть нравственнымъ изначала присуще, какъ мы доказали, человѣческой природѣ и необходимо должно имѣть въ суб-

станція ея какое нибудь реальное основаніе (коль скоро сама субстанція ея есть нѣчто реальное), но не больше, какъ основаніе, не больше, какъ *нѣчто*, изъ котораго могло бы произойти *что-то*; реальное здѣсь всецѣло еще погружено въ идеальное, субъективное погружено въ объективное, сознательное—въ безсознательное. Въ настоящее время уже не можетъ быть рѣчи о врожденности нравственной идеи въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорилъ о врожденности идей *Платонъ*; нельзя согласиться и съ *Кантомъ*, который говоритъ о нравственномъ законѣ, какъ о „неразложимомъ фактѣ“, и наше знаніе содержанія его, наши понятія о нравственномъ добрѣ считаетъ первоначальнымъ элементомъ нашего духа, не требующимъ для себя основаній ¹⁾. Противъ этого говорятъ наблюдаемая нами постепенность въ уясненіи сознаниемъ дитяти того, что такое добро и справедливость, а равно и разногласіе въ содержаніи моральныхъ и юридическихъ законовъ у различныхъ народовъ. Въ настоящее время можно говорить только о психической (духовной) *силѣ*, производящей *при извѣстныхъ условіяхъ* наблюдаемыя нами въ духовной жизни человѣка явленія. Потому что въ понятіи силы, какъ показано нами въ своемъ мѣстѣ ²⁾, мыслится *только средство* (но оно есть, и слѣд. есть реальное основаніе) къ произведенію того, что въ послѣдствіи является на основаніи этой силы, и что слѣд. первоначально не существовало еще (хотя въ специфической силѣ, которою оно производится, существованіе его было съ *необходимостію предопредѣлено*) ³⁾. Когда мы зажигаемъ спичку, то

¹⁾ Равно какъ нельзя согласиться и съ *Бенке*, по которому все психическое создается на основаніи виѣшнихъ впечатлѣній, посредствуемыхъ „первоспособностями“ (виѣшними чувствами).

²⁾ Въ рѣчи о сущности развитія. Труды Ак., 1880, окт.

³⁾ Познаніе этого задатка психическихъ, и въ частности моральной, силъ и происхожденія на основаніи его психическихъ, и въ частности моральныхъ, явленій невозможно; въ этомъ кроется тайны бытія и жизни.

огонь ни привносится въ спичку отнѣ, ни заключается внутри спички; онъ происходитъ въ процессѣ тренія. Подобно тому наблюдаемыя нами въ жизни человѣка психическія явленія суть результатъ психическаго развитія (на основаніи извѣстныхъ внутреннихъ данныхъ и при извѣстныхъ внѣшнихъ условіяхъ); тоже самое надобно сказать, въ частности, о происхожденіи нравовъ. По возрѣнію современной психологіи, рѣчь можетъ быть здѣсь только о „формальной“ (по „формѣ“) врожденности психическихъ, и въ частности моральной, способностей, но не о врожденности ихъ по „содержанію“¹⁾. Этимъ и объясняется огромная разность въ содержаніи нравственныхъ нормъ различныхъ временъ и народовъ, обусловленная вліяніями, подъ которыми развивается человѣкъ. Когда человѣкъ начинаетъ развиваться, тогда онъ *переживаетъ опытно* рядъ извѣстныхъ состояній, *переиспытываетъ* сумму извѣстныхъ явленій, оставляющихъ въ сознаніи и чувствѣ его извѣстное содержаніе по предмету нравственно-практической дѣятельности, которое становится неотъемлемою собственностію его духа и служить на послѣдующее время нормою для его дѣятельности, извѣщающею о себѣ голосомъ такъ называемой совѣсти. Въ этомъ и состоитъ участіе въ образованіи нравовъ апостеріорнаго элемента или опытнаго начала.

Но этотъ процессъ опытнаго происхожденія нравовъ (на основаніи указаннаго выше сверхъопытнаго начала) существенно отличенъ отъ процесса инстинктивныхъ движеній въ жизни животнаго. Между тѣмъ какъ жизнь животнаго есть „натурально-необходимое развитіе его индивидуальности, вслѣдствіи чего животное дѣлаетъ все, что можетъ сдѣлать, поелику оно однажды на всегда есть то, чѣмъ можетъ быть“²⁾, по отношенію къ человѣку, какъ нравствен-

¹⁾ Хотя мы замѣтили въ своемъ мѣстѣ, что не можетъ быть ни чистой формы безъ всякой матеріи, ни чистой матеріи безъ всякой формы. Труды Ак. 1879, Мартъ, стр. 290.

²⁾ Диттесъ, Ueber die sittliche Freiheit, Leipzig, 1860, s. 13 и др. м.

ному существу, поставлено требованіе—на основаніи положеннаго въ немъ объективною силою задатка самому создать себѣ свою личность и порядки своей жизни. А потому нравы, хотя служатъ выраженіемъ незыблемаго объективнаго закона, присущаго субстанціи челоувѣка, но въ тоже время должны быть разсматриваемы, какъ свободно полагаемая его волею цѣли, какъ благо, самимъ же челоувѣкомъ осуществляемое. Но такъ какъ у насъ уже была рѣчь въ своихъ мѣстахъ ¹⁾ о свободѣ челоувѣческихъ дѣйствій и цѣлеполагающей воли, то для обстоятельнаго уясненія предмета, мы къ нимъ и отсылаемъ читателя; здѣсь же ограничимся слѣдующими немногими замѣчаніями. Даже такіа естественныя отправленія, какъ принятіе пищи и питья, не совершаются челоувѣкомъ чисто инстинктивно. „Не долго эти виды челоувѣческихъ отправленій“, скажемъ словами *Лазаруса*, „остаются въ формѣ инстинкта; скоро они соединяются съ свободными, моральными и интеллектуальными элементами. Уже извѣстная норма при вкушеніи пищи, свободно избранная для нея времена не суть дѣло инстинкта; равно принятіе пищи при посредствѣ столоваго прибора совершается не инстинктивно, и развѣ крайній голодъ заставитъ челоувѣка снова отдаться инстинкту и нападать на пищу съ животною жадностію. Но самый блистательный примѣръ полнаго проникновенія челоувѣческаго инстинкта идеальными силами можно видѣть въ бракѣ, далеко отстоящемъ отъ животнаго совокупленія половъ“ ²⁾. Тѣмъ болѣе надобно сказать это о чисто духовныхъ отправленіяхъ, каковы отправленія моральныя. Сущность различія состоитъ здѣсь въ томъ, что въ чисто инстинктивныхъ отправленіяхъ всѣ послѣдующіе моменты движенія безусловно предопредѣлены предшествовавшими, такъ что животному остается только пассивно приворавливаться къ движущей его объективной силѣ; меж-

¹⁾ Чиг. Труды Ак. 1879, январь, стр. 115 и д.; 1881, іюнь стр. 126 и д.

²⁾ Ueber den Ursprung der Sitten, s. 13.

ду тѣмъ въ человѣческой дѣятельности въ каждомъ моментѣ движенія можетъ быть и бываетъ остановка, такъ сказать пауза, во время которой человѣкъ обсуждаетъ путь движенія своего при свѣтѣ самосознанія и износитъ изъ себя рѣшеніе слѣдовать этому пути или уклониться на другой; слѣдуютъ рядомъ съ произвольнымъ влеченіемъ, движущимъ человѣка по пути нравственнаго развитія, идетъ соизволяющая и утверждающая этотъ путь внутренняя сила воли. Такимъ образомъ нравы суть результатъ двоякаго рода дѣятельности—произвольной и произвольной, при чемъ начало послѣдней совпадаетъ съ зарожденіемъ въ человѣкѣ самосознанія и свободы; въ этомъ смыслѣ выразился *Лазарусъ*: „нравственность начинается тамъ, гдѣ оканчивается инстинктъ“ ¹⁾. Потому нравы могутъ передаваться и передаются посредствомъ преданія отъ поколѣнія къ поколѣнію; каждое новое поколѣніе застаетъ уже существующую въ нравахъ норму жизни, по отношенію къ которой требуется отъ него подчиненіе и которой оно дѣйствительно подчиняется такимъ же порядкомъ, какой описанъ нами при объясненіи первоначальнаго происхожденія нравовъ. Между тѣмъ если мы напр. выдрессируемъ животное, и у него будутъ рождаться дѣти, то въ движеніяхъ послѣднихъ мы не замѣтимъ признака того, чтобы усвоенная животнымъ, при помощи человѣка, культура была передана по наслѣдству. Вообще всякое новорождающееся животное всякій разъ начинаетъ съ изнова пріобрѣтать своимъ усиленіемъ то, чѣмъ уже обладаетъ другое животное. Потому человѣкъ есть *историческое* существо, въ отличіе отъ животнаго, которое есть существо *натуральное*.

Что же касается внѣшняго возбужденія человѣка къ развитію нравственнаго сознанія его и къ установленію или принятію существующихъ уже нравовъ, возбужденія, необходимаго для развитія всякаго вообще организма ²⁾, то

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ср. Труды Ак., 1880, окт., стр. 171 и д..

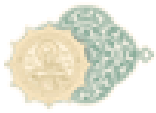

въ историческія времена оно исходило и исходитъ на подрастающія поколѣнія отъ поколѣній взрослыхъ; первоначально же необходимо предположить вліяніе на духовное развитіе человѣка высшей, божественной силы ¹⁾, подобно тому какъ и въ послѣдующее историческое время человѣкъ возводился на высшую ступень духовнаго состоянія, на которую не могъ подняться собственными силами, посредствомъ нарочитыхъ божественныхъ откровеній (ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго). Потому то и замѣчается въ кн. Бытія, что Богъ являлся Адаму въ раю и бесѣдовалъ съ нимъ. Этими словами образно выражается мысль объ исхожденіи на человѣка вліянія изъ трансцендентальной области.

Но нравы, какъ норма нравственной дѣятельности человѣка, еще прочнѣе закрѣпляются въ нерушимости своей, когда они получаютъ форму закона. Происхожденіе послѣдняго огличается отъ происхожденія нравовъ тѣмъ, что онъ основывается на договорѣ (между тѣмъ теорія основанія нравовъ на договорѣ отвергнута нами). „Или само общество собирается для заключенія этого договора, или, еще чаще, законъ издается однимъ лицомъ, но, признаваемый другими, также становится договоромъ“ ²⁾.

¹⁾ Ср. Труды Ак. 1881, іюнь, стр. 177.

²⁾ *Видитъ*, Душа человѣка и животныхъ, II т., стр. 158.

ДИКІЕ НАРОДЫ.

Перейдемъ теперь къ изложенію системы нравственности (нравственнаго сознанія и нравственной жизни) на самой первой, самой низшей ступени нравственнаго развитія человѣка, на ступени такъ называемыхъ дикарей, и изложимъ въ порядкѣ то, что извѣстно изъ исторіи ¹⁾ и опыта и что можно а priori предположить ²⁾ о нравственной жизни и нравственной дѣятельности дикихъ ³⁾ народовъ.

¹⁾ Хотя давно жившіе дикіе народы не писали и не сохранили для насъ своей исторіи, но о жизни ихъ намъ извѣстно потоплику, поколику они входили въ столкновеніе съ цивилизованными (историческими) народами и поколику свѣдѣнія о нихъ были заносимы въ исторію этихъ послѣднихъ.

²⁾ Главнымъ образомъ на основаніи параллелизма между родовымъ и индивидуальнымъ развитіемъ человѣка.

³⁾ Терминъ „дикій“ разумѣемъ въ широкомъ смыслѣ, относя къ исторіи этихъ народовъ и такіе народы, какъ перуанцы, ацтеки,—народы, стоящіе по духовному развитію значительно выше дикарей въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.—Въ новѣйшее время вошло въ обыкновеніе говорить о „естественныхъ народахъ“, или народахъ естественной жизни. (Такъ озаглавлено, напр., лучшее сочиненіе по этому предмету *Вайтца*: *Antropologie der Naturvölker*, I—VI Bd., Leipzig., 1859—72). Нѣтъ сомнѣнія, что это названіе выражаетъ одну весьма характерную черту этихъ народовъ, приближающую ихъ къ тому состоянію человѣка, въ которомъ онъ дѣйствительно, въ точномъ смыслѣ слова можетъ быть названъ естественнымъ человѣкомъ, сыномъ природы. Но мы предпочитаемъ выраженіе „дикіе“ (или „нецивилизованные“) для этихъ народовъ,—отчасти потому, что въ настоящее время и во всемъ вообще томъ періодѣ, который обнимается историческимъ знаніемъ человѣка, мы не находимъ естественнаго народа въ собственномъ смыслѣ этого слова, а главное потому, что названный терминъ и совмѣщаетъ въ себѣ то содержаніе, которое хотятъ обозначить сло-

Такъ какъ всякій предметъ можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ сторонъ—со стороны его сущности, идеи, основанія, и со стороны его формы, явленія, жизни (или вообще движенія), то и излагая какую бы то нибыло моральную систему, мы должны сказать сначала о полагаемыхъ ею основахъ нравственности, а за тѣмъ о формахъ нравственной жизнедѣтельности. Таковъ, на нашъ взглядъ, долженъ быть общій планъ всякой моральной системы. Основы же нравственности могутъ быть и субъективныя, и объективныя, коль скоро то явленіе, которое называется нравственностію, состоитъ изъ двухъ частей—субъективной свободы и объективной необходимости, изъ двухъ элементовъ—человѣческаго и божескаго, состоятъ въ подчиненіи воли условной, ограниченной, тварной, волѣ безусловной, неограниченной, творческой. И такъ, посмотримъ сначала, въ какомъ состояніи находятся у дикихъ народовъ тѣ силы, которыя служатъ субъективнымъ и объективнымъ основаніемъ нравственности.

Говоря о принципѣ исторіи, мы установили въ значеніи такового принципъ личности. Это значитъ, что высота уровня историческаго существованія (въ противоположность натуральному) измѣряется степенью развитія понятія личности. А такъ какъ къ историческому существованію способно только существо нравственное, и наоборотъ—нравственное существо необходимо предполагаетъ за собою исторію, то со степенью развитія понятія личности, или—что тоже—духа, или—что тоже—свободы находится въ существенной связи степень нравственнаго развитія человѣка. Въ самомъ

вомъ „естественный“ народъ, и въ тоже время выражаетъ другую характерную черту этихъ народовъ, именно—одичаніе ихъ, уклоненіе отъ нормальнаго состоянія и правильнаго развитія,—обозначаетъ ту истину, что „сознаніе и нравы этихъ народовъ не выражаютъ естественной непосредственности человѣческаго существа, а находятся въ ретроградномъ движеніи по отношеніи къ нему, суть именно одичалые“ (*Дельбъ, Cultur u. Religion*, s. 176).

дѣлѣ, сказать существо нравственное, существо личное, существо свободное, духъ, „и“—значить сказать одно и тоже. Но если мы обратимъ вниманіе на специфическую особенность личнаго существованія, и если, съ другой стороны, присмотримся къ началу существованія человѣка, къ исходному пункту эмпирическаго явленія его, то должны будемъ предположить, что на низшей ступени существованія человѣка, на ступени дикарей, крайне не развито понятіе личности. Особенность личнаго существованія, говорили мы въ своемъ мѣстѣ, состоитъ въ томъ, что личность сама себя производитъ, что она обладаетъ свободою и самосознаніемъ, по силѣ которыхъ послѣднюю причину дѣйствій своихъ имѣетъ въ самой себѣ. Между тѣмъ, обращая вниманіе на процессъ генетическаго развитія человѣка, мы находимъ, что самосознательная и свободная жизнь человѣка возникаетъ изъ темнаго натуральнаго основанія, что она въ началѣ движенія объективною силою, что хотя человѣкъ съ появленіемъ въ міръ обладаетъ сознаніемъ, но сознаніемъ темнымъ, не возвышающимся на степень самосознанія, и хотя совершаетъ произвольныя движенія, но не имѣетъ свободы въ истинномъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ субъективное и объективное здѣсь еще недостаточно разграничены, не уяснены специфическія особенности каждаго; а вслѣдствіе этого черты одного переносятся на другое. Дѣйствія субъекта въ значительной степени характеризуются еще здѣсь чертами объективнаго (несамосознательнаго и несвободнаго) бытія; и наоборотъ—въ послѣднемъ неопытный субъектъ усматриваетъ свойства своего собственнаго (субъективнаго) бытія. Исторія и природа погружены еще другъ въ другъ. Такъ бываетъ въ процессѣ индивидуальной жизни человѣка, такъ и въ процессѣ жизни родовой.

Нельзя, конечно, проводить рѣзкую черту между историческими и неисторическими народами, нельзя думать, чтобы доисторическіе народы лишены были всякой рѣшитель-

но культуры, чтобы у нихъ не заявлялось ни въ какой формѣ то, что характеризуетъ высшую, духовную жизнь человѣка. Это невозможно потому, что если человѣкъ есть тѣлесно-духовное существо, то онъ съ самаго начала духовнаго развитія своего долженъ такъ или иначе проявлять свойства своего духовнаго существа, существа между прочимъ и нравственнаго. И если потому дикіе народы часто называются у современныхъ антропологовъ *естественными* народами, народами *естественной жизни*, то это названіе не можетъ означать того, чтобы эти народы въ самомъ дѣлѣ проводили естественную жизнь въ собственномъ, строгомъ смыслѣ этого слова, т. е. жизни животнаго, лишенную всякой рѣшительно культуры; естественныхъ народовъ въ этомъ смыслѣ нѣтъ, замѣтили мы выше, въ нынѣшнемъ мірѣ, и изъ исторіи мы не знаемъ о такомъ состояніи человѣка; названіе же „естественный“ мы вправѣ употреблять въ настоящемъ случаѣ только въ томъ смыслѣ, что дикіе народы *близки* къ естественному состоянію, весьма мало развиты въ духовномъ отношеніи ¹⁾. Тѣмъ не менѣе и у дикарей мы

¹⁾ Вопросъ о происхожденіи человѣка и о первоначальномъ состояніи его составляетъ предметъ самыхъ оживленныхъ споровъ въ современной наукѣ. Не имѣя въ виду входить въ разсмотрѣніе этихъ споровъ и въ рѣшеніе этой трудной проблемы, ограничимся слѣдующимъ замѣчаніемъ. Споръ можетъ быть разрѣшенъ въ томъ только случаѣ, если, съ одной стороны, богословіе согласится, что происхожденіе человѣка, имѣя *принципъ* свой (основаніе свое) въ Богѣ, въ тоже время *посредствовано* (обусловлено) самимъ твореніемъ, не есть актъ, совершившійся *безъ всякаго* посредства тварнаго бытія (требованіе, необходимо предполагаемое развитычъ здравымъ смысломъ человѣческимъ и подтверждаемое библіей, повѣствующею о послѣдовательности и постепенности въ твореніи),—и если, съ другой стороны, естественная наука допустить, что появленіе человѣка на почвѣ физическаго бытія обусловлено *новымъ* воздѣйствіемъ творческой силы божественной, безъ чего физическая природа не могла бы произвести человѣка (требованіе, скажемъ словами *Пфляйдерера*, оспаривать которое и не къ лицу разумной, понимающей себя естественной наукѣ, и не въ интересѣ ея, такъ какъ тутъ происходитъ не непосредственное и насильственное вторженіе огнѣ, а исполненіе цѣли теллурической жизни, къ которой она изначала стре-

должны находить и находимъ зачатки высшей, нравственной жизни человѣческой. И у нихъ находимъ по крайней мѣрѣ стремленіе къ личности, темное предчувствіе того, что человѣкъ есть нѣчто другое по сравненію съ животнымъ, отличное отъ него и высшее его, есть субъектъ, дѣйствующій по своему изволенію. И у нихъ встрѣчаемъ темное предчувствіе того, что человѣкъ находится не въ такомъ состояніи, къ какому онъ долженъ быть, что онъ носитъ въ себѣ жало накого-то внутренняго безпокойства, неизвѣстнаго животному, что онъ куда-то влечется, куда-то стремится. Это предчувствіе личнаго существованія, существенно отличнаго отъ существованія животнаго индивидуума, запечатлѣвается у дикарей и внѣшнимъ образомъ усвоеніемъ каждому человѣку имени ¹⁾ и закрѣпляется вѣрою въ загробную жизнь ²⁾. И у нихъ, далѣе, есть представленіе о

милась и осуществленіе которой вышло изъ внутренняго основанія міра и прошло чрезъ самодѣятельность твореній“; D. Religion, ihr Wesen u. ihre Geschichte, 1 Bd. s. 297).—А что касается первобытнаго состоянія человѣка, то и до грѣхопаденія состояніе первыхъ людей ни въ какомъ случаѣ нельзя представить нравственно совершеннымъ, такъ какъ нравственное совершенство есть *результатъ* нравственнаго развитія, а не *начало* его,—есть слѣдствіе свободной самодѣятельности, а не дается отъ природы, какъ нѣчто естественное. А тѣмъ болѣе послѣ грѣхопаденія человѣкомъ возобладавало естественное, чувственно-эгоистическое начало, по которому онъ погрязъ въ нравственной грубости.

¹⁾ *Вутте* называетъ изъ современныхъ народовъ только бушмановъ въ южной Африкѣ, болѣею частію не различающихъ другъ друга по имени; но этотъ народъ, по его замѣчанію, погрязаетъ въ глубокой духовной грубости. У него же приводится мѣсто изъ *Геродота*, свидѣтельствующаго о подобномъ же народѣ (не употребляющемъ имени) древности. Geschichte des Heidenthums in Beziehung auf Religion, Wissen, Kunst, Sittlichkeit und Staatsleben, I Th., Breslau, 1852, s. 106.

²⁾ „Поколикъ простирается наше наблюденіе и наше знаніе исторіи“, пишетъ *Штиссъ* въ капитальномъ историческомъ изслѣдованіи своемъ о вѣрованіяхъ въ загробную жизнь, „нѣтъ народа, у котораго бы нельзя было находить какихъ нибудь ожиданій загробной жизни, нигдѣ продолженіе и цѣль человѣческой жизни не считаются исчерпываемыми на землѣ“. Entwicklungsgeschichte der Vorstellungen von Zustände nach dem Tode auf Grund vergleichender

вышей, божественной силѣ, составляющей необходимое объективное основаніе нравственности, есть религіозное сознаніе. А такъ какъ религія предполагаетъ живое взаимообщеніе между божествомъ и человѣкомъ, то и у дикихъ народовъ должно имѣть мѣсто извѣстное нравственное (свободное) отношеніе человѣка къ божеству, выражающееся въ молитвѣ ¹⁾ и жертвѣ ²⁾. Хотя у нихъ нѣтъ связной исторической жизни, но есть переходящее изъ устъ въ уста преданіе, устанавливающее различіе между добромъ и зломъ, между похвальными и преступными дѣйствіями. У нихъ встрѣчаемъ зародышъ идеи высшей, абсолютной справедливости, заявляющій себя въ вѣрѣ въ непреклонную судьбу, карающую преступниковъ ³⁾ и обнимающую своею властительною силою даже боговъ ⁴⁾. На этой же вѣрѣ въ правосудную и разумную судьбу основываются встрѣчающіися

Religionsforschung, Jena, 1877, s. 172; чит. вообще стр. 144—173. Находимъ вѣру въ загробную жизнь даже у такихъ народовъ, какъ обитатели Фиджи, какъ Гренландцы и т. п., и даже вѣру довольно высоко развитую сравнительно съ весьма низкою степенью культуры и образованія религіознаго сознанія. И не удивительно; съ исканіемъ чего-то высшаго и лучшаго, того, что называютъ божествомъ, необходимо и естественно связывается и стремленіе къ такому состоянію, въ которомъ человѣкъ былъ бы поставленъ ближе къ послѣднему, чѣмъ находится на землѣ, въ которомъ жизнь его текла бы счастливѣе, чѣмъ теперь.

¹⁾ „Молитвы или нѣчто похожее на молитву“, пишетъ *Буттке*, встрѣчаются у всѣхъ народовъ, имѣющихъ какое-нибудь религіозное сознаніе, хотя дѣйствительное молитвенное прошеніе находимъ только у тѣхъ, которые представляютъ себѣ божественную силу не въ формѣ глухой силы природы, а въ формѣ одушевленнаго существа“. *Geschichte des Heidenthums*, 1 Th., s. 126.

²⁾ О жертвѣ *Буттке* замѣчаетъ: „жертва стоитъ въ завершеніи религіознаго сознанія, ея предполагается нѣкоторая степень зрѣлости послѣдняго, и потому-то мы не у всѣхъ грубыхъ естественныхъ народовъ встрѣчаемъ ее; но число послѣднихъ очень незначительно“. *Ibid.*, s. 131.

³⁾ Извѣстно испытаніе обвиняемыхъ посредствомъ раскаленнаго желѣза, вскипяченнаго масла, ядовитаго напитка, дикаго животнаго и т. п.

⁴⁾ Чит. *Буттке*, *Ibid.*, s. 97 и д..

у дикарей клятва ¹⁾ и вѣра въ предзнаменованія ²⁾. Есть и вѣра въ воздаяніе за гробомъ ³⁾.

Но всего этого весьма недостаточно для того, чтобы обосновать развитую и полную нравственную жизнь. Недостаточны здѣсь какъ субъективныя, такъ и объективныя основы. Въ первомъ отношеніи, какъ намъ уже извѣстно, центральный пунктъ составляетъ свобода воли человѣческой. Но о свободѣ воли у дикихъ народовъ не можетъ быть рѣчи въ истинномъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ нравственнаго характера, т. е. самоопредѣленія, направляемаго по идеѣ истиннаго человѣческаго существа и истиннаго человѣческаго назначенія. Только свобода, какъ формальная способность выбора проявляется у дикарей, и проявляется даже въ высокой степени, такъ какъ она есть необходимое предварительное условіе или діалектическое средство для проявленія субстанціальной свободы; дикарь порывисто направляется то туда, то сюда, хватается то за одно, то за другое и т. д... Но эта формальная (или психологическая) свобода не регулируется и не утверждается моральнымъ началомъ, коренящимся въ духовной природѣ человѣка, не возвышается на степень субстанціальной (или нравственной) свободы,—вслѣдствіе чего свобода является здѣсь беспорядочно и безцѣльно играющимъ произволомъ. Плотнo окутанный еще въ объективное основаніе происхожденія своего, взошедши еще весьма не высоко по лѣстницѣ субъективированія (*Гегель*), дикарь въ весьма значительной степени побуждается въ своей жизнедѣятельности естественными причинами, коренящимися въ индивидуальности человѣка, служащей натуральнымъ основаніемъ для развитія свободной личности, а не тѣми причинами, которыя человѣкъ износитъ изъ развитаго, свободного (и формально,

¹⁾ Ibid., с. 103.

²⁾ Ibid., с. 99 и д.

³⁾ Ibid., с. 114. 115. *Итисъ*, вышеуказ. страницы.

и субстанціально) своего существа, слѣд. въ весьма значительной степени находится еще въ томъ состояніи, которое можно назвать до-нравственнымъ или животнымъ. А находясь во власти естественной природы, дикарь неизбѣжно остается жертвою и всѣхъ тѣхъ волненій, нестроеній, безпорядковъ, которые происходятъ въ средѣ, неуправляемой разумною необходимостію; вслѣдствіе чего для него невозможно какъ неизмѣнно слѣдовать въ своей жизни велѣніямъ челоувческаго разума своего, осуществлять идею челоувческаго назначенія, такъ и закрѣплять волю свою въ этомъ направленіи; онъ есть трость, туда и сюда колеблемая вѣтромъ; онъ находится не въ своей собственной власти (какъ должно бы быть, коль скоро челоувкъ есть сама себя полагающая, сама себя создающая личность), а во власти чужой, во власти естественной индивидуальности; его дѣятельность не есть дѣятельность рефлексированная, а непосредственная. Однимъ словомъ, для него не возможна выработка нравственнаго характера, составляющаго послѣднюю задачу самообразованія челоувка, гарантирующаго святую жизнь (жизнь „мудреца“, по изображенію древнихъ философовъ) и усвоющаго челоувку истинное достоинство. Онъ находится въ такомъ состояніи, въ какомъ находится дитя, которое „или стоитъ подъ внѣшнею дисциплиною, или предано въ жертву дикой игрѣ инстинктивныхъ влеченій“, „душевная область котораго находится въ состояніи анархіи, среди которой хотя господствуетъ причинность, но причинность слѣпая, не упорядочиваемая яснымъ познаніемъ достоинства предметовъ и явленій и не освѣщаемая свѣтомъ самосознанія“¹⁾.

Понятно, что при такихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи о добродѣтели и порокахъ въ полномъ этическомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ для той и другаго требуется достаточная степень развитія самосознанія и самоопредѣленія.

¹⁾ *Диттесъ*, Ueber die sittl. Freiheit, s. 15.

Какъ о поступкахъ дѣтей мы судимъ не столько съ этической, сколько съ эстетической точки зрѣнія, такъ этотъ же масштабъ имѣетъ примѣненіе и къ дикарямъ. Еще *Аристотель* разграничилъ естественныя и этическія добродѣтели, разумѣя подъ первыми тѣ дѣйствія человѣка, которыя опредѣляются не силою свободной воли, а возбужденіями естественной индивидуальности, вытекаютъ не изъ характера, а изъ темперамента. Еще *Аристотель* указалъ, что такія добродѣтели (которыя находятся и у дѣтей и у животныхъ) сами по себѣ не имѣютъ никакого достоинства, такъ какъ въ нихъ не проявляется невынужденное изволеніе человѣка на добро. Такія добродѣтели по *Аристотелю* могутъ быть даже вредными и опасными, когда напр. человѣкъ добродушный поставленъ въ такія обстоятельства, при которыхъ необходимо проявлять строгую справедливость,—когда отъ человѣка строго справедливаго отъ природы потребуются состраданіе и милосердіе,—когда человѣкъ мужественный не ограничиваетъ себя, гдѣ потребуется, скромностію и умѣренностію и т. д. Есть, правда, и выгодная сторона въ томъ состояніи человѣка, въ которомъ онъ совершаетъ естественныя добродѣтели: съ одной стороны, естественныя добродѣтели могутъ предрасполагать и нерѣдко предрасполагаютъ къ совершенію этическихъ добродѣтелей, а съ другой, въ случаѣ человѣкъ поступитъ въ этомъ (естественномъ) состояніи недобродѣтельно, онъ не настолько отвѣтственъ, насколько отвѣтственъ въ томъ состояніи, когда поступаетъ этически недобродѣтельно. Но дѣло въ томъ, что и нравственная заслуга человѣка уменьшается, какъ сейчасъ замѣчено, по мѣрѣ того, насколько человѣку легко было по природѣ (и по внѣшнимъ обстоятельствамъ) совершить добро, и увеличивается по мѣрѣ того, на сколько совершеніе послѣдняго было трудно,—вообще съ этической точки зрѣнія цѣнится не непосредственная и произвольная дѣятельность, а рефлектированная и добровольная. Кромѣ того, могутъ быть и бываютъ у человѣка и естественныя недоб-

родѣтели, естественные пороки, влекущіе его къ этическимъ грѣхамъ и порокамъ; а съ другой стороны, человѣкъ не можетъ удовлетвориться тою невинностію, которою обладаютъ и дѣти и животныя, но долженъ преобразовывать ее въ святость.

Съ недостаткомъ у дикарей свободы въ истинномъ смыслѣ этого слова (въ смыслѣ самоопредѣленія по нравственной идеѣ), съ недостаткомъ рефлексированной дѣятельности находится въ связи крайняя неразвитость у нихъ сознанія объективнаго нравственнаго закона. Излишне и говорить, что у нихъ не можетъ быть моральныхъ системъ; послѣднія не встрѣчаются и у историческихъ языческихъ народовъ до образованія у грековъ философіи. Дѣло у дикарей ограничивается полудяснымъ, полутемнымъ сознаніемъ господствующихъ въ народѣ и передаваемыхъ по преданію¹⁾ нравовъ, противостоящихъ нравственному субъекту въ формѣ внѣшнихъ границъ. Совѣсть, эта носительница нравственнаго закона, какъ въ матеріальномъ отношеніи (по содержанію) у дикихъ весьма неправильна, такъ какъ нуждается для правильнаго образованія своего въ надежномъ внѣшнемъ руководствѣ, такъ и въ формальномъ отношеніи крайне неразвита, такъ какъ высокое развитіе ея сопряжено съ такимъ же развитіемъ всѣхъ вообще силъ человѣческаго духа. Въ первомъ отношеніи достаточно указать на такія явленія у дикихъ народовъ, какъ напр. умерщвленіе, по требованію совѣсти, стариковъ, или самоубійство; достаточно обратить вниманія на причисленіе къ грѣховнымъ дѣйствіямъ такихъ случаевъ, которые совершенно безразличны въ нравственномъ отношеніи, напр. случая, когда человѣкъ ступитъ на слѣдъ ноги медвѣдя (у камчадаловъ)

¹⁾ Письма, этого основанія высшаго образованія человѣка и существеннаго отличительнаго признака историческихъ народовъ, нѣтъ у дикарей, слѣд. не можетъ быть у нихъ кодекса письменныхъ предписаній нравственнаго закона, составляющаго (кодекса) нерушимое основаніе нравственной жизни человѣка.

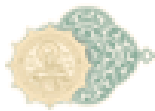
и т. п.... У нѣкоторыхъ народовъ крайне съуживается область нравственнаго зла, напр. считается нравственнымъ зломъ одно только умерщвленіе невиннаго (у жителей Лабрадора). Вообще, у дикихъ замѣчается большая неправильность въ разграниченіи добра и зла. Хотя при общемъ обзорѣни исторіи замѣчаемъ, что человѣчество направлено на постепенную выработку истинныхъ нравственныхъ нормъ, что оно невольно влечется къ осуществленію въ жизни своей „общаго практическаго разума“, что въ сужденіяхъ лучшей части человѣчества всѣхъ временъ, и народовъ господствуетъ согласіе по крайней мѣрѣ въ главныхъ пунктахъ различенія добра и зла, хотя, по-этому, и у дикихъ народовъ, на ступени зачаточнаго развитія нравственнаго сознанія, уже замѣчается нѣкоторое сродство въ различеніи добра и зла и стремленіе къ истинному разграниченію ихъ, но, какъ и вообще въ исторіи мы встрѣчаемъ рядомъ съ истиною много колебаній, уклоненій, неправильностей, разногласій въ мнѣніяхъ и ученіи о томъ, что добро и что зло въ нравственномъ отношеніи, такъ въ частности и по преимуществу у дикихъ народовъ, на самой низкой ступени развитія нравственнаго сознанія, мы не вправе ожидать ясности, правильности и полнаго согласія по этому предмету. Если обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что при крайнемъ неразвитіи духовной стороны существа своего, человѣкъ руководствуется въ жизни своей чувственными мотивами, то намъ понятно будетъ смѣшеніе у дикихъ народовъ нравственнаго и безнравственнаго, позволительнаго и непозволительнаго съ пріятнымъ и непріятнымъ, съ полезнымъ и вреднымъ или убыточнымъ, вообще господство грубаго принципа удовольствія и пользы, какъ определяющаго начала въ жизни. Вообще, при крайней неразвитости, при совершенной почти неразграниченности у дикарей, вслѣдствіе недостатка рефлексіи, различныхъ областей и сторонъ въ существѣ и жизни человѣка, у нихъ не можетъ быть выдѣленія нравственной сферы въ видѣ

особаго, отличнаго отъ другихъ сферъ и болѣе или менѣе самостоятельнаго начала; а такъ какъ господствующая тенденція ихъ есть тяготѣніе къ чувственности, какъ сейчасъ замѣчено, то нравственная область ихъ увлекается чувственною областію и смѣшивается съ нею.

Но совѣсть дикарей, сказали мы, не только весьма не-правильна и искажена въ матеріальномъ отношеніи, по со-держанію, но и весьма неразвита и неотзывчива въ фор-мальномъ отношеніи; другими словами: у нихъ весьма не развито чувство долга, сознаніе обязанности одно дѣлать, а другого не дѣлать. Влекомые къ дѣятельности побужденіями естественной природы своей, они дѣйствуютъ непосредствен-но, не задумываясь надъ различными возможностями въ дѣятельности и надъ необходимостію дѣлать по извѣстному началу (именно нравственному, возвышающему о себѣ въ совѣсти) выборъ между ними; если обязующая совѣсть и пробивается въ ихъ сознаніи, то только моментально и от-рывочно, и потому не можетъ производить того дѣйствія, какое она назначена производить въ жизни человѣка. Пото-му-то у дикарей нѣтъ мѣста для нравственной борьбы и усилій изъ-за побѣды высшихъ стремленій духовной приро-ды человѣческой, требованій нравственнаго закона надъ вле-ченіями грубаго эгоизма,—между тѣмъ какъ необходимость этихъ усилій все увеличивается по мѣрѣ того, какъ въ че-ловѣка вошелъ грѣхъ и какъ эта объективная (родовая) злая сила закрѣпляется въ существѣ индивидуума свобод-нымъ изволеніемъ его воли. Сознаніе мучительнаго раздвое-нія въ существѣ человѣка, сознаніе грѣха и вины также помрачено у дикаря; и наказующая совѣсть, точно также какъ обязующая, дремлетъ, или если пробивается, то уры-вочно и моментально. Предчувствіе „злой судьбы“, этого бича языческихъ народовъ на самой высшей ступени разви-тія язычества (у грековъ), еще весьма темно у дикарей, вслѣдствіе недостаточности духовнаго развитія.

Апостолъ Павелъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ посланія къ римлянамъ о возможности для человѣка такого состоянія, въ которомъ онъ „живетъ безъ закона“¹⁾, и тутъ же прибавляетъ, что „безъ закона грѣхъ мертвъ“. Если кому изъ народовъ мы въ правѣ усвоить такое состояніе, такъ это, конечно, дикарямъ. Это такое же состояніе, какое мы наблюдаемъ въ человѣческомъ индивидуумѣ въ его дѣтствѣ и даже юности. „Безъ закона (въ указанномъ смыслѣ) живетъ молодая, невинная дѣвушка“, пишетъ *Мартенсенъ* „возрастающая подъ безсознательнымъ вліяніемъ семейнаго воспитанія и семейныхъ нравовъ, въ довольствіи жизни слѣдующая индивидуальной своей природѣ и счастливымъ инстинктамъ, какъ геніемъ—хранителемъ, руководящимъ ее къ тому, что благо, учтиво и любезно,—хотя въ ея привлекательной невинности бываетъ и немалая примѣсь наивнаго самолюбія. Безъ закона живетъ юноша, здравая натура котораго предохраняетъ его отъ путей безнравственности, и внутреннее существо котораго исполнено богатствомъ идеаловъ; который весь поглощенъ стремленіемъ воспринять въ себя прелесть земнаго существованія, всецѣло отдавъ начинающему развиваться своему таланту. Серіозная задача личности и совмѣстно съ тѣмъ скрытое противорѣчіе въ осуществленіи ея, вызывающія на слѣдующей ступени жизни жаркую борьбу, здѣсь еще не сознаются. Тоже самое имѣетъ значеніе и въ противоположномъ направленіи. Какъ есть индивидуумы, которымъ мы приписываемъ доброе природное расположеніе, такъ есть и такіе, о которыхъ мы говоримъ, что они дурной природы. Есть индивидуумы, еще въ дѣтствѣ и юности покрытые позоромъ, загрязненные грѣхами и пороками, но при всемъ томъ живущіе безъ закона, т. е. не сознающіе грѣховъ своихъ грѣхами, не знающіе, что дѣлаютъ или по крайней мѣрѣ знающіе это весьма поверхностно,

¹⁾ Гл. 7, 9.

лишь кое-что" ¹⁾. Средное явление, продолжает *Мартензенъ*, мы наблюдаемъ въ мірѣ сказочномъ. „Выступающія въ сказкахъ на сцену личности не суть характеры въ этическомъ значеніи этого слова, а суть добрыя или злыя, благородныя или неблагородныя, высшаго или низшаго сорта *натуры*, которыя безмятежно преслѣдуютъ свою цѣль, не будучи удручаемы тяжестью этическихъ задачъ ²⁾. Неудивительно поэтому, если такое наивное и беззаботное состояніе чело-вѣка, состояніе безъ закона (въ указанномъ смыслѣ) и безъ сознанія тяжести грѣха и вины представляется ему на слѣдующей ступени „развитія нравственнаго сознанія завиднымъ состояніемъ, потеряннымъ „раемъ“. „Привлекательная сила, производимая на насъ сказочными стихотвореніями, основывается на томъ, что они отражаютъ посредствомъ увеличительнаго стекла фантазіи соотвѣтствующіе опыты нашей собственной души, отражаютъ то, что нами самими пережито; и затѣмъ, когда мы находимся въ другихъ, даже противоположныхъ отношеніяхъ, они представляютъ намъ какъ бы въ сновидѣніи наше потерянное дѣтство, міръ нашей непосредственной ³⁾ жизни“ ⁴⁾. Понятно, что нравственное вмѣненіе не можетъ имѣть полнаго приложенія къ чело-вѣку въ періодъ такого состоянія, такъ какъ степень нравственнаго вмѣненія увеличивается или уменьшается по мѣрѣ уясненія чело-вѣкомъ нравственнаго закона и свободы въ самоопредѣленіи его воли. Хотя и дикари не неповинны, такъ какъ и они подвержены господствующему въ чело-вѣческомъ родѣ грѣху, такъ какъ и они, какъ духовно-тѣлесныя существа, проявляютъ отчасти свойства нравственнаго существа, но, понятное дѣло, они не могутъ быть поставляемы по вмѣняемости имъ ихъ дѣйствій въ уровень напр. съ хри-

¹⁾ D. christl. Ethik.. Speciel. Th. Gotha, 1878, s. 5.

²⁾ Ibid, s. 6.

³⁾ А не рсфисъ провал ої.

⁴⁾ Ibid.

стіаниномъ, который можетъ совершить даже »грѣхъ противъ Духа Святаго«. Но мы уже говорили, что съ высшей житейской точки зрѣнія описанное сейчасъ невинное, привлекательное состояніе человѣка не можетъ быть завиднымъ, не можетъ быть въ истинномъ смыслѣ раемъ, такимъ раемъ, который пріобрѣтается самимъ человѣкомъ, а не даруется ему непосредственно,—не можетъ быть „царствіемъ небеснымъ“, обѣщаннымъ человѣку за побѣду надъ грѣхомъ. Задача человѣка, какъ нравственнаго (свободнаго) существа,—оставить это наивное состояніе позади себя и стремиться впередъ—на борьбу и побѣду.

Какъ видимъ, у дикарей не можетъ быть достаточнаго разграниченія идеи (идеала) и дѣйствительности, идеальной и реальной стороны,—разграниченія, необходимо предполагаемаго ученіемъ о нравственности и нравственной жизни, коль скоро послѣднія не ограничиваются слѣдованіемъ тому, что существуетъ, а занимаются тѣмъ, и создаютъ то, что *должно* быть (на основаніи того, что существуетъ),—коль скоро этика не есть физика. Для такого разграниченія требуется извѣстная степень рефлексіи, требуется отъ человѣка мысленно превзойти себя, отрѣшиться отъ своего дѣйствительнаго, реальнаго существованія и стать на точку зрѣнія существованія возможнаго, идеальнаго. Между тѣмъ дикарь, сказали мы, при духовной неразвитости своей живетъ больше непосредственною жизнью, тѣмъ, что есть у него предъ глазами, а не тѣмъ, что носится у него надъ головой. А извѣстно, что по мѣрѣ ниспаденія человѣка изъ сферы идеальнаго въ область реальнаго, человѣкъ огрубѣваетъ, натурализируется, уподобляясь существу физическому, животному. Если у дикарей мы нашли вѣру въ загробную жизнь, слѣд. въ существованіе, переступающее предѣлы сей земной жизни и превосходящее ее, то и загробная жизнь представляется у дикарей съ такимъ же характеромъ чувственности, грубости, реализма, съ какимъ является у нихъ настоящая жизнь; „загробная область есть

у нихъ не что иное, какъ *другой* чувственный міръ, только лучше, счастливѣе видимаго нами теперь²; „смерть есть выгодный промѣнъ одной чувственной жизни на другую, но не есть существенное измѣненіе существованія“¹). И въ загробной жизни человѣкъ будетъ ѣсть, пить, спать, охотиться, улаживаться женщинами и т. п.; только средства этихъ наслажденій будутъ богаче и вѣрнѣе въ будущей жизни, напр. деревья постоянно будутъ зеленѣть, животныя сами собою будутъ доставляться въ пищу человѣку, солнце не будетъ жечь, не будетъ болотъ и наводненій, ночи не будетъ, женщины никогда не будутъ старѣться, не будетъ русскихъ и казаковъ и т. д.³). Однимъ словомъ „человѣкъ-дикарь рисуетъ себя не только въ представленіяхъ о своихъ богахъ, но и въ представленіяхъ о загробной жизни, въ ожиданіяхъ неба и ада“³).

Но для прочности нравственнаго сознанія и вѣрности достиженія нравственной цѣли недостаточно отвлеченной нравственной идеи, какъ объективнаго основанія нравственности,—необходима еще такая конкретная жизнь, которая была бы носителемъ безусловной нравственной идеи и ручательницей непремѣннаго достиженія нравственной цѣли, необходимаго осуществленія идеи блага. Тѣмъ и другимъ можетъ быть только воля абсолютнаго существа; слѣд. нрав-

¹) *Вуттке*, Geschichte d. Heidenthums, 1 Th., s. 112. См. вообще стр. 11 и д.—На настоящее сочиненіе *Вуттке* мы ссылаемся и будемъ ссылаться чаще, чѣмъ на другія отчасти потому, что въ немъ довольно подробно говорится о разсматриваемыхъ здѣсь предметахъ, а отчасти потому, что въ немъ послѣ всякаго параграфа есть богатое указаніе литературы.

²) Потому-то при погребеніи, особенно знатной особы, погребаются или уничтожаются у большей части дикихъ народовъ и важнѣйшія статьи ихъ имущества, какъ-то—жены, наложницы, слуги, лошади и т. д. „Это не есть *жертва*“, замѣчаетъ *Вуттке*, „не есть религіозное дѣйствіе; это не больше, какъ фактическое выраженіе права на имущество, обусловленное своеобразнымъ представленіемъ о будущей жизни; каждому свое, слѣд. и мертвому; въ сущности онъ перемѣняетъ только мѣсто: пребываніе свое, и слѣдов. имѣетъ естественное право взять съ собою и свое имущество“. Ibid., s. 114.

³) *Шмиссъ*, Entwicklungsgeschichte der Vorstellungen vom Zustande nach dem Tode, s. 155. Чит. вообще стр. 144 и д..

ственность въ человѣческомъ родѣ предполагаетъ, какъ объективное основаніе свое, абсолютную волю, какъ вѣчную носительницу нравственной идеи, какъ законодательницу и какъ міроправительницу. Но извѣстно, что религіозно-нравственное сознаніе дикарей весьма далеко отъ представленія о такой волѣ. Обоотвореніе отдѣльныхъ предметовъ природы въ ихъ непосредственномъ видѣ или фетишизмъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, обоотвореніе созданныхъ человѣкомъ для себя кумировъ или фетишизмъ въ собственномъ смыслѣ этого слова и шаманство или символизмъ (демоническій культъ)—вотъ формы религіи, принадлежащія дикимъ народамъ. Вообще у нихъ господствуетъ объективный натурализмъ; божество представляется въ видѣ отдѣльныхъ чувственныхъ предметовъ ¹⁾; и хотя на третьей степени, въ обоотвореніи демоновъ, религіозное сознаніе ихъ освобождается отъ грубаго чувственнаго существованія, но и не поднимается въ духовную область,—демоны ихъ имѣютъ только видъ (призракъ) духа, а не суть дѣйствительныя духовныя существа, обладаютъ только натуральною душой, а не субъективнымъ духомъ. Какъ божество къ человѣку, такъ и человѣкъ къ божеству относится у дикарей недостойно, несообразно религіозному представленію, предполагаемому возвышеннымъ понятіемъ о нравственности. Съ одной стороны, божество, распадаясь на добрыя и злыя божественныя силы ²⁾, относится къ человѣку, благодѣтельствуя или вредя ему по произволу и прихотямъ, а не по разумной необходимости (демоны), слѣд. не можетъ возбудить довѣрія и благоговѣнія къ себѣ; притомъ добро и зло понимаются здѣсь не въ высшемъ нравственномъ

¹⁾ Не достигаютъ еще обоотворенія природы подъ формою одной общей силы или сущности.

²⁾ Дуализмъ у дикихъ народовъ поверхностный еще и слабый, а не тотъ основной, принципиальный, который принадлежитъ позднѣйшей ступени язычества.

смыслѣ, а въ самомъ низкомъ утилитаристическомъ. Съ другой стороны, человѣкъ относится къ божеству свободно, даже дерзко; и можетъ ли онъ иначе относиться напр. къ фетишу, который есть его собственное произведеніе и, слѣдовательно, можетъ быть выброшенъ вонъ и замѣненъ другимъ въ случаѣ недовольства почитателя его. Хотя у дикарей мы нашли вѣру въ судьбу, какъ предчувствіе единого абсолютнаго духа, но эта вѣра выходитъ за предѣлы религіи дикихъ и вообще языческихъ народовъ, не составляетъ органической части ея,— и потому нигдѣ мы не видимъ, чтобы судьба была предметомъ культа. „Ни у одного языческаго народа“, пишетъ Вуттке, „судьба не вытекала изъ дѣйствительной религіи этого народа; она, напротивъ, находится въ рѣзкой противоположности съ послѣднею, есть ангелъ смерти, сопровождающій ея шаги, краска стыда на ея щекахъ. Въ противоположности между божественными силами религіи и судьбой открывается внутреннее, но безсознательное противорѣчіе между идеей божества и ея явленіемъ; и мы не поймемъ язычества, если выпустимъ изъ вниманія это внутреннее противорѣчіе, если идею судьбы захотимъ объяснить изъ народной религіи, вмѣсто того чтобы искать ее за предѣлами ея. . Нигдѣ судьба не мирится съ народными богами; повсюду, гдѣ находятся *отдѣльныя* божественныя силы, она стоитъ въ противоположности съ ними, какъ высшая сила, какъ обнаруженіе того повиннаго сознанія боговъ, что они не суть то, чѣмъ *должны* быть, что они отъ *сею* міра, между тѣмъ какъ они *должны* быть духовною силою, *превосходящею* послѣдній, и потому носятъ въ себѣ зерно смерти. Судьба есть херувимъ съ пламеннымъ мечемъ насупротивъ рая жизни, наблюдающій за тѣмъ, чтобы боги, вкусившіе отъ плода конечности, не вкусили отъ древа жизни“ ¹⁾. Потому-то судьба есть темная, слѣпо дѣйствующая сила,—хотя преслѣдующая законъ необходимости (въ противоположность произволу и случай-

¹⁾ Geschichte d. Heid., s. 98.

ности въ дѣйствіяхъ боговъ), но отнюдь не выполняющая единого святаго міроваго плана, а обнаруживающаяся въ отрывочныхъ актахъ или группахъ актовъ, соединенныхъ между собою не внутреннею и существенною связью, а внѣшнею и случайною. Если же у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ судьба представляется силою разумною, то, во всякомъ случаѣ, она есть не больше, какъ абстрактное понятіе, какъ свойство только чего-то или кого-то, а не самый этотъ предметъ, не самый духъ; и потому-то человѣкъ не можетъ находиться въ живомъ взаимодействіи съ судьбой, не можетъ предаваться ей, обожать ее, учреждать культа въ честь ея.

Такимъ образомъ при недостаткѣ субъективнаго достаточнаго основанія нравственности, т. е. при недостаткѣ сколько нибудь развитаго сознанія личности человѣческой, обладающей силою разумнаго самоопредѣленія, способной къ нравственному вмѣненію, уклонившейся отъ нормальнаго развитія и нуждающейся въ помощи спасающей силы божества, дикимъ народамъ недостаетъ и объективнаго основанія нравственности, т. е. сознанія личнаго Бога, какъ вѣчнаго носителя нравственной идеи, неисчерпаемаго источника нравственнаго закона и неограниченнаго міроправителя, вліяющаго на нравственное развитіе и совершенствованіе человѣка не только въ качествѣ творца и промыслителя, но и въ значеніи искупителя, пособляющаго человѣку исправлять и очищать грѣховную жизнь свою и достигать святости.

На такихъ-то основахъ создается нравственная жизнедѣятельность дикихъ народовъ; изъ такой-то сущности происходятъ у нихъ нравственныя явленія. Натурально, что между тѣмъ и другимъ должно быть близкое сходство, тожество характера. Далѣе мы увидимъ, что оно такъ и есть.

При тѣхъ условіяхъ, при какихъ живутъ дикари, и которыя сейчасъ описаны нами, не можетъ быть мѣста нрав-

ственному самообразованію, постепенному нравственному совершенствованію. Для послѣдняго требуется два существенныя условія. Во первыхъ, разграниченіе и созерцаніе (внутреннее) идеи (идеала), по которой долженъ быть формируемъ матеріалъ, и матеріала, который долженъ быть формируемъ по идеѣ и въ которомъ должна воплощаться идея; но этого недостаетъ, какъ мы видѣли, у дикарей. Во вторыхъ, требуется связанная жизнь, чтобы всѣ моменты, изъ которыхъ слагается жизнь извѣстнаго человѣка и которые составляютъ содержаніе послѣдней, не стояли изолированно другъ при другѣ и не проходили и исчезали безслѣдно, но чтобы имѣли между собою внутреннюю неразрывную связь, чтобы каждый изъ послѣдующихъ моментовъ вліялъ на уясненіе, очищеніе, закрѣпленіе и возвышеніе каждаго изъ предшествовавшихъ моментовъ, и каждый изъ предшествовавшихъ моментовъ вліялъ на вызовъ восполняющаго его послѣдующаго момента, и чтобы всѣ они постепенно и въ порядкѣ слагались въ общую сокровищницу содержанія живущаго человѣческаго духа. Только при такомъ условіи духъ человѣческій будетъ постепенно и непрерывно расширяться, обогащаться, возвышаться, образовываться, совершенствоваться, и слѣд. будетъ приближаться къ своему идеалу. Между тѣмъ и этого недостаетъ у дикарей. Дикіе народы обыкновенно помѣщаются внѣ предѣловъ исторіи, считаются народами „неисторическими“; это значитъ, что въ жизни ихъ недостаетъ связаннаго духовнаго развитія, проникнутаго одною общою идеей, — недостаетъ внутренней органической связи какъ между всею совокупностію дикихъ народовъ, такъ и между моментами жизненнаго движенія одного изъ этихъ народовъ; вмѣсто правильнаго (законосообразнаго) и необходимаго процесса, мы находимъ у нихъ беспорядочное и безцѣльное волненіе, подъ вліяніемъ виѣшнихъ случайныхъ толчковъ. А что характерно для цѣлаго общества дикарей, это характеризуетъ и дикаря-индивидуума. И его духовная жизнь представляетъ не связанный организмъ, а случайно сплоченную массу.

Повторяемъ, здѣсь не можетъ быть прогрессивнаго нравственнаго совершенствованія, нравственнаго самообразованія, предполагаемаго и требуемаго идеей нравственности, здѣсь человѣкъ не поднимается на высшую ступень сравнительно съ тою, на которой онъ находился прежде, онъ постоянно погрязаетъ въ томъ низкомъ состояніи, которое напоминаетъ животное состояніе.

Послѣ сказаннаго намъ понятна будетъ наблюдаемая у дикарей быстрая и радикальная мѣна душевнаго настроенія, рѣшимости и дѣйствій. Въ характеристикахъ многихъ дикихъ народовъ, сдѣланныхъ различными путешественниками, встрѣчаемъ довольно разнорѣчивыя сужденія; какъ на одну изъ причинъ разнорѣчія слѣдуетъ указать именно на непостоянство характера дикарей, на измѣчивость въ намереніяхъ и дѣйствіяхъ ихъ, вслѣдствіе чего одному путешественнику могло рѣзче броситься въ глаза и могло быть сочтено характернымъ для извѣстнаго народа то, что совершено въ одно время, и при однихъ обстоятельствахъ, а другому путешественнику то совершенно противоположное, что совершено въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ. „Естественная доброта человѣческаго рода“, пишетъ *Лотце*, „очень далека отъ того, чтобы вести насъ прямо къ нравственному развитію. Пусть найдется у дикихъ племенъ тотъ или другой простой обычай, говорящій въ ихъ пользу (противъ переобразованности нашей цивилизаціи), пусть наивное проявленіе иныхъ прекрасныхъ сторонъ природнаго ихъ характера очаровываетъ насъ своею граціей,—рядомъ съ этими свѣтлыми точками лежитъ обыкновенно тѣмъ болѣе мрачная тѣнь, и общій типъ этой натуральной жизни у любого дикаго племени представляетъ крайнее непостоянство, безсвязность и непредвидимую непослѣдовательность; обокъ съ лучшими проявленіями отдѣльных нравственныхъ чувствъ въ изобиліи кишатъ самыя неожиданныя гнусности и самыя безчеловѣчныя злодѣяства“ ¹⁾. „Счастливыя

¹⁾ Микрокозмъ, 2 т., 511.

«климатъ», продолжаетъ тотъ же писатель, „родовая доброта физической организаціи и отсутствіе трудной работы развиваютъ у людей, точно такъ же, какъ и у животныхъ, красоту и гибкость тѣла и естественную грацію пріемовъ и поступки, помимо всякой душевной глубины; гдѣ простота отношеній не даетъ никакого повода къ продолжительнымъ и непримиримымъ раздорамъ, тамъ благорасположеніе и добродушіе, охотно причисляемые нами къ врожденнымъ наклонностямъ человѣка, легко могутъ проявить собою существованіе и украсить его извѣстными чертами общественной деликатности; но безъ привычки озираться человѣческую жизнь въ ея полнотѣ, не вѣдая ни ея смысла, ни ея цѣлей, этотъ естественный строй души встрѣчаетъ въ нашемъ существованіи слишкомъ много пробѣловъ, слишкомъ много такихъ вещей, которымъ нельзя, повидимому, дать никакого нравственнаго опредѣленія, такихъ отношеній, которыя можно толковать такъ или иначе, и которыя потомъ, при первомъ толчкѣ со стороны темперамента или какойнибудь внѣшней случайности, переходятъ вдругъ въ совершенное безчеловѣчіе и варварство, часто совсѣмъ наперекоръ тѣмъ умильнымъ и прекраснымъ чертамъ, которыя въ началѣ такъ много общали“¹⁾.

Но если въ жизни дикаря мы встрѣтимъ много непостоянства, измѣнчивости, случайности, много явленій противоположныхъ, непримиримыхъ, то, тѣмъ не менѣе, и у него не можетъ не быть основнаго тяготѣнія къ извѣстному центру, — такъ какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда законосообразность и цѣлесообразность не проявляются въ формѣ свободно-выработаннаго нравственнаго характера, онѣ проявляются въ формѣ произвольнаго естественнаго влеченія. А основное тяготѣніе человѣка „естественнаго“ (наблюдаемое и на животныхъ) есть эгоистическое тяготѣніе къ самому себѣ.

¹⁾ Ibid., стр. 512. 513.

Эгоизмъ же, соотвѣтственно двусторонности существа чело-вѣческаго, проявляется въ двухъ основныхъ формахъ: въ формѣ грубаго влеченія къ чувственному наслажденію и въ формѣ высокоумнаго самопревозношенія. Последнее дикарь обнаруживаетъ главнымъ образомъ въ столкновеніяхъ своихъ съ другими людьми, а первое—въ направленіи внима-нія на благосостояніе свое, какъ индивидуума.

Страсть къ чувственному благосостоянію, столь есте-ственная существу, стоящему на ступени близкой къ жи-вотному состоянію, существу, у котораго всѣ высшіе духов-ные интересы совсѣмъ неразвиты, и потому все вниманіе направляется на интересы низшіе, плотскіе, обнаруживает-ся у дикарей въ различныхъ возможныхъ формахъ. Самая грубая, положительная форма ея—это обжорство, пьянство и развратъ, признаваемые за высочайшія блага у дикихъ народовъ. Встрѣчаются правда исключенія, случается и такъ, что дикіе народы то поднимаются, то упадаютъ въ наз-ванномъ отношеніи (какъ и въ другихъ) подъ вліяніемъ внѣш-нихъ обстоятельствъ ¹⁾; но тѣмъ не менѣе тяготѣніе къ чувственности есть одна изъ основныхъ чертъ въ нрав-ственной жизни дикарей. Такимъ образомъ дикіе народы находятся въ полномъ обладаніи у физической природы и рабобѣпствуютъ ей.

Страсть къ чувственному наслажденію обнаруживается у дикарей и отрицательнымъ образомъ. Такъ какъ дикарь живетъ преимущественно чувственною жизнью, а одно изъ общихъ свойствъ физическихъ тѣлъ есть инертность, кос-ность, то потому дикарь сильно расположенъ къ бездѣйствію и лѣности; онѣ составляютъ для него высшее наслажденіе, такъ какъ доставляютъ удовлетвореніе влеченію, свойствен-ному той низкой ступени жизни, на которой стоитъ дикарь.

¹⁾ Подъ вліяніемъ напр. европейцевъ дикіе народы въ иныхъ случаяхъ поднимаются на высшую ступень состоянія, а въ другихъ случаяхъ научаются новымъ порокамъ, или укрѣпляются въ извѣстныхъ уже имъ.

Ясно, что въ этомъ случаѣ дикарь составляетъ противоположность человѣку духовной жизни, которой свойственны самоопредѣленіе, самодѣятельность, энергія; ясно также, что онъ игнорируетъ неизбѣжный удѣлъ человѣка въ настоящемъ его состояніи—стремиться къ своему назначенію и достигать побѣды посредствомъ трудной и продолжительной борьбы, „въ потѣ лица“,—что онъ находится въ противорѣчій съ тѣмъ христіанскимъ подвижникомъ, который воюетъ противъ себя день и ночь, прежде чѣмъ успѣетъ притупить въ себѣ жало грѣха. Правда, у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ встрѣчаются намъ факты повидимому противорѣчащіе указанной характеристической чертѣ жизни дикихъ народовъ; напр. у негровъ замѣчается въ иныхъ случаяхъ значительная степень труда, терпѣнія, энергіи; каффы весьма мужественны и воинственны; индѣйцы и малайцы отличаются чрезвычайною подвижностію и возбудительностію. Но эти явленія не противорѣчаютъ общей характеристикѣ дикихъ народовъ; они объясняются или случаями корыстныхъ видовъ, возможности добычи, или бѣдностію страны, вынуждающею на трудъ, или живостію темперамента, или желаніемъ мести,—слѣд. во всѣхъ случаяхъ энергическая дѣятельность и рачительный трудъ суть случайные перемежающіеся феномены въ жизни дикарей, а не постоянная характерная нравственная черта. Какая польза въ томъ, если напр. индѣйцы обнаруживаютъ на войнѣ напряженную дѣятельность и удивительное терпѣніе въ преслѣдованіи цѣли, когда послѣ сраженія они предаются тѣмъ болѣшему усыпленію и бездѣйствію. До какой степени доходить у дикарей бездѣйствіе, достаточно видѣть на готтентотахъ, которыхъ лѣность вошла въ притчу, или на знатныхъ особахъ у дикарей, которые за столомъ заставляютъ другихъ набивать имъ ротъ пищею.

А съ лѣнливою бездѣятельностію естественно связывается легкомысленная безпечность, нерадѣніе на счетъ средствъ и условій безопаснаго существованія,—такъ какъ для послѣдняго требуются чуждыя имъ сообразительность и

бдительность. Дикарь живетъ какъ попало, настоящею минутою, не думая о будущей и не вспоминая о прошедшей. Потому-то дикари часто терпятъ, вслѣдствіе непредусмотрительности и безпечности своей, крайнюю нужду въ средствахъ пропитанія; и при всемъ томъ не могутъ побудить себя предупреждать послѣднюю возможными способами. Умертвивъ множество животныхъ съ свойственною дикарю яростію, дикарь-звѣроловъ сѣдаетъ сколько ему нужно, а остальное бросаетъ, не думая о томъ, что быть можетъ завтра ему придется голодать, и что лишнимъ истребленіемъ животныхъ онъ ограничиваетъ средства своего существованія.

Наконецъ характерно для дикаря то, что онъ, живя по преимуществу чувственно-естественною жизнію и не интересуясь своимъ будущимъ и прошедшимъ, не знаетъ того томленія по идеалѣ, и того созданія плановъ на счетъ будущаго, того възвѣшиванія прошедшей жизни, которыя такъ волнуютъ, озадачиваютъ и томятъ человѣка развитаго въ духовномъ отношеніи; ему неизвѣстна и та изысканность и искусственность жизни, которымъ научился современный прогрессистъ-европеецъ. Потому-то дикарь всегда доволенъ своею жизнію и своимъ жребіемъ, даже среди давящей его нужды. Живя среди вѣчныхъ снѣговъ, и льдовъ онъ не захочетъ двинуться нѣсколько къ югу, гдѣ можетъ смягчиться непріятное ощущеніе холода; живя подъ палящими лучами солнца, онъ не двинется къ сѣверу, чтобы ослабить для себя дѣйствіе солнечнаго зноя. И потому-то дикарю не свойственно добровольное самоуничтоженіе, самоубійство; напротивъ „естественному“ человѣку свойственны „борьба за существованіе“ и самосохраненіе. Правда, у дикарей иногда встрѣчается самоубійство, какъ иногда оно бываетъ у животныхъ. Но его причиною служатъ только недостатокъ устойчивости, терпѣнія и самоотверженности, а также нѣкоторыя фальшивыя представленія о загробной жизни и объ отношеніи къ ней настоящей.

Послѣ сдѣланной характеристики дикихъ народовъ не

натурально и несправедливо было бы думать, будто дикарямъ свойственно стремленіе къ умственному и нравственному совершенствованію. Напротивъ, по силѣ характеризующихъ ихъ лѣности, праздности, безпечности, тяготѣнія къ чувственнымъ наслажденіямъ, имъ можно только погрязать въ томъ полуживотномъ состояніи, въ которомъ изначала пребывали. Если бы не такъ, то человѣчество, какъ замѣтилъ еще Юмъ, шло бы быстрѣе по пути прогресса, міръ выглядывалъ бы лучше, чѣмъ онъ есть теперь.

Обнаруживая, такимъ образомъ, въ отношеніяхъ къ самому себѣ тяготѣніе къ чувственной жизни, дикарь обнаруживаетъ въ столкновеніяхъ съ другими индивидуумами дикое высокомеріе,—и именно „дикое“. Дикарю при грубости его чувствъ и понятій не свойственны то тонкое честолюбіе и славолюбіе (какъ виды самопревозношенія), которыми такъ страдаетъ современный европеецъ, даже не особенно высоко поставленный; ему не свойственна также, при униженномъ внутреннемъ и вѣншнемъ состояніи его, та напыщенная гордость, которая такъ характерна для богато одареннаго внутренними и вѣншними преимуществами европейца (эгоиста). Дикарь обнаруживаетъ высокомерныя отношенія къ другимъ людямъ въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ обнаруживаетъ ихъ дитя, которыя обнаруживаютъ только беспорядочность и пустоту душевной жизни, именно—въ стремленіи разрушать и уничтожать все противостоящее ему, въ грубомъ насиліи и отнятій у другаго того, чѣмъ онъ обладаетъ. Отсюда убійства, грабежи, воровство, обманъ, мщеніе и т. под. пороки, въ такомъ изобиліи встрѣчающіеся у дикихъ народовъ. Насколько низокъ уровень нравственнаго сужденія ихъ въ названныхъ отношеніяхъ, можно судить по тому, что указанныя безнравственныя дѣйствія у нѣкоторыхъ и даже многихъ дикихъ народовъ вовсе не считаются преступленіями, а тѣмъ болѣе тяжкими, а напротивъ, даже остаются признакомъ геройства и личнаго превосходства. Если подобныя дѣйствія осуждаются,

то въ томъ только случаѣ, когда они неловко совершены, напр. уличенное воровство. Мщеніе же считается даже долгомъ.

Встрѣтятся намъ въ средѣ дикарей и черты лучшаго моральнаго свойства. Но не надобно соблазняться ими; путешественники-европейцы знаютъ, какъ опасно полагаться на нихъ. Положимъ, у дикихъ народовъ весьма распространено гостепріимство, какъ можетъ быть оно не распространено и у насъ-христіанъ. Напр. магаши отводятъ гостю особую комнату, доставляютъ ему все нужное содержаніе, окружаютъ его музыкой и танцами, и за все это не требуютъ никакого вознагражденія. Индѣйцы нерѣдко сами ночуютъ подъ открытымъ небомъ, предоставляя жилище свое гостю, и окружая его самою самоотверженною заботливостію; и такъ поступаютъ они не только по отношенію къ своимъ, но и по отношенію къ чужимъ, „бѣлымъ“, которыхъ дикіе народы вообще ненавидятъ, какъ своихъ угнетателей. Поттентоты даже предлагаютъ гостю женъ и дочерей своихъ на время пребыванія ихъ въ ихъ домѣ. Вообще неграмъ гостепріимство настолько свойственно, что они даже считаютъ его не добродѣтелью, а чѣмъ-то такимъ, что само собою понятно и необходимо. Встрѣтимъ и въ другихъ видахъ обнаруженія мягкости и добросердечія у дикихъ народовъ. Но какъ не надежны эти добрыя качества, какъ мало имѣютъ они достоинства и значенія въ общей нравственной характеристикѣ дикаря, какими мрачными чертами они оттъняются при разсмотрѣніи всей въ совокупности его жизни, это съ ясностію слѣдуетъ что рядомъ съ этими похвальными качествами въ изобиліи изъ того, текутъ такіа чувствованія и дѣйствія, которыя возбуждаютъ полное отвращеніе въ нравственномъ человѣкѣ. Укажемъ для примѣра на индѣйцевъ, на негровъ, на обитателей сѣверозападныхъ береговъ. Явленіе это объясняется тѣмъ указаннымъ нами выше обстоятельствомъ, что дикарь въ высшей степени непостояненъ, измѣчивъ, неустойчивъ въ своей жизни; а послѣднее объясняется тѣмъ фактомъ, что дикарь, какъ человѣкъ недостигшій еще разумнаго са-

моопредѣленія, какъ не нажившій нравственнаго характера, не находится въ обладаніи самимъ собою, а во власти чужой силы—виѣшнихъ обстоятельствъ, или внутреннихъ страстей и своего темперамента, которые играютъ имъ, какъ случится. Но такъ какъ, впрочемъ, и въ безпорядкѣ, по замѣченному и объясненному нами въ своихъ мѣстахъ, дѣйствуетъ какой нибудь законъ, такъ какъ и въ измѣнчивыхъ формахъ обнаруживается какая нибудь постоянная сущность, такъ какъ и грѣхъ (противозаконіе) имѣетъ свой законъ, то потому и въ безхарактерной, безалаборной жизни дикаря можно подмѣтить нѣкоторое основное тяготѣніе, нѣкоторыя общія черты. Въ тѣхъ случаяхъ, сказали мы уже, когда жизнь человѣка не нормируется и не упорядочивается разумнымъ самоопредѣленіемъ его, она опредѣляется и характеризуется естественнымъ влеченіемъ человѣческой природы. А „естественному“ человѣку свойственны не самопожертвованіе и любовь, а эгоизмъ и ненависть,—не смиреніе и покорность, а высокомеріе и дерзость; потому-то, проявляя въ иныхъ случаяхъ естественное добродушіе къ другимъ людямъ, дикарь носитъ въ себѣ безжалостность, безсердечіе, жестокость по отношенію къ нимъ. Дикарю чуждо сознаніе единства человѣчества, неизвѣстна идея гуманности. Самымъ яснымъ и безстыднымъ образомъ открывается безжалостное, жестокое сердце дикаря въ отношеніяхъ его къ плѣннымъ. Плѣннаго привязывали напр. (у индѣйцевъ въ сѣверной Америкѣ) къ колу, бичевали до смерти, жгли огнемъ, скальпировали, рѣзали на части и т. п.; при этомъ присутствовали и участвовали женщины и дѣти. Не оставлялись въ покоѣ и трупы побѣжденныхъ; ихъ владчили по дорогамъ, избобрѣтая всевозможныя посмѣянія. Если же не убивали плѣнныхъ, то обращали въ тяжкое рабство. Рабовъ нерѣдко морили голодомъ и продавали за безцѣнокъ, напр. цѣною овцы. За всякую, даже малѣйшую обиду, дикарь считаетъ священнымъ долгомъ отомстить; и мститъ жестоко и коварно; онъ помнитъ обиду цѣлые годы (напр. негрѣ, жи-

тель южнаго океана), и если не можетъ отомстить обидчику, то мститъ его родственнику, и наоборотъ—если не можетъ отомстить обиженный, то мстятъ его родственники. Отсюда возникаютъ иногда кровавыя распри, продолжающіяся до общаго истощенія силъ народа.

Не должно, поэтому, усвоить много значенія и достоинства и другимъ добродѣтелямъ, встрѣчающимся между дикарями и проявляемымъ по отношенію къ другимъ людямъ, каковы напр. благодарность, учтивость, послушаніе, справедливость. Какъ вытекающія не изъ твердаго, устойчиваго характера, выработаннаго самодѣятельностію человѣка, а изъ условій болѣе или менѣе независимыхъ отъ послѣдняго, болѣе или менѣе случайныхъ, онѣ мало имѣютъ нравственнаго достоинства, и могутъ такъ же легко исчезнуть и даже превратиться въ противоположность. Въ изобиліи встрѣчаются между дикарями случаи хищничества, воровства, обмана, убійства.

Но крайнимъ свидѣтельствомъ унижительнаго представленія дикаря о человѣкѣ и жестокаго, ненавистнаго отношенія къ нему служитъ каннибализмъ. Людоѣдство свидѣтельствуешь о томъ, что дикарю личность человѣка представляется не больше, какъ предметомъ чувственнаго наслажденія, подобнымъ убитому животному; потому-то оно такъ часто ставится въ параллель съ половымъ развратомъ, гдѣ тоже личность человѣка рассматривается не въ ея вѣчномъ человѣческомъ достоинствѣ, а какъ средство грубаго чувственнаго наслажденія. Въ особенномъ распространеніи людоѣдство у обитателей южнаго океана и у индѣйцевъ южной Америки. Вообще безъ людоѣдства вѣроятно не обходится естественное состояніе ни одного человѣческаго племени. Иногда привмѣшивались къ этому безчеловѣчному дѣйствию мотивы, хоть сколько нибудь смягчающіе мерзость его; такъ, иногда религіозный культъ требовалъ человѣческихъ жертвоприношеній, легко превращавшихся въ каннибальныя пиршества; пожирали побѣжденнаго врага, имѣя въ виду обогатиться его

мужествомъ и силою; дѣти или вообще домочадцы съѣдали отжившаго свой вѣкъ отца или вообще старика, неспособнаго къ работѣ (баттасы на островѣ Суматрѣ); побуждаютъ также къ людоедству голодъ (напр. въ сѣверной Америкѣ) и недостатокъ животной пищи (напр. на островахъ южнаго океана). Но общими и главными мотивами всегда были страсть къ мщенію и уничтоженію врага и жадность къ чувственному наслажденію,—слѣдов. мотивы, свидѣтельствующіе о крайней деморализаціи челоѣка. Характерна въ этомъ отношеніи одна сага прокезовъ, по которой люди, будучи нѣкогда вызваны божествомъ своимъ (манилу) къ допросу по дѣлу о людоедствѣ, оправдывались тѣмъ, что людоедство утоляетъ голодъ, удовлетворяетъ мщеніе и доставляетъ челоѣку наслажденіе, такъ какъ мясо челоѣческое вкуснѣе мяса животнаго. До какой степени могутъ доходить жестокость сердца и распущенная жадность дикарей, можно видѣть изъ того, что они иногда пожирали враговъ живыми, отрѣзывая кусокъ за кускомъ мясо и высасывая кровь (баттасы на островѣ Суматрѣ).

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда дикарь не въ состояніи бываетъ преодолѣть своего противника, произвести насиліе надъ нимъ положительнымъ образомъ, онъ производитъ его отрицательнымъ образомъ, заявляетъ дикое высокомеріе по отношенію къ нему съ пассивной стороны. Это выражается въ упорномъ нечелоѣческомъ терпѣніи, съ которымъ дикарь переноситъ мученія, попавши въ руки болѣе сильныхъ. Терпѣніе это простирается до невѣроятной степени. Плѣнный индѣецъ, обжигаемый огнемъ, презрительно смѣется надъ своими мучителями, которые не въ состояніи, говоритъ онъ, изобрѣсть дѣйствительно ощутительное для него мученіе. Такая необыкновенная дерзкая выносливость объясняется тѣмъ, что еще въ дѣтствѣ дикарь закрѣпляется въ безчувственномъ перенесеніи боли ужаснымъ образомъ (безчелоѣчными бичеваніями, порѣзами на тѣлѣ, вырываніемъ зубовъ, голодомъ), и что къ тому содѣйствуетъ бродячая

жизнь дикаря, сопровождающаяся частыми лишеніями и различными невзгодами.

Какъ видимъ изъ всего сказаннаго объ отношеніи дикаря къ другимъ людямъ, онъ руководствуется въ своей жизни и дѣйствіяхъ лишь собственною распущенною волею, и потому повсюду и всегда преслѣдуетъ лишь собственныя выгоды, вслѣдствіе чего въ тѣхъ случаяхъ, когда его интересы стають въ столкновеніе съ чужими интересами, онъ стремится преодолѣть другихъ, сводить всѣхъ другихъ и все другое въ значеніе средства для своихъ эгоистическихъ цѣлей; однимъ словомъ, принципъ жизни и дѣятельности дикаря—принципъ самаго грубаго эгоизма, собственной выгоды и собственного грубаго наслажденія. Но хотя принципъ этотъ воплощается у дикарей, какъ мы видѣли, часто въ самыхъ грубыхъ формахъ, обнаруживается въ самыхъ жестокихъ и безчеловѣчныхъ дѣйствіяхъ, тѣмъ не менѣе мы не въ правѣ приписать дикарю ту злобу воли и испорченность сердца, которыя могутъ принадлежать и принадлежать развитому въ духовномъ отношеніи человѣку, попавшему на крайній путь эгоизма,—ту въ корнѣ злую волю, которая вырабатывается въ непрерывной цѣпи злобныхъ дѣйствій. Выше мы уподобили дикарей дѣтямъ и людямъ выросшимъ безъ воспитанія; но ни тѣ, ни другіе неспособны на такую глубину, упорство и послѣдовательность въ преслѣдованіи злыхъ намѣреній, на которыя способенъ человѣкъ развитый по уму и волѣ. А еще выше мы раздѣлили добродѣтели съ *Аристотелемъ* на естественныя и этическія, и дикарямъ, поколику они люди „естественные“, усвоили главнымъ образомъ первыя,—слѣд. такіе же главнымъ образомъ должны быть усвоены имъ и пороки. Тотъ же *Аристотель* замѣтилъ, что естественныя добродѣтели и пороки суть тѣ дѣйствія человѣка, которыя опредѣляются не силою свободной воли, а возбужденіями естественной индивидуальности, вытекаютъ не изъ характера, а изъ темперамента; а извѣстно, что выходящія изъ такого источника дѣйствія человѣка отличаютъ.

ся поверхностностію, неосновательностію, неустойчивостію, непослѣдовательностію, измѣнчивостію. И мы показали, что рядомъ съ отталкивающими насъ поступками дикарей идутъ поступки нѣсколько примиряющіе насъ съ ними и даже привлекающіе,—что рядомъ съ дѣйствіями, свидѣтельствующими о жестокости сердца, встрѣчаются дѣйствія, свидѣтельствующія о добродушіи. Потому-то надъ дикарями не можетъ быть произнесенъ такой строгій приговоръ, какой можетъ и долженъ быть произнесенъ надъ испортившимся и нравственно разлагающимся культурнымъ европейскимъ народомъ.

Хотя у дикарей мы не нашли достаточнаго разграниченія идеала и дѣйствительности, міра идеальнаго и міра реальнаго, хотя дикарь, какъ сказали мы, живетъ больше непосредственною жизнію, тѣмъ, что есть у него предъ глазами, а не тѣмъ, что есть вверху, выше его, но при всемъ томъ и онъ не лишенъ совѣмъ, какъ опять мы уже разъяснили, и представленія о высшей области и силѣ, представленія о божествѣ; всѣмъ народамъ, повторяемъ, присуща идея божества. Но имѣя представленіе объ извѣстномъ предметѣ, человекъ необходимо ставитъ себя въ такое или иное отношеніе къ этому предмету въ своей жизни и въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ или иначе пользуется имъ, такъ или иначе усваиваетъ его себѣ и дѣйствуетъ на него. Потому и у дикарей мы находимъ извѣстное нравственное отношеніе къ божеству. Это отношеніе должно быть, конечно, сообразно съ описаннымъ нами характеромъ и направленіемъ жизни дикарей, то есть должно быть, съ одной стороны, весьма скудно, недостаточно, бѣдно (коль скоро дикарь больше занятъ тѣмъ, что окружаетъ его и что удовлетворяетъ его чувственные потребности, а не тѣмъ, что выше видимаго міра и что относится къ идеальнымъ интересамъ человека), а съ другой стороны—весьма низко, грубо, несовершенно (коль скоро дикарь не имѣетъ сколько нибудь удовлетворительнаго представленія какъ вообще о личности, такъ въ частности о личности божества и объ отношеніи ея къ личности

человѣка,—коль скоро въ представленіяхъ своихъ о бogaхъ дикарь рисуеъ себя самого, а самъ онъ больше напоминаетъ собою натуральное существо, чѣмъ существо нравственное). Такъ дѣйствительно и есть.

Всматриваясь въ нравственное отношеніе дикарей къ божеству, не находимъ у нихъ, съ одной стороны, благоговѣнія, а съ другой стороны—преданности и любви,—качества столь приличествующихъ отношенію личнаго тварнаго существа къ личному и безусловному Творцу. Дикарь или допускаетъ такое же свободное, безцеремонное отношеніе къ божеству, въ какое онъ по низости понятій и по разнузданности воли ежеминутно готовъ вступить и вступаетъ къ какому бы то ни было окружающему его предмету (на ступени фетишизма и отчасти культа демоновъ), или чувствуетъ себя подавленнымъ натуральною силою божества, и потому можетъ испытывать развѣ страхъ предъ неоднородною, чуждою для него силою божества (на ступени обоготворенія предметовъ природы, отчасти на ступени культа демоновъ и въ виду роковой судьбы).

Дикарь выражаетъ нравственное отношеніе свое къ божеству идеальнымъ образомъ въ молитвѣ и реальнымъ образомъ въ жертвѣ; та и другая характеризуется намѣченными сейчасъ чертами нравственнаго отношенія дикаря къ божеству. Молитва или по крайней мѣрѣ подобіе молитвы встрѣчается повсюду, гдѣ есть религіозное сознаніе, слѣд. у всѣхъ народовъ; жертва же, какъ завершеніе религіознаго сознанія, у нѣкоторыхъ, но немногихъ, дикихъ народовъ не встрѣчается. Но такъ какъ жизнь дикаря, какъ мы выяснили выше, отличается характеромъ дробности, непостоянства, случайности, такъ какъ, далѣе, вниманіе дикаря направлено, какъ опять мы видѣли, гораздо больше на видимый, чувственный міръ, чѣмъ на невидимый, духовный, такъ какъ вообще религіозное сознаніе дикаря весьма слабо, весьма ограничено, то молитва дикаря прежде всего случайна, т. е. опредѣляется тѣмъ или другимъ встрѣтившимся вѣншимъ об-

стоятельствомъ, а не вытекаетъ изъ постоянного внутренняго настроенія духа человѣка, направленнаго къ Богу, изъ существеннаго и „непрестаннаго“, по выраженію ап. Павла, требованія богоподобнаго человѣческаго существа. Потому-то молитва, періодически повторяющаяся въ опредѣленные пункты времени съ обязательнымъ значеніемъ долга, т. е. въ смыслѣ дѣйствительно нравственнаго дѣйствія, встрѣчается у дикарей весьма рѣдко. А выходя изъ такихъ мотивовъ, каковы сейчасъ указанные, изъ мотивовъ случайныхъ и внѣшнихъ, молитва дикаря по цѣли своей должна быть, и дѣйствительно есть, утилитаристическаго характера. Намѣреніемъ получить какую нибудь выгоду, приключившеюся какою нибудь нуждою—вотъ чѣмъ побуждается дикарь къ молитвѣ. Оттого-то въ случаѣ неуспѣха молитвы, дикарь, какъ недостигшій единственной цѣли молитвы—выгоды, слѣд. какъ трудившійся напрасно, какъ неполучившій должнаго воздаянія со стороны божества, слѣд. потерпѣвшій несправедливость отъ него, готовъ подвергнуть и подвергаетъ божество ругательству и побоямъ (на ступени фетишизма). Въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ чувствуетъ себя безсильнымъ по отношенію къ божеству, когда послѣднее представляется превосходящею и недоступною для него силою (на ступени обоготворенія силы природы и отчасти въ культѣ демоновъ), отношеніе дикаря къ божеству отличается характеромъ пассивности, безсамостности, слѣд. лишено дѣйствительнаго нравственнаго достоинства, какъ чуждое свободы. Символическою формою выраженія этого лишающаго человѣка самостоятельнаго существованія отношенія служитъ встрѣчающееся у многихъ дикихъ народовъ поверженіе на землю во время молитвы.

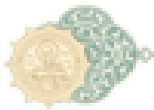
А что сказано о молитвѣ дикарей, то характеризуетъ и жертвоприношенія ихъ. И жертвоприношенія дикарей прежде всего случайны,—вызываются какою нибудь нуждою, приносятся въ виду какихъ нибудь предпріятій, послѣ успѣшнаго предотвращенія ихъ. И при ихъ совершеніи имѣется

въ виду утилитаристическая цѣль; эгоистическій и утилитаристическій характеръ замѣчается и въ средствахъ жертвоприношенія, напр. принося въ жертву человѣка, дикари охотно избирають плѣнника или преступника, чтобы они служили представителями жертвующаго собою божеству человѣка вмѣсто тѣхъ, кто дороже для нихъ. И при жертвоприношеніяхъ дикарь обнаруживаетъ виѣшнее, механическое отношеніе къ божеству, когда жертвуетъ не духомъ своимъ, а матеріальными предметами, даже когда онъ приноситъ жертву самобичуемой своей плоти. Наконецъ, и при жертвоприношеніяхъ дикарь уничтожаетъ личное, самостоятельное существованіе свое предъ грубою, подавляющею его силою божества, когда приноситъ человѣка, какъ представителя человѣчества.

М. Оленичкій.

(Окончаніе будетъ).

КАТОЛИЧЕСКІЙ ДОГМАТЪ

О НЕПОГРѢШИМОСТИ ПАПЫ.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Киевской духовной Академіи 28 сентября 1881 года экстраординарнымъ профессоромъ М. Ф. Ястребовымъ.

Ваше Преосвященство и Милостивые Государи!

Въ своей настоящей рѣчи я желалъ бы остановить ваше благосклонное вниманіе на явленіи въ области церковно-богословской жизни католичества недавнемъ, выступившемъ на сцену исторіи благодаря человѣку, память о которомъ еще, такъ сказать, не остыла. Разумѣю католическій догматъ о папской непогрѣшимости.

Прерогатива непогрѣшимости изъ всѣхъ, усвояемыхъ себѣ папою, прерогативъ не мирится съ христіанскимъ сознаніемъ безспорно наиболѣе. Въ евангеліи и апостольскихъ посланіяхъ, въ исторіи и практикѣ первенствующей церкви для идеи о папской непогрѣшимости нѣтъ ни малѣйшихъ логическихъ и историческихъ прецедентовъ. Въ самомъ католическомъ мірѣ идея эта является сравнительно въ позднѣйшее время. Несомнѣнно по крайней мѣрѣ, что до половины XVI столѣтія папы не считали себя непогрѣшимыми. Такъ, папа Урбанъ V произнесъ умирая слѣдующія слова: „Я твердо вѣрую всему тому, что содержитъ и чему учить католическая церковь, и, если когда-нибудь высказывалъ,

положенія *противныя ученію церкви*, отвергаю ихъ и повинуюсь суду ея“ ¹⁾. Смерть Урбана V послѣдовала въ 1370 году. Въ 1324 г. кардиналъ Яковъ Фурнье, занявшій послѣ папы Іоанна XXII папскій престолъ подъ именемъ Бенедикта XII, писалъ: „Утверждаютъ, будто бы то, что разъ рѣшено касательно вѣры однимъ папою, не можетъ уже быть отмѣнено другимъ папою. Я отвѣчаю, что это *ложно*: мы имѣемъ примѣръ святаго Петра, укоряемаго святымъ Павломъ, и несогласіе святаго Кипріяна, епископа кареагенскаго, съ папою Стефаномъ въ вопросѣ о крещеніи еретиковъ, пока вселенскій соборъ не сдѣлалъ постановленія по этому вопросу“ ²⁾. Папа Адріанъ VI писалъ въ 1522 г. слѣдующее: „Несомнѣнно, что папа *можетъ погрѣшати* даже въ предметахъ, касающихся вѣры, распространяя своими постановленіями или декретами ересь: папъ *еретиковъ* было много и еще недавно папа Іоаннъ XXII публично внушалъ и приказывалъ всѣмъ держаться заблужденія“ ³⁾. Въ 1557 г. папа Павелъ IV говорилъ обращаясь къ членамъ консисторіи: „Не останавливайтесь вы на примѣрахъ моихъ предшественниковъ, ни на томъ, что ими сдѣлано: я намѣренъ слѣдовать имъ до тѣхъ лишь поръ, пока позволяютъ мнѣ это авторитетъ писанія и богословскія данныя. Я не сомнѣваюсь, что мы *подвержены заблужденію*“ ⁴⁾.

Идея о папской непогрѣшимости является въ догматикѣ такъ называемаго *новѣйшаго* католичества, получающаго свое историческое существованіе со времени тридентскаго собора (1545—1562) и извѣстнаго подъ именемъ *ультрамонтанства*. Но и здѣсь идея эта до послѣдняго времени оставалась простымъ богословскимъ мнѣніемъ, для вѣрующаго католика необязательнымъ и для его спасенія не необходи-

¹⁾ Essai historique sur la puissance temporelle des papes. Paris, 1818. t. I. p. 258.

²⁾ La papauté en presance de l'evangile et de l'histoire. Paris, 1860. p. 38.

³⁾ Essai historique sur la puissance temporelle des papes. t. I. p. 301.

⁴⁾ La papauté en presance de l'evangile et de l'histoire, p. 38.

мымъ. Въ догматъ, т. е. въ обязательный для каждаго католика членъ вѣры, мнѣніе о папской непогрѣшимости возведено недавно-умершимъ папою Піемъ IX.

Перенесемъ мысленно въ ту лабораторію, въ которой совершился процессъ превращенія папской непогрѣшимости въ догматъ.

Какъ извѣстно, догматъ о папской непогрѣшимости провозглашенъ католическому міру 18 іюля 1870 г. ватиканскимъ соборомъ. Соборъ этотъ былъ открытъ 8 декабря 1869 года. По официальной статистикѣ, въ свое время опубликованной въ Римѣ, число прелатовъ, засѣдавшихъ на соборѣ съ правомъ голоса, доходило до 770. Изъ нихъ круглымъ числомъ было 50 кардиналовъ, 100 апостольскихъ викаріевъ, болѣе 100 епископовъ Пропанды, 276 итальянцевъ, изъ которыхъ 143 принадлежали къ Папской Области, 180 епископовъ, церкви которыхъ сохраняютъ еще нѣкоторую автономію, именно—французскихъ, нѣмецкихъ, испанскихъ, португальскихъ и проч.

Чтобы оцѣнить все значеніе этихъ цифръ, нужно принять въ соображеніе:

1) что число апостольскихъ викаріевъ и епископовъ *in partibus*, т. е. епископовъ безмѣстныхъ, паства которыхъ, по выраженію насмѣшниковъ, находилась на лунѣ или на Сиріусѣ, не достигало никогда такой значительной пропорціи, какъ на ватиканскомъ соборѣ¹⁾, и что присутствіе ихъ, хотя и въ меньшемъ числѣ, не одинъ разъ вызывало сильныя возраженія на соборахъ констанцкомъ и тридентскомъ,

2) что Пропанда, дисциплина которой не уступаетъ дисциплинѣ вооруженной арміи, основана папою Григоріемъ XIII

¹⁾ Въ послѣдніе два года предъ созваніемъ собора папа посвятилъ 89 безмѣстныхъ епископовъ, чтобы увеличить тѣмъ на соборѣ число преданныхъ себѣ епископовъ. *Краинскій*, О римскомъ католицизмѣ по католическимъ источникамъ. Кіевъ, 1873, стр. 211.

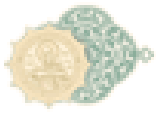

въ 1585 году и что, слѣдовательно, она позднѣе тридентскаго собора. послѣдняго вселенскаго католическаго собора. Она обнимаетъ собою епископаты Англіи, Голландіи, Соединенныхъ Штатовъ и различныхъ странъ другихъ частей свѣта,

3) что многіе изъ епископатовъ, нѣкогда имѣвшіе правильную организацію и извѣстную независимость, въ настоящее время вслѣдствіе революцій остаются безпомощными, преслѣдуются своими правительствами и всецѣло зависятъ отъ папскаго двора, служащаго для нихъ единственной опорой. Таково положеніе епископовъ Южной Америки—итальянскихъ со времени 1861 года, испанскихъ со времени 1869 года,

4) что епископы въ громадномъ числѣ возводились нѣкогда на каеэды свѣтскою и духовною властію совмѣстно, что объясняетъ ту ревнивую заботливость, съ которою они защищали на соборахъ національную независимость и частныя традиціи своихъ церквей. Ко времени же ватиканскаго собора на 1100 епископовъ католической церкви едва насчитывалось 200 епископовъ, въ назначеніи которыхъ на каеэды католическія націи сохраняли еще нѣкоторое право участія въ лицѣ или своихъ государей или капитуловъ; назначеніе же 900 епископовъ находилось *абсолютно въ распоряженіи одного папы*,

5) что на 180 милліоновъ католиковъ, существующихъ въ мірѣ, Франція, Германія и Португалія насчитываютъ 83 милліона, т. е. почти половину всего числа католиковъ, и что на 770 прелатовъ, засѣдавшихъ на соборѣ, эти, сохранившіе нѣкоторую независимость, три націи имѣли своими представителями только 156 епископовъ—число, которое составляетъ лишь *пятую* часть всѣхъ членовъ собора. Отсюда видно, что Италія съ Папскою Областію, народонаселеніе которыхъ не достигаетъ и 25 милліоновъ католиковъ, имѣли на соборѣ 276 епископовъ. Одна Папская Область, взятая въ предѣлахъ старинной территоріи, на 2

милліона 600 тысячъ душъ имѣла 143 епископа, т. е. почти въ *тридцать* разъ больше, чѣмъ Франція, Германія и Португалія; отношеніе это получить выраженіе 100 противъ 1, если взять во вниманіе, что большая часть епископовъ принадлежавшихъ къ Папской Области провинцій живетъ въ Римѣ, въ абсолютной зависимости отъ папскаго престола,

б) что большая часть отцевъ ватиканскаго собора съ своими свитами содержалась на иждивеніи папы. Многіе изъ нихъ проливали слезы о томъ, что поставлены въ противорѣчіе между требованіями своей совѣсти и долгомъ гостепримства.

Наконецъ, нужно замѣтить, что многіе изъ отцевъ собора были людьми безъ всякихъ общественныхъ связей, различнаго воспитанія, различныхъ нравовъ и языковъ, которые явились на соборъ безъ выработанной программы, съ тяжкою задачею разсуждать о гравницахъ папскаго авторитета въ дворцѣ папы, въ его присутствіи и на мертвомъ латинскомъ языкѣ, на которомъ свободно говорить могли едва пятнадцать епископовъ и слова котораго, искажаемыя различнымъ произношеніемъ, становились совершенно непонятными для слушателей. Къ тому же и зала, въ которой соборъ открылъ свои засѣданія, по странной случайности была такъ худо расположена, что на первыхъ порахъ буквально нельзя было разслышать ни одного слова; впоследствии, впрочемъ, сдѣланы были улучшенія, но и послѣ того голосъ оратора едва достигалъ четверти слушателей. Одинъ кардиналъ, сидѣвшій довольно близко отъ трибуны, признавался спустя три или четыре мѣсяца по открытіи собора, что онъ за все это время разслышалъ только четыре слова.

На первыхъ порахъ для преній не было опредѣлено никакихъ правилъ и никакой нормы, или, лучше сказать, преній и совѣтъ не было. Ораторы записывались заранее, по крайней мѣрѣ наканунѣ засѣданія, и каждый изъ нихъ говорилъ сообразно съ своимъ іерархическимъ достоинст-

вомъ, или старшинствомъ, хотя бы его мнѣніе было *за* или *противъ*, объ общемъ или частномъ спеціальномъ пунктѣ. Порядокъ рѣчей не нарушался; возраженій не допускалось. Только чрезъ два съ половиною мѣсяца по открытіи собора, именно 22 февраля, отцы собора получили декретъ, составленный легатами отъ имени папы и въ 40 членахъ указывавшій норму соборныхъ совѣщаній; но порядки, опредѣлявшіеся этимъ декретомъ, шли въ разрѣзъ съ традиціонною соборною практикою. Доселѣ на соборахъ было правиломъ, чтобы рѣчь оратора не прерывалась дотолѣ, пока онъ самъ не остановится; каждый членъ собора выражалъ мнѣніе, давая своей мысли полное, соответствовавшее его вкусамъ, развитіе. Согласно 9 правилу новаго декрета легатамъ предоставлялось право—возвращать оратора къ вопросу, если онъ отъ него уклонялся, и даже останавливать его. Слѣдующій случай показываетъ, что происходило иногда въ соборной залѣ. Въ общемъ собраніи 23 марта одинъ изъ краснорѣчивыхъ нѣмецкихъ прелатовъ, Штроссмайеръ, просилъ смягчить нѣкоторыя жесткія выраженія проекта соборнаго опредѣленія, обвинявшаго протестантовъ въ атеизмъ, матеріализмъ и раціонализмъ. Въ защиту своего тезиса онъ указывалъ, между прочимъ, на Лейбница и Гизо, которые были даже полезны для церкви. Эти послѣднія слова вызвали страшное волненіе, усилившееся еще болѣе, когда ораторъ сказалъ, что были и есть протестанты добросовѣстные, и достигшее крайней степени напряженія, когда Штроссмайеръ потребовалъ, чтобы догматическіе вопросы считались рѣшенными въ томъ только случаѣ, когда они приняты будутъ единогласно. Предсѣдатель пригласилъ его къ порядку, воспретивши ему продолжать свою рѣчь. Со всѣхъ сторонъ послышались крики: *Descendat ab ambone! descendat! Haereticus! haereticus! Damnamus eum! damnamus!* Штроссмайеръ принужденъ былъ сойти съ трибуны, не окончивши своей мысли и повторяя съ энергіей: *Protestor! protestor! protestor!* Шумъ распространился во внутренность храма св. Петра;

полагая, что вопросъ касается непогрѣшимости папы, одни начали кричать: *Да здравствуетъ непогрѣшимый папа!* другіе: *Да здравствуетъ папа не-непогрѣшимый!*

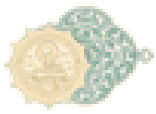
Затѣмъ, по традиціоннымъ обычаямъ, условіями нормальнѣйшей правильности соборныхъ совѣщаній считались всегда нравственное единодушіе и гласность. Необходимость единодушнаго согласія въ рѣшеніяхъ вытекаетъ изъ того принципа, что соборъ не выдумываетъ новыхъ догматовъ, а только объявляетъ, что извѣстная истина содержится во вѣрѣнной церкви сокровищницѣ догматовъ. Въ своихъ догматическихкихъ опредѣленіяхъ соборъ считалъ себя всегда обязаннымъ слѣдовать извѣстному правилу Винценція леринскаго: *Quod semper, quod ubique, quod ab omnibus*. Не разъ соборное опредѣленіе останавливалось предъ оппозиціею одного епископа. Разногласіе допускалось только по отношенію къ второстепеннымъ пунктамъ, но отнюдь не по отношенію къ сущности вопроса. Такъ было между прочимъ на тридентскомъ соборѣ: *Ne definirentur, nisi ea, de quibus inter patres unanimi consensu constaret*, говорилъ Пій IV отцамъ тридентскаго собора. Не менѣе строго сохранялась и гласность соборныхъ совѣщаній, основывающаяся на той мысли, что епископъ отвѣтственъ въ своемъ мнѣніи предъ католическимъ міромъ и что народъ долженъ знать, что догматическія опредѣленія предлагаются его вѣрѣ единогласнымъ соборнымъ рѣшеніемъ. На соборѣ напр. тридентскомъ рекомендовалось содержать въ тайнѣ только проекты тѣхъ декретовъ, которые могли быть приняты протестантами за окончательно сформулированные каноны, изъ опасенія, чтобы не повредить тѣмъ дѣлу примиренія съ ними. Но епископы не считали для себя дѣломъ запретнымъ разсказывать о томъ, что происходило на соборѣ, какъ показываютъ это дошедшіе до насъ мемуары и многочисленные письма.

Гарантія единогласности и публичности, на которыя

доселѣ смотрѣли какъ на существенныя условія соборныхъ совѣщаній, для отцевъ ватиканскаго собора уничтожалась: согласно правиламъ новаго декрета рѣшенія принимались по простому *большинству голосовъ* и покрывались *тайною sub roena gravi*. Тайнственность эта доходила до того, что ораторамъ не позволялось печатать своихъ рѣчей и даже сообщать ихъ своимъ сотоварищамъ.

Составъ собора и тѣ условія, которыми опредѣлялись соборныя работы, дѣлали этотъ соборъ пассивнымъ орудіемъ папской воли. Вліяніе папы на соборныя рѣшенія становилось еще сильнѣе отъ того, что проекты декретовъ не непосредственно вносились въ общее собраніе, а смотря по своему предмету отсылались въ одну изъ четырехъ комиссій (*de fide, de disciplina, de regularibus, de ritu orientali*), составленныхъ каждая изъ 25 членовъ и обязанныхъ дѣлать въ этихъ проектахъ измѣненія, которыя представлялись имъ необходимыми. Такъ какъ пренія въ общемъ собраніи были невозможны, то почти вся соборная дѣятельность сосредочивалась въ этихъ комиссіяхъ. Между тѣмъ эти комиссіи и составлены были и функционировали подъ очевиднымъ вліяніемъ папской курии. Прежде всего, это были комиссіи постоянныя, т. е. избирались на все время собора. Отсюда изъ 770 отцевъ собора только 25 имѣли дѣйствительный авторитетъ въ каждой категоріи предлагавшихся на соборное обсужденіе вопросовъ, а 745 стояли внѣ всякаго активнаго вліянія на это обсужденіе; съ другой стороны, если въ дальнѣйшемъ движеніи соборныхъ работъ выдвигались люди болѣе энергическіе, талантливые и свѣдущіе, соборъ не имѣлъ права замѣнять ими прежде выбранныхъ. Затѣмъ, въ составъ комиссій, благодаря махинаціямъ Пропанды, апостольскихъ викаріевъ и итальянцевъ, вошли официальные кандидаты. Доказывается это слѣдующими двумя соображеніями: съ одной стороны число избирательныхъ голосовъ, полученныхъ каждымъ кандида-

томъ, было почти одинаково; съ другой—многіе, выбранные въ комиссіи, европейскіе прелаты, люди, правда почтенные, но не имѣвшіе никакой извѣстности за предѣлами своихъ епархій, не получили отъ своихъ соотечественниковъ ни одного избирательнаго шара, т. е. избраны были людьми, вовсе ихъ не знавшими. Предсѣдатели комиссій назначены были самимъ папою и, въ свою очередь, назначили отъ себя секретарей.

Вышіе чиновники собора были также людьми совершенно преданными куріи. Такъ, секретаремъ собора назначенъ былъ севтъ-ипполитскій епископъ Фесслеръ, извѣстный своею брошюрою *Послѣдній вселенскій соборъ*, въ которой проводилась мысль, что ватиканскій соборъ провозглашеніемъ догмата о папской непогрѣшимости заключить собою эру вселенскихъ соборовъ, сдѣлавши ихъ навсегда невозможными. Легатомъ-предсѣдателемъ собора избранъ былъ сначала кардиналъ де-Рейзахъ, на рѣшительный и энергическій умъ котораго римскій дворъ возлагалъ великія надежды; затѣмъ, послѣ его смерти, кардиналъ де-Лука, пріобрѣтшій репутацію либерала своими сношеніями съ лордомъ Кларендономъ и Гладстономъ, но онъ обвиненъ былъ впоследствии въ излишней благосклонности къ оппозиціи и замѣненъ кардиналомъ де-Ангелись, характеръ котораго въ этомъ отношеніи представлялъ собою полную безупречность.

Такимъ образомъ, по организаціи и дисциплинѣ соборъ представлялъ собою механизмъ, пружины котораго находились въ рукахъ папы. Между тѣмъ, въ то время, какъ на соборѣ приняты были всѣ мѣры, чтобы увеличить на него влияние папской воли, внѣ собора велась дѣятельная агитація, имѣвшая свою цѣлю—вызвать въ средѣ духовенства и народа демонстраціи, которыя бы производили давленіе на совѣсть засѣдавшихъ на соборѣ отцевъ.

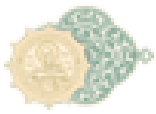
Съ открытіемъ собора курія воспретила прессѣ Папской Области обсужденіе вопроса о непогрѣшимости изъ опасенія, какъ бы апологія не вызвала противорѣчія. Но

проповѣдь была свободна отъ этого запрещенія, и проповѣдники ультрамонтанской партіи пользовались ею, какъ средствомъ—электризовать общественное мнѣніе, въ самомъ крайнемъ направленіи ¹⁾. Къ великому посту проповѣдники, принадлежавшіе къ монашескимъ орденамъ, получили вездѣ положительныя инструкціи—развивать и поддерживать доктрину о непогрѣшимости папы. Къ проповѣди нужно присоединить просительныя и благодарственныя письма, адресованныя ультрамонтанскимъ писателямъ, и осужденія, направленные противъ противниковъ непогрѣшимости. Опубликованіе всѣхъ этихъ документовъ рассчитано было на то, чтобы заставить католическое общество думать о значительномъ числѣ епископовъ, благопріятствующихъ намѣреніямъ агитаторовъ. Сюда же нужно отнести и благодарственные бревы самого папы, адресованныя писателямъ, поддерживавшимъ доктрину абсолютной непогрѣшимости ²⁾. Личное участіе папы, дѣйствующаго внѣ собора въ интересахъ торжества доктрины—фактъ новый въ исторіи соборовъ. Не было примѣра, чтобы папа на счетъ чисто-личнаго, еще подлежащаго соборному обсужденію, вопроса обнаруживалъ внѣ собора свое желаніе и свою волю официальными акта-

¹⁾ Одинъ изъ нихъ развивалъ, напр., въ своей проповѣди слѣдующія темы: Иисусъ Христосъ въ ясляхъ, Иисусъ Христосъ въ евхаристіи, Иисусъ Христосъ въ Ватиканѣ,—въ Внелеемѣ какъ дитя, въ евхаристіи какъ жертва, въ Ватиканѣ какъ папа. Фаберъ называлъ папу *третьимъ воплощеніемъ Христа*, Сегюръ—*Христомъ на землѣ*.

²⁾ Напримѣръ—Жюль-Жаку, редemptористу, за его книгу подъ заглавіемъ *Du pontife et du concile*; Сегюру, сентъ-денисскому каноннику, за его брошюру *Le concile*; иезуиту Рамьеру (отъ 22 января) за его книгу, въ которой онъ разбираетъ сочиненіе извѣстнаго Maret'a, декана парижскаго богословскаго факультета, подъ заглавіемъ *Du concile generale et de la paix religieuse* (отъ 23 марта Рамьеръ получилъ отъ папы новую брєву за брошюры *L'abbé Gratry et mgr Dupanloup* и *La mission de concile relevée par l'abbé Gratry*) и аббату Геранжеру, написавшему сочиненіе, направленное противъ аббата Гратри и орлеанскаго епископа Дюпанлу (*Defense de l'Eglise romaine contre les accusations du P. Gratry*).

ми, долженствовавшими производить глубокое и опредѣляющее впечатлѣніе на совѣсть отцевъ собора. Никогда прежде не видно было такой расточительности въ выраженіяхъ благосклонности къ защитникамъ мнѣнія угоднаго куріи и въ предоставленіи вліятельныхъ постовъ извѣстнымъ поборникамъ папской непогрѣшимости. Однѣхъ кардинальскихъ шапокъ, говорятъ, оставлено было въ запасъ на 1870 годъ *восемнадцать* для пожалованія епископамъ, которые окажутся на соборѣ наиболѣе послушными папѣ.

Не смотря, однакожь, на очевидную тенденціозность организаціи и дисциплины собора, на ту агитацію, которая велась внѣ собора, на любезности и прещенія самого папы, на соборѣ и внѣ собора не замедлила выступить сильная оппозиція. Въ первыхъ числахъ января каждый изъ членовъ собора получилъ слѣдующее письмо: „Нижеподписавшіеся епископы и другія лица, какъ показываетъ прилагаемая при семъ петиція, согласились просить всеенскій соборъ о санкціи на то католическое ученіе, въ силу котораго мы исповѣдуемъ, что авторитетъ римскаго первосвященника—авторитетъ верховный и слѣдовательно *непогрѣшимый*, когда онъ съ апостольскою властію учить всѣхъ вѣрующихъ истинамъ, касающимся вѣры и нравственности. Между тѣмъ весьма важно, чтобы этой санкціи, на основаніи однихъ и тѣхъ же доводовъ, просило по возможности наибольшее число отцевъ собора. Поэтому мы просимъ васъ—подписать эту петицію и пригласить къ подписи и другихъ отцевъ, мысль которыхъ оказалась бы согласною съ нашею. Затѣмъ, эту просьбу, украшенную вашею подписью и, буде возможно, подписью другихъ отцевъ, благоволите немедленно возвратить одному изъ нижеподписавшихся епископовъ“. Письмо это покрыто было 43 подписями, между которыми значились имена многихъ апостольскихъ викаріевъ, епископовъ *in partibus*, епископовъ итальянскихъ, испанскихъ, швейцарскихъ, бельгійскихъ, голландскихъ, одного армянскаго, одного мексиканскаго и девяти французскихъ. Архіепископы

вестминстерскій, Маннингъ, и мехельнскій, Дешанъ (De-champs), заправлявшіе дѣломъ этой петиціи, почему-то не подписались. Самая петиція гласила слѣдующее: „Нижеподписавшіеся отцы смиренно и неотступно просятъ вселенскій ватиканскій соборъ, чтобы онъ декретомъ, формулированнымъ въ категорическихъ и исключаящихъ всякое сомнѣніе выраженіяхъ, благоволилъ утвердить, что авторитетъ римскаго первосвященника—авторитетъ верховный и слѣдовательно чуждый заблужденія, когда онъ говоритъ о предметахъ вѣры и нравственности и когда учить тому, чему должно вѣровать, чего держаться и что отвергать и осуждать всѣмъ вѣрующимъ во Іисуса Христа“... Затѣмъ, подтверждая благовременность и необходимость провозглашенія папской непогрѣшимости догматомъ изъ свѣц. писанія, свѣц. преданія и постановленій соборовъ кельнскаго (1850 г.), утрехтскаго (1865 г.), балтиморскаго (1860 г.), вестминстерскаго (1852 г.) и реймскаго (1867 г.), петиція выражаетъ надежду, что „католическій народъ, всегда оказывавшій всецѣлое, духомъ и словомъ, повиновеніе апостольскимъ декретамъ римскаго первосвященника, приметъ опредѣленіе ватиканскаго собора о верховномъ и непогрѣшимомъ авторитетѣ папы съ сердечною радостію и преданностью“.

Точно неизвѣстно, въ какомъ числѣ отцы собора подписали эту петицію. Ультрамонтанская печать говорила, что этихъ подписей было 400, затѣмъ 500, 600 и 700. Какъ бы то ни было, только 23 января 137 епископовъ, принадлежащихъ къ великимъ католическимъ націямъ, обратились къ папѣ съ адресомъ, въ которомъ просили его „не дозволить, чтобы ученіе о непогрѣшимости предложено было на соборное обсужденіе“.

Въ *Аугсбургской Газетѣ* опубликованъ былъ адресъ нѣмецкихъ епископовъ, во главѣ которыхъ находились кардиналы вѣнскій и пражскій, Раушеръ и Шварценбергъ, примасъ венгерскій, Симоръ, архіепископы кельнскій, мюнхен-

скій, залцбургскій, епископы майнцкій, трирскій, бреславскій, аугсбургскій и друг., Гайнальдъ, епископъ калочскій, и Штроссмайеръ, епископъ босвійскій и сирмійскій (Sirmium), два лучшихъ оратора собора. Только одиннадцать нѣмецкихъ прелатовъ воздержались отъ подписи.

Опредѣливши, подъ какими условіями внесена была въ соборъ петиція о непогрѣшимости, и показавши, что удивительно видѣть судей вѣры, которыхъ приглашаютъ, прежде выслушанія дѣла, объявить свое мнѣніе о вопросѣ, рѣшеніе по которому еще не сдѣлано, отцы заявляютъ съ благородною твердостью, что по ихъ мнѣнію совершенно неумѣстно налагать на католиковъ больше догматовъ, чѣмъ сколько было провозглашено ихъ на тридентскомъ соборѣ. „Соборъ тридентскій и соборъ флорентійскій, который надлежитъ соблюдать тѣмъ съ большею тщательностію, что онъ представляетъ собою выраженіе общаго согласія латинской и греческой церкви, опредѣлили все, чего вѣрующіе должны держаться относительно авторитета римскаго первосвященника... Тезису, рекомендуемому петиціей, противостоятъ сильныя возраженія, представляемые словами и дѣйствіями отцевъ Церкви, записанными въ подлинныхъ документахъ исторіи и даже католической доктрины. Пока не разрѣшены будутъ эти возраженія, христіанскимъ народамъ нельзя предлагать эту доктрину, какъ доктрину богооткровенную. Но нашъ умъ,—такъ заканчивается адресъ,—отступаетъ предъ подобнымъ разрѣшеніемъ и мы, довѣряясь вашей благосклонности, заклиная васъ—не дѣлать для насъ обязательнымъ подобнаго постановленія. Притомъ, исполняя епископскія обязанности у самыхъ значительныхъ католическихъ націй, мы знаемъ по опыту положеніе вещей, существующее у нихъ. Намъ извѣстно, что опредѣленіе, котораго отъ насъ требуютъ, дастъ врагамъ религіи новое оружіе для возбужденія противъ католической церкви неудовольствія людей даже завѣдомо лучшихъ; мы знаемъ, что обстоятельство это правительствамъ нашихъ странъ дастъ мотивъ или

предлогъ—поднять руку и на тѣ права, которыя остаются еще у церкви“. Многіе изъ епископовъ выражали свое мнѣніе еще рѣзче въ тѣхъ сужденіяхъ, которыми они сопровождали свои подписи. Вотъ для примѣра два такихъ сужденія—сужденіе кардинала Шварценберга: *погибла въ Богеміи религія, если состоится это опредѣленіе*, и сужденіе одного венгерскаго прелата: *не возможно и представить себѣ все то зло, которое во всей Венгріи причинитъ опредѣленіе непогрѣшимости*.

Подобный, если не тотъ же самый, адресъ подписанъ былъ 33 французскими епископами, между которыми указывали на архіепископовъ парижскаго, реймскаго, дижонскаго, санскаго, альбійскаго и авиньонскаго,—27 американцами и, между прочимъ, архіепископами Сентъ-Луи, Нью-Йорка, Галифакса и Цинциннати,—23 восточными не-латинскаго обряда, всѣми португальцами, нѣкоторыми итальянцами и, между прочимъ, архіепископами миланскимъ и туринскимъ,—двумя ирландцами и двумя англичанами. Многіе изъ епископовъ, по разнымъ причинамъ не подписавшіеся подъ адресъ, формально заявили однакожъ, что они будутъ вотировать противъ непогрѣшимости; напр. кардиналъ Матьё, безансонскій архіепископъ.

Нужно замѣтить, что большая часть прелатовъ, подписавшихся подъ этими адресами, падаетъ на значительныя католическія населенія. Діоцезы парижскій, кёльнскій и вѣнскій обнимаютъ собою свыше 2 милліоновъ душъ каждый; діоцезъ бреславскій—2 милліона 500 тысячъ, т. е. столько же, сколько старинная Папская Область, которую на соборѣ представляли 143 епископа. Обобщая это замѣчаніе, можно сказать, что партія прелатовъ, выступившихъ съ оппозиціей противъ непогрѣшимости, имѣла за собою болѣе двухъ третей всего католическаго міра, если держаться числа, и громадное большинство, если имѣть въ виду ихъ нравственное значеніе. Замѣчаніе это нисколько не ослабляется въ своей силѣ тѣмъ возраженіемъ поборниковъ непогрѣшимо-

ети, что на ихъ сторонѣ стояли на соборѣ вестминстерскій архіепископъ, бельгійскій примасъ (архіепископъ мехельнскій), швейцарскій епископатъ и всѣ апостольскіе викаріи. „имѣющіе въ своемъ завѣдываніи три четверти *будущаго* христіанскаго міра, который *войдетъ* въ составъ церкви не позже столѣтія“...¹⁾.

Выступившіе съ оппозиціей противъ сторонниковъ непогрѣшимости епископы были поддержаны и внѣ собора представителями свободного мнѣнія Германіи, Англіи и Франціи.

Энергичнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, оппозиція встрѣтила поддержку въ *Германіи* ²⁾. Лишь только стала извѣстною здѣсь петиція объ опредѣленіи непогрѣшимости, противъ нея выступилъ извѣстный Дёллингеръ, деканъ богословскаго факультета мюнхенскаго университета, и подвергъ ее безпощадному контролю своей громадной эрудиціи. Онъ указывалъ на давно организованную агитацію іезуитовъ въ Германіи, Франціи, Италіи, Англіи, и на молчаніе, до котораго всюду систематически были доведены ихъ противники. Доказывалъ, что провозглашеніе новаго догмата свидѣтельствуесть въ сущности о томъ только, что папа самъ дѣлаетъ себя непогрѣшимымъ. И когда мюнхенскій муниципалитетъ предложилъ ему въ благодарность за благородное мужество званіе почетнаго гражданина, онъ, отклоняя отъ себя эту честь, высказалъ одушевлявшую его мысль въ

¹⁾ Возраженіе это выставилъ во время собора нѣкто Вейльо (Veillot), одинъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ и защитниковъ непогрѣшимости: за свою полезную для курии литературную службу, „*parce que sa plume vaut bien les fameux chassepots*“, онъ получилъ отъ папы большую золотую медаль *Mentana*.

²⁾ Еще раньше открытія ватиканскаго собора, осенью 1869 г., въ Германіи явилось сочиненіе, подъ заглавіемъ *Papa и соборъ* и подъ псевдонимомъ *Janus*, произведшее въ Германіи глубокое впечатлѣніе. Въ этомъ сочиненіи доктрина непогрѣшимости ставится рядомъ съ тѣми подлогами и фальсификаціями, которые проходятъ чрезъ всю исторію папства. Прессансэ (*Revue des deux Mondes*, 1870, въ ст. *Le concile de Vatican*) и о. Геттэ (*L'union chretienne*, 1870, fevrier, p. 74) полагаютъ, что сочиненіе это принадлежитъ перу Дёллингера.

слѣдующихъ трогательныхъ и многознаменательныхъ выраженіяхъ: „Я писалъ потому, что, въ качествѣ общественнаго профессора и старѣйшаго изъ профессоровъ богословія въ Германіи, считалъ себя обязаннымъ поступить такъ въ настоящее тревожное время и при настоящемъ, по истинѣ опасномъ, положеніи вещей. Я сдѣлалъ это съ успокоивающимъ меня сознаніемъ, что большинство германскихъ епископовъ, къ которому принадлежитъ и мой епископъ, того же мнѣнія. Движимый желаніемъ открыто высказать то, что узналъ я какъ профессоръ богословія и чему, какъ такой, училъ въ продолженіе 47 лѣтъ, я рѣшился сдѣлать это на закатѣ своей жизни, въ моментъ, когда намъ угрожаютъ помраченіе и извращеніе“.

Многочисленные адреса, полученные Дёлингеромъ отъ университетовъ, судебныхъ учреждений и дворянъ брамбергскихъ, бреславльскихъ, вѣльскихъ, мюнхенскихъ, пражскихъ, боннскихъ и др., доказывали ему, что онъ былъ вѣрнымъ выразителемъ лучшей части нѣмецкихъ католиковъ. Эти манифестаціи произвели глубокое впечатлѣніе въ Римѣ. Однако, не смотря на всѣ старанія куріи, ни одинъ нѣмецкій епископъ не выступилъ съ обвиненіемъ противъ мюнхенскаго богослова-ветерана; только регенсбургскій епископъ, подписавшій петицію о непогрѣшимости, запретилъ своимъ молодымъ клирикамъ посѣщать курсы Дёллингера.

Послѣ Дёллингера Михэлисъ, первый изъ германскихъ профессоровъ каноническаго права, выступилъ противъ петиціи о непогрѣшимости съ обвиненіемъ въ томъ, что она—дѣло „хитрости“, „страсти“ и „лжи“, „успѣхъ которыхъ будетъ печальною побѣдою духа іезуитской партіи надъ истиннымъ духомъ церкви, клеветою на религію и человечество“.

Въ *Англии* Пюзей, глава движенія извѣстнаго подъ именемъ ритуализма, въ своемъ второмъ письмѣ къ Ньюману подъ заглавіемъ *Неужели невозможно святое единство?* высказывалъ между прочимъ такіа мысли: „Я не могу почти

представить себѣ ничего болѣе роковаго для единства, какъ провозглашеніе папской непогрѣшимости... Пусть собравшіеся въ Римѣ епископы возьмутъ въ примѣръ умѣренность тридентскаго собора, которая по словамъ Боссюэта, „налагаетъ узду на дерзкіе умы, желающіе ринуться въ гибельныя нововведенія и сдѣлать свои мнѣнія обязательными для другаго“. .. и тогда рушится стѣна раздѣленія, существующая такъ давно въ томъ, что мы считаемъ колыбелью христіанства. Теперь же всякій разъ, какъ думаешь о единствѣ, являются, какъ привидѣнія, какія-то препятствія и даютъ намъ знакъ удалиться... Я пишу не во имя какой нибудь партіи. Я пишу съ увѣренностію, что выражаю чувства тысячи и тысячи англійскихъ сердецъ здѣсь и въ Соединенныхъ Штатахъ. Я имѣю одно лишь желаніе—ускорить, если можно, твердый, спасительный и продолжительный мир“.

Въ свою очередь прерываетъ свое продолжительное молчаніе и Ньюманъ. Обозрѣвши вокругъ себя все то, что впродолженіе двадцати лѣтъ сдѣлано имъ было для католичества, и обращая взоры къ будущему, онъ говоритъ: „Благодаря уполномоченнымъ органамъ римскаго двора, одно уже имя вселенскаго собора не вызываетъ ничего болѣе, кромѣ страха и опасенія... Доселѣ соборы созывались для отвращенія отъ Церкви какой нибудь важной опасности, а вотъ засѣдающій въ Ватиканѣ соборъ самъ порождаетъ серьезную опасность“...

Наконецъ, во *Франціи* оппозиція противъ поборниковъ непогрѣшимости встрѣтила сторонника въ лицѣ Гратри. Гратри выступилъ противъ ультрамонтанской партіи, впрочемъ, раньше появленія петиціи о непогрѣшимости, и по слѣдующему случаю. Епископъ орлеанскій, извѣстный Дюпанлу, при своемъ отъѣздѣ въ Римъ на соборъ, написалъ пастырское посланіе къ клиру своей епархіи, въ которомъ излагаются замѣчанія касательно опредѣленія непогрѣшимости на предстоящемъ соборѣ. Это посланіе вызвало возраженія со

стороны архієпископовъ версальскаго, вестминстерскаго и мехельнскаго, самыхъ ярыхъ сторонниковъ непогрѣшимости. И когда, по прїѣздѣ въ Римъ, Дюпанлу готовился отвѣчать имъ, курія обязала съѣхавшихся на соборъ прелатовъ не печатать ничего относительно вопросовъ, подлежащихъ соборному обсужденію. Въмѣсто Дюпанлу рѣшился дать отвѣтъ его противникамъ Гратри. Въ своихъ трехъ письмахъ къ архієпископу мехельнскому, Дешану, онъ поднимаетъ щекотливый вопросъ о древнихъ папахъ, осужденныхъ соборами за ересь, и указываетъ на тѣ фальсификаціи, которыя встрѣчаются въ сочиненіяхъ даже такихъ писателей, какъ Тома аквинать и Альфонсъ лигуорійскій, и которыя первичнымъ источникомъ для себя имѣютъ лжеисидоровскія декретаціи ¹⁾).

За свой мужественный протестъ Гратри получилъ многочисленныя выраженія благодарности. Между прочимъ, престарѣлый графъ Монталамбертъ прислалъ „привѣтъ самаго признательнаго удивленія краснорѣчивому и стреми-

¹⁾ Отъ 1 марта Дюпанлу и самъ написалъ отвѣтное письмо Дешану. Въ этомъ письмѣ онъ указываетъ на богословскія и историческія затрудненія и опасности, съ которыми соединено опредѣленіе непогрѣшимости, и разбираетъ тѣ основанія, при помощи которыхъ инфеллибилиты доказывали необходимость этого опредѣленія. Указывая на опасности, съ которыми соединено опредѣленіе непогрѣшимости, Дюпанлу говоритъ между прочимъ: „Существуетъ 70 миллионовъ схизматиковъ, которые не признаютъ главенства папы... Всякій пойметъ, какую гору *новыхъ предразсудковъ* воздвигнетъ у этихъ *бѣдныхъ* схизматиковъ опредѣленіе непогрѣшимости папы. Пожалуйста хоть ихъ *невѣжество*. Если на это намъ возразить: „вѣче думать о востокѣ? чего ждалъ отъ него!“ я отвѣчу: нѣтъ, не станемъ рыть могилы этимъ древнимъ христіанскимъ народамъ! Если бы даже всякое дыханіе Божіе, всякое человѣческое усиліе оказались безсильными вывести ихъ изъ того заблужденія, въ которомъ они гибнутъ, и въ такомъ случаѣ не станемъ считать дѣломъ достойнымъ любви Іисуса Христа и задачи великаго собора—отдалять ихъ отъ себя и затруднять для нихъ возвратъ къ истинѣ еще болѣе“... Аргументъ по адресу православной церкви чисто католическій (*Reponse de mgr l'evêque d'Orleans a mgr Dechamps, archeveque de Malines. Paris. 1870. p. 22*).

тельному священнику“, а также „великому и благородному орлеанскому епископу, имѣвшимъ мужество выступить противъ потока ласкательства, обмана и раболѣпства, въ которыхъ рискуешь затопиться“... Послѣднія слова Монталамберта были протестомъ противъ „доктринъ крайне обидныхъ для здраваго смысла и человѣческаго достоинства..., противъ этихъ мірскихъ богослововъ абсолютизма, которые приносятъ справедливость, истину, разумъ и исторію въ жертву идолу, воздвигнутому ими въ Ватиканѣ“.

Такимъ образомъ, соборъ раздѣлился на двѣ фракціи—на *инфеллибилистовъ*, подписавшихъ петицію о провозглашеніи папской непогрѣшимости догматомъ, и на *оппозиціонистовъ*, просившихъ папу не дозволять—вопросъ о непогрѣшимости вносить на соборное обсужденіе ¹⁾).

При такихъ обстоятельствахъ, 6 марта, въ день посвященный памяти Фомы аквината, отцы собора получили отъ секретаря собора слѣдующее сообщеніе: „Большое число епископовъ просило св. отца о внесеніи на соборное обсужденіе декрета о непогрѣшимости папы. Его святѣйшество благоволилъ изъяснить на эту просьбу свое согласіе. Вслѣдствіе того членамъ собора сообщается текстъ новой главы объ этомъ вопросѣ“...

Декретъ гласилъ слѣдующее:

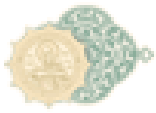
„*Sancto approbante concilio, мы учимъ и опредѣляемъ какъ догматъ вѣры, что римскій первосвященникъ, которо-*

¹⁾ Была на соборѣ и третья партія, но ея программу трудно опредѣлять. Кажется, что она соглашалась съ проектомъ инфеллибилистовъ, но желала, чтобы провозглашеніе новаго догмата состоялось подъ условіемъ, если оно будетъ принято *единогласно*,—если сдѣлано будетъ точное опредѣленіе *различія между общественною и частною личностію учащаго папы*,—если показанъ будетъ истинный смыслъ формулы *ex cathedra*,—если опредѣлено будетъ, *что собственно относится къ предметамъ вѣры и нравственности*. Прелаты, составлявшіе эту фракцію, не подписались ни подъ петиціей инфеллибилистовъ, ни подъ адресомъ сторонниковъ оппозиціи.

му самимъ Господомъ нашимъ, въ лицѣ Петра, сказано: *Азъ молюся о тебѣ, да неоскуднѣтъ вѣра твоя*, не можетъ заблуждаться, когда, въ качествѣ учителя всѣхъ христіанъ, онъ силою собственнаго своего авторитета опредѣляетъ то, что должно быть содержимо всею церковію въ дѣлѣ вѣры и нравственности, и учимъ, что эта прерогатива *незаблуждаемости* или *непогрѣшимости* римскаго первосвященника простирается на тѣ же предметы, на которые простирается непогрѣшимость и церкви. Если (чего не дай Богъ!) кто дерзнетъ противорѣчить этому опредѣленію, тотъ пусть знаетъ, что онъ тѣмъ самымъ отлучается отъ истины католической вѣры и отъ единства церкви“.

При данномъ настроеніи собора, трудно было ожидать блестящихъ результатовъ отъ голосованія этого декрета. Такъ оно и оказалось въ дѣйствительности. Изъ 770 составлявшихъ соборъ отцовъ 163 оставили Римъ раньше голосованія декрета, чтобы спасти тѣмъ свою совѣсть, не раздражая папы, 61 не явились на голосованіе, 70 воздержались отъ подачи своего голоса, 62 изъявили условное согласіе, 88 вотировали противъ непогрѣшимости и только 326, т. е. *абсолютное меньшинство*, безусловно приняли декретъ. Если принять во вниманіе, что адреса оппозиціонистовъ были подписаны почти всѣми нѣмецкими, французскими, португальскими, американскими и англійскими прелатами, то число 326 прелатовъ, вотировавшихъ за непогрѣшимость, нужно будетъ отнести главнѣйшимъ образомъ на счетъ итальянскихъ епископовъ, къ которымъ должны быть присоединены апостольскіе викаріи, т. е. догмать о папской непогрѣшимости былъ принятъ на соборѣ *крошечнымъ большинствомъ* только итальянскихъ епископовъ и *ничтожнымъ меньшинствомъ* епископовъ остальныхъ католическихъ націй. Отсюда, тезисъ папской непогрѣшимости со времени ватиканскаго собора превращается въ догмать, строго говоря, только для однихъ итальянцевъ съ папою во главѣ; для остальныхъ католическихъ націй онъ перестаетъ быть даже

и простымъ богословскимъ мнѣніемъ, какимъ былъ до собора ¹⁾. А такъ какъ итальянскіе епископы, да и весь ватиканскій соборъ по своей организаціи и дисциплинѣ, были пассивными выразителями папской воли, то можно сказать вслѣдъ за Дёллингеромъ, что папа на этомъ соборѣ самъ себѣ предписалъ обязанность—вѣрить въ свою непогрѣшимость какъ въ догматъ, что могъ, впрочемъ, сдѣлать онъ и безъ собора...

Оппозиція, съ которою встрѣтилось провозглашеніе новаго догмата, показываетъ, что съ прерогативой папской непогрѣшимости не мирилась мысль даже и католиковъ,—мысль, придавленная гнетомъ тысячелѣтнихъ традицій папства и отъ юности привыкшая преклоняться предъ авторитетомъ папы, какъ главы Церкви и намѣстника Іисуса Христа. Тѣмъ болѣе, конечно, не можетъ мириться съ этою прерогативой мысль свободная отъ предразсудковъ католической доктрины.

Прерогативъ папской непогрѣшимости противорѣчатъ, прежде всего, тѣ примѣры вопіющей нравственной лжи, которыми полна исторія папства. На папскомъ престолѣ рядомъ съ людьми, заслуживающими полнаго уваженія, являлись часто люди, позорившіе не только папство, но и вообще человечество. О папѣ *Стефанъ VI* († 897) разсказывается напр., что онъ, приказавши вынуть изъ гроба полуразложившійся трупъ своего предшественника *Формоза*, велѣлъ одѣть его въ папское облаченіе, посадилъ на престолъ и

¹⁾ Французскіе богословы, даже такіе какъ кардиналъ *Гуссе*, извѣстный защитникъ догмата о непорочномъ зачатіи Богоматери, въ своихъ догматическихкихъ системахъ совершенно игнорируютъ мнѣніе о папской непогрѣшимости (см. *Theologie dogmatique*, par cardinal Gousset, Paris. 1875); въ Германіи, какъ извѣстно, старокатолическое движеніе вызвано было именно провозглашеніемъ догмата о непогрѣшимости.

открылъ надъ нимъ формальный судъ, по окончаніи котораго произнесенъ былъ приговоръ, лишавшій Формоза папскаго достоинства; съ трупа сорвали папское облаченіе, отрубили у него три пальца и, протаскивъ по улицамъ за ноги, бросили его въ Тибръ¹⁾. Папѣ *Іоанну XII* († 963) Оттонъ I прислалъ письмо такого содержанія: „Явившися въ Римъ..., я услышалъ о васъ такія вещи, которыя недостойны даже и актеровъ. Всѣ, какъ духовные, такъ и міряне обвиняютъ васъ въ убійствахъ, клятвопреступленіяхъ, кровосмѣшеніяхъ съ родственницами и двумя сестрами и въ томъ, что въ шутку вы призываете имена Юпитера, Венеры и другихъ демоновъ“²⁾. По свидѣтельству Флѣри и Луитпранда кремонскаго, этотъ папа изъ латеранскаго дворца сдѣлалъ вертепъ разврата, раздавалъ любовницамъ священныя украшенія и дошелъ до того, что честныя женщины боялись ходить въ Римъ на богомолье, опасаясь оскорбленія; открыто ругался надъ религіей, посвящалъ пресвитеровъ въ конюшнѣ и умеръ отъ разврата, не причастившись св. таинъ³⁾. О папѣ *Бенедиктъ IX* (1033—1038, 1044—1047), возведенномъ, говорятъ, на папскій престолъ 12 лѣтъ, папа Викторъ III († 1087) дѣлаетъ такой отзывъ: „Мнѣ страшно и говорить, какъ постыдна, развращенна и омерзительна была жизнь Бенедикта IX. Долго отягощалъ онъ римлянъ своимъ воровствомъ, своими убійствами и мерзостями; наконецъ злодѣйства его сдѣлались такъ нестерпимы, что онъ былъ изгнанъ народомъ. На его мѣсто за золото и съ пренебреженіемъ каноновъ избранъ былъ Іоаннъ, епископъ сабинскій, который подъ именемъ Сильвестра III занималъ папскій престолъ только три мѣсяца, будучи принужденъ солдатами Бенедикта IX возвратиться въ сабинское епископство. Надѣвши снова ті-

1) *Краинскій*, О католицизмѣ по католическимъ источникамъ, стр. 112.

2) *Essai historique sur la puissance temporelle des papes*, t. I. pag. 99.

3) *Краинскій*, 114; *Іванцовъ-Платоновъ*, О римскомъ католицизмѣ, ч. 2 стр. 9.

ару, Бенедиктъ не измѣнилъ своихъ нравовъ; наконецъ, устранившись криковъ негодованія, поднявшихся противъ его преступленій, онъ рѣшился продать папство архіепископу Іоанну за значительную сумму денегъ“¹⁾. О папѣ *Иннокентіи IV* († 1254) Робертъ, епископъ ливкольнскій, говоритъ такимъ образомъ: „Этотъ папа не стыдится уничтожать постановленія своихъ предшественниковъ, выражая тѣмъ презрѣніе къ нимъ и давая примѣръ относиться точно также и къ своимъ. Хотя уже многіе папы обременяли церковь, но этотъ довелъ ее до величайшаго рабства, особенно чрезъ ростовщиковъ, которыхъ онъ завелъ въ Англіи и которые хуже евреевъ. По его приказанію, братья-проповѣдники и братья-минориты, присутствуя при умирающихъ, должны располагать ихъ—завѣщать имущества въ пользу святой земли и вступать въ крестовой походъ, чтобы отнять у наслѣдниковъ надежду на ихъ состояніе, останутся ли они живы, или умрутъ. Мірянамъ онъ продаетъ крестовосцевъ, какъ иѣкогда продавали въ храмъ быковъ и барановъ, и индульгенціи измѣряетъ золотомъ, которое даютъ на крестовой походъ; прелатамъ приказываетъ предоставлять бенефиціи всякому, кто захочетъ купить ихъ, хотя бы то былъ иностранецъ, человѣкъ отсутствующій, недостойный, неученый и даже незнающій языка страны“²⁾. Папа *Бонифаций VIII* († 1303), по свидѣтельству многихъ, говорилъ съ насмѣшкой о тайнствахъ, о тайнахъ евангелія и даже о безсмертіи души. „Намъ, выражался онъ, слѣдуетъ говорить также, какъ говоритъ и народъ, но не слѣдуетъ вѣрить такъ, какъ вѣруетъ онъ“³⁾. Папа *Климентъ VI* († 1352), по свидѣтельству Флѣри, держалъ свой дворъ на подобіе царскаго, имѣлъ пышно сервированные столы, многочисленную свиту, лошадей. Любилъ возвышать своихъ родствен-

¹⁾ Essai historique sur la puissance temporelle, des papes, t. I. pag. 117

²⁾ Ibid. pag. 216.

³⁾ Ibid., p. 231.

никовъ, покупалъ для нихъ громадныя земли во Франціи и дѣлалъ многихъ изъ нихъ кардиналами, хотя нѣкоторые изъ нихъ были слишкомъ молоды и вели соблазнительную жизнь. Будучи архіепископомъ, онъ водилъ компанію съ женщинами, отношеній съ которыми не прерывалъ и тогда, когда сдѣлался папою. Женщины входили въ его кабинетъ какъ прелаты. Когда онъ бывалъ боленъ, за нимъ ухаживали женщины подобно тому, какъ ухаживаютъ за свѣтскими людьми родственницы“¹⁾. О *Климентѣ VII* († 1394) Клеманжисъ дѣлаетъ такой отзывъ: „Отыщется-ли болѣе презрѣнный человекъ, чѣмъ нашъ Климентъ, за все то время, пока онъ былъ живъ? Онъ до такой степени сдѣлался рабомъ рабовъ французскихъ королей, что едвали бы и самый подлый холопъ сталъ сносить тѣ мерзости, которыя ежедневно сносили онъ отъ придворныхъ. Онъ принаравливался къ обстоятельствамъ, хитрилъ, притворялся, дѣлалъ широкія общія, подталкивалъ время плечами, давая однимъ бенефиціи, другимъ слова. Онъ сдѣлалъ свой дворъ дворомъ льстецовъ и шутовъ, чтобы приманивать короля и вельможъ. Онъ раздавалъ епископства молодымъ дѣвушкамъ, общество которыхъ любилъ; дѣлалъ имъ дорогіе подарки, чтобы пріобрѣсти, удержать и увеличить свой кредитъ у нихъ, и удовлетворялъ всѣ претензіи, которыя онѣ заявляли на духовенство. Онъ до такой степени подчинилъ все духовенство свѣтскимъ чиновникамъ, что каждый изъ нихъ былъ столько же папою, сколько и онъ“²⁾. Изъ дальнѣйшаго времени можно указать на *Іоанна XXIII* († 1419), обвиненнаго констанцкимъ соборомъ во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ и низложеннаго съ папскаго престола³⁾, въ молодости бывшаго морскимъ разбойникомъ и на папскомъ престолѣ об-

¹⁾ Essai sur la puissance temporelle des papes, p. 254.

²⁾ *Bonnechose*, Reformateurs avant la reforme, Paris, 1845, t. I. p. 31.

³⁾ Essai historique sur la puissance temporelle des papes, t. I. p. 265.

ращавшагося иногда къ своимъ прежнимъ товарищамъ ¹⁾, — на *Александра VI Борджиа* († 1503), замѣчательнаго политическаго интригана, зацѣпнаваго себя самыми тяжкими злодѣяніями кровосмѣшенія, тайныхъ и явныхъ убійствъ, и умершаго отъ яда, приготовленнаго его сыномъ Цезаремъ для отравленія богатыхъ кардиналовъ, имѣнія которыхъ нужно было взять въ папскую казну ²⁾, и на др.

И сами защитники папства чувствуютъ всю позорность подобнаго поведенія папъ, но въ смягченіе ея указываютъ на то, что такихъ папъ было немного, въ сравненіи съ рядомъ папъ, украшавшихъ кафедру св. Петра своимъ ученіемъ и своими добродѣтелями ³⁾. Для института, претенду-

¹⁾ *Иванцовъ-Платоновъ*, О римскомъ католицизмѣ, ч. 2. стр. 45.

²⁾ *Ibid.*, стр. 45.

³⁾ *Perrone*, Praelectiones theologiae, Parisiis, 1842. t. II. col. 795. О. Гагаринъ въ дурномъ поведеніи папъ усматриваетъ даже доказательство особеннаго промышленія Божія о католической церкви. Не оспариваемъ, говоритъ онъ, что нѣкоторые папы были не совсѣмъ такими, какими должны бы быть. Но въ этой гипотезѣ (?) мы усматриваемъ блистательное подтвержденіе католической доктрины. Если авторитетъ папъ не опирается на непреложное обѣтованіе Іисуса Христа, если онъ не обусловливается божественнымъ установленіемъ, то какъ объяснить существованіе папства въ продолженіе 18 вѣковъ? Мы видимъ, какъ націи одна за другою теряютъ свой блескъ, или сходятъ съ міровой сцены, видъ земли претерпѣваетъ различные перевороты, и—вотъ среди этого вѣстопостоянства и этихъ катастрофъ одна только кафедра св. Петра остается цѣлою и пощаженною. Орошаемая въ продолженіе трехъ первыхъ вѣковъ кровію мучениковъ, она выдерживаетъ жесточайшія гоненія; затѣмъ сопротивляется усиліямъ всевозможныхъ ересей и заблужденій, остается непреклонною предъ притязаніями восточныхъ императоровъ, какъ позднѣе предъ захватами и жестокостями нѣкоторыхъ западныхъ. Ее не сокрушили наплывы варваровъ, все подчинившихъ своему господству; она не пала ни въ смятін, ни въ несчастіи. Ее не обезоружили бѣдствія XV и XVI в.; напрасно грозили ей и всемогущество государей, и тонкости и грубости сектаторовъ, и ярость невѣрія. Ее не могли унижить всѣ средства, пущенныя въ ходъ на подмогу всевозможнаго рода ненависти, а къ концу прошлаго столѣтія, когда революція объявила ей истребительную войну, въ моментъ, когда думали, что папство погибнетъ съ папою Піемъ VI, томившимся въ желѣзахъ, съ крайнихъ предѣловъ Европы, во главѣ

ющаго на непогрѣшимость, не хорошо уже и это. Но на папскомъ престолѣ мы встрѣчаемъ цѣлые послѣдовательные ряды исполиновъ зла. Такъ, папъ, жившихъ отъ конца IX до начала XI вѣка, Бароній называетъ чудовищами по жизни и правамъ, считаетъ тяжкимъ для себя повѣствовать объ ихъ неслыханныхъ беззаконіяхъ, и сознается, что все что только вытерпѣлъ западъ отъ языческихъ императоровъ, отъ еретиковъ и отъ всѣхъ гонителей, когда-либо бывшихъ, все это было дѣтскою игрою въ сравненіи съ тѣми бѣдствіями, которыя потерпѣлъ онъ отъ недостойныхъ своихъ первосвященниковъ¹⁾. Во всю почти первую половину X вѣка папскимъ престоломъ заправляли не папы, а знатныя безиравственныя римлянки, Теодора и дочери ея Марозія и Теодора младшая; такъ что весь этотъ періодъ времени въ исторіи римской церкви называютъ обыкновенно періодомъ порнократіи. Крайняя безиравственность, господствовавшая въ то время на папскомъ престолѣ, подала поводъ къ тому, что въ послѣдствіи образовалась сказка, будто римскою церковію когда-то управляла женщина подъ именемъ папы Іоанна VІІІ, которая будто бы умерла ро-

русскихъ войскъ, приходитъ Суворовъ; побѣда слѣдуетъ за нимъ. Но что дѣлать приходитъ онъ въ Италію? Онъ не знаетъ этого, не знаютъ и тѣ, которые послали его. Но мы знаемъ теперь это: онъ приходилъ покрыть своимъ побѣдоноснымъ мечемъ конклавъ, собравшійся въ Венеціи для избранія 254 преемника галлилейскому рыбарю. Хотятъ видѣть въ папахъ только обыкновенныхъ людей, предоставленныхъ всѣмъ слабостямъ человѣческой природы, и не замѣчаютъ, что для объясненія бытія папства не остается ничего, кромѣ вмѣшательства провидѣнія, постоянно бодрствующаго надъ своимъ созданіемъ, направляющаго все событія къ сохраненію краеугольнаго камня, на которомъ зиждется христіанское общество. Les starovères, l'église russe et le pape, pag. 79—81. Въ своихъ разсужденіяхъ о. Гагаринъ опустил изъ вида три вещи: а) буддизмъ напр. существуетъ около 25 вѣковъ, б) *Божій никтоже вѣсть, точію Духъ Божій...* и в) пороки папъ показываютъ, что папы—люди, а по апостолу *всякъ человекъ ложь*.

¹⁾ *Иннокентій*, Обличительное богословіе, т. 3 стр. 8.

дами во время торжественной церковной церемоніи ¹⁾). Та-
кими же были и авиньонскіе папы (1309—1378). Петрарка,
сестра котораго, говорятъ, была обольщена папою Бене-
диктомъ XII, сравниваетъ дворъ авиньонскихъ папъ съ лаби-
ринтомъ, „гдѣ гордый Миносъ бросаетъ жребіи людей въ
роковую урну, гдѣ реветъ минотавръ-хищникъ, гдѣ царст-
вуетъ безстыдная Венера. Тамъ нѣтъ руководителя, нѣтъ
Аріадны; чтобы укротить чудовище, задобрить гнуснаго
привратника, тамъ нѣтъ другаго средства, кромѣ золота, но
за золото тамъ можно купить небо и самого Іисуса Христа.
Въ этомъ нечестивомъ Вавилонѣ будущая жизнь, безсмертіе,
будущій судъ наравнѣ съ елисейскими полями, Ахерономъ
и Стиксомъ поставлены въ разрядъ басенъ, предлагаемыхъ
грубому суевѣрію“ ²⁾). Въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій
Петрарка характеризуетъ авиньонскихъ папъ еще болѣе
энергическими чертами: „Римъ, говоритъ онъ, есть развра-
щенный Вавилонъ, гнѣздо разбойниковъ, въ которомъ вы-
сиживается отрава для всей вселенной. Онъ только пьетъ и
опохмѣляется. Онъ—гнусный блудникъ, утопающій въ рос-
коши, убѣжище заблужденій и ересей, темница, въ которой
умерщвляется всякое добро и воспитывается всякое зло, мя-
тежникъ противъ Христа и апостоловъ, обожатель Венеры
и Бахуса“ ³⁾). Спрашивается теперь, какъ помирить эти эк-
земпляры глубокаго разврата и безнравственности съ пре-
рогативой непогрѣшимости?

Не мирится, затѣмъ, прерогатива непогрѣшимости съ
тѣми сужденіями и опредѣленіями папъ, которыя или сто-
ятъ въ *противорѣчій* съ традиціоннымъ догматомъ, или
взаимно исключаются одни другими и, притомъ, часто у одно-
го и того же папы. Такъ, папа Николай I († 867) вопреки
древне-церковной практикѣ увѣрялъ болгаръ, что крещеніе

¹⁾ *Иванцовъ-Платоновъ*, О римскомъ католицизмѣ, ч. 2, стр. 16.

²⁾ *Essai sur la puissance temporelle des papes*, t. 1. pag. 258.

³⁾ *Иннокентій*, Обличительное богословіе, т. 3. стр. 16.

во имя одного Иисуса Христа—крещеніе совершенно достаточно. Тотъ же папа не признавалъ силы за миропомазаніемъ, которое греческіе священники совершали среди болгаръ по древнему преданію восточной церкви, и приказывалъ епископамъ вторично совершать миропомазаніе надъ тѣми, которые уже были миропомазаны ¹⁾.—По ученію Церкви, рукоположеніе во священника, совершенное епископомъ, сохраняетъ свою непреложную и законную силу однажды навсегда, безъ всякаго отношенія къ личному достоинству или недостоинству рукополагающаго; на вторичное рукоположеніе смотрѣли всегда, какъ на преступленіе и на поруганіе таинства священства. Но въ Римѣ съ VIII в. начали считать рукоположеніе нѣкоторыхъ папъ недѣйствительнымъ и обязывать рукоположенныхъ священниковъ и епископовъ принимать новое рукоположеніе. Первый примѣръ такого порядка вещей относится къ 769 г., когда папа Константинъ II, силою захватившій папскій престолъ и занимавшій его въ продолженіе тринадцати мѣсяцевъ, низложенъ былъ соборомъ, который кассировалъ всѣ, совершенныя этимъ папою, рукоположенія. Около половины XI в. поднялась сильная борьба противъ симоніи, которую считали тогда ересью. На рукоположенія, совершенныя епископомъ виновнымъ въ симоніи, снова стали смотрѣть какъ на недѣйствительныя. Вслѣдствіе того, по словамъ Петра даміенскаго, *Левъ IX* совершилъ множество вторичныхъ рукоположеній. *Григорій VII* на пяти римскихъ соборахъ постановилъ, что рукоположеніе, совершенное епископомъ виновнымъ въ симоніи недѣйствительно ²⁾. Принципъ этотъ перешелъ впоследствии въ каноническій сборникъ Граціана.—Папа *Целестинъ III* († 1198) пытался ослабить силу брачнаго союза, издавши опредѣленіе, въ силу котораго бракъ считался недѣйствительнымъ, если одинъ изъ супруговъ дѣлался ерети-

¹⁾ Le pape et le concile, par *Janus*, Paris, 1869, p. 65.

²⁾ Ibid. p. 64.

комъ. *Иннокентій III* отвергъ это опредѣленіе, а *Адріанъ VI* назвалъ за него Целестина еретикомъ ¹⁾.—*Николай II* († 1061) возобновилъ отвергнутое церковію такъ называемое капернаитское заблужденіе, состоявшее въ томъ, что въ евхаристіи тѣло Іисуса Христа принимается чувственно, руками, раздробляется и размалывается зубами. Ланфранкъ упрекаетъ Беренгарія за то, что отвѣтственнымъ въ этомъ заблужденіи онъ дѣлаетъ кардинала Гумберта, а не папу ²⁾.—*Николай III* († 1280), толкуя уставъ Франциска, утверждалъ, что всецѣлое отреченіе отъ личной собственности или отъ имущества, принадлежащаго цѣлымъ корпораціямъ, есть дѣло святое, которое заповѣдывали и подтверждали своимъ примѣромъ самъ Іисусъ Христосъ и апостолы. Поэтому францисканцы не должны владѣть еще остающимися у нихъ имуществами какъ собственностью, а только пользоваться доходами съ нихъ; право же собственности на нихъ должно перейти къ римской церкви. Свое толкованіе Николай заканчивалъ замѣчаніемъ, что толкованіе, данное имъ уставу Франциска, должно быть соблюдаемо ненарушимо, и что въ школахъ оно должно быть читаемо буквально, какъ и всякое другое постановленіе; глоссы, которыя бы толковали его вопреки буквальному тексту, воспрещаются подъ страхомъ отлученія отъ церкви. Распоряженіе о переходѣ къ церкви права собственности на имущества францисканцевъ возобновилъ впослѣдствіи *Климентъ V*. Точно такъ же смотрѣлъ на этотъ предметъ сначала и *Іоаннъ XXII*. Но скоро произошло у него столкновеніе съ францисканцами, съ одной стороны изъ-за того, что онъ хотѣлъ ограничить ихъ преувеличенныя понятія о евангельской бѣдности, а съ другой изъ-за того, что изъ среды францисканцевъ исходили сильныя обвиненія, направленные противъ распущенности папскаго двора и требовавшія крупныхъ реформъ церкви.

¹⁾ Le pape et le concile, par *Janus*, p. 66.

²⁾ Ibid. p. 67.

Онъ началъ мало по малу отмѣнять постановленіе Николая III: сначала уничтожилъ наказаніе отлученія отъ церкви, связанное съ небуквальнымъ толкованіемъ устава Франциска; затѣмъ назвалъ различіе между простымъ пользова-ніемъ извѣстною вещью и правомъ собственности на нее несостоятельнымъ и бесполезнымъ какъ для церкви, такъ и для нравственного совершенства, а наконецъ объявилъ мнѣніе своего предшественника о томъ, что Христосъ и апостолы были прототипами той бѣдности, къ которой стремятся францисканцы, еретическимъ и противнымъ католическому ученію ¹⁾). Такимъ образомъ, Іоаннъ XXII отмѣнилъ, какъ неправильное, то, что вслѣдъ за Николаемъ III и Климентом V сначала называлъ правильнымъ. Спрашивается опять, какъ помирить съ прерогативой непогрѣшимости эти противорѣчія папѣ традиціонному догмату, однихъ другимъ и даже самимъ себѣ?

Этихъ противорѣчій не отрицаютъ въ сужденіяхъ папъ и сами защитники папской непогрѣшимости, но приписываютъ ихъ папѣ, какъ частному богослову. „Какъ частный учитель, говорятъ они, какъ частное лицо, папа можетъ ошибаться и ошибается, но онъ непогрѣшимъ, когда говоритъ какъ вселенскій учитель церкви, *ex cathedra* ²⁾).

Весьма трудно уловить тотъ эластическій смыслъ, который скрывается подъ формулой *ex cathedra*. По мнѣнію Белярмина, извѣстный папскій декретъ можетъ быть названъ декретомъ *ex cathedra* въ томъ случаѣ, когда папа обращается съ нимъ къ цѣлой церкви и провозглашаетъ въ немъ нравственный законъ обязательный для каждаго ³⁾). Перроне вмѣсто послѣдняго условія ставитъ анаематство-ваніе тѣхъ, которые не будутъ согласны съ ученіемъ этого

¹⁾ Le pape et le concile, par Janus, p. 69.

²⁾ Gautier, L'infélibilité devant la raison, la foi et l'histoire, Paris, 1870, p. 14.

³⁾ De Romano Pontifice, 4, 3, et 5.

декрета ¹⁾). Другіе богословы іезуитскаго ордена считают папскій декретъ декретомъ *ex cathedra* и непогрѣшимымъ подъ тѣмъ только условіемъ, если при его обнародованіи сохраняются извѣстныя формальности,—если напр. вывѣшиваютъ его въ продолженіе нѣкотораго времени на дверяхъ храма св. Петра. Многіе изъ богослововъ не придавали, правда, большой важности этимъ тонкостямъ; однако не рѣшались приписать папѣ абсолютную, безусловную непогрѣшимость. Такъ, нѣкоторые полагали, что извѣстный декретъ папы представляетъ собою декретъ *ex cathedra* въ томъ случаѣ, когда онъ составленъ при участіи, по крайней мѣрѣ, тѣхъ кардиналовъ, прелатовъ и богослововъ, которые живутъ въ Римѣ.—Нѣтъ, возражали другіе, для того, чтобы этотъ декретъ былъ вполне непогрѣшимымъ, необходимо предварительное совѣщаніе о немъ собора епископовъ. Но при этомъ возникало затрудненіе: нужно-ли, спрашивали, для рѣшенія *ex cathedra* одобреніе собора, или же достаточно и того, чтобы папа выслушалъ только соборъ и потомъ рѣшилъ такъ, какъ ему угодно, потому что ставить согласіе собора условіемъ непогрѣшимости папы значить въ сущности разрушать эту прерогативу?—Зачѣмъ соборъ епископовъ, говорили другіе? Ихъ мѣсто заступаютъ кардиналы, которые, какъ принадлежащіе къ куріи, имѣютъ гораздо больше значенія, чѣмъ группа нѣсколькихъ епископовъ. Но тутъ возникало новое затрудненіе: всю-ли коллегію кардиналовъ долженъ выслушивать папа, чтобы его опредѣленіе имѣло характеръ декрета *ex cathedra*, или же достаточно ему избрать только нѣкоторыхъ, согласныхъ съ его мнѣніемъ? ²⁾). Такимъ образомъ, понятіе о декретѣ *ex cathedra* принадлежитъ къ темнымъ и нерѣшеннымъ предметамъ католической догматики. Опредѣленіе условій, подъ которыми папскій декретъ является декретомъ *ex cathedra* и, слѣдо-

¹⁾ Praelectiones theologicae, t. 2. col. 1018.

²⁾ Le pape et le concile, par Janus, p. 440—441.

вательно, непогрѣшимымъ, составляетъ себѣ каждый сторонникъ непогрѣшимости по собственному усмотрѣнію и вкусу.

Но, какой бы смыслъ ни заключался подъ формулою *ex cathedra*, различіемъ въ индивидуальномъ лицѣ папы между частнымъ богословомъ и общественнымъ учителемъ церкви создается чрезвычайно странный психологическій феноменъ. Въ самомъ дѣлѣ, если какъ частный человекъ папа можетъ быть еретикомъ или имѣть ошибочныя догматическія представленія, а какъ „вселенскій“ учитель церкви является органомъ самаго чистаго и подлиннаго православія, въ такомъ случаѣ въ одномъ и томъ же лицѣ даются, очевидно, два, взаимно исключаютія одно другое, состоянія или настроенія. Примиреніе этихъ двухъ моментовъ возможно только подъ условіемъ предположенія, что папа еретикъ или имѣющій ошибочныя догматическія представленія, чѣмъ бы ни обуславливались его еретическія и ошибочныя мнѣнія—заблужденіемъ ли или богословскимъ невѣжествомъ, изрекаетъ православную истину подъ непосредственнымъ озареніемъ Духа Божія, являясь въ этомъ случаѣ не болѣе, какъ пассивнымъ органомъ божественныхъ вліяній, безсознательнымъ и невольнымъ оракуломъ чистыхъ ученій, словомъ валаамовой ослицей... Такъ, по видимому, папы и смотрятъ на актъ непогрѣшимости. Иннокентій X († 1655) признавался напр., что, занимаясь всю жизнь юридическими дѣлами и процессами, онъ не имѣлъ никакого понятія о богословіи. Но Богъ, говорилъ онъ епископу монтпельерскому, сообщилъ ему такую полноту разумѣнія, что смыслъ священнаго писанія оказался для него совершенно яснымъ и что онъ моментально постигъ всѣ тонкости и изгибы схоластики,—что онъ ощущаетъ въ себѣ осязательное присутствіе Духа Божія. Осуждая пять янсенистскихъ тезисовъ о благодати, онъ счелъ дѣломъ излишнимъ совѣщаться съ соборомъ и даже съ кардиналами: „все это зависитъ отъ вдохновенія Духа

Божія“, говорилъ онъ парижскимъ богословамъ ¹⁾). Такъ смотря на этотъ предметъ и защитники папской непогрѣшимости. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что существовала богословская школа, по мнѣнію которой условіями непогрѣшимости папы должны быть, съ одной стороны, предварительное богословское образованіе, съ другой совѣщаніе съ епископами и богословами. Другая школа, состоявшая главнымъ образомъ изъ іезуитовъ, возражала на это, что подобная непогрѣшимость была бы плохой услугою для церкви. Многіе папы удостоены тиары какъ юристы, какъ администраторы, или какъ члены высшихъ фамилій. Будучи людьми уже пожилыми, они не могли бы, если бы даже и захотѣли, посвятить себя богословскимъ наукамъ; многіе изъ нихъ не сѣмѣли бы даже и взяться за это дѣло. Нѣтъ; даръ непогрѣшимости долженъ быть такимъ даромъ, который бы мгновенно просвѣщалъ и предохранялъ отъ заблужденія даже и несвѣдущаго папу. Когда папа даетъ рѣшеніе вопросу догматическаго или нравственнаго характера, опредѣленіе его непреложно, выражается ли онъ сейчасъ же или послѣ размышленія, совѣтуется ли съ кѣмъ нибудь или не дѣлаетъ того. Сѣдалище его непогрѣшимости находится единственно въ святилищѣ его духа ²⁾).

Наконецъ, прерогативъ непогрѣшимости противорѣчатъ тѣ *осужденія*, которымъ папы подвергались *на соборахъ*, напр. осужденіе Евгенія IV на базельскомъ соборѣ, Іоанна XXIII на констанцкомъ, Бонифація VIII на вѣнскомъ, Гонорія на шестомъ и седьмомъ вселенскихъ соборахъ и Вигилія на пятомъ вселенскомъ.—Послѣдніе два факта имѣютъ конечно наибольшее значеніе, какъ относящіеся къ той эпохѣ, когда церкви восточная и западная жили общею историческою жизнію.

¹⁾ Le pape et le concile, par *Janus*, p. 446.

²⁾ Ibid. p. 438—439.

Соборное осужденіе на Вигиліа произнесено было за-его отношеніе къ такъ называемымъ тремъ главамъ, т. е. къ сочиненіямъ Феодора мопсуэтскаго, Феодорита и Ивы, которыхъ считали несторіанами. Въ 546 г. Вигилій призвалъ ихъ православными, въ слѣдующемъ году осудилъ а въ 553 г. снова призналъ православными, за что пятый вселенскій соборъ отлучилъ его отъ общенія съ Церковію ¹⁾.—Фактъ осужденія Гонорія относится къ исторіи моноѳелитской ереси. Спрошенный въ самомъ началѣ моноѳелитскихъ споровъ тремя восточными патріархами, Гонорій въ своихъ догматическихъ письмахъ высказался въ пользу новой ереси и оказалъ ей тѣмъ сильную поддержку. Поэтому на шестомъ вселенскомъ соборѣ онъ подвергнутъ былъ торжественному и единодушному осужденію, повторенному затѣмъ на седьмомъ вселенскомъ соборѣ. Сочиненія Гонорія были преданы сожженію, какъ еретическія ²⁾.

Факты соборныхъ осужденій Вигилія и Гонорія доказываютъ неопровержимо, что папы не только могутъ заблуждаться и заблуждались, но и судимы были за свои заблужденія Церковію,—что Церковь, слѣдовательно, не признавала за ними прерогативы непогрѣшимости. Само собою понятно, что для защитниковъ непогрѣшимости эти факты являются камнями великаго претыканія, и имъ очень бы хотѣлось сдвинуть ихъ съ мѣста, чтобы открыть себѣ входъ въ глубину церковной исторіи. По ихъ толкованію, Вигилій и Гонорій осуждены не какъ вселенскіе учителя церкви, а какъ частные богословы, Вигилій—за простую историческую ошибку, а Гонорій—за письма, которыя въ сущности не заключаютъ въ себѣ ереси, и которыхъ ни въ какомъ случаѣ нельзя признать актами *ex cathedra*.

Между Вигиліемъ и отцами пятаго вселенскаго собора,

¹⁾ Le pape et le concile, par Janus p. 84.

²⁾ Ibid. p. 86.

говорять они, разногласіе касается не догмата, а факта, и то лишь по отношенію къ письму Ивы. Вигилій ошибочно принялъ это письмо за документъ, одобренный халкидонскимъ соборомъ,—впалъ, слѣдовательно, въ ошибку на счетъ историческаго факта, потому что, какъ бы папы и вселенскіе соборы ни были непогрѣшимы, они не свободны отъ заблужденія относительно фактовъ, по крайней мѣрѣ такихъ, которые не связаны существеннымъ образомъ съ доктриной. Въ своемъ *Constitutum* онъ не рѣшаетъ никакого догматическаго вопроса, а только констатируетъ мысль, что сужденія, произнесенныя на халкидонскомъ соборѣ, должны имѣть полную свою силу, и убѣжденный, что Ива найденъ былъ на этомъ соборѣ невиннымъ, запрещаетъ осуждать письмо его кому бы то ни было. Притомъ, *Constitutum*, а равно и *Judicatum*, явившійся раньше *Constitutum* и противоположный ему, ни въ какомъ случаѣ не представляютъ собою характера торжественнаго опредѣленія, касающагося вѣры ¹⁾).

Трудно въ столь не многихъ словахъ соединить такъ много историческихъ неточностей и недомолвокъ. Правда, въ своемъ *Constitutum* Вигилій утверждаетъ, что письмо Ивы объявлено было на халкидонскомъ соборѣ православнымъ: *Orthodoxa est Ibae episcopi a patribus pronuntiata dictatio*. Но утверждая, что оно было одобрено соборомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ одобрялъ его и самъ. Если даже онъ и ошибался, утверждая, что письмо это было одобрено соборомъ,—во всякомъ случаѣ его собственное одобреніе остается, и за это одобреніе онъ долженъ быть отвѣтственнымъ. Притомъ,

¹⁾ *Matignon*, *Etudes religieuses*, octobre 1869, p. 640. Другой защитникъ Вигилія, *Гомье*, не только снимаетъ съ него всю тяжесть соборнаго осужденія, но говоритъ даже, что „пятый вселенскій соборъ, слишкомъ быть можетъ уступчивый предъ императоромъ и такъ худо поступившій (?) съ верховнымъ первосвященникомъ, сдѣлался вселенскимъ только благодаря конфирмаціи Вигилія“. *L'infélibilité devant la raison, la foi et l'histoire*, p. 89.

Вигилій не только объявляетъ письмо Ивы православнымъ, но и предаетъ анаѳемѣ всѣхъ тѣхъ, которые не согласились бы признать за нимъ православія. Таковъ подлинный характеръ этого факта. Это фактъ не историческій только, а фактъ *догматическій*, потому что, объявляя письмо Ивы православнымъ, Вигилій тѣмъ самымъ констатировалъ его *догматическій смыслъ*. Съ другой стороны, объявляя это письмо православнымъ и ограждая его анаѳемой въ такомъ документѣ, который предназначался для вселенскаго собора, онъ очевидно произносилъ сужденіе торжественное, — желалъ, чтобы сужденіе это принято было вселенскимъ соборомъ. Соборъ, однакожъ, осудилъ письмо Ивы какъ такое, въ которомъ заключаются опасныя заблужденія, а Вигилія отлучилъ отъ общенія съ Церковію. Впослѣдствіи какъ извѣстно, Вигилій созналъ свое заблужденіе, и осудилъ и анаѳематствовалъ то самое письмо Ивы, которое раньше находилъ православнымъ. Но фактъ произнесеннаго на него соборнаго осужденія, какъ историческій фактъ, какъ доказательство его заблужденія, остается конечно во всей своей силѣ.

Апология Гонорія еще слабѣе. Защитникамъ непрѣримости хотѣлось бы, прежде всего, доказать, что Гонорій *не былъ* въ сущности *еретикомъ*. Правда, говоритъ одинъ изъ нихъ, въ опредѣленіи шестаго вселенскаго собора мы находимъ слова: *анаѳема еретику Гонорію*. Но, спрашивается, что означаетъ слово *еретикъ*? Нужно еще опредѣлить смыслъ этого слова изъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ оно было произнесено, а не заключать отъ него къ характеру преступленія Гонорія ¹⁾. Въ своихъ письмахъ къ Сергію, говоритъ другой, Гонорій въ сущности излагаетъ православное ученіе... и шестой вселенскій соборъ осуждаетъ его не какъ лично виновнаго въ ереси, а единственно какъ виновнаго въ *нерадѣніи*... ²⁾.

¹⁾ *Etudes religieuses*, decembre, 1869, p. 841.

²⁾ *Gautier*, L'infélibilité devant la raison, la foi et l'histoire, p. 97.
„Шестой вселенскій соборъ, говоритъ Готье, осудилъ Гонорія за то, что онъ

Но соборное осужденіе на Гонорія высказано въ слишкомъ ясныхъ и категорическихъ выраженіяхъ, чтобы можно было давать ему выгодное для Гонорія толкованіе. „*Анаѳема, гласить текстъ соборнаго осужденія, еретикѣ Теодору! анаѳема еретикѣ Сергію! анаѳема еретикѣ Киру! анаѳема еретикѣ Гонорію! анаѳема еретикѣ Пирру*“. Очевидно, что слово *еретикъ*, прилагаемое въ этомъ текстѣ къ Теодору, Сергію, Киру, Гонорію и Пирру, имѣетъ одинъ и тотъ же смыслъ: если Киръ и Пирръ еретики, то еретикъ и Гонорій, имя котораго поставлено между ними. „Мы, говоритъ дальше опредѣленіе шестаго вселенскаго собора, извергаемъ изъ святой Церкви и анаѳематствуемъ Гонорія, который былъ папою древняго Рима, *ибо изъ его писемъ къ Сергію усмотрѣли, что онъ совершенно слѣдуетъ его мнѣнію и подтверждаетъ всѣ нечестивыя его догматы*“. Называя ученіе Сергія нечестивымъ и еретическимъ, соборъ осуждаетъ и Гонорія, слѣдовавшаго этому ученію и подтверждавшаго его, очевидно какъ еретика. „Мы, говоритъ наконецъ шестой вселенскій соборъ, приказали прочесть письмо Гонорія къ Сергію и *нашли его совершенно противнымъ апостольскимъ догматамъ, опредѣленіямъ соборовъ и ученію отцевъ*... Эти языческія и гибельныя для душъ письма мы приказали сжечь въ своемъ присутствіи, дабы предать ихъ всецѣлому истребленію“. Очевидно, что и на письма Гонорія соборъ отнюдь не смотрѣлъ какъ на письма православныя.—Въ такихъ же ясныхъ выраженіяхъ повторяется осужденіе Гонорія и седьмымъ вселенскимъ соборомъ. „Мы, говоритъ этотъ соборъ, исповѣдуемъ въ нашемъ Господѣ двѣ воли и два дѣйствія и, вслѣдъ за шестымъ соборомъ, отвергаемъ Сергія, Гонорія, Кира, Пирра, Макарія и всѣхъ, которые слѣдуютъ ихъ ученію“. „Анаѳемствуемъ, говоритъ еще тотъ же соборъ, безуміе Арія, Македонія... Сергія, Гонорія, Кира, Пирра и всѣхъ,

молчалъ, что закрывалъ апостольскіе глаза, что слѣдовалъ партіи молчанія, что позволилъ заблужденію распространиться и утвердиться“...

которые умствуютъ какъ они⁴. Такъ смотреть на соборное осужденіе Гонорія слѣдовавшія за нимъ папы ¹⁾, всѣ римскіе бревіаріи, или служебники ²⁾, и весьма многіе римскіе богословы ³⁾.

Но, говорятъ, если Гонорій осужденъ былъ даже и какъ еретикъ, то письма, за которыя онъ осужденъ, не могутъ быть названы письмами *догматическими*, актами *ex cathedra*: слѣдовательно Гонорій былъ осужденъ, какъ *частный* богословъ. Что письма Гонорія были письмами догматическими, это несомнѣнно. Они адресованы были константинопольскому патріарху, подобно тому какъ и извѣстное письмо Льва великаго было адресовано константинопольскому же патріарху. Затѣмъ письма, какъ Льва великаго, такъ и Гонорія, начинаются совершенно одинаковою формулою, имѣютъ одинаковую величину и опредѣляютъ одинаково то, чему должно учить и не учить. Если же письмо Льва великаго признается документомъ *ex cathedra*, такимъ же документомъ должны быть и письма Гонорія и, слѣд., Гонорій осужденъ за ересь не какъ частный богословъ, а какъ папа ⁴⁾.

Итакъ, прерогатива папской непогрѣшимости стоитъ въ непримиримомъ противорѣчій съ фактами нравственныхъ и доктринальных заблужденій папъ. Даже и тѣ положительныя основанія, которыя приводятся въ защиту этой прерогативы ея апологетами, роковымъ образомъ доказываютъ только беззащитность ея. Гратри, подвергши во вто-

¹⁾ Напр., папа *Адрианъ II*, *Левъ II* и др. *Gratry*, Première lettre a mgr l'archevêque de Malines, p. 25—26.

²⁾ Такъ, въ бревіаріи 1520 г. говорится: „На этомъ соборѣ (шестомъ вселенскомъ) осуждены были Сергій, Киръ, *Гонорій*, Нирръ, Павелъ, Петръ и Мѣкарій... которые учили объ единомъ дѣйствіи и единой волѣ въ Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ. *Gratry*, *ibid.*, p. 33.

³⁾ Напр., кардиналъ *Гумбертъ*, *Анастасій библіотекаръ*, *Гинкмаръ*. *Gratry*, *ibid.*, p. 44—45.

⁴⁾ Съ бѣльшими подробностями дѣло о Гоноріи можно читать въ *Revue chrétienne*, 1870, juillet, pag. 407—414.

ромъ своемъ письмѣ къ Дешану систему доказательствъ непогрѣшимости критическому разбору, дѣлаетъ о ней такой отзывъ; „Я доказалъ вамъ, что, аргументируя тезисъ о непогрѣшимости папы, вы основываетесь на ложныхъ документахъ... Это вопросъ насквозь изъясвленный фальшью. Вы утверждаете, что доктрина о непогрѣшимости «сіаетъ свѣтомъ несомнѣнной истины, которую признавали величайшіе богословы всѣхъ вѣковъ». Ваше утвержденіе до такой степени удивительно, что было бы ближе къ истинѣ утверждать совершенно противоположное, именно—что доктрина эта—доктрина ложная и признавали ее развѣ тѣ лишь, которые введены были въ заблужденіе ложью и обманомъ, въ настоящее время совершенно доказанными. Я указалъ вамъ на главу изъ Мельхіора Кано, въ которой этотъ знаменитый богословъ приводитъ 18 ложныхъ текстовъ, заимствованныхъ частію изъ подложныхъ декреталій, частію изъ апокрипическихъ писемъ св. Аѳанасія, частію изъ арабскихъ канонівъ никейскаго собора. На этомъ толстомъ слоѣ подлоговъ покоится все его богословское зданіе. Мельхіору Кано слѣдуетъ Белларминъ, который утверждается на томъ же самомъ основаніи, хотя съ нѣкоторою осторожностію и нѣкоторою разборчивостію; повидимому, онъ уже испытывалъ сомнѣніе. Но за Белларминомъ и Мельхіоромъ Кано идетъ Альфонсъ лигуорійскій, который, вичего не подозрѣвая, воспроизводитъ тѣ же самые тексты, ложность которыхъ доказана была полторасти лѣтъ назадъ, и на этой пустотѣ воздвигаетъ свое зданіе. На этихъ ложныхъ документахъ утверждаетесь и вы сами... Я указалъ вамъ на Огюмъ аквината, введеннаго въ обманъ сборникомъ греческихъ отцевъ и соборовъ, въ которомъ находятся тексты въ пользу возвышенія папскаго престола, сфабрикованные какимъ-то лжецомъ тринадцатаго вѣка. Вотъ—другое ложное основаніе, на которомъ вы утверждаетесь... Есть-ли въ исторіи человѣческаго духа другой еще какой-нибудь богословскій, философскій, историческій или иной вопросъ, ко-

торый бы до такой степени былъ извращенъ ложью, недобросовѣстностью и обманомъ? Повторяю, это—вопросъ всецѣло изъязвленный фальшью“.

Впрочемъ, ученіе о непогрѣшимости папы свое логическое основаніе имѣетъ въ общемъ ученіи католиковъ о папѣ, какъ главѣ церкви. „Авторитетъ папы—авторитетъ верховный и *смысловательно* непогрѣшимый“: такъ въ петиціи инфеллибилистовъ кратко, но совершенно вѣрно, указанъ былъ тотъ логическій генезисъ, въ которомъ прерогатива непогрѣшимости стоитъ къ ученію о главенствѣ папы. Поэтому въ аргументаціи инфеллибилистовъ повторяются всѣ моменты традиціонной аргументаціи ученія о главенствѣ папы. Но вопросъ о главенствѣ папы открываетъ собою новый уже порядокъ идей, и свою настоящую задачу мы считаемъ оконченною.

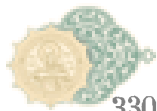
ОТЧЕТЪ

О СОСТОЯНІИ

КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

въ 1880—81 учебномъ году.

Минувшій учебный годъ для Кіевской Духовной Академіи есть, приблизительно, 266-й отъ основанія ея въ видѣ училища при Кіево-Богоявленскомъ Братствѣ (въ 1615 г.), 249-й отъ преобразованія ея въ Коллегію при митр. Петрѣ Могилѣ (14 ноября 1632 года), 180-й отъ наименованія ея Академіею при Импер. Петрѣ Великомъ (26 сентября 1701 года), 62-й со времени открытія Духовной Академіи въ царствованіе Импер. Александра I (28 сентября 1869 г.) въ качествѣ высшаго учебнаго заведенія богословскаго, по отдѣленіи отъ нея общеобразовательныхъ классовъ въ особія учебныя заведенія—духовную семинарію и духовное училище, и, наконецъ, 12-й годъ со времени преобразованія ея по уставу и штату, Высочайше утвержденному въ 30-й день мая 1869 года Государемъ Императоромъ Александромъ II, имя котораго останется приснопамятнымъ и въ лѣтописяхъ сей Академіи по оказаннымъ ей щедротамъ Его царственной милости. На основаніи 102 и 103 §§ сего послѣдняго устава Совѣтъ Академіи нынѣ представляетъ за истекшій годъ отчетъ о состояніи и дѣятельности Академіи при новомъ строѣ, отдѣльно излагая въ немъ хотя краткія, но, по возможности, обстоятельныя свѣдѣнія 1) о должно-

стныхъ лицахъ Академіи, 2) объ учащихъ въ ней и 3) объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ при ней.

I.

Личный составъ Академіи.**А) Число, перемѣны и распредѣленіе его.**

Къ началу отчетнаго года, или къ 15 августа 1880 года, было всѣхъ должностныхъ лицъ 40. Въ теченіи года изъ Академіи выбылъ только одинъ помощникъ инспектора, кандидатъ Алексѣй *Аристовъ*, перемѣщенный на должность преподавателя философскихъ наукъ въ Рижской духовной Семинаріи 23 октября 1880 года, и поступилъ въ Академію на службу также одинъ преподаватель Екатеринославской духовной Семинаріи въ званіи приватъ-доцента по греческому языку кандидатъ Кіевской духовной Академіи Мих. *Писаревъ* съ 19 марта 1881 года. Такимъ образомъ къ концу отчетнаго года, или къ 15-му августа 1881 года, состояло на службѣ въ Академіи 40 лицъ, изъ которыхъ 32 преподавателя разныхъ наименованій, 6 лицъ при разныхъ штатныхъ должностяхъ по административной части и 2 при нештатныхъ должностяхъ, исполняемыхъ безмездно.

Въ служебномъ положеніи нѣкоторыхъ изъ должностныхъ лицъ по Академіи произошли за годъ слѣдующія перемѣны: 1) ординар. проф. Вас. *Пьяницкій*, за истеченіемъ 25-лѣтія его штатной преподавательской службы въ Академіи (съ 6 ноября 1855 года), на основаніи 59 и 61 §§ уст. дух. акад., Святѣйшимъ Синодомъ 14 февраля 1881 года утвержденъ въ званіи *заслуженнаго ординар. профессора и на занимаемой каведрѣ на пятилѣтіе* съ 6 ноября 1880 года; 2) заслуженный ординарный профессоръ Д. *Постыховъ*, выслужившій 25 сентября 1880 года 35 лѣтъ при Академіи, съ Высочайшаго соизволенія, воспослѣдовавшаго въ 31 день января 1881 года, *оставленъ еще на пятилѣтіе въ профессорской долж-*

ности при Академіи по занимаемой имъ кафедрѣ, въ видѣ изъятія изъ общаго правила; 3) ординар. проф. Ст. Сольскій 28 ноября 1880 года избранъ въ члены Совѣта Академіи, а въ іюнѣ 1881 года на должность помощника ректора по богословскому отдѣленію; 4) экстраорд. профессоръ Ак. Олесницькій, выслужившій 29 октября 1880 года четырехлѣтіе въ должности члена Совѣта, въ іюнѣ 1881 года избранъ въ должность инспектора Академіи; 5) приватъ-доцентъ К. Поповъ 25 сентября 1880 года утвержденъ въ степени магистра, а 24 октября избранъ въ званіе доцента; 6) лекторъ Англійскаго языка А. Михайловскій опредѣленъ исправляющимъ должность помощника инспектора; 7) за отлично-усердную службу четверо Всемилоствѣйше пожалованы орденами св. Владимира 4 степени экстраорд. проф. П. Лашкаревъ въ 12-й день апрѣля 1881 г.; Св. Анны 2-й степени ординар. профессоръ Н. Петровъ, Св. Анны 3-й степени доцентъ Маркеллингъ Олесницькій и Св. Станислава 3-й степени доцентъ Вас. Малининъ въ 3-й день іюля 1881 г.; чиномъ Статскаго Совѣтника штатный врачъ при Академіи Ст. Коришунъ въ 12-й день апрѣля 1881 г. и знакомъ отличія за безпорочную выслугу LX лѣтъ въ классныхъ чинахъ библіотекаръ Академіи К. Думитрашковъ въ 22 день августа 1880 г.; 8) Правительствующимъ Сенатомъ А) утверждены по степени магистра, съ которою окончили курсъ Академіи, въ чинъ Титулярнаго Совѣтника со старшинствомъ со дня поступленія на службу: ординарные профессора Ст. Сольскій съ 14 октября 1861 года и А.—ръ Вороновъ съ 30 октября 1862 г., экстраординарные профессора П. Лашкаревъ съ 13 октября 1859 года и Ф. Терновскій съ 30 октября 1862 года; Б) произведены: а) по прежней должности доцента, со старшинствомъ со дня занятія ея, въ чинъ Надворнаго Совѣтника экстраординарные профессора: Ак. Олесницькій и Мих. Ковальничкій съ 13 іюня 1869 года, А. Розовъ съ 14 ноября 1870 года и Θ. Смирновъ съ 30 января 1871 года; б) по настоящимъ должностямъ, со дня занятія ихъ, ординарный профессоръ П. Линни-

кій съ 30 апрѣля 1877 года въ чинъ *Утатскаго Совѣтника*, экстраординарные профессоры—*Ив. Корольковъ* съ 22 апрѣля 1877 года и *М. Астробовъ* съ 26 января 1879 года въ чинъ *Коллежскаго Совѣтника*; доценты *Вас. Мамининъ* съ 13 іюня 1878 года и *К. Поповъ* съ 24 октября 1880 года въ чинъ *Надворнаго Совѣтника*; лекторъ *А. Михайловскій* съ 19 октября 1879 года въ чинъ *Коллежскаго Ассессора*; в) за выслушаніе изъ Надворныхъ Совѣтниковъ произведены въ *Коллежскіе Совѣтники*: доцентъ *Маркел. Олесницкій* съ 26 марта 1878 г., *Н. Дроздовъ* съ 16 августа 1880 г. секретарь Совѣта и Правленія Академіи *Ив. Исаевъ* съ 24 апрѣля 1881 года; а изъ Губернскихъ Секретарей въ чинъ *Коллежскаго Секретаря* помощникъ секретаря Совѣта и Правленія Академіи *Григ. Николаевичъ*.

Изъ 32 преподавателей считается 25 штатныхъ и 7 нештатныхъ. Въ числѣ штатныхъ преподавателей состоятъ: 9 профессоровъ ординарныхъ (въ томъ числѣ четыре заслуженныхъ) и 9 экстраординарныхъ, 5 доцентовъ и 2 лектора. Противъ положеннаго по штату числа не достаетъ 3 доцентовъ и 1 лектора. Но недостатокъ штатныхъ преподавателей восполняется нештатными, изъ коихъ одинъ—*В. Ределинъ*—по найму исправляетъ должность лектора нѣмецкаго языка, а шестеро состоятъ приватъ-доцентами. Трое изъ нихъ занимаютъ штатныя кафедры: библейской исторіи—*Θ. Покровскій*, основнаго богословія—*Θ. Орнатскій*, логики и метафизики—*Н. Ефремовъ*; а трое читаютъ отдѣлы по такимъ предметамъ, которые имѣютъ штатныхъ преподавателей, именно: *Ст. Голубевъ*—по исторіи русской церкви, *М. Писаревъ*—по греческому языку и *І. Лисицынъ*—по латинскому языку. Такимъ образомъ въ Академіи лекціи за истекшій годъ читались по всѣмъ наукамъ, положеннымъ по уставу.

Наличные преподаватели разныхъ наименованій, кромѣ трехъ лекторовъ новыхъ языковъ, не причисленныхъ

уставомъ ни къ одному изъ Отдѣленій ея, распределяются въ нихъ такимъ образомъ:

	въ бого- словскомъ отдѣленіи.	въ церков- но-истори- ческомъ.	въ церков- но-практи- ческомъ.
Профессоровъ ординарныхъ	5	2	2
„ экстраординарныхъ	2	4	3
Доцентовъ	2	1	2
Привать-доцентовъ	2	2	2
Итого .	11	9	9

Кромѣ собственно преподавательской службы многіе изъ штатныхъ преподавателей исполняли еще по Академіи административныя должности. Такъ, изъ 9 ординарныхъ профессоровъ одинъ—*Епископъ Михаилъ*—состоить ректоромъ Академіи, председателемъ Совѣта и Правленія; трое состояли помощниками ректора по учебной части въ трехъ отдѣленіяхъ Академіи: въ богословскомъ *Д. Постыховъ*, въ церковно-историческомъ *Ив. Малышевскій* и церковно-практическомъ *В. Пьяницькій*, и одинъ—*архимандритъ Сильвестръ*—инспекторомъ Академіи, а всѣ четверо были вмѣстѣ съ тѣмъ членами Совѣта и Правленія Академіи; трое *Ст. Сольскій*, *П. Линицкій* и *Н. Петровъ*—членами Совѣта. Изъ 9-ти экстраординарныхъ профессоровъ состояли членами Совѣта трое: *А—ръ Воскресенскій*, *П. Лашкаревъ* и *Мих. Ковальницкій*. Прочіе экстраординарные профессора участвовали съ правомъ голоса въ общихъ собраніяхъ Совѣта. Имянной перечень ихъ, равно и другихъ преподавателей, приводится въ томъ отдѣлѣ отчета, въ которомъ говорится „объ учебной дѣятельности преподавателей“.—Для ближайшаго же завѣдыванія разными частями въ Академіи и для исполненія распоряженій Совѣта и Правленія оной, согласно съ уставомъ и штатомъ, при Киевской Академіи состоятъ: секретарь Совѣта и Правленія *Ив. Исаевъ* и помощникъ секретаря *Гр. Николаевичъ*; библиотекарь *Конст. Думитрашковъ* и помощникъ библиотекаря *П. Слсаревскій*; экономъ свящ. *Даніилъ Роздольскій*

и врачъ Ст. *Кориунъ*. Кромѣ штатныхъ должностныхъ лицъ при Академіи двое состоятъ на службѣ безмездно: съ 3 ноября 1865 года Кіевскій 1-й гильдіи купецъ, Коммерціи—Совѣтникъ Н. *Хряковъ* почетнымъ блюстителемъ по хозяйственной части, въ званіи члена Правленія по сей части, на основаніи 82—84 §§ уст. дух. акад., и съ 19 мая 1870 года докторъ медицины Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ С. *Алферьевъ* врачомъ-консультантомъ по приглашенію Совѣта Академіи, съ утвержденія Высокопреосвященнаго Арсенія, бывшаго митрополита Кіевского.

Нѣкоторые изъ служащихъ въ Академіи, кромѣ штатныхъ своихъ должностей, исполняли въ ней временно возложенныя на нихъ должности или особыя порученія, а иные продолжали отправлять должности въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ или въ учрежденіяхъ разныхъ вѣдомствъ. Такъ, въ самой Академіи экстраординарный профессоръ Ив. Кольковъ исправлялъ должность инспектора Академіи съ 1-го іюля по 11 августа 1881 года. Въ другихъ учрежденіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ гор. Кіева продолжали отправлять должности: ординарный профессоръ Ст. Сольскій—члена Городской Управы, заступающаго мѣсто Городского Головы; экстраорд. профессора: протоіерей А—ръ Воскресенскій, настоятель Царе-Константиновской церкви, должность члена духовной Консисторіи, П. Лашкаревъ—инспектора Александровскаго ремесленнаго Училища и Ф. Терновскій—доцента церковной исторіи въ Университетъ св. Владимира; доцентъ Н. Тумасовъ—учителя гражданской исторіи въ 2-й Гимназіи; приватъ-доцентъ І. Лисицынъ—преподавателя латинскаго языка въ 1-й Гимназіи; доцентъ В. Малининъ—учителя русскаго языка съ 22 января и приватъ-доцентъ Ст. Голубевъ—преподавателя закона Божія въ частной Женской Гимназіи министерства народнаго просвѣщенія, содержимой Ващенко-Захарченко; лекторъ А. Михайловскій—преподавателя общей гражданской исторіи въ Женскомъ Учи-

лицъ духовнаго вѣдомства; врачъ Ст. Коршунъ—ординатора при Кирилловскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ. Сверхъ того состояли членами разныхъ мѣстныхъ обществъ: большинство—членами отдѣленія Миссіонерскаго православнаго Общества, пятеро—членами Славянскаго благотворительнаго Общества, четверо—членами Свято - Владимірскаго Братства.

Въ отчетномъ году изъ состоящихъ на службѣ въ Академіи лицъ въ учебное время были въ кратковременномъ отпускѣ двое: ордин. проф. Ст. Сольскій—въ С.-Петербургѣ съ 12 по 20 марта 1881 года въ составѣ депутаціи отъ гор. Кіева при погребеніи въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, а экстраод. профес. А. Розовъ—въ Черниговской губерніи по семейнымъ обстоятельствамъ съ 5 по 20 мая—въ такой промежутокъ времени, когда лекціи прекратились по случаю годовичныхъ испытаній и, по расписанію ихъ, не приходилось экзамена по преподаваемой имъ наукѣ. Что касается до вакаціоннаго времени съ 15 іюня по 15 августа 1881 года, то за это время получили отпускъ на разные сроки 14 лицъ. Изъ нихъ имѣли отпускъ: а) съ разрѣшенія Преосвященнаго Іоанна, Епископа Чигиринскаго, управляющаго Кіевскою епархіей, одинъ инспекторъ Академіи Архимандритъ Сильвестръ, по 18 § уст. дух. акад., на 29 дней—съ 1 го по 30 іюля—въ г. Либаву (Курляндской губерніи) для леченія, но, для окончанія его, вынужденъ былъ пребыть въ отпускѣ до 11 августа; б) съ разрѣшенія Ректора Академіи, на основаніи 25 § того же устава, 13 преподавателей въ разные мѣста Европейской Россіи; но къ открытію лекцій они всѣ были на лицо.

В) Дѣятельность личнаго состава Академіи

а) по административной части.

По уставу (§ 3 и 4), при главномъ начальствѣ *Святѣйшаго Синода* и попеченіи мѣстнаго *Епархіальнаго Преосвя-*

щеннаго, непосредственное управленіе Академіи, подѣ ближайшимъ вѣдѣніемъ Ректора, сосредоточивается въ Совѣтъ и Правленіи Академіи.

За отчетный годъ по Киевской Академіи въ административномъ отношеніи можно отмѣтить два особыя обстоятельства: а) съ мая 1881 г. въ дѣлахъ ея не принимаетъ участія попечитель ея Высокопреосвященный Филофей за болѣзнію своею, но поступаютъ дѣла, подлежащія вѣдѣнію Епархіальнаго Преосвященнаго, къ 1-му Викарію Киевской епархіи Преосвященному Іоанну, Епископу Чигиринскому; б) съ окончаніемъ года совпала баллотировка на административныя должности, для которыхъ истекъ установленный четырехлѣтній срокъ 15 августа 1881 года и на которыя 12 іюня сего же года избраны частію прежнія лица, а частію новыя. Прежніе—Малышевскій помощникъ ректора по церковно-историческому отдѣленію, Пѣвницкій помощникъ ректора по церковно-практическому отдѣленію, Петровъ и Лашкаревъ—члены Совѣта отъ того же отдѣленія; а вновь избраны: Сольскій на должность помощника ректора отъ богословскаго отдѣленія, Акимъ Олесницкій на должность инспектора; архимандритъ Сильвестръ и Пospѣховъ членами Совѣта отъ богословскаго отдѣленія; а одинъ членъ Совѣта отъ церковно-историческаго отдѣленія Ковальницкій, состоящій въ этой должности съ 23 ноября 1879 г., не подвергался баллотировкѣ за невыслугою 4-хъ лѣтъ. Но дѣла Академіи при личныхъ перемѣнахъ производятся въ установленномъ порядкѣ.

Совѣтъ Академіи вѣдалъ дѣла по учебной и ученой части, которыя разсматривались или въ обыкновенныхъ собраніяхъ изъ 11 лицъ—ректора, инспектора, трехъ помощниковъ ректора и шести членовъ Совѣта изъ профессоровъ трехъ отдѣленій, по 2 отъ cadaго отдѣленія, или въ общихъ собраніяхъ, состоящихъ изъ всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, каковыхъ въ отчетномъ году бы-

ло 18, т. е. полное число, положенное по штату. Всѣхъ собраній Совѣта въ теченіи года было 27. Въ этомъ числѣ обыкновенныхъ 13 и общихъ 14, изъ коихъ два публичныхъ собранія для ученыхъ диспутовъ. Сверхъ того, на основаній 103 § уст., въ годовщину—28 сентября 1880 года было торжественное собраніе, въ которомъ, по назначенію Совѣта, произнесена рѣчь экстраординарнымъ профессоромъ Ковальницкимъ и прочитано извлеченіе изъ годичнаго отчета о состояніи Академіи секретаремъ Совѣта Исаевымъ.

Въ собраніяхъ Совѣта дѣла разсматривались или при полномъ составѣ или при значительномъ большинствѣ членовъ ихъ, такъ что только въ одномъ собраніи отсутствовали 3, въ восьми недоставало 2 членовъ и въ четырехъ 1 члена. Въ полномъ составѣ членовъ было обыкновенныхъ собраній 8 и общихъ 6. Кромѣ того, на основаніи примѣчанія къ 87 § уст. дух. акад., были приглашаемы въ собранія Совѣта и другіе преподаватели: 10 марта и 11 іюня 1881 года для сужденія о предметахъ, касавшихся изданія академическихъ журналовъ, и 12 іюня того же года для участія въ баллотировкѣ членовъ Совѣта. Во всѣхъ собраніяхъ предсѣдательствовалъ ректоръ Академіи Преосвященный Михаилъ, кромѣ 11 и 28 сентября 1880 г., когда въ общихъ публичныхъ собраніяхъ предсѣдательствовалъ Высокопреосвященный Филоеей митрополитъ Киевскій. Изъ членовъ не опустили за годъ ни одного засѣданія ординарные профессеры: Архимандр. Сильвестръ, А. Вороновъ, Ник. Петровъ, Ст. Сольскій, экстраординарные профессеры: П. Лашкаревъ, Мих. Ковальницкій, Ив. Корольковъ и Митр. Ястребовъ. Не присутствовали въ засѣданіяхъ Совѣта:

<i>Ординарные профессоры:</i>		въ обы- кновен- ныхъ.	въ общихъ.
Димитрій Поспѣховъ		3	4
Иванъ Малышевскій		1	—
Василій Пѣвницкій		1	1
Петръ Линицкій		—	2
<i>Экстраординар. профессоры:</i>			
А—ръ Воскресенскій		2	2
Ф. Терновскій		—	1
Акимъ Олесницкій		2	1
Алексій Розовъ		—	2
Феодоръ Смирновъ		—	1

Причиною отсутствія ихъ обыкновенно была болѣзнь, но въ одномъ собраніи не присутствовали ордин. профес. В. Пѣвницкій и экстраординар. профес. Ав. Олесницкій по случаю баллотировки ихъ.

Изъ 419 бумагъ, поступившихъ съ 16 іюня 1880 года по 16-е іюня 1881 года въ Совѣтъ Академіи собственно по учебной и ученой части, 246 доложены въ 13 обыкновенныхъ собраніяхъ Совѣта и въ журналахъ ихъ составили 149 статей съ соотвѣтствующими постановленіями; а 75 дѣлъ разсмотрѣны въ 14 общихъ собраніяхъ и заняли въ журналахъ ихъ 51 статью съ особыми постановленіями; затѣмъ остальные 98 бумагъ получили надлежащее движеніе или рѣшеніе въ предѣлахъ власти ректора Академіи. Журналы собраній, какъ общихъ, такъ и обыкновенныхъ, по силѣ 98 § уст. акад. были представляемы председателемъ Совѣта Высокопреосвященному Филовею Митрополиту Кіевскому. Всѣхъ исходящихъ бумагъ по Совѣту Академіи за то же время—съ 16 іюня 1880 года по 16 іюня 1881 года—значится 1107. Рассмотрѣнныя въ собраніяхъ дѣла приводились немедленно въ исполненіе по указанію подлежащихъ статей устава Академіи, или съ рѣшенія самаго Совѣта, или съ утвержденія Епархіальнаго Преосвященнаго, или представлялись на благоусмотрѣніе и утвержденіе Святѣйшаго Синода. Въ

отчетномъ году сдѣлано 15 представлений и донесеній въ Святѣйшій Синодъ. Въ разрѣшеніе этихъ представлений и по предметамъ, касающимся другихъ Авадемій или всего духовно-учебнаго вѣдомства, получено Совѣтомъ Академіи чрезъ Высокопреосвященнаго Митрополита Кіевскаго 12 указовъ Святѣйшаго Синода. Изъ этого числа 5 указовъ заслушаны въ общихъ собраніяхъ, а 7 въ обыкновенныхъ. Въ разрѣшеніе частныхъ случаевъ послѣдовало 8 указовъ, а 4 имѣютъ и руководственное значеніе на будущее время. Сложныя или спеціальныя по своему характеру дѣла Совѣтомъ Академіи обыкновенно передавались предварительно на разсмотрѣніе и обсужденіе въ *Отдѣленія* Академіи, которыя входили въ соображеніе ихъ или въ полномъ составѣ своихъ преподавателей или въ особыхъ комиссіяхъ изъ нихъ, согласно 120 § устава. Предметами занятій ихъ были: разсмотрѣніе диссертаций на ученія степени, одобреніе представляемыхъ преподавателями темъ какъ для кандидатскихъ сочиненій студентовъ III курса, такъ и для преміальныхъ сочиненій, и присужденіе наградъ студентамъ; выборъ книгъ для бібліотеки изъ числа предназначенныхъ преподавателями къ выпискѣ для оной; приемныя и годовыя испытанія студентовъ Академіи; испытаніе пробными уроками окончившихъ курсъ въ ней и желающихъ занять преподавательскія должности въ семинаріяхъ и т. п. По такимъ предметамъ въ теченіи учебнаго года, кромѣ доставленныхъ комиссіями 65 экзаменаціонныхъ списковъ съ баллами устныхъ отвѣтовъ на приемныхъ и годовыхъ испытаніяхъ, поступило въ Совѣтъ отъ Богословскаго Отдѣленія 5 представлений, отъ Церковно-историческаго 7 и отъ Церковно-практическаго 13. Сверхъ того въ отчетномъ году были четыре смѣшанныя комиссіи изъ преподавателей разныхъ Отдѣленій: одна изъ трехъ помощниковъ ректора въ началѣ учебнаго 18⁸⁹/₉₀ года составила расписаніе лекцій и сочиненій на этотъ годъ и, кромѣ того, сдѣлала выборъ лучшаго изъ кандидатскихъ сочиненій воспитанниковъ выпуска

1880 г. для удостоенія Іосифской преміи, а въ концѣ того же года составила расписаніе годовыхъ испытаній: другая изъ трехъ преподавателей, по одному отъ каждого отдѣленія, произвела повѣрку отчета и вообще дѣлопроизводства по изданію трехъ журналовъ при Академіи; третья изъ 6-ти профессоровъ, по 2 отъ каждого отдѣленія, составила руководственныя правила по изданію сихъ журналовъ; четвертая, состоявшая изъ инспектора и четырехъ профессоровъ, пересмотрѣла правила, касающіяся обязанностей студентовъ Академіи и сдѣлала въ нихъ нѣкоторыя измѣненія или дополненія, одобренныя Совѣтомъ и утвержденныя Епархіальнымъ Преосвященнымъ.

Въ дѣлахъ распредѣленія окончившихъ курсъ Академіи воспитанниковъ какъ на преподавательскія вакансіи въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, такъ и на другія должности въ нихъ, участіе Совѣта Академіи съ 1874 года ограничивается выслушиваніемъ установленныхъ пробныхъ уроковъ и сообщеніемъ Учебному Комитету при Св. Синодѣ въ половинѣ іюня вѣдомости окончившихъ курсъ ученія казеннокоштныхъ студентовъ Академіи съ подробными свѣдѣніями объ учебныхъ успѣхахъ за всѣ годы ихъ академическаго образованія и съ означеніемъ тѣхъ предметовъ, по которымъ каждый изъ нихъ сдалъ пробные уроки въ видахъ преподаванія въ семинаріи. Испытаніе такими уроками, по примѣру прежнихъ лѣтъ, производилось въ особыхъ коммиссіяхъ изъ профессоровъ и доцентовъ того или другаго отдѣленія Академіи въ присутствіи, по возможности, студентовъ ея. Въ отчетномъ году коммиссіями выслушано 99 пробныхъ уроковъ отъ 33 студентовъ, отъ каждого по три урока, изъ коихъ одинъ былъ на тему по назначенію коммиссіи, а два другіе давались на темы, избираемыя самими студентами. Изъ 99 пробныхъ уроковъ пришлось выслушать коммиссіи изъ преподавателей Богословскаго Отдѣленія 24 отъ 8 студентовъ, коммиссіи Церковно-историческаго Отдѣленія 33 отъ 11 студентовъ, а коммиссіи Церковно-прак-

тического Отдѣленія 42 уроковъ отъ 14 студентовъ. Выслушанные уроки признаны были всѣ удовлетворительными, а нѣкоторые даже очень удовлетворительными. Кромѣ того на право чтенія лекцій въ Академіи по греческому языку Церковно-практическимъ Отдѣленіемъ выслушаны были двѣ лекціи кандидата Мих. Писарева, одна на тему по выбору самаго лектора, а другая по назначенію.

Къ числу обыкновенныхъ занятій Совѣта относились пріемъ воспитанниковъ въ Академію, зачисленіе ихъ на казенное содержаніе и на стипендіи, увольненіе студентовъ изъ Академіи, допущеніе постороннихъ слушателей, разсмотрѣніе донесеній и вѣдомостей инспекторскихъ о поведеніи студентовъ, рѣшеніе дѣлъ по просьбамъ ихъ, одобреніе сочиненій къ напечатанію, выборъ книгъ для академической библіотеки, назначеніе времени и порядка испытаній, а въ общихъ собраніяхъ Совѣта—распредѣленіе предметовъ ученія и порядка ихъ преподаванія на весь учебный годъ, переводъ студентовъ изъ одного курса въ другой, утвержденіе въ званіи дѣйствительнаго студента и присужденіе ученыхъ степеней, избраніе профессоровъ и почетныхъ членовъ Академіи и т. п.

Кромѣ дѣлъ, относящихся собственно къ учебной и ученой части, вниманіе Совѣта было обращено и на нѣкоторыя экономическія дѣла,—частію такія, которыя указаны въ уставѣ, именно: разсмотрѣніе ежемѣсячно сообщаемой Правленіемъ Академіи вѣдомости о наличныхъ суммахъ ея и ежегодно составляемой къ 1-му августа смѣты доходовъ и расходовъ Академіи, назначеніе прибавочнаго жалованья преподавателямъ за лекціи по вакантнымъ кафедрамъ и присужденіе студентамъ денежныхъ наградъ; а частію такія, которыя обусловливаются особыми мѣстными обстоятельствами, какъ то: распоряженія о назначеніи въ расходъ процентовъ съ спеціальныхъ суммъ Академіи. Въ разное время отчетнаго года Совѣтомъ Академіи опредѣлено выдать и Правленіемъ Академіи выписаны въ расходъ слѣдующія

суммы: а) изъ процентовъ съ благотворительнаго капитала, расходъ которыхъ жертвователями предоставленъ „усмотрѣнію Совѣта“, уплачено за билетъ на право участія въ V Археологическомъ Сѣздѣ въ Тифлисѣ 3 р. 60 к., выдано въ пособие ординарному профессору Н. Петрову, командированному на сей Сѣздъ, 300 р. и Редакціи „Трудовъ Кіевской духов. Академіи“ 1000 р. на изданіе сего журнала; за тѣмъ годовые проценты: б) 66 р. съ капитала пожертвованнаго разными лицами въ день 50-лѣтняго юбилея Академіи на изданіе сочиненій воспитанниковъ ея по церковно-историческому отдѣленію, в) 130 р. съ капитала пожертвованнаго также разными лицами въ день юбилея на изданіе сочиненій по предметамъ преподаваемыхъ въ Академіи наукъ и г) 776 руб. съ капитала Высокопреосвященнаго Арсенія, бывшаго митрополита Кіевского, на изданіе полезныхъ книгъ и брошюръ въ духѣ православной вѣры и церкви,—всего 972 руб.,—отпущены также Редакціи „Трудовъ Кіевской дух. Академіи“ на покрытіе расходовъ ея по напечатанію историческихъ сочиненій студентовъ Академіи и ученыхъ трудовъ наставниковъ ея.

Правленіе Академіи, по силѣ 105—108 §§ уст. дух. акад., исключительно завѣдывало хозяйственно-распорядительною частію по Академіи. Собранія его, по 104 § того же устава, въ минувшемъ 1880 году обыкновенно состояли, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ инспектора и трехъ помощниковъ ректора по учебной части; большею частію состоялись при полномъ составѣ, кромѣ 2-хъ засѣданій, въ которыхъ недовставало одного только члена (Д. Пospѣхова по болѣзни), и 1 засѣданія, въ которомъ не были два члена (Пospѣховъ и Малышевскій по нахожденію въ отпускѣ). Въмѣсто бывшаго въ отпускѣ съ 1 по 25 іюля 1880 г. ректора 7 и 16 іюля предсѣдательствовалъ помощникъ его Пѣвницкій, а вмѣсто инспектора архимандр. Сильвестра, состоявшаго въ отпускѣ съ 24 іюня по 13 августа того же года присутствовалъ въ 3-хъ засѣданіяхъ (2, 7 и 16 іюля) временно исправлявшій въ

Въ теченіи 1880 г. всѣхъ засѣданій Правленія Академіи было 32, дѣятельность которыхъ выражена въ 32 журналахъ, содержащихъ въ себѣ 364 статей, распорядительныхъ, какъ по исполненію годовой смѣты, такъ и по вступившимъ на разсмотрѣніе Правленія бумагамъ разнаго содержанія. Всѣхъ поступившихъ въ Правленіе Академіи бумагъ за 1880 годъ значится 372, а всѣхъ исходящихъ отъ Правленія бумагъ за тотъ же годъ было 707.

Изъ всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Правленія въ 1880 году, по силѣ устава, были представлены: А) *на утвержденіе и разрѣшеніе Высокопреосвященнаго Митрополита Кіевского* 1) журналъ Правленія отъ 28 апрѣля 1880 г. объ исходатайствованіи профессорской вдовѣ Варварѣ Подгурской пенсіи въ 429 р. по случаю смерти ея мужа, 2) журналъ отъ 7 октября о покрытіи сверхсмѣтныхъ расходовъ по содержанію академическихъ зданій въ количествѣ 1000 р. на счетъ остатковъ отъ другихъ статей содержанія Академіи; 3) журналъ отъ 8 декабря о торгахъ на поставку въ Академію съѣстныхъ припасовъ; 4) журналъ отъ 11 декабря объ исходатайствованіи 2000 р. на покрытіе сверхсмѣтныхъ расходовъ по содержанію студентовъ Академіи; 5) мѣсячныя вѣдомости о наличныхъ суммахъ ея; Б) *на разрѣшеніе Оберъ-Прокурора Св. Синода* дѣло о назначеніи пенсіи вдовѣ Подгурской, изложенное въ журналѣ Правленія отъ 28 апрѣля 1880 года; В) *на утвержденіе Св. Синода*: 1) смѣта доходовъ и расходовъ по Академіи на 1881 годъ и 2) дѣло изложенное въ журналѣ Правленія отъ 11 декабря 1880 г.

Академія' содержится на средства, состоящія въ распоряженіи Святѣйшаго Синода. Годовая отчетность по хозяйственной части Академіи по времени не совпадаетъ съ таковою отчетностію по учебной части: первая ведется по гражданскому году, а вторая по учебному. Подробный отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ всѣхъ суммъ по Академіи за 1880 г., по установленному порядку, Правленіемъ ея составленъ въ началѣ 1881 г. и переданъ въ мѣстный ре-

визіонный комитетъ для повѣрки съ документами и для представленія въ Контроль при Святѣйшемъ Синодѣ на окончательное обрѣзизованіе. Поэтому, не касаясь истекшаго 1880 года, здѣсь можно упомянуть вообще о состояніи академической кассы за первую половину 1881 года. По смѣтѣ на сей годъ ассигновано на содержаніе Кіевской духов. Академіи 125,848 р. 79 к. Съ января по іюль поступило въ Академію наличными деньгами 82,475 р. 8½ коп., а израсходовано наличными 79,097 р. 32 к. Ко второй половинѣ 1881 г. оставалось въ наличныхъ деньгахъ 3,377 р. 76½ к. и имѣеть поступить 43,373 р. 70½ к. изъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ, а частію въ видѣ процентовъ съ благотворительнаго капитала, который къ январю 1881 г. состоялъ въ разныхъ билетахъ кредитныхъ учрежденій на 191,091 р. Этотъ капиталъ образовался прежде изъ пожертвованныхъ въ разное время суммъ, съ которыхъ нынѣ годовыхъ процентовъ по смѣтѣ считается 8,432 р. 98 к. Впрочемъ изъ этой процентной суммы доходъ собственно Академіи составляютъ 3841 р. 79 к., которые поступаютъ въ расходъ частію по указанному самими жертвователями назначенію, частію по предоставленному ими „усмотрѣнію Совѣта или Правленія Академіи“, а большая часть процентовъ 4591 р. 19 к. высылаются въ разные мѣста: въ Правленіе Кіевской дух. Семинаріи 3203 р. 34 к., въ Кіево-Выдубицкій монастырь 12 р. 85 к. и Высокопреосвященному Макарію, митрополиту Московскому, 1375 р.—Эта послѣдняя сумма, получаемая въ видѣ 5½ % съ капитала въ 25000 р., согласно волѣ жертвователя имѣеть поступать со временемъ въ пользу Академіи на преміи за лучшія церковно-историческія сочиненія. Состоящій при Академіи благотворительный капиталъ въ концѣ марта сего 1881 года увеличился на 11,000 р. въ 5 % билетахъ Восточнаго займа, Академію приобрѣтенныхъ на 10,000 рублей, которые поступили, по завѣщанію, отъ бывшаго заслуженнаго профессора Казанской дух. Академіи Дѣйствительнаго Стат. Совѣтника *Нава-*

нашла Петровича Соколова на стипендіи для бѣдныхъ студентовъ на счетъ процентовъ, которыхъ въ годъ причитается 550 рублей.

б) по учебной части.

Учебная дѣятельность преподавателей Академіи, согласно съ 62 § уст. дух. акад., состояла: а) въ обработкѣ преподаваемыхъ ими предметовъ, сообразно съ современнымъ состояніемъ науки, и въ передачѣ ихъ въ лекціяхъ студентамъ; б) въ руководствѣ студентовъ при разработкѣ вопросовъ по предметамъ ихъ спеціальныхъ занятій; в) въ чтеніи и рецензіи различныхъ ихъ сочиненій; г) въ повѣркѣ знаній и оцѣнкѣ успѣховъ студентовъ.

Чтеніе лекцій въ отчетномъ году началось съ 3-го сентября 1880 года по окончаніи пріемныхъ испытаній и продолжалось до конца апрѣля 1881 года или до открытія годовичныхъ испытаній. Въ теченіи года преподали:

1) По общеобязательнымъ предметамъ ¹⁾:

По священному писанію ветхаго завета—заслуженный ординарный профессоръ Епископъ Михаилъ, при трехъ лекціяхъ часовыхъ въ недѣлю, для студентовъ I и II курсовъ, послѣ понятія о библіи и опредѣленія задачи изученія ея, общую ветхозавѣтную исагогику, содержащую очеркъ исторіи происхожденія ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ, собранія ихъ въ одинъ составъ (канонъ), ихъ текста оригинальнаго и переводнаго и толкованія библіи, а затѣмъ частную исагогику, которая въ отчетномъ году представляла обзоръ историческихъ книгъ ветхаго завета.

По священому писанію новаго завета—ординарный профессоръ Стеф. Сольскій, при четырехъ лекціяхъ въ недѣлю,

¹⁾ Какъ общеобязательные, такъ и спеціальные предметы слѣдуютъ здѣсь въ томъ порядкѣ, въ какомъ они перечислены въ 111—114 §§ уст. дух. акад., а не въ томъ, въ какомъ они распределены въ особомъ приложеніи къ 117 § устава.

для студентовъ III курса какъ общее введеніе, содержащее въ себѣ, послѣ предварительныхъ свѣдѣній о предметѣ, исторію происхожденія, собранія (канона) и сохраненія (текста) повоавѣстныхъ книгъ, тѣмъ и частное историческо-критическое введеніе во всѣ эти книги.

По *основному богословію* приватъ-доцентъ *Теодоръ Орнатскій*, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, для студентовъ III курса, послѣ понятія о предметѣ и задачъ сей науки, а) психологію религіи, или ученіе о сущности и происхожденіи религіи, съ разборомъ теорій по сему предмету и съ замѣчаніемъ о культѣ, какъ вышнемъ выраженіи религіозности, и объ элементахъ его; б) метафизику религіи, или ученіе какъ объ общихъ вѣрованіяхъ (въ бытіе Бога и безсмертіе души) и основаніяхъ для нихъ въ человѣческомъ разумѣ, такъ и объ откровеніи, съ опредѣленіемъ признаковъ истиннаго откровенія; в) исторію религіи, или ученіе о формѣ первобытной религіи и о послѣдующихъ измѣненіяхъ ея подѣ различными видами политеизма и монотеизма.

По *психологіи* заслужен. ординар. профес. *Дим. Пестъховъ*, при трехъ лекціяхъ въ недѣлю, для студентовъ I и II курсовъ, послѣ введенія въ науку, о природѣ души человѣческой, какъ существа въ себѣ существующаго, живаго и дѣятельнаго, или о свойствахъ бытія и жизни ея; объ основныхъ способностяхъ души, какъ внутреннихъ опредѣленіяхъ ея сущности, и объ отношеніи души къ тѣлу; а также о различныхъ видахъ, или формахъ, психической жизни и въ частности о состояніяхъ познанія, или о представленіяхъ—чувственномъ (ощущеніи, возрѣніи, воображеніи) и разумномъ (или понятіи), о чувственномъ выраженіи представленій и понятій, или о языкѣ.

По *метафизикѣ* приватъ-доцентъ *Ник. Ефремовъ*, при трехъ лекціяхъ въ недѣлю, для студентовъ I, II и III курсовъ послѣ введенія въ науку, въ которомъ критически разсмотрѣны философскія направленія, отрицающія возможности

метафизики, какъ науки, изложилъ систему ея—онтологию, космологию и рациональную теологию.

По исторіи философіи ординар. профессор. *Петръ Линицкій*, при трехъ лекціяхъ въ недѣлю, для студентовъ I и II курсовъ, послѣ общаго введенія въ науку, исторію древней греческой философіи въ четырехъ ея періодахъ: а) въ древнѣйшемъ—до софистовъ, б) отъ Сократа до Аристотеля включительно, в) въ философскихъ школахъ послѣ Аристотеля и г) въ Александрійскомъ періодѣ.

По педагогикѣ доцентъ *Маркеллинъ Олесницкій*, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, для студентовъ III курса, послѣ предварительныхъ понятій о сей наукѣ, систему ея, въ которой разсмотрѣны какъ сущность воспитательнаго процесса, такъ и элементы воспитанія—воспитаніе ума, сердца и воли.

По греческому языку и ея словесности экстраорд. профессор. *Ив. Корольковъ*, для студентовъ I курса, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, введеніе въ исторію греческой литературы или свѣдѣнія о происхожденіи письменности у грековъ, а изъ самой исторіи греческой литературы—о Теофрастѣ, Гезіодѣ и о сочиненіяхъ ихъ; кромѣ того переводъ „характеристикъ“ Теофраста и „Теогоніи“ Гезіода съ археологическими поясненіями; для студентовъ II курса, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, очеркъ исторіографіи у древнихъ грековъ, въ которомъ, послѣ краткихъ свѣдѣній о предшественникахъ Геродота, изложены какъ біографическія свѣдѣнія о немъ, о Фукидидѣ и Ксенофонтѣ, такъ и подробный анализъ историческихъ сочиненій ихъ, съ замѣчаніями объ изданіяхъ и переводахъ—иностранныхъ и русскихъ; а также чтеніе 1 и 2 книгъ исторіи Фукидида съ надлежащими историческими и грамматическими объясненіями; для студентовъ III курса, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, свѣдѣнія о драматической поэзіи у древнихъ грековъ, въ частности о началѣ трагедіи и о первыхъ поэтахъ-трагикахъ, о главныхъ представителяхъ трагедіи—Эсхилѣ, Софоклѣ и Эврипидѣ, съ анализомъ и характеристикою трагедій ихъ, и, кромѣ того, переводъ

I и VIII пѣсней Иліады Гомера и изъ Софокловой трагедіи „Эдипъ царь“ съ надлежащими свѣдѣніями изъ просодіи, міеологіи и археологіи.

По тому же предмету приватъ-доцентъ *Мих. Писаревъ* съ 19 марта 1881 года, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, въ I курсѣ продолжалъ чтеніе изъ „Θεογονίи“ Гезіода, отъ 66 до 233 стих., съ надлежащими замѣчаніями филологическими и міеологическими.

По латинскому языку и ея словесности доцентъ *Николай Дроздовъ*: въ I курсѣ, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, послѣ предварительныхъ свѣдѣній о филологіи вообще и краткаго очерка исторіи классической филологіи, введеніе въ латинскую грамматику, фонетику (ученіе о звукахъ) и морфологію (словоизмѣненіе) латинскаго языка; свѣдѣнія о Саллюстіѣ и его литературной дѣятельности, о значеніи Саллюстія въ римской исторіографіи и объ изданіяхъ сочиненій его; переводъ и объясненіе сочиненія Саллюстія „о заговорѣ Кателины“; во II курсѣ, при одной лекціи въ недѣлю, послѣ введенія въ исторію римской литературы, первый (подготовительный) періодъ ея въ первыя пять столѣтій Рима, второй (подражательный) періодъ со времени пуническихъ войнъ, краткій очеркъ римской исторіографіи въ концѣ республики и въ началѣ имперіи, свѣдѣнія о Тацитѣ и его произведеніяхъ и, кромѣ того, переводъ и объясненіе первой части „Германіи“ Тацита; въ III курсѣ, при одной лекціи въ недѣлю, свѣдѣнія о Ювеналѣ и его литературной дѣятельности, чтеніе, объясненіе и переводъ избранныхъ сатиръ Ювенала (I и III).

По тому же предмету приватъ-доцентъ *Іосифъ Лисицынъ*: въ II курсѣ, при одной лекціи въ недѣлю, біографію Virgilia и характеристику его произведеній, въ частности свѣдѣнія объ его „Энеидѣ“ и переводъ 2-й книги этого сочиненія съ потребными поясненіями; въ III курсѣ, при одной лекціи въ недѣлю, краткія историческія свѣдѣнія о Цицеронѣ, объ общественной и литературной дѣятельности его,

объ особенностяхъ его произведеній ораторскихъ и философскихъ, и въ частности о сочиненіи его „de officiis“ и діалогъ его „de amicitia“, переводъ изъ того и другаго произведенія съ филологическимъ разборомъ.

По французскому языку лекторъ *Людв. Леклеръ* въ I курсъ, при двухъ урокахъ въ недѣлю, чтеніе и переводъ легкихъ статей изъ христоматіи Фену, съ объясненіемъ при этомъ правилъ этимологіи и синтаксиса, а также переводъ съ русскаго языка на французскій для уясненія конструкторіи и особенностей сего послѣдняго языка; во II курсъ, при двухъ урокахъ въ недѣлю, переводъ отдѣльныхъ статей и отрывковъ изъ сочиненій разныхъ писателей, въ частности изъ Монтексѣе: „Commencement de Rome“ и „Consideration sur les causes de la grandeur de Romains“.

По нѣмецкому языку лекторъ *Вилл. Редеминъ* въ I курсъ, при двухъ урокахъ въ недѣлю, переводъ на русскій языкъ сначала разсказовъ изъ „M. Oertel, Hülfsbuch“, а потомъ разныхъ статей изъ „D—r Mager, Deutsches Lesebuch“, съ изъясненіемъ при этомъ этимологическихъ и синтаксическихъ правилъ сего языка и съ указаніемъ отличительныхъ особенностей его отъ русскаго языка; во II курсъ, при двухъ урокахъ въ недѣлю, переводъ сочиненія Гёте „Faust“ съ синтаксическимъ разборомъ и объясненіемъ синонимовъ.

По англійскому языку лекторъ *А. Михайловскій*; въ I курсъ, при двухъ урокахъ въ недѣлю, этимологію и существенныя синтаксическія правила по руководству Робертсона; во II курсъ, при двухъ урокахъ въ недѣлю, переводъ произведенія Уилки Коллинза „Moontone“ и при этомъ синтаксисъ языка по руководствамъ Робертсона и Gould Brown'a.

2) По спеціальнымъ наукамъ

а) Богословскаго Отдѣленія:

По догматическому богословію ординар. професс. *Архимандритъ Сильвестръ* студентамъ III курса, при четырехъ

лекціяхъ въ недѣлю, послѣ введенія въ эту науку, полную систему догматовъ.

По *нравственному богословію* доцентъ Маркел. Олесницькій во II курсѣ, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, введеніе въ сію науку и изъ системы ея—объ основахъ нравственности субъективныхъ и объективныхъ, о формахъ нравственной жизнедѣятельности индивидуальныхъ и соціальныхъ. (Оя же и по педагогикѣ, о чемъ сказано выше).

По *сравнительному богословію* экстраорд. профес. *Митрофанъ Ястребовъ* въ III курсѣ, при трехъ лекціяхъ въ недѣлю, послѣ введенія въ науку, систему ея: а) сравнительное изложеніе догматическихъ разностей между католическимъ, лютеранскимъ и реформатскимъ вѣроисповѣданіями въ ученіи о первородномъ грѣхѣ, объ оправданіи, о таинствахъ, о церкви, объ отношеніи церкви небесной къ церкви земной, и общаго уклоненія католиковъ и протестантовъ отъ православной церкви въ ученіи объ исхожденіи Св. Духа; затѣмъ свѣдѣнія б) объ англиканской церкви, в) о мелкихъ протестантскихъ сектахъ какъ мистическаго, такъ и раціоналистическаго направленія и г) о восточныхъ церковныхъ обществахъ—несторіанскихъ и евтихіанскихъ.

По *патристикѣ* доцентъ *Конст. Цоповъ*, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, для студентовъ I и II курсовъ объ отцахъ и учителяхъ церкви восточной и западной съ конца II вѣка по V-й включительно.

По *еврейскому языку и библейской археологіи* экстраорд. профес. *Акимъ Олесницькій* въ I курсѣ, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, послѣ общихъ свѣдѣній изъ исторіи языка, древне-еврейскую грамматику въ полномъ составѣ, чтеніе которой сопровождалось практическимъ ознакомленіемъ съ древне-еврейскимъ шрифтомъ и элементарнымъ разборомъ первыхъ четырехъ главъ Бытія; во II курсѣ, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, чтеніе книги Притчей съ подробнымъ разборомъ и сличеніемъ разностей между масоретскимъ

текстомъ и LXX, съ изложеніемъ, при переводѣ, археологическихъ свѣдѣній, касавшихся, по характеру книги, главнымъ образомъ домашней жизни древнихъ евреевъ.

б) *Церковно-историческаго Отдѣленія:*

По *библейской исторіи* приватъ-доцентъ *Геодр. Покровский* для студентовъ I курса, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, послѣ введенія въ науку и краткаго очерка ея литературы, исторію ветхаго заветъа отъ сотворенія міра до плѣна вавилонскаго.

По *общей древней церковной исторіи* экстраорд. профессоръ *Мих. Ковальницкій* во II курсѣ, при трехъ лекціяхъ въ недѣлю, послѣ общихъ понятій о наукѣ, состояніе христіанской церкви отъ начала ея или отъ временъ апостольскихъ до конца періода вселенскихъ соборовъ, или до отдѣленія западной церкви отъ восточной, изложеніе въ трехъ періодахъ, со стороны вышняго положенія церкви, богослуженія, христіанской жизни, церковнаго устройства и управленія.

По *общей новой церковной исторіи* ординар. профес. *А-ръ Вороновъ* въ III курсѣ, при четырехъ лекціяхъ въ недѣлю, состояніе протестантства и католичества съ реформациі до эпохи реставраціи 1815 г. и положеніе греческой церкви съ паденія Константинополя до начала текущаго столѣтія.

По *исторіи русской церкви* заслужен. ординар. професс. *Ив. Мальшевскій* въ III курсѣ, при четырехъ лекціяхъ въ недѣлю, послѣ введенія въ науку, начало христіанства въ Россіи до св. Владиміра и при немъ, состояніе русской церкви въ удѣльное время какъ до усиленія сѣверо-восточной Руси, такъ и со времени его до раздѣленія митрополіи; исторію московской митрополіи и московскаго патріаршества; состояніе русской церкви во время реформы Петра I, при его преемникахъ до Екатерины II, при сей императрицѣ и при импер. Павлѣ.

По той же исторіи приватъ-доцентъ *Ст. Голубевъ* студентамъ III курса, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, исторію западно-русской церкви, отъ раздѣленія русской церкви на двѣ митрополіи до половины XVII вѣка, съ предварительнымъ обзоромъ какъ источниковъ для сей исторіи и ученыхъ трудовъ по разработкѣ ихъ, такъ и состоянія западной Руси вообще предъ означеннымъ событіемъ.

По исторіи и обличенію русскаго раскола экстраординарный профес. Протоіерей *А—ръ Воскресенскій* въ III курсѣ, при трехъ лекціяхъ въ недѣлю, послѣ общаго введенія въ науку, историческій очеркъ происхожденія, распространенія и утверждения раскольническихъ мнѣній до послѣдней четверти XVII вѣка, затѣмъ исторію собственно раскола старообрядства, раздѣленія его на поповщину и беспоповщину, подраздѣленія той и другой на разные толки, состоянія и распространенія раскола при Петрѣ Великомъ и въ послѣдующее время; при чемъ охарактеризованы главные дѣятели раскола, указаны характерныя особенности ихъ сочиненій, а также сочиненій противъ раскола.

По общей древней гражданской исторіи доцентъ *Никифоръ Тумасовъ* студентамъ I курса, при трехъ лекціяхъ въ недѣлю, послѣ предварительныхъ свѣдѣній о предметѣ, исторію Греціи отъ мифическихъ временъ ея до греко-персидскихъ войнъ.

По общей новой гражданской исторіи экстраорд. профес. *Алексій Розовъ* во II курсѣ, при трехъ лекціяхъ въ недѣлю, послѣ общаго взгляда на историческую науку и частнѣйшаго опредѣленія новой исторіи, обзоръ культурнаго состоянія міра при началѣ новой исторіи въ концѣ V вѣка и затѣмъ исторію организациі новыхъ культурныхъ міровъ—христіанскаго въ двухъ его половинахъ и мусульманскаго—съ конца V до начала XI вѣка.

По русской гражданской исторіи экстраорд. профессоръ

Филип Терновскій во II курсѣ, при четырехъ лекціяхъ въ недѣлю, по изложеніи древнихъ извѣстій о русской терри-
торіи и людяхъ населявшихъ ее и послѣ краткихъ свѣдѣній
о славянахъ, о религіи и бытѣ ихъ, исторію основанія рус-
скаго государства, его развитія, распространенія и состоя-
нія въ разные періоды до Императора Александра I.

в) *Церковно-практическаго Отдѣленія:*

По *пастырскому богословію* заслуженный ординар. профес.
Вас. Пѣвницкій въ III курсѣ, при одной лекціи въ недѣлю,
послѣ введенія въ науку, ученіе о священствѣ, о священ-
никѣ въ его личной, семейной и общественной жизни, о
служебной дѣятельности священника по отношенію къ тремъ
главнымъ обязанностямъ его—священнослуженію, учитель-
ству и руководству пасомыхъ.

По *гомилетикѣ и исторіи проповѣдничества* тотъ же про-
фессоръ Пѣвницкій во II курсѣ, при трехъ лекціяхъ въ не-
дѣлю, послѣ предварительныхъ понятій и историческихъ
свѣдѣній о наукѣ, основные гомилетическіе законы, а за-
тѣмъ исторію проповѣди въ церкви христіанской отъ нача-
ла ея до раздѣленія на восточную и западную и наконецъ
исторію проповѣдничества въ русской церкви отъ основанія
ея до настоящаго времени.

По *литургиѣ* экстраордин. профес. *Θеод. Смирновъ* для
студентовъ II и III курсовъ совмѣстно, при трехъ лекціяхъ
въ недѣлю, объ общественномъ богослуженіи апостольскаго
времени, о происхожденіи и литургическомъ характерѣ
таинствъ и о христіанскомъ богослуженіи со времени апо-
столовъ до IV вѣка.

По *церковному праву* экстраорд. профес. *Петръ Лашка-
ревъ* въ III курсѣ, при четырехъ лекціяхъ въ недѣлю, ве-
веденіе въ науку и исторію церковнаго права, а изъ системы
его—о церковной власти и управленіи, о церковныхъ звѣ-

ніяхъ и состояніяхъ, о церковномъ ученіи, о богослужебныхъ установленіяхъ и актахъ, о церковныхъ освященіяхъ лицъ, вещей и дѣйствій и о погребеніи христіанскомъ.

По *теоріи словесности и исторіи литературы* ординарный профес. *Ник. Петровъ* въ I курсѣ, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, историческій очеркъ теоріи изящнаго и краткое изложеніе теоріи словесности—о прозѣ и поэзіи, о видахъ той и другой, а за тѣмъ обзоръ важнѣйшихъ иностранныхъ литературъ—индійской, персидской, египетской, арабской, греческой, римской, итальянской, испанской, французской и англійской; во II курсѣ, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, исторію русской литературы отъ древнихъ временъ ея до Жуковского включительно и очеркъ украинской литературы нынѣшняго вѣка, въ связи съ русской литературой, до Шевченка.

По *русскому языку и славянскимъ нарѣчіямъ* доцентъ *Вас. Малининъ* студентамъ I и II курсовъ, при трехъ лекціяхъ въ недѣлю, подробное обозрѣніе исторіи письменности Болгаръ со времени заселенія Балканскаго полуострова до русско-византійской войны и потомъ сравнительную этимологию русскаго языка, въ которую вошло а) обозрѣніе семьи индоевропейскихъ языковъ съ опредѣленіемъ мѣста, занимаемаго въ этой семьѣ языкомъ славянскимъ, и б) обозрѣніе фонетики и морфологіи церковно-славянскаго и русскаго языка сравнительно съ фонетикой и морфологіей языковъ родственныхъ.

Такимъ образомъ штатные преподаватели въ первыхъ трехъ курсахъ имѣли отъ 3 до 6 лекцій въ недѣлю, а при-вать-доценты по 2 лекціи.

Большая часть преподавателей, кромѣ того, имѣли не менѣе двухъ часовъ въ недѣлю для практическо-спеціальныхъ лекцій въ IV курсѣ по тѣмъ наукамъ, которыя принадлежатъ къ группамъ предметовъ спеціально изучаемыхъ студентами сего курса для сдачи магистерскаго испытанія

и для приготовленія къ преподаванію ихъ въ семинаріяхъ. Спеціальное изученіе студентами IV курса избранной каждымъ изъ нихъ группы наукъ велось подъ руководствомъ преподавателей ихъ, которые при этомъ знакомили ихъ, по возможности, съ источниками и литературой каждой науки, разбирали учебныя руководства и пособия и упражняли самихъ студентовъ какъ въ разборъ учебниковъ, такъ и въ устномъ изложеніи уроковъ, соотвѣтственно требованію семинарскаго преподаванія. Сверхъ того съ начала отчетнаго года на преподавателей Академіи указомъ Св. Синода отъ 19 сентября 1880 г. за № 3451 возложенъ надзоръ за подготовкою студентовъ IV курса и къ занятію учительскихъ должностей въ дух. училищахъ чрезъ ознакомленіе съ одобренными для нихъ Св. Синодомъ программами, учебными пособиями и главнымъ образомъ съ методами и приемами преподаванія; но отдѣльное испытаніе тремя пробными уроками по предметамъ училищнаго курса, въ видахъ контроля, признано излишнимъ

Изъ 32 преподавателей Академіи, считая въ этомъ числѣ и приватъ доцента М. Писарева, поступившаго въ Академію въ половинѣ марта 1881 года, въ теченіи минувшаго учебнаго года не опустили ни одной лекціи девятеро: орд. проф. Архимандритъ Сильвестръ, экстраорд. профессора: Ф. Терновскій, М. Ковальницкій, М. Ястребовъ; доценты—Маркел. Олесницкій, К. Поповъ, прив.-доценты Θ. Орнатскій, Θ. Покровскій, Мих. Писаревъ. Изъ прочихъ 23 преподавателей опустили: 13 преподавателей—отъ 1 до 5 лекцій въ годъ, 8 преподавателей отъ 6 до 10, одинъ преподаватель 11 и одинъ 12 лекцій, какъ видно изъ слѣдующей подробной вѣдомости:

Опущены лекціи:	въ сентябрѣ.	въ октябрѣ.	въ ноябрѣ.	въ декабрѣ.	въ январѣ.	въ февралѣ.	въ мартѣ.	въ апрѣлѣ.	всего въ годѣ.
по евр. яз. и библ. археологіи экстр. профес. Акимомъ Олесницкимъ	1	—	—	—	—	—	—	—	1
— психологіи ординар. профес. Д. Поспѣховымъ	1	—	—	1	1	—	3	—	6
— латинскому языку приватъ-доцентомъ Іос. Лисицкимъ	2	2	2	—	—	2	—	—	8
— нѣмец. языку лект. В. Ределиномъ.	2	2	2	2	2	2	—	—	12
— англійскому языку лекторомъ А. Михайловскимъ	1	—	—	—	—	—	—	—	1
— новой общ. церков. исторіи ордин. профес. А. Вороновымъ	6	1	—	—	—	—	—	—	7
— древн. всеобщ. граждан. исторіи доцентомъ Никифор. Тумасовымъ	1	2	1	2	—	2	2	1	11
— свящ. писанію ветх. завіѣта ординар. проф. Еп. Михайломъ	1	—	—	—	6	—	2	—	9
— русск. церк. истор. приватъ-доцентомъ Ст. Голубевымъ.	—	3	1	—	1	2	2	1	10
— теор. слов. и истор. литер. ордин. проф. Н. Петровымъ.	—	2	—	—	1	—	—	—	3
— русск. яз. и славян. нарѣч. доц. В. Малиновымъ	—	1	1	1	—	—	—	—	3
— церков. праву экстр. проф. П. Лашкаревымъ	—	2	—	—	—	—	—	—	2
— исторіи русск. раскола экстраорд. профес. Александр. Воскресенскимъ	—	1	—	—	1	—	1	—	3
— лат. яз. и его словесн. доц. Н. Дроздовымъ	—	—	3	—	4	—	—	—	7
— метафизикѣ прив.-доц. Н. Ефремовымъ	—	—	3	—	3	—	—	—	6
— новой общ. гражд. истор. экстраорд. проф. А. Розовымъ	—	—	—	4	—	—	—	—	4
— французскому языку лекторомъ Л. Деклеромъ	—	—	—	2	—	—	—	—	2
— литургіи экстр. профес. Ѳ. Смирновымъ.	—	—	1	—	—	5	—	—	6
— греческ. яз. и его словесн. экстр. проф. Ів. Корольковымъ	—	—	—	—	2	—	—	1	3
— гоимлет. орд. проф. В. Пѣвницкимъ	—	—	—	—	1	—	—	—	1
— исторіи русской церкви ордин. профес. Ів. Малышевскимъ.	—	—	—	—	—	1	—	—	1
— исторіи философіи орд. проф. П. Ливницкимъ	—	—	—	—	—	—	1	—	1
— свящ. писанію нов. завіѣта ординар. проф. Стеф. Сомьскимъ	—	—	—	—	—	—	4	—	4
Всего 23 преподавателями опущено лекцій	15	16	13	13	22	9	20	3	11

Изъ общаго числа (111) пропущенныхъ за годъ лекцій собственно на штатныя каѳедры причитается 93, а прочія 18 лекцій опущены двумя приватъ-доцентами (Голубевымъ 10 и Лисицынымъ 8), читающими избранные ими отдѣлы изъ наукъ, которыя имѣютъ штатныхъ преподавателей. Показанныя (111) лекцій опущены большею частію по болѣзни преподавателей; но были и другія причины опущенія лекцій.—Такъ, одинъ ординарный професс. Ст. Сольскій опустилъ 4 лекціи въ мартѣ 1881 г. по нахожденію въ числѣ депутатовъ отъ г. Киева на погребеніи Государя Императора Александра II, ординар. професс. В. Пѣвницкій и экстраординарный професс. Воскресенскій по одной лекціи въ январѣ сего года вслѣдствіе вызова въ Окружной Судъ. экстраордин. професс. Воскресенскій 1 лекцію въ октябрѣ и лекторъ Ределинъ 2 урока въ февралѣ—по домашнимъ обстоятельствамъ.

Кромѣ приготовленія и чтенія лекцій по предметамъ каждой каѳедры, отъ преподавателей Академіи требовалось не мало труда на чтеніе третнихъ сочиненій студентовъ I и II курсовъ, а также разсужденій студентовъ III курса, написанныхъ ими на степень кандидата. Общее число въ отчетномъ году разсмотрѣнныхъ преподавателями Академіи третнихъ сочиненій было 296, проповѣдей 80, а кандидатскихъ 28, всего 404. Достоинство первыхъ обозначалось кратко баллами, а достоинство послѣднихъ преподаватели подробно излагали въ письменныхъ рецензіяхъ, которыя печатаются вмѣстѣ съ протоколами Совѣта въ „Труд. Киев. дух. Академіи“. Такихъ рецензій въ семь году пришлось на долю 15 преподавателей: орд. професс. Пѣвницкаго 4, Малышевскаго, Петрова и Сольскаго по 3, архимандр. Сильвестра, Воронова, экстр. професс. Терновскаго и Лашкарева по 2, ординар. проф. Е. Михаила, экстраорд. проф. Воскресенскаго, Розова, Смирнова, Ястребова, доц. Попова и прив.-доцента Голубева по 1.

Также не мало времени и труда удѣлялось преподава-

телями на производство повѣрочныхъ испытаній при приѣмѣ воспитанниковъ въ Академію, годовыхъ испытаній для перевода студентовъ первыхъ трехъ курсовъ въ слѣдующіе и магистерскихъ истытаній студентовъ IV курса. Приѣмныя испытанія произведены въ теченіи 8 дней отъ 18 до 27 августа 1881 года. Первые три дня употреблены на письменныя испытанія подъ наблюденіемъ двухъ преподавателей, особыхъ на каждый день, которые и читали самыя сочиненія и оцѣнивали ихъ баллами каждый отдѣльно. Въ первый день написано 76 сочиненій, въ другой день написано 75 сочиненій и въ третій 75, а всего въ три дня 226. Остальные пять дней употреблены на устные испытанія въ четырехъ комиссіяхъ, одновременно дѣйствовавшихъ и имѣвшихъ въ составѣ своемъ по 3 члена. Переводныя и магистерскія испытанія произведены съ 27 апрѣля по 5 іюня 1881 года, по особому расписанію, по которому ежедневно дѣйствовали одна или двѣ или чаще три испытательныя комиссіи, состоявшія обыкновенно изъ трехъ лицъ, а иногда болѣе—до 5. На всѣхъ магистерскихъ испытаніяхъ, а также на переводныхъ испытаніяхъ по тѣмъ наукамъ, которыя преподаются помощниками ректора, и на одномъ испытаніи приѣмномъ по догматическому богословію въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ предсѣдательствовалъ ректоръ Академіи; а на прочихъ приѣмныхъ и переводныхъ испытаніяхъ предсѣдательствовали помощники ректора по спеціальнымъ наукамъ своего отдѣленія и по тѣмъ общеобязательнымъ предметамъ, преподаватели которыхъ причислены къ одному изъ отдѣленій.

в) по ученой части.

Кіевская Академія, по мѣрѣ возможности, пользуется средствами къ совершенствованію и распространенію богословскихъ знаній, предоставленными уставомъ духовныхъ академій (§ 169—171). Въ отчетномъ году *ученая дѣятельность* академической корпораціи *выразилась участіемъ въ раз-*

ныхъ ученыхъ обществъ и въ учено-литературныхъ трудахъ.

При Киевской духовной Академіи продолжало существовать и развиваться въ своемъ составѣ и дѣятельности *Церковно-археологическое Общество*, учрежденное съ разрѣшенія Св. Синода въ концѣ 1872 года, какъ для ученой разработки церковной археологіи, для приведенія въ извѣстность памятниковъ церковной древности, насколько они могли сохраниться по церквамъ и монастырямъ, и для обращенія ихъ, по возможности, въ составъ музея при Академіи, такъ и вообще для принятія мѣръ къ предупрежденію утраты памятниковъ для науки. Образованное первоначально изъ наличныхъ штатныхъ преподавателей тѣхъ кафедръ, которыя поименованы въ уставѣ Общества и по которымъ они признаются дѣйствительными членами, Церковно-археологическое Общество затѣмъ значительно увеличилось въ своемъ составѣ, который и въ отчетномъ году пополнялся чрезъ избраніе членовъ изъ лицъ, въ Кіевѣ и виѣ Кіева находящихся, по своему іерархическому и общественному положенію, по извѣстной любви къ изысканію памятниковъ древности и по изъявленному сочувствію цѣли общества могущихъ содѣйствовать успѣхамъ его. Церковно-археологическое Общество при Академіи, находящееся подъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича и попечительствомъ Высокопреосвященнаго митрополита Кіевского Филовея, въ 18⁸³ году состояло изъ предсѣдателя—ректора Академіи и 154 членовъ, изъ коихъ 29 почетныхъ, 83 дѣйствительныхъ и 42 членовъ—корреспондентовъ. Изъ дѣйствительныхъ членовъ состоятъ: 1 товарищемъ предсѣдателя, 1 секретаремъ и завѣдующимъ Музеемъ и 1 помощникомъ его. Въ отчетномъ году установились ежемѣсячныя, за исключеніемъ каникулярнаго времени, ученыя собранія общества, на которыхъ предложено было до десяти рефератовъ и пересмотрѣнъ уставъ Церковно-археологическаго Музея и Общества въ видахъ необходи-

маго измѣненія примѣнительно къ новымъ условіямъ и потребностямъ ихъ, вызваннымъ расширеніемъ въ послѣднее время дѣятельности Общества. Указомъ Св. Синода отъ 10 августа 1881 года за № 3321 утверждены проэктированные Обществомъ дополненія и измѣненія въ уставѣ его, которыя касаются 1) принятія общества подѣ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича; 2) усиленія ученыхъ занятій общества ежемѣсячными собраніями онаго, чтеніемъ въ немъ рефератовъ и печатаніемъ ихъ, равно какъ отчетовъ и сообщеній членовъ онаго, въ академическомъ или одномъ изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій; 3) исключенія изъ устава обязательства вступленія въ общество академическихъ преподавателей; 4) отдѣленія музея отъ академической библіотеки; 5) увеличенія числа должностныхъ лицъ учрежденіемъ особыхъ должностей, по выборамъ изъ членовъ общества на трехгодичный срокъ, завѣдывающаго музеемъ и помощника секретаря, и 6) исключенія изъ списка общества тѣхъ членовъ онаго, которые въ теченіи 3-хъ лѣтъ не заявятъ дѣятельности на пользу общества и музея. Независимо отъ внутренней дѣятельности своей, Церковно-археологическое Общество имѣло сношенія съ другими подобными учрежденіями и получало отъ нихъ изданія или необходимыя для общества свѣдѣнія. Въ прошломъ году поддерживало общеніе со слѣдующими учрежденіями: С.-Петербургскимъ Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ, Обществомъ исторіи и древностей при Московскомъ Университетѣ, Московскимъ Публичнымъ и Румянцевскимъ Музеемъ, Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, Кіевскимъ историческимъ Обществомъ Нестора Лѣтописца, Одесскимъ Императорскимъ Обществомъ исторіи и древностей, Обществомъ археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ Университетѣ, съ Виленскою Публичною Библіотекою и состоящимъ при ней Музеемъ. Кромѣ того секретарь Церковно-археологическаго Общества ординарный

профессоръ Ник. Петровъ назначенъ депутатомъ на V Археологическій Съѣздъ въ Тифлисъ какъ отъ Общества, такъ и отъ Совѣта Академіи.

Участвуя болѣе или менѣе въ занятіяхъ Церковно-археологическаго Общества при Киевской Академіи, многіе изъ преподавателей ея состояли членами разныхъ ученыхъ обществъ и учреждений: восьмеро—членами открытаго въ началѣ 1873 года въ Киевѣ Общества Нестора Лѣтописца, двое—членами Московскаго археологическаго Общества, одинъ—членомъ Киевскаго отдѣленія Общества классической филологіи и педагогики, одинъ—членомъ Одесскаго Общества исторіи и древностей, одинъ—членомъ сотрудникомъ Императорскаго Географическаго Общества; одинъ—членомъ сотрудникомъ Общества распространенія священнаго писанія въ Россіи и почетнымъ членомъ Московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія. Въ свою очередь Киевская духовная Академія, со времени преобразованія своего, по силѣ 10 § устава, въ составъ почетныхъ членовъ своихъ избрала до 25 лицъ, извѣстныхъ покровительствомъ духовному просвѣщенію или прославившихся своими дарованіями и заслугами церкви. Одинъ изъ числа первоизбранныхъ 1 октября 1869 года въ почетные члены Киевской духовной Академіи Высокопреосвященнѣйшій Исидоръ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, совершилъ 25-лѣтіе своего первосвятительскаго служенія 26 августа 1881 года въ санѣ митрополита.

При разнообразіи обязательныхъ занятій по Академіи какъ учебныхъ, такъ и административныхъ, кромѣ большаго или меньшаго участія въ занятіяхъ и дѣятельности разныхъ ученыхъ обществъ и учреждений, преподаватели Академіи занимались учено-литературными трудами. Учено-литературная дѣятельность за минувшій учебный годъ состояла въ изданіи журналовъ, каковы: „Труды Киев. дух. Академіи“ (издаваемые съ 1860 года), „Воскресное Чтеніе“ (издававшееся при Академіи съ 1837 по 1871 г. и съ янва-

ря 1879 г. при ней опять возстановленное) и „Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости“ (поступившія въ вѣдѣніе Академіи съ января 1879 г.), въ составленіи разныхъ статей какъ для академическихъ журналовъ, такъ и для другихъ періодическихъ изданій, въ приготовленіи къ печати и въ печатаніи научныхъ сочиненій. Въ частности учено-литературные труды преподавателей за истекшій 1880/81 учебный годъ были слѣдующіе:

Заслуженный ординарный профессоръ епископъ Михаилъ завѣдывалъ, какъ отвѣтственный редакторъ, общимъ теченіемъ редакціонныхъ дѣлъ по журналамъ, издаваемымъ при Академіи.

Ординар. профес. архимандр. Сильвестръ напечаталъ въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи“ нѣсколько статей подъ заглавіемъ „Изъ чтеній по догматическому богословію“ и издалъ 2-й выпускъ своего сочиненія „Опытъ православнаго догматическаго богословія“.

Заслужен. ординар. проф. Д. Поспѣховъ редактировалъ журналъ „Труды Кіевск. дух. Академіи“ до мая 1881 года и издалъ сочиненіе Амедея Тьерри: „Несторій и Евтихій, ересіархи V вѣка“ въ переработанномъ видѣ.

Заслужен. ординар. проф. Ив. Малышевскій редактировалъ до іюня 1881 г. „Кіевскія Епарх. Вѣдомости“; по предложенію Академіи Наукъ написалъ рецензію на сочиненіе профессора Московской дух. Академіи Евг. Голубинскаго „Исторія Русской Церкви, т. I“, представленное въ оную Академію на соисканіе Уваровской преміи.

Заслужен. ординар. проф. В. Пѣвницкій занимался редакціею „Воскреснаго Чтенія“ и помѣстилъ въ немъ рядъ статей по вопросамъ семейной, общественной и религіозной жизни.

Ордин. проф. Ст. Сольскій участвовалъ своими статьями въ изданіи „Воскреснаго Чтенія“.

Ординар. проф. А. Вороновъ въ „Труд. Академіи“ напечаталъ статью „Научное движеніе по вопросу о свв. Ки-

рилѣ и Меѳодіѣ“, и редактировалъ переводъ твореній блаженнаго Іеронима; въ „Кіев. Епарх. Вѣдомостяхъ“ помѣстилъ нѣсколько обзорѣній и замѣтокъ о современныхъ событіяхъ церковной жизни у южныхъ и западныхъ славянъ, а съ іюня принималъ участіе въ редакціи „Епарх. Вѣдомостей“.

Ординар. проф. П. Линицкій напечаталъ въ „Трудахъ Кіев. дух. Акад.“ слѣд. статьи: „Логика и діалектика“, „Познаніе и бытіе“, „Свобода и необходимость“ и критическій разборъ учебника: „Обзоръ философскихъ ученій“ свящ. Маркова.

Ординар. проф. Н. Петровъ помѣстилъ: а) въ „Труд. Кіев. дух. Академіи“: „Извѣстія и отчетъ Церковно-археологическаго Общества при Кіевской дух. Академіи за 1880 г.“, „Указатель Церковно-археологическаго Музея“, „О миньютюрахъ и заставкахъ въ греческомъ евангеліи XI—XII вѣка и отношеніи ихъ къ мозаическимъ и фресковымъ изображеніямъ въ Кіево-Софійскомъ Соборѣ“,—вышедшія и особыми оттисками, и „Расколъ и единовѣріе съ царствованія Екатерины II до царствованія Николая I“; б) въ журналѣ „Руководство для сельскихъ пастырей“ и въ „Кіев. Епарх. Вѣдом.“—нѣсколько статей и замѣтокъ изъ прежней и современной церковной жизни; в) въ журналѣ „Историческій Вѣстникъ“—„Очерки изъ исторіи украинской литературы нынѣшняго вѣка (сентиментальная украинская литература)“ и г) въ газетѣ „Кіевлянинъ“—„О степени самостоятельности украинской литературы“.

Экстраорд. проф. П. Лашкаревъ продолжалъ заниматься переводомъ и редакціею перевода на русскій языкъ твореній блажен. Августина, которыя печатаются въ „Труд. Кіев. дух. Акад.“ и особымъ изданіемъ.

Экстраорд. проф. Ак. Олесницкій началъ печатать въ „Труд. Акад.“ изслѣдованіе: „Пѣснь Цѣсней и ея новѣйшіе критики“; съ мая мѣсяца завѣдывалъ редакціею оригинальныхъ статей „Труд. Кіев. дух. Академіи“.

Экстраорд. профес. протоіер. А. Воскресенскій напечаталъ въ „Воскресномъ Чтеніи“ рядъ статей подъ заглавіемъ „Современный соціализмъ и собственность“ и нѣскольکو статей въ „Епарх. Вѣдомостяхъ“.

Экстраорд. проф. Ф. Терновскій напечаталъ въ „Кіев. Универ. Извѣстіяхъ“ нѣсколько „чтеній по исторіи византійской церкви“.

Экстраорд. проф. А. Розовъ участвовалъ своими статьями въ изданіи „Воскреснаго Чтенія“, „Кіев. Епарх. Вѣдом.“ и „Руковод. для сельск. пастырей“.

Экстраорд. проф. Ив. Корольковъ напечаталъ въ академическомъ журналѣ нѣсколько статей подъ заглавіемъ „Двадцатилѣтіе Труд. Кіев. дух. Академіи“ и помѣщалъ библіографическія статьи въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ и въ „Кіев. Епарх. Вѣдомостяхъ“.

Экстраорд. проф. Θ. Смирновъ занимался продолженіемъ „описанія коллекціи древне-русскихъ иконъ, хранящихся въ Церковно-археологическомъ Музеѣ при Кіев. Академіи“, и составленіемъ статей для журнала „Воскресное Чтеніе“.

Экстраорд. проф. Митр. Ястребовъ участвовалъ въ переводѣ на русскій языкъ творенія блажен. Августина „О градѣ Божіемъ“.

Экстраорд. проф. Мих. Ковальницкій „въ „Труд. Кіев. дух. Акад.“ напечаталъ: „О значеніи національнаго элемента въ историческомъ развитіи христіанства“ (рѣчь, произнесенную на академическомъ актѣ 28 сентября 1880 года).

Доцентъ Маркел. Олесницкій напечаталъ „въ Труд. Кіев. дух. Акад.“ статью: „Введеніе въ исторію нравственности и нравственныхъ ученій“.

Доцентъ Н. Дроздовъ переводилъ творенія блажен. Іеронима и Августина; напечаталъ въ „Труд. Академіи“ статью „Взглядъ древнихъ Римлянъ на загробную жизнь по эпиграфическимъ даннымъ“ и составилъ „Очеркъ религіи и философіи Римлянъ“.

Доцентъ К. Поповъ напечаталъ въ „Воскрес. Чтеніи“ и „Кіев. Епарх. Вѣдом.“ нѣсколько статей и принималъ участіе въ переводѣ творенія блаж. Августина „О градѣ Божіемъ“.

Приватъ-доцентъ Ѳ. Покровскій напечаталъ въ „Труд. Кіев. Акад.“ статью подъ заглавіемъ „Происхожденіе челядька“.

Прив.-доц. Ст. Голубевъ напечаталъ въ „Кіев. Епар. Вѣдом.“ статью „О вступленіи Петра Могилы на Кіево-Печерскую архимандрію“; продолжалъ печатаніе изслѣдованія о „Кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Мвгилѣ и его сподвижникахъ“; въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца читалъ рефераты: а) „о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ“ и б) „о поѣздкѣ Мелетія Смотрицкаго на Востокъ“; въ Церковно-археологическомъ Обществѣ при Кіев. духов. Академіи читалъ рефератъ „объ острожской библии по случаю трехсотлѣтія со времени ея изданія“.

Въ отчетномъ году было въ Академіи три публичныхъ диспута. Одинъ состоялся 11 сентября 1880 г.; предметомъ его было представленное прив.-доц. Академіи кандидатомъ К. Поповымъ на степень *магистра богословія* печатное сочиненіе: „*Тертуліанъ, его теорія христіанскаго знанія и основныя начала богословія*“; оппонентами г. Попова, по назначенію Совѣта Академіи, были заслужен. ординар. проф. Поспѣховъ и экстр. профес. М. Ястребовъ, изъ коихъ послѣдній предварительно представилъ подробный письменный разборъ сего сочиненія въ богословское отдѣленіе. Другой диспутъ состоялся 7 іюня 1881 года. Предметомъ его было сочиненіе: „*О тайнѣ супружества. Происхожденіе, историко-юридическое значеніе и каноническое достоинство 50-й главы печатной Кормчей книги*“. Сочиненіе это, напечатанное въ 1880 году, представлено въ февралѣ 1881 года на степень *доктора богословія* орд. профессоромъ Петербург. Университета, докторомъ государственнаго права и магистромъ богословія, протоіереемъ М. Горчаковымъ. Официальными оппонентами его были

экстраорд. профессора П. Лашкаревъ и Ф. Терновскій, изъ коихъ первый, по порученію Церковно - практическаго Отдѣленія спеціально разсматривавшій сочиненіе Горчакова, составилъ подробную письменную рецензію на оное. Какъ магистерскій, такъ и докторскій диспутъ происходили въ общемъ собраніи Совѣта Академіи. Кромѣ того 4 февраля былъ диспутъ въ присутствіи Церковно-практическаго Отдѣленія для защиты преподавателемъ Екатеринославской Семинаріи кандидатомъ Мих. Писаревымъ представленной имъ въ рукописи диссертациі, для *полученія права чтенія лекцій* (pro venia legendi) въ Академіи по греческому языку, подъ заглавіемъ: „Ученіе о безсмертіи души въ діалогѣ Платона „Федонъ“. Рецензентомъ сей диссертациі и официальнымъ оппонентомъ ея на диспутѣ былъ экстр. проф. Ив. Корольковъ. Сверхъ сего въ отчетномъ году, согласно подробному письменному отзыву экстр. проф. П. Лашкарева и заключенію Церковно - практическаго Отдѣленія, Совѣтомъ Академіи удостоенъ степени *магистра богословія* и Святѣйшимъ Синодомъ 12 января 1881 г. утвержденъ въ оной, за печатное сочиненіе „Достоѣяства у православной цркви по црквенно-правнимъ изворима до XIV вѣка“ ректоръ православной дух. Семинаріи въ г. Зарѣ (въ Далмаціи) *архимандритъ Никодимъ* (кандидатъ Киевской дух. Академіи *Николай Милашъ*, сербскій уроженецъ, окончившій въ ней курсъ въ 1871 г. и, при окончаніи курса, удовлетворительно сдавшій устное магистерское испытаніе), но безъ публичнаго защищенія сего сочиненія, по вниманію къ тому, что, съ одной стороны, изданныя имъ и бывшія въ виду Совѣта Академіи другія сочиненія о архим. Никодима, кромѣ вышепоименованнаго, достаточно свидѣтельствуютъ о его ученыхъ достоинствахъ, а съ другой стороны—обязательство явиться въ Академію для публичнаго защищенія диссертациі, при настоящемъ служебномъ положеніи его, какъ ректора и наставника Семинаріи, и при отдаленности разстоянія, было бы соединено съ большими для него затрудненіями. Подробные письмен-

ные отзывы рецензентовъ о четырехъ упомянутыхъ выше сочиненіяхъ напечатаны въ протоколахъ Совѣта Академіи при „Трудахъ Кіев. дух. Академіи“ за 1881 годъ.

II.

Учащіеся въ Академіи.

А) Составъ учащихся.

Къ началу 1880го/ви учебнаго года, за состоявшимся въ іюнѣ 1880 года выпускомъ 25 студентовъ IV курса и 1 студента III курса, въ Академіи оставалось *всѣхъ студентовъ 113*. Въ томъ числѣ было: а) студентовъ переведенныхъ въ IV курсъ 33, въ III курсъ 30 и во II курсъ 46; б) оставленный, по прошенію, въ томъ же курсѣ на 2-й годъ—1 студентъ III курса и в) оставленныхъ безъ перевода до начала отчетнаго года, или до сдачи испытаній, 3 студента I курса. Сверхъ того было 2 постороннихъ слушателя.

Для состава 1 курса Совѣтъ Академіи, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, выгналъ на казенный счетъ 30 лучшихъ изъ 13 воспитанниковъ духовныхъ семинарій и, кромѣ того, чрезъ періодическія изданія объявлялъ вызовъ лицамъ, желающимъ волонтерами поступить въ Академію. Вслѣдствіе сего къ приѣмнымъ испытаніямъ, производившимся въ Академіи во второй половинѣ августа 1880 года, явилось: а) по назначенію семинарскихъ Правленій изъ 12 семинарій 27 воспитанниковъ (одинъ студентъ Черниговской и 2 студ. Саратовской Семинаріи изъ назначенныхъ не явились) и б) по собственному желанію 34 (въ томъ числѣ и два постороннихъ слушателя Академіи), всего 61 изъ 24-хъ разныхъ семинарій; но цѣлая половина ихъ принадлежитъ четыремъ семинаріямъ: Волынской—13 (5 назнач. и 8 волонт.), Кіевской—8 (всѣ волонтеры), Тамбовской—5 (всѣ по назначенію) и Рязанской—4 (назнач.); а остальные (31) студенты—изъ 20 разныхъ семинарій, по 3 или по 2 или даже по 1

изъ каждой. Всѣ они—дѣти священно-и церковно-служителей, кромѣ одного сына чиновника; 56 имѣютъ отъ 20 до 25 лѣтъ отъ роду, а изъ остальныхъ 5 одинъ имѣетъ только 19 лѣтъ, а четверо болѣе 25 лѣтъ: 26, 27, 31 и 32. Последніи лѣта принадлежатъ двумъ священникамъ. Воспитанники, назначенные въ Академію Семинарскими Правленіями, всѣ окончили курсъ въ 1880 году; изъ 34 волонтеровъ половина окончила курсъ въ томъ же году, а изъ остальныхъ 17 окончили курсъ ученія семинаріи: 12 въ 1879, по одному въ 1878, 1877, 1875, 1873 и 1871 годахъ. Изъ этихъ 17 воспитанниковъ прежнихъ выпусковъ семинарій, кромѣ двухъ слушателей Академіи, 15 состояли на службѣ, именно: 2 священниками, 4 псаломщиками, 4 учителями и 1 надзирателемъ въ духовныхъ училищахъ, 3 учителями сельскихъ школъ и 1 учителемъ церковно-приходской школы. Съ 18 августа по 27 включительно произведено повѣрочное испытаніе: письменное на три темы (богословскаго, философскаго и литературнаго содержанія) и устное по четыремъ предметамъ (догматическому богословію, церковной исторіи, логикѣ и одному изъ древнихъ языковъ—греческому или латинскому). Изъ волонтеровъ, заявившихъ желаніе держать повѣрочныя пріемныя испытанія, 1 вовсе не явился на оныя, 2 только начали, но не продолжали ихъ; за тѣмъ 58 лицъ окончили всѣ испытанія письменныя и устныя. Изъ нихъ за неудовлетворительностію балловъ не приняты въ Академію пять волонтеровъ (2 состояли учителями дух. училищъ, 1 учителемъ народной сельской школы и 1 окончившій курсъ въ 1880 году), а 52 лица, окончившихъ испытанія удовлетворительно, (въ томъ числѣ два постороннихъ слушателя), Совѣтомъ Академіи 28 августа приняты въ составъ 1 курса ¹⁾, изъ которыхъ 41 зачислены на казеннокоштные вакансіи, 3 студента на юбилейныя сти-

¹⁾ Имянной списокъ принятыхъ въ 1 курсъ студентовъ, съ подробными свѣдѣніями о послѣдствіяхъ повѣрочныхъ испытаній, бывшихъ во 2-й половинѣ августа 1880 г., представленъ въ Святѣйшій (инодѣ въ октябрѣ того же года.

педдіи и 1 студентъ (изъ воспитанниковъ Киевской Семинаріи) на лаврскую стипендію; слѣдовательно предоставлено пособіе 45 воспитанникамъ,—такимъ, которые оказались лучшими по повѣрочному испытанію. Въ это число вошли 24 воспитанника изъ прибывшихъ въ Академію по назначенію начальства и 21 явившихся по собственному желанію. Остальнымъ 7-ми принятымъ въ Академію воспитанникамъ (3 назнач. и 4 волонт.), хотя выдержавшимъ испытанія удовлетворительно, но съ меньшимъ сравнительно успѣхомъ, предоставлено проходить академическій курсъ на своемъ содержаніи. Сверхъ того *принятъ въ число своекоштныхъ* студентовъ *одинъ священникъ изъ Грузіи* (сынъ причетника изъ дворянъ Горійскаго уѣзда Тифлисской губерніи). Хотя онъ имѣетъ одинъ неудовлетворительный баллъ и не держалъ испытанія по древнимъ языкамъ, но *принятъ Совѣтомъ въ Академію по снисхожденію къ особымъ обстоятельствамъ его, какъ грузина и окончившаго курсъ въ Тифлисской духовной Семинаріи до преобразованія, когда въ ней не преподавались древніе языки.*

По сформированіи перваго курса, который, по введеніи новаго устава, есть двѣнадцатый, въ Академіи въ началѣ отчетнаго года считалось во всѣхъ четырехъ курсахъ ея 166 студентовъ.

Студенты распредѣлялись: а) по курсамъ: въ IV курсѣ 33, въ III курсѣ 31, во II курсѣ 46 и въ I курсѣ 56; б) по національностямъ: 164 русскихъ и 2 болгарина; в) по состояніямъ: изъ 164 русскихъ студентовъ 2 крестьянскаго сословія, 2 дѣти чиновниковъ, 2 дѣти служащихъ въ духовныхъ училищахъ, а прочіе 158 студентовъ—дѣти священно-и церковно-служительскія, изъ коихъ двое состоятъ сами въ священническомъ санѣ, полученномъ ими до поступленія въ Академію; изъ иностранцевъ одинъ (Станиміровъ) сынъ священника, а другой (Крестевъ), состоящій въ санѣ архимандрита, сынъ городскаго жителя; г) по средствамъ *содержанія*: казеннокоштныхъ 144, своекоштныхъ 10 и стипендіа-

товъ 12 (10 русскихъ и 2 иностранца). Стипендіи, которыми пользовались 12 студентовъ Академіи, двухъ родовъ: 1) десять постоянныхъ, учрежденныхъ при Киевской Академіи, именно: семь юбилейныхъ, учрежденныхъ по Высочайшему повелѣнію въ 1869 году на счетъ духовно-учебнаго капитала по случаю 50-лѣтія Академіи при дѣйствіи устава изд. въ 1814 году, а три стипендіи частныхъ лицъ или учреждений: одна—на проценты съ капитала, пожертвованнаго Высокопреосвящ. Арсеніемъ б. митрополитомъ Киевскимъ, другая на проценты съ капитала, пожертвованнаго вдовою штабсъ-капитана Варв. Андр. Львовою, и третья Киево-Печерскою Лаврою, въ память 4 апрѣля 1866 года, отпускаемая ежегодно наличными деньгами; 2) стипендіи единовременныя—для иностранныхъ воспитанниковъ Академіи изъ славянъ и другихъ единовѣрныхъ племенъ востока, по мѣрѣ надобности отпускаемая по особому каждый разъ разрѣшенію Св. Синода изъ суммъ духовно-учебнаго вѣдомства, назначенныхъ на сей предметъ. Существуютъ при Академіи еще пять постоянныхъ стипендій, но въ отчетномъ году оставались свободными, именно: а) 3 стипендіи юбилейныхъ, такъ какъ учреждено 10 такихъ стипендій и 3 изъ нихъ подлежатъ замѣщенію при слѣдующемъ пріемѣ; б) 2 стипендіи, учрежденныя Киевскимъ городскимъ обществомъ по случаю 50-лѣтняго юбилея 28 сентября 1869 года и отпускаемыя изъ Киевской Городской Управы, для учащихся въ Академіи изъ дѣтей Киевскихъ гражданъ. Со времени учрежденія сихъ стипендій былъ въ Академіи одинъ студентъ изъ Киевскихъ мѣщанъ, воспользовавшійся одною изъ этихъ стипендій. Всѣ стипендіи—по 200 рублей каждая, но двѣ послѣднія въ 250 рублей. Сверхъ того при Киевской Академіи на завѣщанный ей заслуж. орд. проф. Казанской Академіи Н. П. Соколовымъ капиталъ 10,000 руб., обращенный въ 5% облигаціи Восточныхъ займовъ на номинальную сумму 11,000 руб., учреждаются три стипендіи, изъ коихъ двѣ по 200 руб., а третья въ 150 руб.

Студенты первыхъ трехъ курсовъ распредѣлялись:

	въ курсахъ			всего.
	I	II	III	
а) по отдѣленіямъ:				
богословскому	16	14	8	38
церковно-историческому	22	18	12	52
церковно-практическому	18	14	11	43
б) по изученію новыхъ языковъ:				
нѣмецкаго	44	32	—	76
французскаго	12	14	—	26
англійскаго	5	5	—	10

Изъ 5 студентовъ I курса, записавшихся на англійскій языкъ, четверо слушаютъ и уроки нѣмецкаго языка, а одинъ—французскій; изъ 5 студентовъ II курса, изучающихъ англійскій языкъ, трое слушаютъ и уроки французскаго языка, а двое—уроки нѣмецкаго языка.

Что касается 33 студентовъ IV курса, то они распредѣлялись по установленнымъ 9 группамъ наукъ, свободно избираемыхъ для спеціальнаго изученія съ цѣлью приготовленія съ одной стороны къ магистерскому испытанію, а съ другой—къ преподаванію ихъ въ семинаріяхъ: въ 1-ой группѣ по священному писанію ветхаго и новаго завета съ еврейскимъ языкомъ 1 студентъ; во 2-й группѣ по основному, догматическому и нравственному богословію было 4 студента; въ 3-й по пастырскому богословію, гомилетикѣ, литургикѣ и церковному праву—2 студента; въ 4-й по всеобщей церковной исторіи и исторіи русской церкви—2; въ 5-й по всеобщей и русской гражданской исторіи съ исторіей русской церкви—9; въ 6-й по словесности, исторіи литературы, логикѣ съ пастырскимъ богословіемъ—4 и съ гомилетикой—1; въ 7-й по психологіи, исторіи философіи и педагогикѣ съ основнымъ богословіемъ—2 и съ исторіей русской церкви—1; въ 8-й по греческому языку съ основнымъ богословіемъ—2, съ догматическимъ богословіемъ—1 и съ пастырскимъ богословіемъ—1; въ 9-й по латинскому языку съ

основнымъ богословіемъ—1, съ исторіей русской церкви—1 и съ пастырскимъ богословіемъ—1.

Въ теченіи учебнаго года въ составѣ учащихся произошли слѣдующія перемѣны:

1) *Переведены* въ началѣ учебнаго 1880/81 года *въ высшіе курсы*, именно во II курсъ 3 студента I курса историческаго отдѣленія, оставленные въ концѣ предыдущаго учебнаго года безъ перевода до сдачи ими испытанія или подачи сочиненія: Дав. Аладовъ, Феодоръ Дороновичъ и Илар. Зилитинкевичъ.

2) *Перечислены* по прошеніямъ а) изъ *своекоштныхъ въ казеннокоштные* студенты: 1 курса Василий Павлиновъ, Конст. Бречкевичъ, Ник. Палецкій съ 1 сентября 1880 года, Дим. Ястребовъ 28-го ноябрю того же года, Ник. Лашковъ 29 января 1881 года и священ. А—ръ Кавкасидзе съ 15 августа того же года; II курса Ил. Зилитинкевичъ 29 мая 1881 года; б) изъ *казеннокоштныхъ въ своекоштные* — студенты III курса Мих. Гиввушевъ и Мих. Боголюбовъ, по случаю вступленія ихъ въ бракъ, съ уплатою денегъ и за прежніе годы ихъ казеннаго содержанія; студенты II курса Пав. Трезвинскій и Леонтій Яциевскій съ іюля 1881 года по усмотрѣнію Совѣта; в) съ богословскаго на *церковно-историческое* отдѣленіе студ. I курса Анд. Дагаевъ съ 24 октября 1880 года; г) изъ класса *изучающихъ нѣмецкій языкъ на классъ занимающихся французскимъ языкомъ* студ. I курса Вас. Скворцовъ съ 24 октября 1880 года.

3) *Освобождены отъ класса греческаго языка* студенты II курса грузинъ Дав. Аладовъ, болгарскіе уроженцы Евѳимій Крестевъ (архим.) и Ст. Станимировъ по указу Св. Синода отъ 15 сентября 1880 года за № 3363 и студентъ I курса грузинъ свящ. А. Кавкасидзе по указу отъ 7 ноября 1880 года за № 4335.

4) *Поступилъ въ Киевскую Академію на I курсъ* по богословскому отдѣленію 24 октября 1880 года болгаринъ Георгій Кандиларовъ изъ студентовъ Московской дух. Академіи того

же курса и отдѣленія, съ сохраненіемъ за нимъ стипендіи, назначенной ему по сей Академіи.

5) *Выбыли изъ Академіи:* а) на одинъ учебный годъ для поправленія разстроеннаго здоровья казеннокоштный студентъ I курса историческаго отдѣленія *Мих. Тифловъ* 24 апрѣля 1881 г.; б) *уволены вовсе по прошенію* изъ I курса: своекоштный студентъ церковно-практическаго отдѣленія *Вас. Виноградовъ* 24 октября 1880 года и изъ II курса казеннокоштный студентъ богословскаго отдѣленія *Ив. Равицкій* 23 января 1881 г.; в) *уволены безъ прошеній* двое: одинъ студентъ I курса историческаго отдѣленія *Андрей Дагаевъ* и одинъ III курса того же отдѣленія *Филар. Ненадкевичъ* 24 апрѣля 1881 г.; г) одинъ умершій студентъ II курса историческаго отдѣленія *Апеллій Богдашевскій* (казеннокоштный) 19 декабря 1880 года.

За означенными перемѣнами, *предъ открытіемъ годовыхъ испытаній* (въ концѣ апрѣля 1881 г.), изъ 166 студентовъ въ Академіи состояло *всѣхъ 161*, а по окончаніи *сихъ испытаній*, о которыхъ ниже будетъ сказано особо, вслѣдствіе выпуска изъ Академіи *34 воспитанниковъ* окончившихъ курсъ (33 полный четырехлѣтній и 1 трехлѣтній), къ концу отчетнаго года, или къ 15 августа 1881 года, *осталось 127 студентовъ*.

Б) Нравственное и физическое состояніе учащихся въ Академіи.

Учащіеся въ Академіи вообще вели себя благоприлично и исполняли установленныя для нихъ правила. Изъ ежемѣсячныхъ Совѣту Академіи донесеній инспектора оказывается, что въ теченіи минувшаго учебнаго года не было замѣчено за студентами важныхъ проступковъ, кромѣ трехъ случаевъ нарушенія правилъ академическаго общежитія студентами, о которыхъ инспекторъ нашелъ нужнымъ донести Совѣту. Такимъ образомъ уклоненія отъ дисциплинарныхъ правилъ не только инспекторомъ Академіи принимались во вниманіе при оцѣнкѣ поведенія студентовъ балломъ въ годичной вѣдомости, но и Совѣтомъ Академіи обсуждались.

Виновные въ нихъ студенты подвергались выговору со стороны Совѣта, а одинъ студентъ III курса уволенъ изъ Академіи безъ прошенія. Изъ отпусковъ на вакаціонное или праздничное время студенты возвращались въ срокъ, а при невозможности сего своевременно извѣщали инспектора и доставляли свидѣтельства о причинѣ неявки; но одинъ студентъ I курса за неявку въ Академію изъ отпуска въ срокъ по неизвѣстной причинѣ былъ признанъ выбывшимъ изъ Академіи по истеченіи недѣли послѣ срока, на основаніи указа Св. Синода отъ 1го/16 ноября 1877 года за № 1738; и хотя чрезъ два мѣсяца онъ явился, но, за непредставленіемъ уважительнаго свидѣтельства о законной причинѣ неявки въ срокъ, ему отказано въ обратномъ приѣмѣ въ число студентовъ Академіи.

Нравственное состояніе студентовъ (161), состоявшихъ въ Академіи до конца учебнаго года, точнѣе обозначится, если обратить вниманіе на то, что въ общихъ вѣдомостяхъ, представленныхъ Совѣту Академіи инспекторомъ ея въ концѣ учебнаго года, отмѣчены по поведенію студенты:

б а л л а м и:	I курса	II курса	III курса	IV курса	всѣхъ курсовъ.
5 (отлично)	45	40	27	33	145
4 (очень хорошо)	6	7	3	—	16
3 (хорошо)	—	—	—	—	—

Балла по поведенію ниже 4 за минувшій учебный годъ никто изъ студентовъ не получилъ.

Состояніе здоровья студентовъ вообще было удовлетворительно. Изъ общаго числа ихъ, доходившаго въ началѣ года до 166, въ теченіи года пребывали въ академической больницѣ 71 студентъ, изъ коихъ принадлежать: къ I курсу 26, ко II курсу 19, къ III курсу 13 и къ IV курсу 13. Изъ нихъ пробыли въ больницѣ:

отъ	1	до	5	дней	22	студентовъ,
"	6	"	10	"	14	"
"	11	"	20	"	12	"
"	21	"	30	"	8	"
"	31	"	40	"	3	"
"	41	"	50	"	3	"
"	51	"	60	"	3	"
"	61	"	70	"	1	"
		по	78	"	3	"
		"	90	"	1	"
		"	95	"	1	"
					<u>71</u>	

Означенное число дней студенты проживали въ больницѣ не въ одинъ разъ, но нѣкоторые поступали въ оную нѣсколько разъ. Поступившихъ въ теченіи года въ больницу только одинъ разъ было 43 студента, дважды 19, трижды 6 и четыре раза 3. Такимъ образомъ всѣхъ поступленій въ больницу въ теченіи учебнаго года было 111, которыя по мѣсяцамъ распредѣлялись такъ:

въ августѣ 1880г.	поступило	2	и къ сентябрю	оставалось	2,
въ сентябрѣ	поступило	11	выбыло	7	и осталось 6
" октябрѣ	"	15	"	13	" 8
" ноябрѣ	"	14	"	14	" 8
" декабрѣ	"	10	"	17	" 1
" январѣ 1881г.	"	20	"	13	" 8
" февралѣ	"	9	"	6	" 11
" мартѣ	"	16	"	19	" 8
" апрѣлѣ	"	4	"	9	" 3
" маѣ	"	8	"	6	" 5
" іюнѣ	"	2	"	7	" —
" іюлѣ	"	—	"	—	" —
		<u>111</u>		<u>111</u>	

Обыкновенно въ академическую больницу въ мѣсяцъ поступаютъ отъ 5 до 10 студентовъ, но въ октябрѣ, январѣ

и мартѣ поступило отъ 15 до 20 студентовъ. Это объясняется рѣзкими переменами погоды, располагавшими къ простудамъ. Изъ поступившихъ въ больницѣ въ теченіи года наибольшее число страдали простудными болѣзнями и разстройствомъ грудныхъ органовъ. Опасно больныхъ было трое; одинъ изъ нихъ Ац. Богдашевскій умеръ 19 декабря 1880 года.

Болѣе мѣсяца прожили въ больницѣ 15 студентовъ: *I курса* Алексѣй Кирилловичъ 47 дней, Евгеній Бекетовскій и Кир. Мацѣвичъ по 50 дней (всѣ трое въ два поступленія), Ив. Чарнецкій 55 дней и А—ръ Страшневичъ 78 дней непрерывно (въ одно поступленіе), Евг. Преображенскій 40 дней (въ 3 раза), Мих. Островидовъ 55 дней и Ник. Калихевичъ 60 дней (въ 4 раза); *II курса*—Давидъ Аладовъ 32 дня (въ 3 раза); *III курса*—Петръ Бородовскій 65 дней (въ одно поступленіе), Лаврентій Кузьминскій 36 дней, Василій Семовъ 95 дней (въ 3 раза) и Олимпъ Соколовъ 90 дней (въ 4 раза); *IV курса*—Мих. Орлинъ и Ив. Яновскій по 78 дней (въ два раза).

В) Учебныя занятія студентовъ.

Согласно съ 148 § уст. дух. акад., учебныя занятія студентовъ состояли въ слушаніи лекцій, въ составленіи сочиненій и приготовленіи къ годовымъ испытаніямъ.

Слушаніе лекцій занимало у студентовъ наибольшую часть учебнаго времени, отъ 9 часовъ утра до 2 часовъ по полудни ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, времени экзаменовъ и каникулъ. Въ это урочное время приходилось ежедневно выслушивать отъ 3 до 5 лекцій часовыхъ. Лекціи слушали: а) студенты *I курса* изъ общеобязательныхъ предметовъ по священному писанію ветхаго завіѣта, по психологіи, метафизикѣ, исторіи философіи, греческому языку и его словесности, латинскому языку и его словесности, по одному изъ новыхъ языковъ—французскому, или нѣмецкому, или англійскому; изъ спеціальныхъ предметовъ

студенты богословскаго отдѣленія—по патристикѣ и еврейскому языку; церковно-историческаго отдѣленія—по библейской исторіи и общей древней гражданской исторіи; церковно-практическаго отдѣленія—по теоріи словесности съ обзоромъ важнѣйшихъ литературъ, по русскому языку и славянскимъ нарѣчіямъ; б) студенты *II курса* по тѣмъ же общеобязательнымъ предметамъ, а изъ спеціальныхъ наукъ студенты богословскаго отдѣленія—по нравственному богословію, патристикѣ и библейской археологіи; церковно-историческаго отдѣленія—по древней общей церковной исторіи, новой общей гражданской исторіи и русской гражданской исторіи; церковно-практическаго отдѣленія—по гомилетикѣ, литургикѣ, исторіи русской литературы и славянскимъ нарѣчіямъ; в) студенты *III курса* слушали лекціи изъ общеобязательныхъ предметовъ по священному писанію новаго завіѣта, основному богословію, метафизикѣ, педагогикѣ и по языкамъ греческому и латинскому съ ихъ словесностію; изъ спеціальныхъ наукъ студенты богословскаго отдѣленія—по догматическому и сравнительному богословію; церковно-историческаго отдѣленія—по общей новой церковной исторіи, по исторіи русской церкви, по исторіи и обличенію русскаго раскола; церковно-практическаго отдѣленія—по пастырскому богословію, литургикѣ и церковному праву. Каждый изъ поименованныхъ предметовъ прослушанъ въ полномъ составѣ, или отдѣльнѣ его, что показано въ той части отчета, въ которой излагаются свѣдѣнія „объ учебной дѣятельности преподавателей Академіи“. Что касается до студентовъ *IV курса* Академіи, то они 1) посѣщали лекціи по избранной ими группѣ предметовъ; 2) подъ руководствомъ наставниковъ вели какъ спеціальное изученіе избранныхъ ими наукъ чрезъ ознакомленіе, по возможности, съ источниками и литературой каждой науки въ видахъ сдачи магистерскаго испытанія, такъ и приготовленіе къ преподаванію въ семинаріи тѣхъ же предметовъ въ порядкѣ программъ ихъ, одобренныхъ Учебнымъ Комитетомъ для

семинарій; 3) занимались разборомъ учебниковъ и пособій; и 4) упражнялись въ устномъ изложеніи уроковъ согласно съ требованіемъ семинарскаго преподаванія. Большею частію такіе уроки составляемы и произносимы были студентами во второй половинѣ учебнаго года; въ первой же половинѣ вниманіе студентовъ направлено было почти исключительно на специальное изученіе избранныхъ ими предметовъ. Кромѣ сего съ начала отчетнаго года отъ студентовъ IV курса требуется приготовленіе къ преподаванію въ духовныхъ училищахъ. Въ виду того, что на основаніи Высочайше утвержденнаго 9 декабря 1878 года опредѣленія Святѣйшаго Синода отъ 16/22 ноября того же года, оканчивающіе курсъ воспитанники духовныхъ академій распределяются нынѣ на преподавательскія должности какъ въ духовныхъ семинаріяхъ, такъ и въ духовныхъ училищахъ, и что практическое ознакомленіе студентовъ IV курса академій съ предметами, входящими въ курсъ духовныхъ училищъ, не менѣе важно для успѣховъ обученія въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ и практическія занятія по наукамъ, преподаваемымъ въ духовныхъ семинаріяхъ, указомъ Святѣйшаго Синода отъ 23 мая 1880 года за № 1991 обязываются студенты IV курса академіи, при ихъ практическихъ занятіяхъ въ этомъ курсѣ, знакомиться съ программами и планами преподаванія учебныхъ предметовъ въ училищахъ, съ одобренными Святѣйшимъ Синодомъ для выполненія сихъ программъ учебниками и учебными пособиями и съ другими постановленіями Святѣйшаго Синода, касающимися постановки учебной части въ духовныхъ училищахъ.

Составленіе сочиненій—другой предметъ занятій студентовъ, который въ I и II курсахъ былъ болѣе или менѣе въ связи съ классными занятіями, а въ III курсѣ стоялъ независимо отъ нихъ. На 1880/81 учебный годъ, по примѣру предыдущаго года, Совѣтъ Академіи назначилъ три сочиненія и, кромѣ того, студентамъ II и IV курса по одной проповѣди. Изъ назначенныхъ сочиненій студенты I курса написали

два по общеобязательнымъ предметамъ: 1-е по классической филологіи и 2-е по психологіи; а 3-е по спеціальнымъ наукамъ въ каждомъ отдѣленіи: въ богословскомъ по патристикѣ, въ церковно-историческомъ по древней всеобщей гражданской исторіи и въ церковно-практическомъ по словесности; студенты *II курса* написали 1-е сочиненіе по одному изъ общеобязательныхъ предметовъ—по исторіи философіи и затѣмъ два сочиненія по спеціальнымъ наукамъ въ каждомъ отдѣленіи, именно: 2-е въ богословскомъ—по нравственному богословію, въ церковно-историческомъ по древней общей церковной исторіи, въ церковно-практическомъ—по литургикѣ; а 3-е въ богословскомъ отдѣленіи—по библейской археологіи, въ историческомъ—по русской гражданской исторіи и въ практическомъ—по славянскимъ нарѣчіямъ. Написанныя студентами *I курса* 155 сочиненій оцѣнены: 38 балломъ 5, 68 балломъ 4, 49 балломъ 3; а изъ 141 сочиненій студентовъ *II курса* отмѣчены: 43 балломъ 5, 64 балломъ 4, 22 балломъ 3, 11 балломъ 2 и 1 балломъ 1 (сочиненіе иностранца по исторіи философіи). Изъ 47 проповѣдей, написанныхъ студентами *II курса*, оцѣнены: 11 балломъ 5, 24 балломъ—4 и 12 балломъ—3. Студенты *III курса* обязаны были представить не позже 1-го апрѣля 1881 года одно сочиненіе на степень кандидата, требуемое 136 § уст. дух. акад. Двое изъ нихъ *Сем. Рудинскій* и *Вас. Терпиловскій* за болѣзнію не представили кандидатскаго разсужденія и по прошенію получили отсрочку для подачи его до 2-й половины августа; а 28 студентовъ съ означенною цѣлю написали и представили сочиненія на слѣдующія темы, объявленные имъ въ началѣ отчетнаго года:

а) Богословскаго отдѣленія: 1) *Матвѣй Соколовъ* на тему „Самуилъ, какъ пророкъ и вождь еврейскаго народа“; 2) *Алексѣй Соколовъ* на тему „Ученіе откровенія и церкви о таинствахъ покаянія“; 3) *Алексѣй Меньшовъ* на тему „Ученіе блаженнаго Августина о церкви“; 4) *Александръ Вишневъ* на тему „Вѣтхозавѣтныя свидѣтельства въ евангеліи отъ Іоан-

на“; 5) *Евѣлмій Красинъ* на тему „Сказанія евангелистовъ о времени совершенія святой вечери и днѣ смерти Спасителя“; 6) *Филимонъ Мироновичъ* на тему „Послѣдовательное изложеніе ученія, заключающагося въ 1-мъ посланіи св. ап. Іоанна“; 7) *Михаилъ Боголюбовъ* на тему „Антропологическая и сотеріологическая части догматики Меланхтона“; и 8) *Петръ Бородавскій* на тему „Нравственное ученіе св. Амвросія Медиоланскаго“.

б) Церковно-историческаго отдѣленія: 1) *Николай Булатовъ* на тему „Епархіальныя архіереи Московскаго государства въ періодъ патріаршества“; 2) *Петръ Смирновъ*— „О состояніи русской церковной жизни въ царствованіе императора Александра І-го“; 3) *Теодоръ Царевскій*—„Кипріанъ митрополитъ Кіевскій“; 4) *Олимпъ Соколовъ*—„Варлаамъ Шишацкій, архіепископъ Могилевскій“, 5) *Михаилъ Гнѣвушевъ*—„Очеркъ исторіи Александрійской церкви со времени завоеванія Египта Мусульманами до настоящаго времени“; 6) *Николай Лебедевскій*—„Митр. Паисій Лигаридъ и его пребываніе въ Россіи“; 7) *Лавренцій Кузьминскій*—„Исторія перехода западно-русскихъ дворянскихъ фамилій въ католицизмъ и унію въ XVI и XVII в.“; 8) *Николай Знаменскій*—„Устройство католической церкви при Каролингахъ“; 9) *Романъ Глухаревъ*—„Максимъ Грекъ и русскій расколъ“ и 10) *Григорій Апраксинъ*—„Богословскіе вопросы въ Константинопольской церкви XII вѣка“.

в) Церковно-практическаго отдѣленія: 1) *Стефанъ Чижевскій* на тему „Феликсъ, французскій проповѣдникъ времени второй имперіи“; 2) *Василій Березинъ*—„Современное состояніе русской церковной проповѣди, ея достоинства, недостатки и потребности“; 3) *Василій Знаменскій*—„Ecclesiastes sive concionator evangelicus—Эразма Роттердамскаго“; 4) *Василій Семовъ*—„Борьба русской церковной проповѣди второй половины прошлаго столѣтія противъ антирелигіознаго направленія того времени“; 5) *Павель Чистосердовъ*—„Греко-римскія и отечественныя законоположенія о штатахъ

церковнаго клира“; 6) *Павелъ Холуйскій*—„Церковное землевладѣніе съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича“; 7) *Георгій Молчановскій*—„Сборникъ житій святыхъ западно-русской редакціи 1397 года“; 8) *Георгій Соколовъ*—„Историко-критическій очеркъ отношеній русскаго реализма 60-хъ годовъ къ искусству, съ богословской точки зрѣнія“; 9) *Яковъ Горожанскій*—„Хожденіе архимандрита Гребеня въ святую землю“; 10) *Епифаній Нестеровскій*—„Исторія праздника Пасхи“.

Всѣ эти сочиненія студентами представлены въ апрѣлѣ и маѣ, такъ что къ предпоследнему предъ каникулами засѣданію Совѣта Академіи 10 іюня Отдѣленія внесли въ Совѣтъ рецензіи преподавателей и свои заключенія объ этихъ сочиненіяхъ, какъ диссертацияхъ на степень кандидата. Совѣтъ Академіи, согласно съ рецензіями г.г. преподавателей и съ заключеніями подлежащихъ Отдѣленій, призналъ всѣ 28 сочиненій удовлетворительными для степени кандидата. Нѣкоторыя изъ поименованныхъ сочиненій, отличающіяся серіозною разработкою и интересомъ предмета, г.г. рецензентами рекомендованы для печатанія въ академическомъ журналѣ по примѣру прежнихъ лѣтъ.

Для поощренія студентовъ III курса къ лучшей обработкѣ составляемыхъ ими сочиненій на степень кандидата богословія существуетъ при Киевской Академіи, какъ и при другихъ трехъ духовныхъ академіяхъ, премія въ 165 рублей, назначенная, по положенію о ней, за лучшее кандидатское сочиненіе и выдаваемая автору его по окончаніи курса Академіи. Эта сумма, составляющая третью часть ежегодно получаемыхъ Хозяйственнымъ Управленіемъ при Святѣйшемъ Синодѣ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго бывшимъ Литовскимъ митрополитомъ *Іосифомъ*, высылается въ каждую Академію три года къ ряду, а въ четвертый не отпускается: такъ какъ учреждено только три преміи и распределяются ежегодно на четыре Академіи. Назначенная по смѣтѣ Киевской Академіи на 1880 годъ эта премія Совѣтомъ Академіи

присуждена одному изъ окончившихъ курсъ ученія въ томъ году кандидату *Ник. Оаворову* за сочиненіе его „Книга Пѣснь Пѣсней“.

Кромѣ обычныхъ или рядовыхъ сочиненій, *студентамъ всѣхъ курсовъ* въ началѣ учебнаго года *объявляются темы*, одобренныя Совѣтомъ Академіи по представленію трехъ Отдѣленій, на три *Евгеніе-Румянцевскія преміи*, въ 100 руб. каждая, учрежденныя на счетъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго въ Киевскую Академію графомъ Румянцевымъ и митрополитомъ Евгеніемъ на вознагражденіе тѣхъ изъ воспитанниковъ Академіи, которые лучше опредѣляютъ или объясняютъ какую либо древность изъ области русской церковной или политической жизни. Въ отчетномъ году при іюльской и августовской книгахъ „Трудовъ Киев. дух. Академіи“ напечатано сочиненіе на тему: „Описаніе рукописей Почаевской Лавры, хранящихся въ библіотекѣ Музея при Киевской дух. Академіи“, написанное студентомъ III курса *Василіемъ Березинымъ* и церковно-практическимъ отдѣленіемъ признанное заслуживающимъ искомой преміи, которая и имѣетъ быть выдана Совѣтомъ Академіи. Предъ каникулами сего года въ церковно-практическое отдѣленіе студентомъ II курса *Георгіемъ Булашевымъ* представлено сочиненіе на соисканіе Евгеніе-Румянцевской преміи подъ заглавіемъ: „Мѣсяцесловы святыхъ при рукописныхъ богослужебныхъ книгахъ Церковно-археологическаго Музея (при Киевской духовной Академіи)“. Коммиссія церковно-практическаго отдѣленія, по разсмотрѣніи означеннаго сочиненія и по выслушаніи подробнаго отзыва о немъ профессора Петрова, признало его заслуживающимъ Евгеніе-Румянцевской преміи. Но, прежде присужденія ея, Совѣтъ, на основаніи положенія объ Евгеніе-Румянцевскихъ преміяхъ, постановилъ напечатать это сочиненіе при академическомъ журналѣ.

Приготовленіе къ испытаніямъ—третій, не менѣе важный, предметъ занятій студентовъ. Слушая въ теченіи года лекціи ежедневно и изготовляя срочныя сочиненія, студенты

приготавливались къ испытаніямъ годовымъ, которыя, по положенію объ испытаніяхъ на ученыя степени и званіе дѣйствительнаго студента, считаются окончательными и принимаются во вниманіе при опредѣленіи студентамъ ученой степени. Приготовленіе это состояло въ чтеніи печатныхъ системъ или руководствъ по той или другой наукѣ, если таковыя существуютъ, или записокъ, составляемыхъ студентами со словъ преподавателей, и въ воспроизведеніи выслушанныхъ лекцій при помощи программъ или конспектовъ, сдаваемыхъ самими преподавателями.

Г) Годовыя испытанія студентовъ.

По расписанію, утвержденному Высокопреосвященнымъ Филареемъ митрополитомъ Кіевскимъ, годовыя испытанія произведены съ 27 апрѣля по 5 іюля 1881 года въ особыхъ испытательныхъ комиссіяхъ, изъ коихъ ежедневно дѣйствовали три или двѣ и только въ нѣкоторые дни одна. Въ отчетномъ году при производствѣ испытаній соблюдались тѣ же правила, какія и въ предшествовавшіе годы. *Къ началу юдичныхъ испытаній* состояло на лицо 161 студентъ. Результаты испытаній таковы:

Студенты IV курса, въ числѣ 33, подвергались установленному испытанію по группамъ наукъ, которыя, по переводѣ въ этотъ курсъ, избраны были ими для спеціальнаго изученія съ цѣлью приготовленія къ магистерскому испытанію. Именно держали и сдали испытаніе ¹⁾: а) 28 апрѣля по священному писанію и еврейскому языку Иларіонъ Балабушевичъ удовлетворительно; по богословію основному, догматическому и нравственному Иванъ Олесницкій, Николай

¹⁾ Въ семь отчетѣ, какъ и за прежніе годы, приводятся полные списки студентовъ только двухъ послѣднихъ курсовъ—III и IV, такъ какъ только вышедшіе изъ Академіи по окончаніи сихъ курсовъ пользуются правами академическаго образованія. Студенты IV курса выходятъ со степенью кандидата, а студенты III курса, въ случаѣ выпуска, получаютъ званіе дѣйствительнаго студента Академіи. Списокъ студентовъ III курса находится выше на стр. 379—381.

Дубровский, Александръ Бумаковъ и Инатій Чемена удовлетворительно; б) 29 апрѣля по пастырскому богословію, гомилетикѣ, литургикѣ и каноническому праву *Михаилъ Чепикъ* (сынъ крестьянина) и *Николай Стасиневичъ* удовлетворительно; в) 29 и 30 апрѣля по словесности, исторіи литературы и логикѣ—съ пастырскимъ богословіемъ *Егоръ Ливотовъ, Константинъ Тимковский, Василій Пащевскій* удовлетворительно, а *Иванъ Копаневичъ* неудовлетворительно, и съ гомилетикою *Владиміръ Тиминскій* удовлетворительно; г) 2-го мая по всеобщей церковной исторіи и исторіи русской церкви *Павелъ Петрушевскій* и *Стефанъ Ефимьевъ* удовлетворительно; д) 4 и 5 мая по всеобщей и русской гражданской исторіи и по исторіи русской церкви *Алексій Бурневскій, Аристархъ Саббатовскій, Михаилъ Орминъ, Николай Любарскій, Константинъ Доброловскій* и *Ананія Балковскій* удовлетворительно, а *Павелъ Марковский, Павелъ Лукьяновичъ* и 28 мая *Николай Хойнацкій* неудовлетворительно; е) 7 мая по психологіи, исторіи философіи и педагогикѣ—съ основнымъ богословіемъ *Аристархъ Бутовскій* и *Петръ Калачинскій* удовлетворительно,—съ исторіею русской церкви *Семенъ Треубовъ* удовлетворительно; ж) 11 мая по латинскому языку съ исторіею русской церкви *Николай Мариаритовъ* и съ пастырскимъ богословіемъ *Андрей Балановскій* удовлетворительно, по этому же языку *Алексій Майерановъ* удовлетворительно, а по основному богословію неудовлетворительно; з) 12 мая по греческому языку съ основнымъ богословіемъ *Алексій Мирожинъ, Димитрій Серединскій*,—съ пастырскимъ богословіемъ *Константинъ Билецкій* и съ догматическимъ богословіемъ 28 мая *Иванъ Яновскій* удовлетворительно. Общій результатъ спеціальныхъ испытаній тотъ, что 28 студентовъ выдержали оныя удовлетворительно, а пятеро—неудовлетворительно. Въ 33 студента IV курса, на основаніи учебныхъ ихъ успѣховъ въ теченіи четырехъ лѣтъ академическаго курса и особаго разсужденія на ученую степень, представленнаго ими при переходѣ въ этотъ курсъ, по опредѣленію Совѣта

Академіи отъ 29 мая сего 1881 года, утвержденному 3 августа того же года Преосвященнымъ Іоанномъ, управляющимъ Кіевскою епархіею, *удостоены степени кандидата богословія*, съ тѣмъ различіемъ, что 28 выдержавшихъ удовлетворительно магистерское испытаніе могутъ получить, по 141 § уст. дух. акад., степень магистра безъ новаго устного испытанія по представленіи и публичномъ защищеніи магистерской диссертациі. Всѣ эти воспитанники, какъ окончившіе полный 4-хлѣтній курсъ, *выпущены изъ Академіи*. Двое изъ нихъ—своекоштные; а 31 казеннокоштные поступили въ распоряженіе Центрального Управленія духовнаго вѣдомства для опредѣленія ихъ на службу въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ; но одинъ изъ нихъ—Андрей Балановскій, на основаніи 185 § уст. о воин. пов., предварительно поступилъ въ военную службу, какъ вольноопредѣляющійся, и, по отбытіи воинской повинности, имѣетъ отслужить обязательный срокъ по духовно-учебному вѣдомству.

Студенты III курса, въ числѣ 30, сдали испытаніе по всѣмъ предметамъ этого курса; но изъ нихъ 28 получили всѣ баллы удовлетворительные отъ 3 до 5, а двое—балль 2 по священному писанію, по которому за первые два курса они имѣютъ удовлетворительные баллы. По сведеніи балловъ III курса, вмѣстѣ съ баллами двухъ предшествовавшихъ годовъ, въ общую табель, оказалось, что всѣ 30 студентовъ по успѣхамъ въ наукахъ за три года, равно и по семестровымъ сочиненіямъ за два первые курса, имѣютъ въ среднемъ выводѣ не менѣе 4 и ни по одному предмету менѣе 3; но изъ нихъ въ теченіе III курса написали на степень кандидата разсужденія, признанныя удовлетворительными для этой степени отъ подлежащихъ Отдѣленій Академіи, 28 студентовъ, а два студента, хотя имѣютъ также въ общемъ среднемъ выводѣ вполнѣ удовлетворительный балль, за болѣзнію своею не представили кандидатскихъ сочиненій и для подачи ихъ получили отсрочку до 2-ой половины августа. Такъ какъ, по 11 § утвержденного Святѣйшимъ Синодомъ въ августѣ 1874

года положенія объ испытаніяхъ на ученыя степени, для перевода въ IV курсъ требуется отъ студентовъ и по общеобязательнымъ и по спеціальнымъ предметамъ академическаго курса въ среднемъ выводѣ за три года не менѣе 4 и ни по одному предмету менѣе 3; то 27 студентовъ III курса, которые имѣютъ вполнѣ удовлетворительные баллы и сочиненія которыхъ признаны удовлетворительными для полученія степени кандидата, *переведены въ IV курсъ*. А одинъ студентъ Лаврентій Кузьминскій, удовлетворившій условіямъ для перевода въ IV курсъ, но подавшій прошеніе объ увольненіи его изъ Академіи, *выпущенъ изъ оной съ аттестатомъ на званіе дѣйствительнаго студента*, на основаніи 136 § уст. дух. акад., и, какъ казеннокоштный воспитанникъ, назначенъ на службу по духовно-учебному вѣдомству.

Изъ 47 студентовъ II курса сдали устные испытанія по всѣмъ десяти предметамъ этого курса и написали положенныя три семестровыя сочиненія 40 студентовъ, изъ которыхъ 24 получили всѣ удовлетворительные баллы отъ 3 до 5, а 16 студентовъ, имѣя таковыя же баллы по большей части наукъ, получили неудовлетворительный баллъ 2 по нѣкоторымъ предметамъ изъ числа общеобязательныхъ; но *всѣ 40 студентовъ*, окончившіе годовыя испытанія, имѣютъ въ среднемъ выводѣ отъ 3 до 4¹/₂, кромѣ одного иностранца, и *переведены въ III курсъ*. Остальные 7 студентовъ II курса не выполнили всѣхъ требованій этого курса: одинъ не держалъ экзамена по священному писанію ветхаго завіта, а шестеро не представили сочиненій; но всѣ 7 получили отсрочку до 2-ой половины августа.

Изъ 51 студентовъ I курса держали устные испытанія по всѣмъ девяти предметамъ этого курса и написали три положенныя сочиненія 48 студентовъ, изъ которыхъ 34 получили всѣ удовлетворительные баллы отъ 3 до 5, а 14 студентовъ, имѣя таковыя баллы, получили неудовлетворительный баллъ 2 по нѣкоторымъ предметамъ изъ числа общеобязательныхъ; но *всѣ 48 студентовъ*, окончившихъ

испытанія, имѣють въ среднемъ выводѣ отъ 3 до 4¹/₂, кромѣ одного грузинскаго уроженца, и переведены во II курсъ. Затѣмъ 1 студентъ не представилъ третьяго сочиненія, а 2 студента не держали испытанія по шести предметамъ.

По окончаніи годовичныхъ испытаній, изъ 161 студентовъ, за выпускомъ 1 окончившаго трехлѣтній курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и 33 окончившихъ полный 4-лѣтній курсъ со степенью кандидата, *осталось въ Академіи къ началу 1881¹/₂ учебнаго года* студентовъ: а) переведенныхъ въ IV курсъ 27, въ III курсъ 40 и во II 48; б) оставленныхъ безъ перевода до сдачи испытаній или до подачи сочиненій въ началѣ слѣдующаго учебнаго года: 2 студента III курса, 7 студентовъ II курса и 3 студента I курса, а всего 127 студентовъ.

Сверхъ того вмѣстѣ съ студентами I, II и III курсовъ по всѣмъ общеобязательнымъ предметамъ и по специальнымъ наукамъ богословскаго отдѣленія держалъ на степень кандидата богословія испытаніе, на основаніи 37 и 38 §§ особаго положенія, дѣйствительный студентъ Кіев. дух. Академіи *Мих. Бяляевъ*, выпущенный изъ оной въ іюнѣ 1877 г. и состоящій помощникомъ смотрителя Тульскаго духов. Училища. Такъ какъ онъ сдалъ всѣ испытанія вполнѣ удовлетворительно (§ 11 и 41 полож.), а сочиненіе его на кандидатскую степень еще прежде признано удовлетворительнымъ; то и удостоенъ искомой степени кандидата богословія.

III.

Учебно - вспомогательныя учрежденія при Академіи.

Для ученой и учебной дѣятельности своей Кіевская духовная Академія имѣетъ два вспомогательныя учрежденія: библіотеку и церковно-археологическій музей.

А) БИБЛИОТЕКА.

Въ академической библіотекѣ къ началу отчетнаго года, или къ 15 августа 1880 года, состояло:

1) книгъ и брошюръ: 15358 названій въ количествѣ 38476 томовъ;

2) періодическихъ изданій 244 названія,

3) рукописей 540,

4) актовъ и грамотъ 78,

5) атласовъ и картъ 254,

6) учебниковъ 206 названій въ количествѣ 1383 экземпляровъ,

7) курсовыхъ рукописныхъ сочиненій студентовъ Академіи 820.

Въ такомъ составѣ библіотека академическая образовалась въ текущемъ столѣтіи, именно послѣ пожара 1811 года; но она содержитъ не мало замѣчательныхъ памятниковъ письменности и печати и удовлетворяетъ, по возможности, потребностямъ Академіи. Составъ библіотеки ежегодно пополняется. Обыкновенными способами увеличенія состава академической библіотеки въ отчетномъ году, какъ и въ предшествовавшіе годы, служили: а) покупка сочиненій и періодическихъ изданій на ежегодно ассигнуемую по штату на содержаніе библіотеки сумму 1600 рублей; б) полученіе ихъ въ даръ или обмѣнъ отъ разныхъ ученыхъ и учебныхъ учреждений и в) пожертвованія отдѣльныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ нельзя не упомянуть съ особою благодарностію объ англійскомъ миссіонерѣ Джемсѣ Лонгѣ, приславшемъ 95 книгъ разнаго содержанія на англійскомъ языкѣ, и о настоятелѣ церкви при Россійскомъ Императорскомъ Посольствѣ въ Вѣнѣ протоіерей М. Θ. Раевскомъ, пожертвовавшемъ въ Кіевскую Академію значительное собраніе старославянскихъ церковныхъ книгъ (39) какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ (въ томъ числѣ нѣсколько изданныхъ въ Венеціи въ XVI столѣтіи). Изъ Хозяйственного

Управленія при Св. Синодѣ получено собраніе старыхъ богослужебныхъ уніатскихъ книгъ: 28 для библіотеки и 31 для церковно-археологическаго музея.

Съ 15 августа 1880 года по 15 августа 1881 года поступило въ академическую библіотеку:

- 1) книгъ 249 названій въ количествѣ 431 томовъ; изъ этихъ книгъ 52 названія составляютъ продолженіе прежде полученныхъ изданій, а вновь поступило книгъ 197 названій;
- 2) періодическихъ изданій 12 названій,
- 3) учебниковъ 6 названій въ количествѣ 28 экземпляровъ.

4) курсовыхъ рукописныхъ сочиненій студентовъ, окончившихъ курсъ Академіи въ 1881 году,—28.

Сверхъ того въ библіотеку Академіи въ теченіи отчетнаго года поступали епархіальныя вѣдомости 41 епархіи отъ редакціи періодическихъ изданій Киевской духовной Академіи.

Къ концу отчетнаго года, или къ 15 августа 1881 года, въ академической библиотекѣ состоитъ:

- 1) книгъ и брошюръ: 15555 названій въ количествѣ 38907 томовъ;
- 2) періодическихъ изданій 256 названій,
- 3) рукописей 540,
- 4) актовъ и грамотъ 78,
- 5) атласовъ и картъ 254,
- 6) учебниковъ 212 названій въ количествѣ 1411 экземпляровъ,

7) курсовыхъ сочиненій студентовъ въ рукописяхъ 848

Въ продолженіи учебнаго 1880--81 года книгами, рукописями и журналами пользовались какъ преподаватели и другія штатныя должностныя лица Академіи, такъ и студенты ея—казеннокоштные и своекоштные. Книги выдаваемы были ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, и, по минованіи надобности, были возвращаемы въ библіотеку. Допускается пользованіе книгами академической

библіотеки для лицъ, состоящихъ въ другихъ учебныхъ или ученыхъ учрежденіяхъ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія Совѣта Академіи. Въ отчетномъ году такое разрѣшеніе дано преподавателю Кіевской духовной Семинаріи Як. Соколову, нуждающемуся въ нѣкоторыхъ книгахъ и рукописяхъ академической библіотеки при составленіи диссертациі на степень магистра богословія. Въ свою очередь и Академія обращалась къ другимъ книгохранилищамъ. Такъ, Совѣтъ Академіи выписывалъ для ученыхъ занятій профес. Петрова рукописи изъ Московскаго и Румянцевскаго Музеевъ.

Б) Цѣрковно-археологическій музей.

Музей открытъ при Академіи съ 3 ноября 1872 года вмѣстѣ съ Церковно-археологическимъ Обществомъ. Находясь при библіотекѣ Академіи, музей имѣетъ однако свои особые каталоги, въ которые отдѣльно вносятся предметы, какъ выдѣляемые въ музей изъ библіотеки Академіи безъ отчужденія отъ ея собственности, такъ и приобретаемые собственными средствами Общества. Но денежные ресурсы его очень скудны, ибо они образуются: а) изъ добровольныхъ взносовъ членовъ общества, б) изъ добровольныхъ же пожертвованій лицъ, сочувствующихъ цѣлямъ его, и наконецъ в) изъ небольшой платы (20 к.) за входъ въ музей, установленной въ декабрѣ 1878 года. Къ концу отчетнаго года, или къ 15 августа сего 1881 года, въ кассѣ общества состояло а) въ двухъ 5% облигаціяхъ 1-го восточнаго займа 1100 р. и б) наличными деньгами 100 р. 20 к., всего 1200 р. 20 к. Но не смотря на ограниченность денежныхъ средствъ общества, музей быстро растетъ, благодаря безплатной передачѣ ему предметовъ древности частными лицами и разными учрежденіями или обществами. Пожертвованія эти особенную цѣну имѣютъ для Церковно-археологическаго Общества потому, что на содержаніе музея не положено штатной суммы и что общество пока не имѣетъ своихъ достаточныхъ денежныхъ средствъ.

Изъ отчета Церковно-археологическаго Общества за 1880 годъ видно, что въ теченіи этого года поступило: а) въ музей разныхъ предметовъ 1951, въ библіотеку общества книгъ и брошюръ 90, что въ совокупности съ прежними поступлениями составляетъ 11084 №№. Затѣмъ съ января по 15-е августа 1881 года вновь поступило: а) въ музей разныхъ предметовъ 385, б) книгъ въ библіотеку общества 25, всего съ поступлениями прежнихъ годовъ 11494 №№. Въ настоящемъ составѣ своемъ музей уже представляетъ цѣнное и въ научномъ и въ матеріальномъ отношеніи пріобрѣтеніе и важное дополненіе къ библіотекѣ. Кромѣ того Августѣйшій Покровитель Общества, Его Императорское Высочество, Великій Князь Владиміръ Александровичъ разрѣшилъ Совѣту Императорской Академіи Художествъ передать всю коллекцію гипсовыхъ слѣпковъ съ древнихъ христіанскихъ храмовъ въ Крыму въ собственность Церковно-археологическому Обществу; но эта коллекція пока еще не получена.

Въ продолженіе всего 1880 года, за исключеніемъ канікулярнаго времени, и въ текущемъ году музей открытъ былъ по воскресеньямъ для членовъ общества, студентовъ Академіи и постороннихъ лицъ съ установленною платою. Стороннихъ посѣтителей музея въ 1880 году было до 300, изъ коихъ 200 было платныхъ посѣтителей. Съ января 1881 года по 15-е августа платныхъ посѣтителей было 185 и, кромѣ того, значительное число бесплатныхъ посѣтителей, преимущественно изъ воспитанниковъ и воспитанницъ учебныхъ заведеній. Изъ почетныхъ посѣтителей были: присутствующій въ Св. Синодѣ архіепископъ Рязанскій высокопреосвященный Палладій, оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ и сенаторъ А. А. Половцевъ. Въ видахъ удобства обозрѣнія предметовъ музея профессоромъ Петровымъ составленъ и Обществомъ изданъ „Указатель Церковно-археологическаго Музея“.

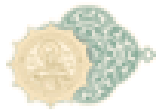
Из. Исаевъ.

О П Е Ч А Т К И.

На первой страницѣ сего *отчета* (или на 329 стран. сей книги) въ 14-ой строкѣ снизу ошибочно напечатано: 1869 г. Слѣдуетъ читать: 1819 г.

На 367 страницѣ въ 15-й (снизу) строкѣ напечатано: изъ 13 воспитанниковъ *духовныхъ семинарій*. Слѣдуетъ читать: воспитанниковъ изъ 13 *духовныхъ семинарій*.

ИЗВѢСТІЯ

**Церковно-археологическаго Общества при Кіев-
ской духовной Академіи.**

ЗА М. АВГУСТЪ, 1881 Г.

I.

Въ истекшемъ августѣ продолжала свою дѣятельность Коммиссія, образованная Церковно-археологическимъ Обществомъ для соображеній о предполагаемыхъ перестройкахъ въ Кіево-Софійскомъ кафедральномъ соборѣ, и производилось открытіе фресковыхъ изображеній въ Кіево-Кирилловской церкви, основанной въ XII вѣкѣ, по мнѣнію М. А. Максимовича, — княгиней Маріей Мстиславной, женой Всеволода Ольговича, дочерью Мстислава великаго, внукой Владиміра Мономаха, скончавшейся въ 1179 году. Въ настоящее время освобождены отъ штукатурки и промыты¹⁾ всѣ

¹⁾ Считаемо не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о способѣ открытія и промывки фресокъ. Для освобожденія ихъ отъ штукатурки употребляются скребки, молоточки, ножи деревянные и желѣзные, особенно мягкіе желѣзные съ тупымъ концомъ. Фрески первоначально очищаются терпентиномъ (скипидаромъ) и спиртомъ и промываются до трехъ разъ водой съ поташомъ (три ложки на полведра). Вода съ поташомъ имѣетъ свойство обнаруживать поблекнувшія растительныя краски, но на непродолжительное время. Чтобы удержать эти краски на долгое время, для этого, по промывкѣ ихъ поташомъ и просушѣ, покрываютъ фрески, до 5 и 6 разъ, солецикловою кислотой, или, что то же, жидкимъ стекломъ, для чего берется 10% этой кислоты, и въ нее впускается нѣсколько соды, для уничтоженія известковыхъ частицъ.

алтарныя фрески и нѣкоторыя изъ фресокъ въ самой церкви и въ трапезѣ, изъ коихъ весьма многія испещрены позднѣйшими надписями. Тѣ и другія, т. е. фрески и надписи, принадлежа къ разнымъ временамъ, иллюстрируютъ нѣсколько исторію этого храма, разореннаго въ XIII вѣкѣ татарами и возобновленнаго въ 1609 году, по волѣ князя Константина Константиновича Острожскаго, игуменомъ Василиемъ Кравсовскимъ—Чернобровцемъ.

Съ археологической точки зрѣнія фрески Кирилловскаго монастыря представляютъ тотъ интересъ, что въ нихъ мы имѣемъ немногочисленные остатки живописи XII вѣка. За исключеніемъ мозаическихъ изображеній въ алтарѣ большой церкви Михайловскаго монастыря, во всѣхъ остальныхъ древнихъ храмахъ кіевскихъ—фрески XI вѣка. Въ новооткрытыхъ фрескахъ—тѣже признаки старины, что и въ XI вѣкѣ. Но, по наблюденію профессора Прахова, открывающаго фрески, во многомъ есть своеобразный пошибъ. Лучше всего сохранились фрески въ абсидахъ (алтарныхъ полусводахъ), потому что здѣсь они больше всего защищены были отъ дѣйствія непогодъ. Въ абсидѣ главнаго алтаря, наверху ея, сдѣлано изображеніе Богоматери (Влахернской), длиною въ $7\frac{1}{2}$ аршинъ, въ молитвенномъ положеніи, съ поднятыми вверхъ руками. Это—тотъ же типъ, что въ Софійскомъ соборѣ; но обновители храма, не измѣнивъ ничего въ фигурѣ Богоматери, внесли одну подробность во вкусъ своего вѣка: Богоматерь представлена въ сонмѣ ангеловъ, лики которыхъ, очевидно, относятся къ позднѣйшему времени. Еще выше—изображеніе Св. Троицы въ стилѣ, можетъ быть, еще болѣе позднемъ. Подъ Богоматерью, по обычаю старины, изображеніе Тайной вечери; еще ниже—лики святителей. Особенный интересъ представляетъ правый алтарь, въ которомъ по стѣнамъ росписана жизнь св. Кирилла, а можетъ быть и св. Аѳанасія Александрійскихъ, послужившихъ разъясненію догмата о пресв. Троицѣ. Событія изъ жизни этихъ святителей изображены въ

шести ярусахъ. Изъ нихъ первый верхній почти совершенно испортился. Во второмъ ярусѣ два изображенія: на одномъ святитель изображенъ предъ какими-то вратами; на другомъ Святитель поучаетъ „люди“. Въ третьемъ ярусѣ двѣ фрески: „Сѣи Кюриль пишеть заповѣди Бжїю“ и „Сѣи Кюриль проповѣдаетъ правую вѣру“. Въ четвертомъ ярусѣ три фрески: „Сѣи Кюриль оучить црѣ“, „Сѣи Кюриль оучить въ сборѣ“, и третья безъ надписи, изображающая Святителя, подплывающаго съ людьми въ корабль къ берегу, на которомъ сидитъ какой-то человекъ. Въ пятомъ ярусѣ три фрески: Святитель „обличаетъ еретиковъ“, св. Кирилль испѣляетъ „бѣсноватыхъ“ и „Сѣи Бца благословляетъ Кюрила и Аѳанасїя“. Въ шестомъ ярусѣ—погребеніе св. Кирилла. Сравнимыя съ житіемъ св. Кирилла и богослужбными канонами ему, эти фрески не имѣютъ полного соотвѣтствія съ ними и въ значительной мѣрѣ самостоятельны по своему замыслу и выполнению.

Въ правомъ придѣлѣ трапезы открытъ портретъ игумена Кирилловскаго монастыря Василя Красовскаго—Чернобривца, возобновившаго монастырь въ 1609 году. Самая трапеза росписана картинами страшнаго суда. Одна изъ нихъ представляетъ лоно Авраама: сидящій Авраамъ держитъ въ своихъ объятіяхъ душу; къ нему толпятся другія души; на дальнемъ фонѣ—деревья. Это изображеніе представляетъ близкую аналогію съ такимъ же изображеніемъ въ Дмитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ на Клязьмѣ. Прямо противъ входа на трапезной стѣнѣ изображеніе 12-ти апостоловъ на двѣнадцати сѣдалищахъ. Не менѣе интереса представляютъ аркасоли въ трапезѣ: такъ называются ниши, сдѣланныя въ стѣнахъ. Обыкновенно въ нихъ ставились надгробія знатныхъ покойниковъ—здателей и благотворителей храма. Надгробія не сохранились, но въ самой землѣ должны быть гробы, вѣроятно каменные. Въ нишахъ открыты изображенія ангеловъ, а въ одной изъ нихъ, на лѣ-

вой сторонѣ трапезы, изображена какая-то царица. Всюду множество узоровъ въ старинномъ вкусѣ ¹⁾).

Изъ позднѣйшихъ надписей, выцарапанныхъ въ разныхъ мѣстахъ (графитовъ), болѣе древняя, не выполненная, сдѣлана въ пролетѣ среднего окна въ правомъ алтарѣ. Изъ позднѣйшихъ надписей мы разобрали до пятнадцати, которыя большею частію начертаны послѣ разоренія монастыря татарами и до возобновленія его въ 1609 году и не представляютъ собою большаго интереса. Это—или поминальныя записи, или надписи съ означеніями именъ посѣтителей, а иногда и времени посѣщенія ими храма. Для примѣра приведемъ нѣсколько такихъ надписей: 1) „Помени Гдѣ рабъ своихъ раба Божьего Фому, Оеонася, Марыны, Силуяна, Овдѣя, Петра..., мл. Кузму“; 2) „Зде былъ есмь монахъ Савинъ игоумень Жидачевскій“; 3) „Здѣсь былъ Григорій Пушкаръ обозный; 4) ...„Монастыря... оУнева Данилов... рок. 1593“ (1593); 5) „Иванъ Романовъ року 1594“ (1594), 6) „Stanislaw Skrzyszczinskiy Anno Domini 1598“; 7) Леонитъ инокъ Межигорскій року 1613“ (1613).

Кромѣ того, профессоромъ Праховымъ промыты фрески въ крещальнѣ, въ правомъ притворѣ Кіево-Софійскаго собора.

II.

Въ отчетномъ мѣсяцѣ августѣ въ Церковно-археологическое Общество, Музей и библіотеку его поступило:

А) Отъ Высокопреосвященнѣйшаго Палладія, архіепископа Рязанскаго и Зарайскаго, двадцать пять руб. (25 р.) серебромъ на нужды Общества.

Б) Отъ дѣйствительнаго члена Общества, профессора Кіевской духовной Академіи, протоіерея А. М. Воскресенскаго:

¹⁾ О фрескахъ Кирилловской церкви см. замѣтку въ Кіевской газетѣ „Трудъ“, 1881 г. № 61.

1. Вырѣзанный на камнѣ (опокѣ) образокъ святителя Николая, въ серебряномъ, съ остатками позолоты, окладѣ и надписью на этомъ послѣднемъ: „Сты Николае“. На оборотной сторонѣ начата вырѣзка св. великомученика Георгія, но не окончена, вѣроятно, потому, что камень раскололся на три части. Образокъ можетъ быть отнесенъ къ XV—XVI вѣкамъ.

2) Казанская икона Богоматери, XVII вѣка, въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ, оплечьѣ и вѣнцѣ. На оборотѣ, на холстѣ, сохранился остатокъ подписи, вѣроятно, заказчика и первоначальнаго владѣльца иконы: (Се)му ѿ(бразу молился грѣш)ный Димитрій Михайловъ“.

3. Икона Успенія пресв. Богородицы, фряжскаго письма, XVIII вѣка, въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ.

Эти двѣ иконы и образокъ святителя Николая вывезены изъ Костромской, или же изъ Владимірской губерніи.

4—5. Двѣ іерусалимскія раковины, съ рѣзными изображеніями на одной изъ нихъ Усѣяновенія главы Предтечи, а на другой—Маріи Египетской.

В) Отъ дѣйствительнаго члена и Секретаря Общества Н. Петрова брошюра: „Миньютюры и заставки въ греческомъ евангеліи XI—XII в. и отношеніе ихъ къ мозаичскимъ и фресковымъ изображеніямъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Кіевъ. 1881. 8-о.

Г). Отъ Секретаря Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, профессора С.Петербургскаго Университета, Ив. Вас. Помяловскаго: „Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа. Составилъ для V археологическаго съѣзда въ Тифлисъ И. Помяловскій. С.Петербургъ. 1881. 4-о.

Д) Отъ губернскаго секретаря Тита Іоилича Вержбицкаго, проживающаго въ г. Бердичевѣ:

1. Уніатскій антиминосъ, печатанный при уніатскомъ митрополитѣ Θεодосіѣ Ростоцкомъ и подписанный, для священнодѣйствія „въ храмѣ всякомъ“, вмѣсто митрополита,

Туровскимъ епископомъ Іосафатомъ 13 апрѣля, 1791 года. Внизу, подѣ изображеніемъ, находится гравированная подпись на языкахъ греческомъ, арабскомъ, латинскомъ и славянскомъ, свидѣтельствующая о происхожденіи рисунка на этомъ антиминсѣ, встрѣчающагося и на другихъ униатскихъ антиминсахъ конца XVIII вѣка. Эта подпись гласить такъ: „Мыѣ же да не будетъ хвалитися токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа. Смиранный іеромонахъ Карусъ отъ Виѣлеема Еуфраваа изобрѣте и своимъ исписа иждивеніемъ аѣпз“ (1787).

2. Мѣдный эмальированный крестъ, съ изображеніями распятія и вверху архангеловъ Михаила и Гавріила, выкопанный лѣтъ 10-ть тому назадъ въ селѣ Рознатовкѣ, Подольской губерніи, Ямпольскаго уѣзда.

Е) Отъ учителя Кишиневскаго духовнаго училища Е. Е. Михалевица:

1—4. Четыре мѣдныя монеты: русская, французская, итальянская и турецкая.

5—6. Двѣ церковно-славянскія книги: „Шестодневникъ“, Львовской печати, съ гравюрою 1642 г., 4-о, и „Акаѣисты всеседмичніи благоизбранніи“, 8-о, Львовъ, 1742 года.

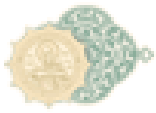
Ж) Отъ священника села Глуховець, Бердичевскаго уѣзда, Влад. Бернадскаго—мѣдный восьмиконечный крестикъ съ изображеніями распятія и по сторонамъ Богоматери и Предтечи.

З) Отъ студента Каменецъ-Подольской духовной Семинаріи Лотоцкаго—двѣ бронзовыя монеты, изъ коихъ одна царя Филиппа Македонскаго (βασιλεος Φιλίππου), другая, кажется, острова Хиоса, македонскаго періода.

И) Выручено отъ продажи указателя Музея одинъ руб. (1 р.) сереб.

І) Получено платы за входъ въ музей два рубля шестьдесятъ коп. (2 р. 60 к.) серебромъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ удостоили Музей своимъ посѣщеніемъ ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Петръ

Николаевичъ и Герцогиня Лейхтенбергская Евгенія Максиміановна и Рязанскій архіепископъ Палладій.

ЗА М. СЕНТЯБРЬ, 1881 ГОДА.

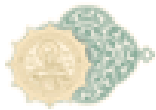
14 сентября, на очередномъ засѣданіи Церковно-археологическаго Общества заслушанъ былъ указъ Св. Синода на имя перваго Викарія Кіевской Епархіи, Чигиринскаго Епископа Іоанна, отъ 10 августа сего года, за № 3321-мъ, объ утвержденіи новаго проекта устава Церковно-археологическаго Общества и Музея при Кіевской духовной Академіи, учрежденныхъ въ 1872 году. „Проектируемыя Церковно-археологическимъ Обществомъ при Кіевской духовной Академіи дополненія и измѣненія въ уставѣ сего Общества, — сказано въ указѣ, — касаются: 1) принятія Общества подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Владиміра Александровича; 2) усиленія ученыхъ занятій Общества ежемѣсячными собраніями онаго, чтеніемъ въ немъ рефератовъ и печатаніемъ ихъ, равно какъ отчетовъ и сообщеній членовъ онаго, въ академическомъ или въ одномъ изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій; 3) исключенія изъ устава обязательства вступленія въ Общество академическихъ преподавателей; 4) отдѣленія Музея отъ академической библіотеки; 5) увеличенія числа должностныхъ лицъ учрежденіемъ особыхъ должностей, по выборамъ изъ членовъ Общества, на трехгодичный срокъ, завѣдывающаго Музеемъ и помощника Секретаря, и 6) исключенія изъ списка Общества тѣхъ членовъ онаго, которые въ теченіи трехъ лѣтъ не заявятъ дѣятельности на пользу Общества и Музея. Находи предположенныя дополненія и измѣненія въ уставѣ названнаго Общества не препятствующими цѣлямъ Общества, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: представленный проектъ устава съ указанными дополненіями и измѣненіями въ ономъ утвердить и для ру-

ководства препроводить въ копіи къ Вашему Преосвященству“. По выслушаніи сего указа, Церковно-археологическое Общество постановило отпечатать новый уставъ въ потребномъ количествѣ экземпляровъ, для разсылки членамъ Общества и ученымъ учрежденіямъ, и изготовить бланки для дипломовъ дѣйствительнымъ членамъ и членамъ—корреспондентамъ.

Въ томъ же засѣданіи, вслѣдствіе отношенія Киевской духовной Консисторіи, поручено было члену Общества, профессору Киевской духовной Академіи П. А. Лашкареву, осмотрѣть образовавшуюся на сѣверо-западномъ углу лѣваго придѣла Кіево-печерской Спасской церкви вертикальную трещину, вслѣдствіе чего нижняя часть угла осѣла и можетъ угрожать въ будущемъ времени стѣнѣ паденіемъ, и представить соображеніе объ исправленіи означеннаго угла. Вслѣдствіе сего профессоръ Лашкаревъ, отъ 27 того же сентября, сообщилъ Церковно-археологическому Обществу слѣдующее: „Осмотрѣвъ, по порученію Церковно-археологическаго Общества, Спасскую церковь, я нашелъ, что западная стѣна въ сѣверномъ концѣ этой церкви, равно и лежащая противъ ней стѣна восточная съ алтарнымъ многогранникомъ, дѣйствительно требуютъ неотложнаго исправленія. Сдѣланная въ прежнее время (когда—неизвѣстно) подмуровка этихъ стѣнъ съ наружной стороны отъ фундамента отсѣла, оторвавъ въ угловой сѣверозападной пилястрѣ даже часть древней кладки и открывъ вообще древній и безъ того значительно отъ времени пострадавшій фундаментъ всевозможнымъ вреднымъ вліяніямъ предстоящей осенней и зимней непогоды. Но возобновленіемъ отсѣвшей подмуровки стѣнъ съ наружной стороны, по моему мнѣнію, все необходимое исправленіе ихъ и можетъ пока ограничиться. Замѣчаемая вверху западной стѣны этого конца церкви трещина, повидимому, не стоитъ въ связи съ наружными поврежденіями этой стѣны внизу; потому что оканчивается значительно выше ихъ, до фундамента не до-

ходить и имѣть признаки трещины давно образовавшейся. Если бы эта трещина, по изслѣдованію со стороны г. архитектора, потребовала принятія предупредительныхъ мѣръ; то эти мѣры, по моему мнѣнію, могли бы ограничиться продолженіемъ между сѣвѣрною наружною и внутренними стѣнами церкви желѣзныхъ связей, а въ крайнемъ случаѣ — разборкою упирающагося въ эту стѣну верхняго свода позднѣйшей кладки и пристройкою снаружи къ ней контрфорса. Но главное, на чтó, въ видахъ лучшаго сохраненія зданія отъ дальнѣйшихъ поврежденій, желательно было бы обратить вниманіе членовъ причта и г. старосты Спасской церкви, это — устройство вокругъ всей сѣвѣрной стороны церкви возможно лучшаго стока для воды. Церковь съ этой стороны окружена крѣпостнымъ валомъ, вода съ котораго скатывается прямо подъ стѣны церковныя, скопляется въ почвѣ подъ ними, проникаетъ въ самыя стѣны и образуетъ въ нихъ сырость, тѣмъ болѣе постоянную, что тотъ же крѣпостной валъ защищаетъ церковь и отъ вѣтровъ. Отъ этого несомнѣнно зависѣли обнаружившіяся поврежденія въ стѣнахъ церковныхъ; устраненіе этого едва ли не будетъ и лучшею предупредительною мѣрою противъ возможныхъ дальнѣйшихъ поврежденій церкви". — Копія сей записки передана въ Кіевскую духовную Консисторію, съ присовокупленіемъ, что со стороны Церковно-археологическаго Общества нѣтъ препятствій къ производству проэтируемыхъ членомъ Лашкаревымъ исправленій въ Спасской на Берестовѣ церкви.

Затѣмъ, на засѣданіи 14 сентябріа вновь избраны: въ Почетные члены — Высокопреосвященнѣйшій Палладій, архіепископъ Рязанскій и Зарайскій; въ дѣйствительные члены — Секретарь Императорскаго русскаго археологическаго Общества, профессоръ С. Петербургскаго Университета, Иванъ Васильевичъ Помяловскій, и въ члены — корреспонденты Губернскій Секретарь Титъ Іоиличъ Вержбицкій (изъ г. Бердичева).

II.

Въ теченіи сентябрія мѣсяца, въ Церковно-археологическое Общество, Музей и библіотеку его поступили слѣдующіе предметы:

А) Отъ Почетнаго члена Церковно-археологического Общества, Высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, первые листы изданія, подъ заглавіемъ: „Матеріалы для систематическаго и историческаго Описанія церквей и монастырей Тверской епархіи. Томъ первый. Тверь, 1881 г. 8-о.

Б) Выдѣлена изъ фундаментальной библіотеки Киевской Академіи и передана въ Церковно-археологическій Музей книга, подъ заглавіемъ. „Τερατορρημα“, Аѳанасія Калнофайскаго, in 4-о, Киевскаго изданія 1638 года, съ двумя гравированными планами Киева. Въ одномъ переплетѣ съ ней находится Патерихѳн. Сильвестра Коссова, in 4-о. Киевскаго же изданія, 1635 года.

В) Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: Каталогъ картамъ, планамъ, чертежамъ, видамъ, хранящимся въ Музеѣ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Составилъ Н. Н. М(Мурзакевичъ). Одесса. 1881 г. 8-о.

Г) Отъ члена, профессора Киев. Академіи Н. И. Петрова: пять таблицъ фотографическихъ свимковъ съ каменныхъ орудій изъ коллекціи князя П. А. Путятина, новгородской губерніи, и одна таблица гравированныхъ изображеній двухъ нефритовыхъ топориковъ изъ коллекціи Дерптскаго Университета.

Д) Отъ члена, профессора Киевской Академіи М. Е. Ковальницкаго: 1) гравированный на мѣди портретъ Молдовлахійскаго господаря, вѣка XVII, со слѣдующею новогреческою подписью: Δωκε το γράμμα μουον βιβλίον ιερων φιλαδελφους γουουε δε σο Ικκιδωυ κοραυε καυε νοα.—I. M. Stock sculps. Lipsiae, и 2) литографическій портретъ одного изъ сотрудниковъ графа Сперанскаго, Павла Ивановича Аверина.

Е) Отъ священника мѣстечка Славуты, Заславскаго уѣзда, Волинской губерніи, Іакова Ковальницкаго, чрезъ того же проф. Ковальницкаго: 1) фотографическій видъ развалинъ русской крѣпости и собора въ г. Острогѣ; 2) фотографическій видъ развалинъ Острожскаго іезуитскаго коллегиума, въ которомъ помѣщалась въ началѣ нынѣшняго вѣка православная духовная семинарія; 3) полотняный ан-

тиминсъ, печатанный въ 1732 году при Киевскомъ митрополитѣ Рафаилѣ Заборовскомъ, съ выцвѣтшею подписью; 4) два литографическіе вида Почаева съ восточной и южной сторонъ; 5) мѣдный литой эмалированный складень, безъ лѣвой створки, съ изображеніями въ срединѣ Господа Вседержителя, а на правой створкѣ Богоматери; 6) истинное изображеніе и мѣра *новоявленной* чудотворной иконы пресв. Богородицы Ахтырскія, съ молитвою къ ней,—плохая гравюра прошлаго вѣка; 7) литографическій портретъ Варшавскаго и Новогеоргиевскаго архіепископа Никанора. A. Misiewicz, 1844. W lit. I. Herknera. 8) зубочная раскрашенная гравюра, съ изображеніями райскихъ птицъ Алконоста и Сирина, по описанію хронографа, прошлаго вѣка.

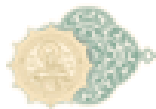
Ж) Отъ члена-корреспондента, священника села Крупца, Острожскаго уѣзда, Волынской губ., Іосифа Лонткевича, чрезъ того же проф. Ковальницкаго: мѣдный небольшой складень, съ изображеніями—въ срединѣ Св. Николая со Спасителемъ и Богоматерью, а на створкахъ Михаила и Гавріила, Петра и Павла, Георгія и Димитрія, Василия и Григорія, Петра, Іоанна, Аѳанасія и Власія.

З) Отъ инспектора Киевской дух. Семинаріи П. І. Игнатовича: полотняный антиминосъ, освященный въ ноябрѣ 1750 г. Киевскимъ митрополитомъ Тимофеемъ Щербацкимъ для храма св. первоученика Стефана, протопопи Давидгородской, въ мѣстечку Давидгородку.

И) Отъ священника села Бадекъ, Тульскаго уѣзда, С. Соколова, чрезъ студента Киевской Академіи Матѣ. Соколова: 1) Оловянная дарохранительница, Московскаго издѣлія, съ изображеніями на лицевой сторонѣ—Херувима, знаменія пресв. Богородицы (кругомъ ея—„Достойно есть“ и проч.) и Вседержителя, по бокамъ—Богоматери и Предтечи, а позади—Херувима же, и 2) оловянная дароносица, съ принадлежностями, на лицевой сторонѣ которой изображено распятіе, а на обратной—шестиугольникъ.

І) Отъ студента Киевской Академіи П. Левицкаго—рукописный сборникъ, подъ заглавіемъ: „Копіи съ нѣкоторыхъ проповѣдей Гедеоновыхъ и Минятіевыхъ, притомъ и о нѣкоторыхъ къ знанію подлежащихъ разныхъ вещахъ; списаны въ Бѣлѣгородѣ въ 1759 году въ мѣсяцѣ февралѣ“. Сборникъ, in 4-о, полученъ изъ села Плѣшивца Гадячскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

К) Отъ помѣщика того же села г. Хижнякова, чрезъ того же студента П. Левицкаго: 1) Рукописный сборникъ духовныхъ псалмъ, 1784 г., между коими есть и одна свѣт-

ская народная малороссійская пѣсня о „галкѣ“; 2) отрывокъ изъ повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ,—рукопись прошлаго вѣка; 3) „Разсужденіе, какія законныя причины Его Величество Петръ Великій, Императоръ и Самодержецъ всероссійскій, и проч., къ началу войны противъ короля Карола XII шведскаго, 1700 году имѣлъ“, и проч. съ дедикаціей наслѣднику Петру Петровичу, Петра Шафирова,—рукопись XVIII в., in 4-o; 4) Универсалъ гетмана, графа Кирила Разумовскаго, отъ 9 января 1755 г., за собственно-ручной подписью, Глинскому сотнику Антону Крыжановскому на сѣнокосную луку въ Лубенскомъ полку, подъ городомъ Лукомлемъ, прозываемую панскою.

Л) Отъ студента Кіевской духов. Академіи Нестеровскаго: нотный рукописный ирмолый, впереди котораго нотная литургія напѣва Кіевского,—in 4-o, безъ начала и конца, вѣка XVII.

М) Отъ священника села Городища, Стародубскаго уѣзда, Черниговской губерніи, Хрисанеа Билопольскаго—рукописный сборникъ XVIII в., in 4-o, заключающій въ себѣ молитвы о трясавицахъ, замовы или заговоры, сказаніе о пятницахъ, реестръ разныхъ лекарствъ, разные двоявѣрныя молитвы, житія Василия Новаго и Макарія Римлянина, обрѣтеннаго подъ раемъ, и проч.

Н) Отъ студента Кіевской дух. Академіи Пономарева: мѣдная литая поддѣльная монета, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ головы въ шлемѣ и надписью—*Alexandros Δωρ*, а на оборотѣ—четырехъ словъ, съ какою-то греческою подписью. Монета принесена изъ Крыма крестьяниномъ, лѣтъ 20 тому назадъ.

О) Отъ священника мѣстечка Чернухъ, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи, Тимофея Гиренка—пять серебряныхъ монетъ, а именно: 1) римская императора Нервы (96—98 г. по Р. Хр.), съ надписью на лицевой сторонѣ—*Imp. Ner. Traia. optim. aug. Ger. Das. Par.* и проч.; 2—3) двѣ большія турецкія, не очень старыя; 4) императора Фердинанда II австрійскаго, XVII в., и 5) польская Сигизмунда III, 1616 года.

П) Отъ А. Мих. Журавецкой, изъ м. Корыстышева, Радомышльскаго уѣзда, Кіевской губерніи—три монеты, изъ коихъ одна серебряная польскаго короля Августа III, прошлаго вѣка.

Р) Получено платы за входъ въ музей 5 р. 5 к. и за указатель Музея 40 к. сереб.,—всего 5 р. 45 к. серебромъ.

Секретарь Общества Н. Петровъ.

правленія этой теоріи и признавая, что условія и обстоятельства, среди которых жили и дѣйствовали апостолы, не могли остаться безъ вліянія на ихъ воззрѣнія, авторъ переходитъ къ краткой характеристикѣ іудейскаго и александрійскаго способовъ образованія, главнымъ образомъ заправлявшихъ іудейскимъ міросозерцаніемъ въ это время. Отраженіе того и другаго способа образованія въ жизни ап. Іоанна было самое незначительное, по мнѣнію автора. Всѣмъ своимъ нравственнымъ величіемъ, всѣмъ богатствомъ и глубиною созерцанія онъ былъ обязанъ возвышенному ученію Христа Спасителя и своей воспріимчивой натурѣ. Образы ветхозавѣтнаго ученія, воспринятые имъ подъ руководствомъ матери съ юныхъ лѣтъ, служили для начертанія лика возлюбленнаго имъ Учителя. Ими онъ хотѣлъ живописать Его, въ нихъ старался открыть черты, предрекавшія Его въ самыя отдаленныя времена. Способъ пользования ветхимъ завѣтомъ отличаетъ его отъ остальныхъ евангелистовъ не по существу излагаемаго ученія, а по степени пониманія приводимыхъ сказаній и углубленія въ ихъ значеніе. Только утонченное и изысканное толкованіе можетъ находить въ приводимыхъ имъ ветхозав. свидѣтельствахъ черты узкаго іудаизма или извращеннаго гностицизма. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе сочиненія.

Свѣдѣнія, собранныя авторомъ для изслѣдованія, не вполне достаточны и точны, по мѣстамъ требуютъ восполненій и значительныхъ исправленій; разборъ же ветхозавѣтныхъ свидѣтельствъ, приводимыхъ евангелистомъ Іоанномъ, довольно безукоризненъ; онъ обнаруживаетъ въ авторѣ способность критически относиться къ мнѣніямъ, несогласнымъ съ его взглядомъ, и подмѣчать въ нихъ дѣйствительно слабыя стороны. Языкъ сочиненія, за исключеніемъ цѣмныхъ иностранныхъ словъ, правиленъ. Авторъ можетъ свободно передавать усвоенныя мысли. На основаніи этихъ данныхъ сочиненіе можетъ быть признано удовлетворительнымъ для полученія кандидатской степени“.

Подготовлено

б) о сочиненіи студента *Евламтія Красина*: „Сказанія евангелистовъ о времени совершенія святой вечери и дѣѣ смерти Спасителя“.

„Авторъ сочиненія „Сказанія евангелистовъ о времени совершенія святой вечери и дѣѣ смерти Спасителя“ приступаетъ къ соглашенію евангельскихъ сказаній о поименованныхъ событіяхъ съ полнымъ сознаніемъ трудности удачнаго разрѣшенія принимаемой имъ на себя задачи.

Въ видахъ ознакомленія читателя съ спорнымъ предметомъ и подготовки данныхъ къ разрѣшенію недоумѣній касательно его, авторъ излагаетъ исторію вопроса и тѣхъ попытокъ, которыя были сдѣланы древними и новыми толковниками къ изученію и разрѣшенію вопроса; затѣмъ предлагаетъ свое рѣшеніе.

Окончательный выводъ, къ которому приходитъ авторъ, таковъ: „последняя пасхальная вечеря Іисуса Христа была 13-го низана. Празднованіе пасхи 13-го вовсе не было противозаконно въ нѣкоторыхъ случаяхъ и надо полагать, что въ годъ смерти Іисуса въ этотъ день не одинъ Христосъ Спаситель, а и многіе изъ іудеевъ вкушали агнца пасхальнаго. Распятъ же былъ Спаситель 14-го, въ день, назначенный закономъ для закланія и вкушенія агнца, когда вкушали его и распявшіе Спасителя“. Очевидно, что въ основу своего рѣшенія онъ полагаетъ сказаніе св. Іоанна, сказанія остальныхъ евангелистовъ старается приспособить къ нему и согласить съ нимъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что не всегда онъ достигаетъ этого прямымъ путемъ. Нѣкоторыя сильныя возраженія противъ его постановки рѣшенія и объясненія вопроса онъ сглаживаетъ, другія не вполне удачно устраняетъ. Тѣмъ не менѣе попытка его привести рѣшеніе вопроса къ выше показанному результату обнаруживаетъ въ немъ значительную критическую способность и находчивость въ разрѣшеніи недоумѣній. Къ выдающимся недостаткамъ сочиненія относится многословіе и по мѣстамъ уклоненіе въ сторону отъ излагаемаго предмета; къ достоинствамъ сочи-

ненія принадлежит живая и одушевленная рѣчь и настойчивое преслѣдованіе извѣстной мысли сквозь разнаго рода группируемыя событія. Сочиненіе даетъ автору право на полученіе кандидатской степени“.

в) О сочиненіи студента *Филимона Мироновича*: „Послѣдовательное изложеніе ученія, заключающагося въ 1-мъ посланіи св. ап. Іоанна“.

„Авторъ сочиненія „послѣдовательное изложеніе ученія, заключающагося въ 1-мъ посланіи св. ап. Іоанна“, предварительно указываетъ на трудность послѣдовательнаго изложенія содержанія 1-го посланія ап. Іоанна. Подтвержденіе своей мысли онъ находитъ въ краткомъ обзорѣ экзегетической литературы, посвященной изученію содержанія посланія. Комментаторы этого посланія на первыхъ порахъ отказывались отъ послѣдовательнаго изложенія заключающихся въ немъ мыслей, считая его содержаніе состоящимъ изъ однихъ стрывочныхъ положеній, въ родѣ содержанія книги прѣтчей Соломоновыхъ. Взглядъ экзегетовъ измѣнился только съ того времени, когда на помощь имъ подоспѣла филологія позднѣйшаго направленія съ историко—критическими пособіями. Комментаторы позднѣйшаго времени пытались преодолѣть трудности въ систематическомъ изложеніи содержанія посланія, но попытка ихъ не всегда вѣнчалась успѣхомъ.“

Для удовлетворительнаго достиженія предположенной цѣли авторъ считаетъ необходимымъ ознакомиться а) съ характеристическими особенностями посланія и б) съ побужденіями къ написанію посланія. Въ уясненіи характера писателя посланія и руководившихъ побужденій къ его написанію авторъ видитъ значительную подготовку для уясненія основныхъ положеній содержанія посланія. „Сердце св. ап. Іоанна, замѣчаетъ онъ, кажется, было создано для одной любви, потому—то и уста его раскрывались только для любви. Духомъ пламенной любви къ божественному Настав-

нику и возвѣщенной Имъ истинѣ проникнуто все содержаніе посланія. Этотъ же духъ любви побуждаетъ его поспѣшить на помощь съ своимъ наставленіемъ тѣмъ меньшимъ братіямъ, которые увлекались соблазнами и заблужденіями его вѣка“.

Краткое изложеніе содержанія посланія, составленное въ видѣ перифраза, служитъ подтвержденіемъ этой основной мысли автора. Св. ап. Іоаннъ, пламенѣющій любовію къ истинѣ, предостерегаетъ возлюбленныхъ чадъ Христовыхъ отъ увлеченія заблужденіями „іудействующихъ и язычествующихъ гностиковъ“, искажавшихъ преданное апостолами Христово вѣроученіе, вводившихъ раздѣленіе между вѣрою и дѣятельностію, между теоретическимъ знаніемъ истины и практическимъ приложеніемъ къ жизни этого знанія.

Передавая содержаніе посланія, авторъ наблюдаетъ одну виѣшнюю послѣдовательность въ изложеніи мыслей, не устанавливая между ними внутренней связи. Уже въ концѣ, послѣ изложенія содержанія посланія, авторъ пытается уяснить основныя положенія посланія, придающія ему единство и послѣдовательность. Здѣсь онъ высказываетъ нѣсколько замѣчаній, не лишенныхъ интереса.

Сравнительно съ толкованіями, написанными на нашемъ языкѣ на 1 посланіе ап. Іоанна, трудъ автора не представляетъ новизны. Онъ стоитъ въ значительной зависимости отъ толкованія на 1 посланіе Іоанна А. Полотебнова. Тѣмъ не менѣе авторъ достаточно вынаружилъ свою способность передавать ясно и отчетливо добытыя путемъ изученія и усвоенныя мысли. Сочиненіе автора читается легко, нѣкоторыя его части, какъ, напримѣръ, характеристика писателя посланія, составлены довольно удачно; въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту посланія онъ вынаруживаетъ способность критически относиться къ мнѣніямъ экзегетовъ. Сочиненіе для полученія кандидатской степени вполне достаточно“.

Отзывъ экстраординарнаго профессора Митр Ястребова о сочиненіи студента *Михаила Боголюбова*: „Антропологическая и сотеріологическая части догматики Меланхтона“.

„По смыслу темы, сочиненіе автора состоитъ изъ двухъ частей: въ первой части излагается антропологическое ученіе Меланхтона, во второй сотеріологическое.

Первая, антропологическая, часть раздѣляется на четыре главы. Въ первой главѣ раскрываются антропологическія идеи Лютера и первоначальное антропологическое ученіе Меланхтона въ связи съ ученіемъ о предопредѣленіи. Это первый періодъ антропологии Меланхтона, обнимающій собою пространство времени отъ 1519 до 1525 года, когда Меланхтонъ стоялъ на почвѣ строгихъ воззрѣній Лютера и когда его идеи были строго-детерминистическими. Въ главахъ второй и третьей излагается антропологическое ученіе Меланхтона втораго періода, обнимающаго собою время отъ 1525 до 1552 года, когда Меланхтонъ ослабляетъ свои строго-детерминистическія идеи (гл. вторая) и даже, со времени написанія комментарія на посланіе къ Римлянамъ отъ 1532 года, совершенно отрѣшается отъ нихъ (гл. третья). Содержаніемъ четвертой главы служатъ такъ называемые синергистическіе споры. Это—третій періодъ антропологии Меланхтона, обнимающій время отъ 1552 до 1560 года, когда идеи Меланхтона о грѣхѣ и свободѣ и объ отношеніи благодати къ свободѣ въ фактѣ обращенія человѣка достигаютъ своего окончательнаго раскрытія.

Вторая, сотеріологическая, часть состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ отдѣлѣ излагается ученіе Меланхтона объ оправданіи; во второмъ—ученіе о средствахъ спасенія, о таинствахъ. Въ содержаніе перваго отдѣла входятъ слѣдующія темы: связь сотеріологическаго ученія съ антропологическимъ, смыслъ Лютерова ученія объ оправданіи одною вѣрою, развитіе идей Меланхтона объ оправданіи до 1530 года, отношеніе его ученія объ оправданіи къ ученію съ одной стороны блаженнаго Августина и Томы Аквината,

съ другой апостола Павла,--развитіе идей Меланхтона объ оправданіи (гл. пятая); сравненіе ученія Меланхтона объ оправданіи съ ученіемъ Лютера, критика (меланхтонова) католическихъ теорій объ оправданіи, ученіе Меланхтона о добрыхъ дѣлахъ (гл. шестая); ученіе Озіандера объ оправданіи, критика (меланхтонова) ученія Озіандера; ученіе Меланхтона объ искупленіи, оправданіи и возрожденіи, выработанное подъ вліяніемъ идей Озіандера (гл. седьмая). Второй отдѣлъ раскрываетъ ученіе Меланхтона о таинствахъ вообще, о таинствѣ крещенія, покаянія и исповѣди, споръ Лютера съ цвингліанами о таинствѣ евхаристіи (гл. восьмая); ученіе Меланхтона о евхаристіи до споровъ и во время споровъ (гл. девятая); наконецъ, ученіе Меланхтона о евхаристіи послѣ 1534 года (гл. десятая).

Ученіе Меланхтона антропологическое и сотеріологическое изложено авторомъ такъ, какъ оно развивалось исторически, въ связи съ тѣми прецедентами и вліяніями, отъ которыхъ оно зависѣло и въ отношенія съ которыми входило. Отсюда сочиненіе автора отличается значительною эрудиціей, полнотою и содержательностію. Меланхтона принято называть синергистомъ и криптокальвинистомъ; авторъ по видимому не соглашается признать Меланхтона синергистомъ, а о криптокальвинизмѣ его и со всѣмъ не говоритъ. Но вообще сужденія автора вѣрны и изложены въ добромъ логическомъ порядкѣ. Съ этой стороны его сочиненіе заслуживаетъ одобренія. Если такъ называемаго вклада въ науку оно и недѣлаетъ, будучи написано по готовымъ образцамъ; то во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о хорошемъ знакомствѣ автора съ обширною, исключительно иностранною, литературою предмета, о правильномъ и сознательномъ усвоеніи имъ одного изъ важнѣйшихъ въ наукѣ вопросовъ, о серьезномъ направленіи его мысли, о добрыхъ средствахъ и наклонностяхъ его къ ученымъ работамъ. Желалось бы только видѣть побольше критическаго отношенія къ предмету изслѣдованія съ православной точки зрѣнія.

Къ сожалѣнію, сочиненіе автора страдаетъ недостаткомъ внѣшней обработки. И безъ того не совсѣмъ искусное изложеніе его теряетъ много вслѣдствіе того еще, что обо значенія цитатъ авторъ ставитъ обыкновенно не подѣ чертою, какъ это принято, а предѣ приводимыми выдержками, какъ дѣлается это иногда въ нѣмецкихъ сочиненіяхъ. Эта манера мѣстами, особенно когда цитатами покрываются цѣлыя страницы, придаетъ сочиненію видъ черновой работы.

Какъ кандидатская диссертация, сочиненіе автора удовлетворительно во всякомъ случаѣ.

Отзывъ доцента Конст. Попова о сочиненіи студента *Петра Бородавскаго* на тему: „Нравственное ученіе св. Амвросія Медиоланскаго“.

„Авторъ названнаго сочиненія задался цѣлію изложить систему „нравоученія св. Амвросія“ и изложить ее „по большей части собственными его словами“, имѣя въ виду подобнымъ изложеніемъ съ одной стороны предохранить себя „отъ ошибочности въ пониманіи мыслей и взглядовъ св. нравоучителя, а съ другой стороны дать возможность читателю видѣть и чувствовать всю силу краснорѣчія, задушевности и искренности любвеобильныхъ наставленій св. учителя нравственности“. Изложенію системы нрав. ученія св. Амвросія авторъ предпосылаетъ введеніе, состоящее изъ двухъ частей. Въ первой части онъ характеризуетъ св. Амвросія, какъ практическаго церковнаго дѣятеля и писателя вообще и, въ частности, какъ учителя нравственности. Разсмотрѣніе литературной дѣятельности св. Амвросія по ея содержанію приводитъ автора къ тому вѣрному выводу, что медиоланскій епископъ является болѣе самостоятельнымъ „въ нравоученіи, чѣмъ въ вѣроученіи“. Хотя и нравств. ученіе Амвросія нечуждо подраженія и заимствованія, но всетаки въ области нравств. ученія св. Амвросій выступаетъ „болѣе самостоятельно и приносить достаточно своего собственнаго“. Большая самостоятельность св. Амвросія въ области нравоученія прояв-

ляется, по мнѣнію автора, въ томъ, что Амвросій, „заимствуя изъ произведеній другихъ писателей по части нравоученія, умѣлъ заимствованное приспособить къ своему обществу и самому заимствованному, при передачѣ его другимъ, умѣлъ сообщить особенности своего духа“.— Въ нравоученіи св. Амвросія авторъ усматриваетъ двѣ, наиболѣе выдающіяся, особенности, недостаточно, впрочемъ, ясно обозначенныя авторомъ: „преобладаніе практической стороны въ нравоученіяхъ и ту сердечную теплоту любви, которою проникнуты и растворены всѣ его наставленія и увѣщанія“. Подъ первою особенностію онъ разумѣетъ простоту и безыскусственность изложенія, чуждаго „философскихъ тонкостей“ и теоретическаго обоснованія положеній нравств. ученія. „Св. пастырь, говоритъ авторъ, беретъ готовыя евангельскія правила жизни, показываетъ высоту и красоту этихъ высокихъ правилъ прямо въ явленіяхъ жизни, въ живыхъ примѣрахъ, въ осязательныхъ послѣдствіяхъ осуществленія этихъ правилъ въ жизни“. Подъ второю особенностію разумѣется любовь, какъ принципъ, изъ котораго развивается вся система нравств. ученія св. Амвросія. Эти особенности дѣйствительно присущи нравственному ученію Амвросія, и рассматриваемое сочиненіе много выиграло бы въ своемъ достоинствѣ, если бы авторъ его въ большей мѣрѣ воспользовался ими при изложеніи системы нравств. ученія св. Амвросія.—Во второй части введенія авторъ предлагаетъ характеристику „современнаго св. Амвросію христіанскаго общества и въ частности медіоланскаго духовенства“, дающую, по мнѣнію автора, „ключъ къ уразумѣнію и уясненію особенностей, встрѣчающихся въ нравоученіи св. медіолан. пастыря“. Эта характеристика, обстоятельно составленная и живо изложенная, нечужда однакожъ нѣкоторой односторонности, выражающейся въ указаніи исключительно на нравственныя недостатки христіанъ, приведшемъ автора къ слѣдующему невѣрному замѣчанію относительно нравственной жизни христіанскаго общества 4-го

вѣка: „простота жизни, строгость и чистота нравовъ были, можно сказать, рѣдкимъ и почти исключительнымъ явленіемъ между медіоланскими христіанами, какъ и вообще въ христіанск. обществѣ 4 го вѣка“. Это замѣчаніе противорѣчитъ тому, что авторъ говоритъ (на 1 стр.) о „сильномъ развитіи религіозной жизни“ особенно въ 4 мѣ вѣкѣ.

Систему нравственнаго ученія св. Амвросія авторъ излагаетъ въ двухъ частяхъ своего сочиненія. Въ первой части излагается ученіе Амвросія о конечной цѣли дѣятельности человѣка (о благѣ), ученіе о грѣхѣ, его происхожденіи и его послѣдствіяхъ, ученіе о законѣ, Христѣ и благодати. Во второй части авторъ излагаетъ ученіе св. Амвросія „о дѣлахъ человѣка подѣ воздействием благодати или о добродѣтеляхъ и обязанностяхъ“. Эта часть сочиненія состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ первомъ изъ нихъ излагается ученіе св. Амвросія о добродѣтеляхъ и обязанностяхъ общихъ, необходимыхъ для всѣхъ для достиженія блаженства, или ученіе *de officiis mediis*. Къ *officia media* относятся: вѣра, надежда и любовь, *virtutes cardinales*: благо-разуміе (*prudentia*), воздержаніе, мужество и справедливость. Изложенію ученія Амвросія о *virtutes cardinales* авторъ предпосылаетъ замѣчаніе объ отношеніи Амвросіева ученія о главныхъ добродѣтеляхъ къ ученію о нихъ Цицерона и приходитъ къ тому заключенію, что „св. Амвросій беретъ изъ сочиненія Цицерона (*de officiis*) форму, заимствуетъ изъ него мелкія мысли (пожалуй даже по буквѣ), но заимствуетъ только то, что, по его мнѣнію, согласно съ словомъ Божиимъ, сообщаетъ заимствованному специально христіанскій колоритъ и подводитъ подѣ свое и вмѣстѣ съ тѣмъ христіанское основное воззрѣніе, основную мысль нравственности (?)“. Этотъ выводъ онъ основательно подтверждаетъ сравненіемъ ученія св. Амвросія и Цицерона о главныхъ добродѣтеляхъ. Къ *officia media* относятся справедливость, обнимающая а) отношенія человѣка къ Богу или обязанности религіозныя и б) отношенія его въ кругу семейномъ

и въ обществѣ—государствѣ. Во второмъ отдѣлѣ излагается ученіе св. Амвросія о совершенныхъ добродѣтеляхъ и обязанностяхъ (*officia perfecta*) или аскетическихъ, именно о дѣвствѣ и постѣ.

Существеннымъ недостаткомъ сочиненія Бородовскаго служитъ то, что онъ ограничивается преимущественно только изложеніемъ нравственнаго ученія св. Амвросія, мало останавливаясь на выясненіи, оцѣнкѣ и внутренней связи главныхъ положеній нравств. ученія Амвросія. Къ достоинствамъ же его сочиненія относятся: основательное знакомство съ сочиненіями Амвросія, полнота въ изложеніи нравств. ученія сего св. отца, знакомящая насъ съ его системою во всѣхъ ея подробностяхъ, вѣрность сужденій объ отличительныхъ свойствахъ и достоинствахъ ея. Языкъ сочиненія легкій и правильный. Эти достоинства сочиненія дѣлають его вполне достигающимъ той цѣли, для которой оно написано“.

Б) Церковно-историческаго отдѣленія отъ 8 іюня: „Студенты церковно-историческаго отдѣленія III курса представили на кандидатскую степень слѣдующія сочиненія:

1. Н. Булатовъ на тему: „Епархіальные архіереи Московскаго государства въ періодъ патріаршества“.

2. П. Смирновъ: „О состояніи русской церковной жизни въ царствованіе Императора Александра 1-го“.

3. Θ. Царевскій: „Кипріанъ митрополитъ Кіевскій“.

4. Ол. Соколовъ: „Варлаамъ Шишацкій, архіепископъ Могилевскій“.

5. М. Гябвушевъ: „Очеркъ исторіи Александрійской церкви со времени завоеванія Египта Мусульманами до настоящаго времени“.

6. Н. Лебедевскій; „Митр. Паисій Лигаридъ и его пребываніе въ Россіи“.

7. Л. Кузьминскій: „Исторія перехода западно-русскихъ дворянскихъ фамилій въ католицизмъ и унію въ XVI и XVII вѣкахъ“.

8. Ник. Знаменскій: „Устройство католической церкви при Каролингахъ“.

9. Ром. Глухаревъ: „Максимъ Грекъ и русскій расколъ“.

10. Гр. Апраксинъ: „Богословскіе вопросы въ Константинопольской церкви 12 в.“.

По разсмотрѣніи сихъ сочиненій, Отдѣленіе, согласно съ подробными отзывами о нихъ рецензентовъ, признало всѣ сочиненія эти удовлетворительными для степени кандидата. Сочиненія и рецензіи на нихъ представляются при семъ въ подлинникъ“.

Отзывы заслуженнаго ординарнаго профессора Ив. Малышевскаго: а) о сочиненіи студента *Петра Смирнова* „Состояніе русской церковной жизни при Императорѣ Александрѣ 1-мъ.“

„Обозрѣнію явленій русской церковной жизни при Императорѣ Александрѣ I авторъ предпосылаетъ краткій очеркъ направленія государственной и общественной жизни нашего отечества за это время, а этотъ очеркъ начинается характеристикою личности Императора Александра I, особенно въ религіозномъ отношеніи. То и другое служитъ автору къ освѣщенію характера отношеній русскаго правительства и общества къ религіи и церкви, нѣсколько различныхъ въ два періода этого царствованія, раздѣляемые эпохой 1812 года, и отражающихся на явленіяхъ самой церковной жизни. Въ обозрѣніи послѣдней авторъ останавливается сперва на миссіонерской дѣятельности въ царствованіе Александра I, оживившейся въ нашей церкви, послѣ нѣкоторой пріостановки или ослабленія ея въ ближайшее предыдущее время, въ частности говоритъ о миссіяхъ киргизъ—кайсацкой, осетинской (особенно подробно), миссіи у мезенскихъ самоѣдовъ, миссіи алтайской, забайкальской, причемъ эпизодически сообщаетъ и объ англійской забайкальской миссіи, далѣе о миссіяхъ въ землѣ Якутовъ и Чукчей и на Камчаткѣ. При такомъ разсказѣ онъ сообщаетъ исторію учре-

жденія миссій, главныхъ дѣятелей, средства и способы дѣятельности, успѣхи и неудачи миссій, стараясь выяснитъ то и другое. Въ нѣкоторой связи съ миссіонерскою дѣятельностію находилась, замѣчаетъ онъ, дѣятельность Библейскаго Общества, имѣвшая и свои болѣе общія задачи. Учрежденіе это, не имѣвшее строго—церковнаго характера, оказало однакоже весьма важныя услуги церкви служеніемъ дѣлу христіанскаго просвѣщенія общества и народа чрезъ распространеніе и переводы библіи или отдѣльныхъ книгъ слова Божія. Разказавъ исторію учрежденія Общества, его развѣтвленій и дѣйствій, о тѣхъ сочувствіяхъ, какими они пользовались въ правительствѣ и обществѣ, авторъ заканчиваетъ выясненіемъ причинъ, повліявшихъ на измѣненіе отношеній къ нему въ сферахъ правительственныхъ, особенно церковной, и приведшихъ къ закрытію Общества въ началѣ слѣдующаго царствованія. Дѣятельность миссіонерскую и библейскаго общества авторъ относитъ къ лучшимъ и свѣтлымъ явленіямъ церковной жизни за время царствованія Александра. Далѣе переходитъ онъ къ явленіямъ другого свойства. Печальнымъ явленіемъ этого времени было развитіе іезуитской пропаганды, начавшейся еще прежде, благодаря неосторожному покровительству іезуитамъ со стороны русскаго правительства. Исторія іезуитской пропаганды со всѣми ея приемами, обнаруженіями и слѣдствіями разказана очень подробно и доведена до времени изгнанія іезуитовъ сперва изъ обѣихъ столицъ въ 1815 г., потомъ изъ всей Россіи въ 1820 г. Другимъ великимъ бѣдствіемъ времени было нашествіе галловъ 1812 г., тяжело отразившееся на всемъ отечествѣ и на церкви. Выразительно описавъ тѣ разоренія и оскорбленія, какія испытала и церковь въ это время, авторъ еще болѣе старался выставить могучее участіе силы вѣры и церкви русскою въ борьбѣ отечества со врагомъ, увѣнчавшееся такимъ славнымъ и на вѣки памятнымъ торжествомъ надъ нимъ. Обзорънія, содержаніе коихъ доселѣ изложено, составляютъ первую часть

сочиненія автора. Во второй части онъ обозрѣваетъ преобразование эпохи Александра I, касавшіяся положенія духовенства и особенно духовныхъ школъ. Предпославъ краткій очеркъ того, что имѣлось у насъ въ томъ и другомъ отношеніи отъ прежняго времени, авторъ съ подробностію описываетъ преобразовательные проекты и дѣйствія по устройству духовныхъ школъ, высказываясь съ глубокимъ благоговѣніемъ къ возвышеннымъ и свѣтлымъ намѣреніямъ Государя и въ высшей степени разумной, ревностной и плодотворной дѣятельности главныхъ дѣятелей реформы, членовъ Комитета и Коммиссій. Къ обзору дѣла преобразования духовныхъ училищъ присоединена характеристика наиболѣе замѣчательныхъ представителей духовной науки и духовнаго просвѣщенія въ эпоху преобразования и въ ближайшее къ ней время. Замѣчаніями о нѣкоторыхъ болѣе частнаго характера учрежденіяхъ, клонившихся къ улучшенію положенія духовенства, каковы особенно попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, заканчивается сочиненіе. Авторъ очень достаточно изучилъ русскую церковную жизнь, въ болѣе выдающихся ея проявленіяхъ, за избранное имъ время. Весьма хорошо знакомъ онъ съ разными монографіями и изслѣдованіями, явившимися у насъ въ послѣднее время о царствованіи Императора Александра I, болѣе или менѣе знакомъ и съ нѣкоторыми первоисточниками или, такъ сказать, сырыми матеріалами по тому же предмету. Сужденія его вообще вѣрны, послѣдовательны и развиваются въ добромъ направленіи. Изложеніе правильное, живое, мѣстами одушевленное. Сочиненіе, по моему мнѣнію, вполне удовлетворительно для степени кандидата“.

б) О сочиненіи студента *Олимпа Соколова*: „Варлаамъ Шишацкій, бывшій епископъ Могилевскій“.

„Личность Варлаама, говоритъ авторъ, представляетъ не обычайное явленіе въ исторіи русской іерархіи тѣмъ именно, что этотъ несчастный іерархъ ослабилъ себя небывалымъ въ

русской іерархіи преступленіемъ измѣны своему государю и отечеству и присяги чужеземному завоевателю Наполеону. Въ уясненіи этого печальнаго факта авторъ полагаетъ главную цѣль своей краткой монографіи о Варлаамѣ Шишацкомъ, раздѣляющейся на слѣд. три части. Въ первой дается краткій очеркъ жизни и дѣятельности Варлаама до 1812 года. Сынъ крестьянина изъ малороссовъ (Черниг. губер.), получившій окончательное образованіе въ старой Кіевской Академіи, навсегда сохранившій любовь къ образованію и книгамъ, Шишацкій проходилъ должность учителя въ Переяславльской Семинаріи, а съ 1776 г., постриженный въ монашество, должности префекта и ректора тойже Семинаріи; затѣмъ слѣдовали съ 1780 г. игуменство въ Мошногогорскомъ монастѣрѣ, далѣе въ Переяславльскомъ Мпхайловскомъ, а съ 1785 г. ректорство въ Новгородъ-Сѣверской Семинаріи. На этихъ служебныхъ постахъ Варлаамъ настолько хорошо заявлялъ себя, что въ 1787 г. назначенъ былъ на очень важный тогда постъ начальника заграничнаго Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря. На этомъ постѣ онъ былъ достойнымъ сподвижникомъ Виктора Садковскаго и Георгія Конисскаго, крѣпкимъ въ своей вѣрности какъ православной церкви, такъ Россіи и русскому Правительству, по которой, не безъ большой опасности для себя, отказался принести присягу Польшѣ, къ которой его принуждали. Вынужденный удалиться изъ предѣловъ тогдашнихъ польскихъ владѣній, Варлаамъ съ 1793 г. опять назначается сюда для содѣйствія вмѣстѣ съ Викторомъ Садковскимъ дѣлу начавшагося теперь воссоединенія уніатовъ. Въ санѣ архимандрита онъ подвизался съ своимъ архипастыремъ въ Минской и Волынской епархіи, и за свою успѣшную дѣятельность указомъ Екатерины назначенъ викарнымъ епископомъ на новооткрытую Житомирскую кафедру, принявъ посвященіе въ Кіевѣ отъ митр. Самуила въ 1795 году. Въ новомъ санѣ Варлаамъ ознаменовалъ себя заботами по устройству епархіи и учрежденію Волынской ду-

ховной Семинаріи, русской катихизической школы и т. под. Съ октября 1799 г. Варлаамъ сдѣланъ самостоятельнымъ епископомъ тойже епархіи и управлялъ ею до 1805 г. Въ мѣстныхъ преданіяхъ сохранилась вообще добрая память о Варлаамѣ. За свои заслуги на этой епархіи Варлаамъ отличенъ Высочайшими наградами; а съ 1805 года переведенъ на кафедру Могилевскую, на которой предстали ему новые труды и заботы, и на которой въ 1808 г. возведенъ въ санъ архіепископа въ ознаменованіе усерднаго служенія его своему долгу. Но здѣсь-то въ Могилевѣ и постигло его въ 1812 г. великое искушеніе, омрачившее всѣ прошедшіе заслуги его и его добрую память. Это было преступленіе измѣны, казалось совсѣмъ неожиданное въ лицѣ Варлаама, послѣ обзорѣнной предшествующей его жизни и дѣятельности до роковаго 1812 года.

Вторую часть сочиненія и составляетъ именно рассказъ объ этомъ печальномъ событіи. Рассказъ этотъ авторъ начинаетъ характеристикой общаго тревожнаго состоянія Россіи въ эпоху нашествія Галловъ, крайняго замѣшательства и смущенія, постигшихъ Могилевъ, здѣшнихъ властей и жителей съ приближеніемъ французскаго корпуса Даву и затѣмъ занятіемъ города. Архіепископъ Могилевскій не бѣжалъ или не могъ бѣжать, какъ другіе властные лица, въ томъ числѣ губернаторъ, и эта-то нерѣшительность или невозможность бѣгства поставила его въ обстоятельства, крайне затруднительныя. Французы и союзные съ ними поляки принялись хозяйничать въ городѣ. Учреждена была временная коммиссія для управленія; на военныя надобности заняты архіерейскій домъ, семинарія; грозили отдать полякамъ православную архіерейскую церковь, запретили православнымъ богослуженіе и т. п.; наконецъ 13 іюля коммиссія дала приказаніе о принесеніи присяги Наполеону всѣми жителями, сообщенное и архіепископу. Нѣкоторое время колебался онъ, совѣтовался съ кѣмъ могъ, но подъ давленіемъ угрозъ непріятеля согласился на присягу, ко-

тору и принесъ 14 іюля въ соборѣ вмѣстѣ съ подчиненными, сталъ самъ поминать Наполеона, предписалъ и другимъ. Этимъ тяжкимъ преступленіемъ онъ нѣсколько облегчилъ положеніе свое и паствы, уберегъ себя и ее отъ новыхъ наглыхъ нападокъ и доносовъ поляковъ и ихъ ксендзовъ. Но преступленіе осталось преступленіемъ. 11-го ноября въ Могилевѣ уже не осталось никого изъ французовъ, съ позоромъ бѣжавшихъ теперь отовсюду изъ Россіи, гонимыхъ по пятамъ и побиваемыхъ русскими. А архіепископу оставалось ожидать суда царскаго и церковнаго, который и не замедлилъ. По Высочайшему изъ Св. Синода указу судъ этотъ произведенъ членомъ Синода Θεοφιлагомъ Русановымъ, еписк. Калужскимъ; приговоренный Синодомъ къ лишенію сана, Варлаамъ 29 іюля 1813 г. отвезенъ въ Черниговъ, гдѣ совершена надъ нимъ, при общемъ плачѣ зрителей, печальная церемонія снятія сана, послѣ чего жилъ онъ безысходно въ Новгородъ-Сѣверскомъ монастырѣ въ чинѣ простаго монаха.

Въ третьей заключительной части авторъ беретъ объяснить побудительныя причины столь необыкновеннаго и никогда небывалаго явленія, какъ измѣна русскаго іерарха, идущая при томъ, какъ выражается авторъ, совершенно въ разрѣзъ со всею прежнею жизнію и дѣятельностію Варлаама. Авторъ не соглашается съ тѣми изъ современниковъ Варлаама, которые побужденіями къ измѣнѣ его считаютъ корыстолюбіе, или желаніе уберечь нажитое богатство, и честолюбіе, внушавшее Варлааму надежду быть главою или патріархомъ православной русской церкви въ предѣлахъ западнаго края, имѣвшаго, по его представленію, отойти къ Польшѣ въ слѣдствіе Наполеоновыхъ завоеваній. Заподозрѣвая безпристрастіе свидѣтелей (особенно игумена Ореста), утверждающихъ это на счетъ Варлаама, авторъ ссылается также на непоколебимую вѣрность Россіи Варлаама въ прежнее тяжелое время польскаго господства и польскихъ смутъ и гоненій на православіе.

Измѣну Варлаама авторъ готовъ объяснять упадкомъ духа и притупленіемъ ума въ состарѣвшемся Варлаамѣ, не можемъ теперь совладѣть съ трудными обстоятельствами и думавшемъ вывести себя и другихъ изъ затрудненія присягою иноземцу, которая была, конечно, притворною. Оплакивая свое преступленіе, Варлаамъ печально доживалъ остатокъ лѣтъ, утѣшаясь въ своемъ горѣ чтеніемъ и потомъ, когда ослѣпъ, слушаніемъ книгъ изъ запаса своей богатой библіотеки; изливалъ свои скорби и свои жалобы въ стихахъ. Умеръ въ 1823 году.

Небольшое сочиненіе автора основано все на изданныхъ общедоступныхъ источникахъ, какъ то: записки игумена Ореста въ Виленскомъ археограф. сборникѣ, нѣкоторые относящіеся къ событію документы въ сборникѣ Археол. Института кн. II, статьи о Варлаамѣ или его времени въ Волинскихъ и Черниговскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, нѣкоторыя свѣденія въ книгѣ проф. Кояловича „Воссоединеніе уніатовъ старыхъ временъ“, а также кое-какія отрывки изъ мѣстныхъ, устныхъ преданій. Не представляя ничего новаго, сочиненіе не лишено значенія, какъ первый опытъ біографіи и болѣе обстоятельной оцѣнки пріобрѣтшей столь печальную извѣстность личности Варлаама. Написано сочиненіе съ опредѣленною мыслію о дѣлѣ, просто и послѣдовательно, языкомъ хорошимъ. Для кандидатской степени можетъ быть признано удовлетворительнымъ“.

в). О сочиненіи студента *Теодора Царевского*: „Кипріанъ митрополитъ Кіевскій“.

„Въ начальной части сочиненія авторъ обозрѣваетъ жизнь Кипріана до вступленія его на кафедрѣ митрополіи Кіевской и Литовской въ 1376 г. Кипріанъ, какъ не безъ основанія доказываетъ авторъ, былъ родомъ не Сербъ, а Болгаринъ, род. въ Терновѣ, гдѣ и получилъ начальное воспитаніе, имѣлъ духовнымъ наставникомъ блаж. Евѣмія, въ послѣдствіи патріарха Терновскаго, подвизался и довер-

шилъ свое духовное образованіе на Аѳонѣ, гдѣ тогда было не мало книжныхъ людей изъ Грековъ и Славянъ, особенно Сербовъ, такъ что Славянская письменность на Аѳонѣ имѣла сильную Сербскую окраску, отразившуюся и на книжныхъ трудахъ Кипріана. Поддерживая связи съ Евѳиміемъ, Кипріанъ сблизился на Аѳонѣ съ игуменомъ Лавры Св. Аѳанасія Филовеемъ, съ вторичнымъ вступленіемъ котораго на патриаршій престолъ является дѣйствующимъ лицомъ при немъ. Филовеемъ отправленъ былъ Кипріанъ и въ Россію для изслѣдованія по дѣлу русской митрополіи, особенно по жалобамъ В. К. Литовскаго Ольгерда на Митр. Алексія, и кончилъ тѣмъ, что самъ, согласно желанію Ольгерда, поставленъ былъ въ санъ митрополита Кіевскаго и Литовскаго съ правомъ и на преемство Алексія въ Сѣверной Руси, словомъ на митрополію Кіевскую и всея Руси. Въ защиту Филовея и особенно Кипріана, подвергшагося потомъ порицаніямъ за такой образъ дѣйствій, авторъ старается выяснитъ добрыя побужденія того и другаго въ этомъ дѣлѣ, клонившіяся къ огражденію единства и благоустройства русской митрополіи, къ чему Филовей считалъ вполне способнымъ Кипріана, родомъ Славянина, человека достойнаго и просвѣщеннаго. Слѣдующій затѣмъ обзоръ жизни и дѣятельности Кипріана, уже какъ митрополита русскаго, представленъ авторомъ въ слѣдующихъ трехъ частяхъ. Въ первой части говорится о церковно—общественной дѣятельности Кипріана въ княженіе Дмитрія Іоанновича Донскаго, когда Кипріанъ только около полутора года святительствовалъ въ Москвѣ, а больше жилъ въ Кіевѣ и едва ли не болѣе въ Константинополѣ (1376—1389), во второй о церковно—общественной дѣятельности его при Василіѣ Дмитріевичѣ, когда Кипріанъ сдѣлался и былъ дѣйствительно митрополитомъ всея Россіи; въ третьей объ учено—литературныхъ трудахъ митр. Кипріана. Не входя въ подробный анализъ этихъ частей сочиненія, замѣчу только, что представляемый ими обзоръ іерархической и книжной дѣятельности Кипріана отличается

полною обстоятельностью, благодаря хорошему изученію авторомъ всего, что писано у насъ о Кипріанѣ въ полныхъ исторіяхъ Россіи и русской Церкви, въ исторіяхъ литературы, также въ отдѣльныхъ монографіяхъ или изслѣдованіяхъ, касающихся Кипріана или его времени, благодаря затѣмъ похвальному старанію автора—самому повѣрять все вычитанное и доискиваться невычитаннаго, справляясь по возможности съ самими источниками, каковы—лѣтописи, акты, посланія и другіе труды самаго Кипріана. Последнее обстоятельство дало автору возможность высказать нѣсколько самостоятельныхъ замѣчаній касательно нѣкоторыхъ фактовъ изъ жизни и дѣятельности Кипріана. Проникнутый уваженіемъ къ предмету своего сочиненія, авторъ изображаетъ Кипріана, какъ архипастыря попечительнаго, знатока церковныхъ каноновъ и уставовъ, ревнителя церковнаго благоустройства и благочинія, также правъ и преимуществъ своей кафедры и власти, не мало пострадавшаго въ защитѣ ихъ, но вообще преслѣдовавшаго благо церкви, въ особенности іерархическое единство ея, поколебленное обстоятельствами и смутами, и съ честію выполнившего на свою долю эту важную задачу времени. Книжную дѣятельность Кипріана авторъ представляетъ очень широкою, настаивая на принадлежности ему трудовъ, отрицаемыхъ другими (напр. начальная редакція Степенной книги), и признаетъ благотворное вліяніе ея, сказавшееся въ нѣкоторомъ оживленіи угасавшаго просвѣщенія. Выводы автора нечужды преувеличеній; съ другой стороны, не смотря на обстоятельность его обзора, взятаго въ цѣломъ, осталось въ немъ кое-что недосказанное, напр. о дѣятельности Кипріана во время пребыванія его въ Кіевѣ и Литвѣ. За всѣмъ тѣмъ монографія автора, не смотря на общеизвѣстность предмета, читается съ интересомъ, поддерживаемымъ и очень хорошимъ изложеніемъ. Для кандидатской степени сочиненіе должно быть признано вообще удовлетворительнымъ“.

Отзывы ординарнаго профессора Александра Воронова:

а) о сочиненіи студента *Григорія Апраксина* на тему: „Богословскіе вопросы въ Константинопольской церкви въ XII вѣкѣ“.

„Авторъ въ своемъ сочиненіи разсматриваетъ слѣдующіе богословскіе вопросы въ константинопольской церкви въ 12 вѣкѣ: 1) богомилство при Алексѣѣ Комнинѣ, какъ оно выразилось въ дѣлѣ Василя и его ближайшихъ учениковъ; 2) отраженія богомилства при Іоаннѣ Комнинѣ въ ученіи Константина Хризомалы и при Мануилѣ въ ученіи епископовъ Климента и Леонтія и монаха Нифонта, которому сочувствовалъ и патріархъ Константинопольскій Козьма Атикѣ; 3) вопросъ о крестной и евхаристической жертвѣ, привосится ли она только Богу Отцу и Духу Св., или вмѣстѣ и самому принесшему слову, и справедливы ли слова молитвы на преложеніе св. даровъ: „Ты еси приносящій и приносимый, и пріемлющій и раздаваемый, Христе Боже нашъ“; 4) вопросъ „о славѣ Христовой“, о томъ, какъ понимать слова: „Отецъ Мой болѣе Мене есть“; 5) о Богѣ Магометовомъ—олосфиромѣ, о томъ, правильно ли въ чинѣ оглашенія онъ предается анаемѣ; 6) о безсмертіи и нетлѣнности тѣла Христова и 7) вопросъ о соединеніи церквей.“

Авторъ исчерпываетъ данный предметъ почти во всей его полнотѣ и фактически изслѣдуетъ каждый вопросъ обстоятельно по первымъ источникамъ—византійскимъ историкамъ, богословскимъ трактатамъ 12 вѣка, соборнымъ постановленіямъ, папскимъ письмамъ, а также по Алліцію, Баронію и нѣкоторымъ другимъ главнѣйшимъ историкамъ. Особенно подробно обслѣдованъ вопросъ о жертвѣ крестной, гдѣ изложено со всею полнотою какъ неправославное ученіе Сотирика Пантевгена, такъ и его опроверженіе по сочиненіямъ Николая епископа Меѳонскаго. Наименѣе удовлетворительно изложены вопросы о богомилствѣ и соединеніи церквей. О богомилствѣ авторъ не имѣетъ точнаго и

опредѣленнаго представленія, не показываетъ причинъ его появленія и его особенностей въ греческой церкви и всю исторію греческаго богомилства излагаетъ не довольно отчетливо и послѣдовательно; а въ вопросѣ о соединеніи церквей не пользуется нѣкоторыми серьезными и извѣстными трудами по этому предмету, напр. изслѣдованіемъ Катанскаго, и вообще мало посвящаетъ вниманія этой послѣдней части своего сочиненія. Въ сочиненіи не видно также и общихъ руководящихъ идей ни относительно Византійской богословской учености въ данное время, ни относительно вѣрности православію греческой церкви, на сколько эта вѣрность выражалась въ томъ или другомъ вопросѣ церковномъ, ни относительно каноническаго значенія вмѣшательства императоровъ въ богословскіе споры. Авторъ представляетъ только историческіе факты, излагаетъ ученіе богослововъ или взгляды историковъ, но не проникаетъ и не освѣщаетъ ихъ самостоятельнымъ воззрѣніемъ.

Впрочемъ, не смотря на эти недостатки, сочиненіе можетъ быть признано для степени кандидата удовлетворительнымъ⁴.

б) О сочиненіи студента *Михаила Гнѣвушева* на тему: „Очеркъ исторіи Александрійской церкви со времени завоєванія Египта Мусульманами до настоящаго времени“.

„Авторъ дѣлитъ исторію Александрійской церкви на три періода: первый съ 641 по 1096 г.—время зависимости Александрійской церкви отъ Арабовъ и претерпѣваемыхъ отъ нихъ гоненій; второй—съ 1096 по 1517 г.—время ея зависимости отъ египетскихъ султановъ и столкновеній съ латинскимъ западомъ, и третій съ 1517 г. до нашего времени—время зависимости отъ турецкихъ султановъ. По этимъ періодамъ авторъ излагаетъ исторію сначала православной Александрійской церкви, а потомъ Коптской, излагаетъ хронологически по преемственности патріарховъ съ присоединеніемъ въ концѣ отдѣловъ извѣстій и замѣчаній изъ исторіи просвѣщенія, церковныхъ вопросовъ

и постановлений и т. п., заключаая послѣдній періодъ исторіи подробнымъ изложеніемъ церковнаго устройства и современнаго состоянія какъ православной Александрійской церкви, такъ и Коптской и Абиссинской.

Сочиненіе представляетъ обширный трудъ. Авторъ, кромѣ Ренодота, Лекеня, Порфирія и др. извѣстныхъ изслѣдованій, пользовался сочиненіями Нилія по исторіи Александрійской церкви и отчасти Стэнлея. Къ сожалѣнію обширность предмета дала автору возможность ограничиться лишь трудомъ компилятивнымъ, ни на чемъ не останавливаясь спеціально. Тѣмъ не менѣе сочиненіе представляетъ полезный трудъ по обилію собраннаго матеріала. Нахожу сочиненіе вполне удовлетворительнымъ для полученія степени кандидата“.

Отзывъ экстраординарнаго профессора протоіерея Ал. Воскресенскаго о сочиненіи студента *Романа Гмухарева* на тему: „Максимъ Грекъ и русскій расколъ“.

„Сообразуясь съ характеромъ темы своего сочиненія, авторъ прежде всего устанавливаетъ точку зрѣнія на данный предметъ, для чего дѣлаетъ краткій очеркъ направленія мысли и жизни русскаго народа во время дѣятельности Максима Грека. Этотъ очеркъ показываетъ, что мысль и жизнь русскаго народа приняла тогда одностороннее мертвое обрядовое направленіе, что то было время, когда подготавлилась почва, на которой въ послѣдствіи выросъ и развился расколъ. Просвѣтительная дѣятельность Максима имѣла близкое отношеніе къ этому одностороннему направленію, а чрезъ это—и къ зараждавшемуся расколу. Съ этой именно стороны авторъ и смотритъ на значеніе книжной дѣятельности Максима для раскола до времени открытаго появленія его. Но такъ какъ приверженцы открытаго уже раскола указывали на преп. Максима, какъ на выразителя нѣкоторыхъ изъ ихъ мнѣній; то отсюда является нужда по-смотреть на предметъ сочиненія съ другой стороны, имен-

но—со стороны отношенія къ Максиму появившагося уже раскола. Но, прежде изложенія книжной дѣятельности преп. Максима и указанія отношенія ея къ расколу, авторъ счелъ нужнымъ предварительно представить краткую характеристику личности Максима и его дѣятельности. Такимъ образомъ сочиненіе автора распадается на три части: въ первой излагается краткій очеркъ жизни преп. Максима и характеръ его дѣятельности, во второй разсматривается дѣятельность Максима по исправленію книгъ, имѣвшая значеніе для подготавливавшагося раскола, въ третьей—отношеніе появившагося раскола къ литературной дѣятельности преп. Максима.

Частнѣе: въ первой части, изложивъ кратко біографію преп. Максима, авторъ резюмируетъ содержаніе и опредѣляетъ характеръ сочиненій его.

Во второй части, послѣ краткаго очерка состоянія книжнаго дѣла въ древней Руси до Максима, авторъ перечисляетъ труды Максима по переводу и исправленію книгъ, изображаетъ характеръ и значеніе книжныхъ его исправленийъ сравнительно съ предшествовавшими трудами по этому предмету, указываетъ вліяніе трудовъ Максима на дальнѣйшее исправленіе книгъ и на постановленіе Стоглава касательно книжнаго исправленія. Въ концѣ этой части авторъ старается уяснить, почему русскій народъ такъ неблагоклонно отнесся къ дѣятельности Максима по исправленію книгъ и, однакожъ, не смотря на это принялъ исправленные имъ книги. Во взглядѣ русскаго народа на исправленіе богослужебныхъ книгъ преп. Максимомъ высказалось то значеніе, какое имѣло это исправленіе для будущаго раскола, именно—исправленіе богослужебныхъ книгъ преп. Максимомъ въ приверженцахъ старины—будущихъ раскольниковъ усилило и развило эту приверженность до возведенія буквы и обряда на степени догматовъ, а самыхъ книгъ—на степень богодохновенныхъ. Съ такимъ взглядомъ на книги и обряды и выступили вожди раскола на борьбу съ патр. Никономъ.

Въ третьей части критически разсматриваются мнѣнія раскольниковъ, что будто бы—а) книги, исправленные пр. Максимомъ, были настолько исправны, что не требовали новыхъ исправленій при патр. Никонѣ и что исправленіе книгъ при Никонѣ было не только лишнимъ, но и вреднымъ, потому что совершалось по греческимъ книгамъ, испорченнымъ еретиками, какъ свидѣтельствуется, будто бы, о семъ преп. Максимъ,—что б) Максимъ внесъ въ 8-й членъ Символа вѣры слово „истиннаго“, и что в) онъ училъ „о двуперстномъ сложеніи креста“ и „сугубой аллилуи“. Разбирая два первыя мнѣнія раскольниковъ, авторъ старается показать происхожденіе оныхъ и затѣмъ переходитъ къ разбору словъ о двуперстіи и сугубой аллилуіи. Указавъ возможность происхожденія этихъ словъ въ XVI столѣтіи, авторъ старается точнѣе опредѣлить время ихъ происхожденія на основаніи и сличеніи различныхъ списковъ ихъ, излагаетъ признаки ихъ неподлинности на основаніи нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ и—характера сочиненій преп. Максима, для чего отмѣчаетъ нѣкоторыя отличительныя черты оныхъ. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній авторъ подробно разбираетъ самыя слова о двуперстіи и сугубой аллилуіи въ литературномъ отношеніи и показываетъ, на сколько эти слова могутъ подтверждать и подтверждаютъ ученіе раскольниковъ о двуперстіи и сугубой аллилуіи и затѣмъ дѣлаетъ общую характеристику словъ. Эта характеристика открываетъ, что означенныя слова не могли принадлежать преп. Максиму, что писателемъ ихъ было другое лице, заинтересованное ученіемъ о двуперстіи и сугубой аллилуіи и въ подтвержденіе этой мысли приводитъ нѣкоторыя данныя заимствованныя изъ самаго содержанія словъ. Въ заключеніи сочиненія авторъ представляетъ краткій историческій очеркъ ученія о двуперстіи и сугубой аллилуіи, который отчасти служитъ подтвержденіемъ высказанныхъ имъ выше замѣчаній относительно словъ Максима объ этомъ предметѣ и въ тоже время

указываетъ, какое мѣсто принадлежитъ словамъ, приписываемымъ преп. Максиму, въ ряду другихъ основаній (словъ и сказаній), приводимыхъ раскольниками въ защиту ученія о двуперстномъ сложеніи креста и сугубой аллилуйи, и какія отличительныя черты всѣхъ этихъ основаній.

Авторъ понялъ задачу своего сочиненія правильно и выполнилъ ее съ достаточнымъ умѣньемъ. Первые двѣ части, занимая половину всего сочиненія, безъ нужды изложены авторомъ такъ пространно и кромѣ того мало представляютъ самостоятельной работы; третья, болѣе существенная, часть—самостоятельный трудъ автора, свидѣтельствующій какъ о серьезномъ отношеніи его къ дѣлу, такъ и здравомъ критическомъ разборѣ раскольниковыхъ мнѣній, основываемыхъ ими на приписываемыхъ преп. Максиму словахъ. Вообще настоящее сочиненіе г. Глухарева какъ по содержанію, такъ и по правильному изложенію признаю удовлетворительнымъ для полученія степени кандидата⁴.

Отзывы экстраординарнаго профессора Филип. Терновскаго:

а) о сочиненіи *Николая Булатова*: „Епархіальные архіереи Московскаго государства въ періодъ патріаршества“.

„Сочиненіе г. Булатова прежде всего выдается изъ ряду своимъ значительнымъ объемомъ (1074 стр.). Но и по содержанію своему сочиненіе представляетъ весьма цѣнную работу.

Оно распадается на двѣ части. Первая часть, объемлющая $\frac{4}{5}$ сочиненія (11—817 стр.), состоитъ изъ ряда біографическихъ очерковъ архіереевъ патріаршаго періода. Очерки расположены хронологически, въ томъ порядкѣ, какъ архіереи сходили съ исторической сцены, т. е. умирали или увольнялись на покой.

Предъ нами проходятъ слѣдующіе 119 архіереевъ, годъ смерти и продолжительность служенія которыхъ мы при семъ обозначаемъ.

№№ по по- рядку		Годъ счѣрти.	Продолжи- тельность служенія.
1	Сильвестръ архіеп. Смоленскій.	1589	ок. 17 лѣтъ
2	Александръ митр. Новгородскій.	1591	15 —
3	Мисаилъ еписк. Псковскій . . .	1592	3 —
4	Іовъ архіеписк. Суздальскій. . .	у в. 1592	5 —
5	Митрофанъ арх. Рязанскій . . .	1598	12 —
6	Варлаамъ арх. Рязанскій. . . .	1601	3 —
7	Варлаамъ митр. Новгородскій . .	1601	9 —
8	Геласій митр. Крутицкій	—	15 —
9	Захарія архіеп. Тверской. . . .	602	24 —
10	Варлаамъ Роговъ м. Ростовскій.	603	16 —
11	Θеодосій архіеписк. Смоленскій.	до 605	ок. 12 —
12	Іона митроп. Ростовскій	604	1 —
13	Θеодосій архіеп. Астраханскій . .	607	8 —
14	Павнутій митр. Крутицкій	до 612 г.	ок. 7 —
15	Θеоктистъ архіеп. Тверскій . . .	уб. 609	6 —
16	Геннадій Псковскій	609	14 —
17	Іоасафъ Вологодскій.	609	6 —
18	Галактіонъ Суздальскій	609	16 —
19	Сергій Смоленскій	павнень 611 г	3 —
20	Ефремъ Казанскій	613	6 —
21	Іосифъ Коломенскій	615	29 —
22	Сильвестръ Псковскій	615	23 —
23	Герасимъ Суздальскій	615	ок. 3 —
24	Кириллъ Завидовъ м. Ростовскій	616	10 —
25	Θеодоритъ Рязанскій	617	12 —
26	Исидоръ митр. Новгородскій. . .	619	16 —
27	Іосифъ архіеп. Рязанскій	у в. 622	ок. 4 —
28	Іоакимъ Псковскій	623	7 —
29	Іона митр. Крутицкій	у в. 624	ок. 11 —
30	Корнилій Вологодскій	625	5 л.
31	Арсеній (Грекъ) арх. Суздальскій	625	?
32	Нектарій (Грекъ) арх. Вологодскій	626	?
33	Макарій митр. Новгородскій. . .	626	10 —
34	Онуфрій Астраханскій	628	13 —
35	Павнутій арх. Тверскій	628	7 —
36	Іосифъ Курцевичъ арх. Суздаль- скій	у в. 634	8 —
37	Макарій Кучинъ арх. Сибирскій.	635	10 —
38	Кипріанъ митр. Новгородскій . .	635	14 —
39	Павелъ митр. Крутицкій	636	ок. 13 —
40	Антоній Рязанскій	637	15 —
41	Макарій Астраханскій	638	11 —
42	Нектарій (Теляшевъ) арх. Си- бирскій	у в. 640	ок. 14 —

43	Рафаилъ Астраханскій	640	2 —
44	Евѣимій Тверскій	642	14 —
45	Варлаамъ Вологодскій	645	20 —
46	Матѣй митр. Казанскій	646	30 —
47	Аѳеоній Новгородскій	ув. 649	ок. 15 —
48	Симонъ Казанскій	ув. 649	ок. 4 —
49	Левкій Псковскій	ув. 650	ок. 15 —
50	Герасимъ Кремлевъ арх. Сибирскій	650	10 —
51	Моисей Рязанскій	651	13 —
52	Варлаамъ Ростовскій	652	33 —
53	Рафаилъ Коломенскій	ув. 652	34 —
54	Серапіонъ митр. Крутицкій	ув. 652	13 —
55	Серапіонъ Суздальскій	653	ок. 19 —
56	Сильвестръ Крутицкій	ув. 654	1 —
57	Софроній Суздальскій	654	1/2 —
58	Іона Тверскій	ув. 654	ок. 12 —
59	Мисаилъ Рязанскій	655	4 —
60	Пахомій Астраханскій	655	15 —
61	Корнилій митр. Казанскій	656	6 —
62	Зосима Прокоповичъ арх. Черниговскій	656	? —
63	Іосифъ II арх. Суздальскій	ув. 658	4 —
64	Маркелъ арх. Вологодскій	663	18 —
65	Макарій II митр. Новгородскій	663	11 —
66	Симеонъ архіеп. Сибирскій	664	14 —
67	Макарій архіеп. Псковскій	664	15 —
68	Павель еп. Коломенскій	ув. 666	14 —
69	Іосифъ архіеп. Астраханскій	667	11 —
70	Ѳеодосій митр. Бѣлгородскій	671	4 —
71	Филаретъ архіеп. Смоленскій	671	15 —
72	Лаврентій митр. Казанскій	672	16 —
73	Иларіонъ митр. Рязанскій	ув. 673	16 —
74	Александръ Вятскій	ув. 674	19 —
75	Павель митр. Крутицкій	675	14 —
76	Іосифъ архіеп. Коломенскій	ув. 675	3 —
77	Іоасафъ архіеп. Тверскій	676	19 —
78	Іоакимъ Дьяковичъ сербъ при Москов. арханг. соборѣ у пом. 676—7 г.г.		? —
79	Корнилій митр. Сибирскій	677	13 —
80	Стефанъ архіеп. Суздальскій	ув. 679	21 —
81	Парѣеній Астраханскій	680	8 —
82	Симеонъ архіеп. Тверскій	ок. 682	ок. 6 —
83	Іосифъ Рязанскій	681	7 —
84	Арсеній Псковскій	ув. 681	15 —
85	Никифоръ митр. Астраханскій	681	1 —

86	Мисаилъ митр. Бѣлоградскій . . .	684	17 —
87	Геласій архіеп. Устюжскій . . .	684	2½ —
88	Симонъ архіеп. Вологодскій . . .	ув. 684	20 —
89	Леонтій еписк. Тамбовскій . . .	ув. 684	2 —
90	Іоасафъ митр. Казанскій . . .	686	12 —
91	Павелъ (Моравскій) митр. Рязанскій . . .	686	10 —
92	Филаретъ митр. Нижегородскій .	ув. 686	14 —
93	Варсанофій (Еропкинь) митр. Крутицкій . . .	687	17 —
94	Іона II (Сисоевичъ) митр. Ростовскій . . .	ув. 690	38 —
95	Павелъ митр. Сибирскій . . .	692	13½ —
96	Лазарь Барановичъ арх. Черниговскій . . .	ув. 692	35 —
97	Корнилій митр. Новгородскій .	ув. 695	22 —
98	Феодосій (Углицкій) арх. Черниговскій . . .	696	4 —
99	Савватій митр. Астраханскій . .	696	13 —
100	Павелъ митр. Нижегородскій . .	696	10 —
101	Евѣимій митр. Новгородскій . .	696	8 —
102	Питиримъ еписк. Тамбовскій . .	697	12 —
103	Иларіонъ митр. Псковскій . . .	697	7 —
104	Маркеллъ митр. Казанскій . . .	698	18 —
105	Симеонъ (Милуковъ) митр. Смоленскій . . .	699	24 —
106	Александръ еписк. Устюжскій . .	699	14 —
107	Игнатій еписк. Тамбовскій . . .	отр 699	2 —
108	Іона (Барановъ) архіеп. Вятскій	699	25 —
109	Игнатій (Римскій-Корсаковъ) м. Сибирскій . . .	ув. 699	7 —
110	Авраамій митр. Рязанскій . . .	ув. 1700	13 —
111	Іоасафъ (Лазаревичъ) митр. Ростовскій . . .	701	10 —
112	Трифиллій (Иниковъ) митр. Крутицкій . . .	702	5 —
113	Авраамій митр. Бѣлгородскій . .	702	18 —
114	Аѳанасій архіеп. Холмогорскій .	702	20 —
115	Сергій архіеп. Тверскій . . .	ув. 702	20 —
116	Митрофанъ еписк. Воронежскій .	703	21 —
117	Никита еписк. Коломенскій . . .	704	23 —
118	Гавріилъ (Кочучинъ) архіеп. Вологодскій . . .	707	24 —
119	Иларіонъ митр. Суздальскій . . .	707	26 —

Біографіи вышеисчисленныхъ архіереевъ различны по своему объему (отъ 1 страницы до 40 страницъ). Болѣе подробны и обстоятельны біографіи архіереевъ вологодскихъ и рязанскихъ, конечно благодаря подготовительнымъ трудамъ г.г. Суворина и Воздвиженскаго. Сравнительно подробны также біографіи Лазаря Барановича, Аѳанасія Холмогорскаго, св. Митрофана Воронежскаго и Иларіона Суздальскаго. Авторъ, не жалѣя труда и времени, дѣлалъ выписки изъ доступныхъ ему -- не архивныхъ, но печатныхъ -- источниковъ. Конечно не могъ собрать всего (даже въ исторіи Соловьева найдутся свѣденія объ архіереяхъ XVII вѣка, опущенныя авторомъ), но собралъ все-таки очень много. Поэтому трудъ автора можетъ быть значительнымъ подспорьемъ для занимающагося русскою церковною исторіею XVII вѣка, и въ этихъ видахъ заслуживаетъ напечатанія съ нѣкоторыми впрочемъ сокращеніями. Сокращенію могутъ подлежать эпизодическія замѣчанія автора о новооткрываемыхъ епархіяхъ (бѣлоградской, архангельской, воронежской), предпосылаемыя біографіи архіерея, поступавшаго на вновь открытую епархію, -- а также нѣкоторыя словесныя украшенія, на которыя авторъ, придерживающійся устряловскаго казенно-напыщеннаго стиля, довольно щедръ.

Во второй части своего сочиненія авторъ отъ частныхъ біографическихъ извѣстій о каждомъ архіереѣ патріаршаго періода въ отдѣльности переходитъ къ обобщеніямъ и ведетъ дальнѣйшее изслѣдованіе въ 6 главахъ. 1) Жизнь архіереевъ до посвященія ихъ въ епископскій санъ. 2) Обстоятельства избрація и посвященія въ епископство и вступленія на епархіальныя кафедры. 3) Административное положеніе архіереевъ и особенности въ устройствѣ администраціи. 4) Юридическія права архіереевъ. 5) Доходы архіереевъ. 6) Нѣкоторыя стороны ихъ домашняго быта (о составѣ архіерейскаго двора, объ архіерейскихъ покояхъ, одеждѣ). Можно бы ожидать, что авторъ во 2-й части своего сочиненія постарается подвести къ итогам тѣ отрывочныя свѣде-

нія объ архіереяхъ, какія собраны имъ въ 1-ой части. Этого однако не видимъ. Авторъ какъ бы забываетъ объ архіерейскихъ біографіяхъ, надъ которыми онъ такъ долго трудился и ведетъ дальнѣйшее изслѣдованіе на основаніи другихъ пособій, иногда довольно далекихъ отъ темы и отъ періода, подлежащаго разсмотрѣнію автора. Такъ въ 1-й главѣ авторъ говоритъ объ общемъ положеніи образованія въ древней Руси, въ 4 й главѣ излагаетъ общія свѣденія о святительскомъ судѣ по уставамъ Владиміра и Ярослава. Болѣе характерны для исторіи архіерейской жизни въ XVII вѣкѣ свѣденія, сообщаемыя въ 2-й, 5 и 6-й главахъ, которыя также заслуживали бы напечатанія. Заслуживаетъ вниманія попытка автора опредѣлить сравнительную доходность епархій по числу церквей и крестьянскихъ душъ церковнаго вѣдомства.—Къ сочиненію приложена карта епархіальнаго дѣленія Россіи въ XVII в., конечно вѣрная только приблизительно.

Желая оказать справедливость по отношенію къ громадному и полезному для науки труду г. Булатова, рецензентъ считаетъ долгомъ обратить вниманіе Совѣта Академіи на настоящее сочиненіе, какъ на заслуживающее присужденія не только кандидатской, но даже магистерской степени“.

б) О сочиненіи *Николая Лебедевскаго*: „Митр. Паисій Лигаридъ и его пребываніе въ Россіи“.

„Во вступленіи авторъ, говоря объ источникахъ и пособіяхъ для своего сочиненія, выражаетъ сожалѣніе о недостаточности для него многихъ рукописныхъ свѣденій о Паисіѣ Лигаридѣ.

Въ самой біографіи П. Лигарида можемъ различать три части:

Жизнь П. Лигарида до прибытія его въ Москву (1612—1657). Пантелеимонъ Лигаридъ родился на островѣ Хиосѣ въ 1612 г., образованіе получилъ въ Римѣ, гдѣ и

принялъ католичество и присоединился къ числу грековъ латинумудрствующихъ. По окончаніи образованія со степенью доктора богословія и философіи, Пантелеимонъ Лигаридъ, уже принявшій католическое священство, отправился въ 1645 г. въ Константинополь для католической пропаганды. Потерпѣвъ неудачу, П. Лигаридъ направился въ Молдовлахію, гдѣ и учительствовалъ въ Яссахъ. Тамъ узналъ его Іерусалимскій патріархъ Паисій, взялъ съ собою ко св. гробу, постригъ въ монашество, давъ ему свое имя Паисія, и возвелъ въ санъ митрополита Газскаго. Обширное историческое сочиненіе Лигарида *о іерусалимскихъ патріархахъ*, (которымъ въ послѣдствіи воспользовался іерусалим. патріархъ Досіеѳей), свидѣтельствуетъ, что Паисій Лигаридъ выслуживалъ свое іерархическое повышение литературными трудами. Въ 1656 г. П. Лигаридъ снова является въ Молдовлахіи, а затѣмъ вслѣдствіе какой-то неблагоприятной исторіи удаляется въ Польшу. Эта часть сочиненія не весьма обширна по объему (8—32 лист.), тѣмъ не менѣе авторъ старается выяснять по возможности историческую обстановку событій, напр. говоритъ о наклонности къ латинству жителей Хіуса, родины Лигаридовой.

Жизнь Паисія Лигарида въ Москвѣ (1657—1672 г.) и участіе его въ дѣлѣ патріар. Никона составляетъ самую большую по объему (32—81 лист.) часть сочиненія. Изображая участіе П. Лигарида въ дѣлѣ патр. Никона, авторъ не соглашается съ Соловьевымъ и слѣдуетъ Субботину, и поэтому весьма унижаетъ Паисія и нѣсколько идеализируетъ Никона. Ключъ къ дѣятельности Паисія Лигарида за это время, кажется, даетъ его признаніе, что единственную цѣль его жизни на этомъ свѣтѣ составляла надежда достигнуть патріаршества. Патріаршества достигнуть Паисію ни въ Москвѣ, ни гдѣ-либо индѣ не удалось; но, во время борьбы царя съ Никономъ, Паисій фактически стоялъ во главѣ русскихъ іерарховъ. Съ паденіемъ Никона окончилась причина существованія Паисія въ Москвѣ; имъ перестали дорожить: горячія рѣчи его въ пользу училищъ выслуши-

вались холодно, и чрезъ нѣкоторое время онъ почувствовалъ необходимость удалиться изъ Москвы.

Последнія шесть лѣтъ жизни Паисія (1672—1678), проведенныя имъ большею частию въ Киевскомъ Софійскомъ монастырѣ, составляютъ предметъ 3-й части его біографіи. Паисій чувствовалъ себя въ это время человѣкомъ совершенно лишнимъ, пытался даже пристроиться въ Киевской коллегіи въ качествѣ преподавателя философіи, но неудачно. Въ Киевѣ однако онъ прожилъ и до своей смерти. По причинѣ скудости слѣдѣній эта часть сочиненія очень коротка (лист. 82—86). Оканчивается она изображеніемъ хлопотъ іерусалимскаго патріарха Досіея о разысканіи оставшагося послѣ Паисія имущества.

Авторъ относится къ Паисію очень сурово, называя его *продохою* и считая убѣжденнымъ папистомъ. Первое вѣрно, а второе отчасти уже подрывается первымъ. Правда, даже будучи въ Москвѣ, Паисій переписывался съ папистами и бралъ отъ нихъ деньги, но не видно, чтобы онъ сдѣлалъ что-нибудь въ пользу латинской пропаганды. Отмѣтивъ свойственную всѣмъ бродячимъ грекамъ любовь Паисія къ интригѣ и наживѣ, авторъ не оцѣнилъ по достоинству его любовь къ образованію и умственному труду, которая сдѣлала бы честь Паисію въ какое угодно время и съ какой угодно точки зрѣнія. Для присужденія степени кандидата сочиненіе весьма удовлетворительное“.

Отзывъ экстраординарнаго профессора Алексѣя Розова о сочиненіи студента *Николая Знаменскаго*: „Устройство католической церкви при Каролингахъ“.

„Планъ сочиненія простой и естественный: въ исторіи католической церкви при Каролингахъ авторъ нашелъ два послѣдовательныхъ періода—отъ возвышенія Каролинговъ до половины ІХ вѣка и отсюда до половины XI, почему и сочиненіе свое раздѣлилъ на двѣ части. Затѣмъ въ каждомъ періодѣ отдѣльно авторъ слѣдитъ: а) за развитіемъ папства,

б) за отношеніемъ церкви къ государству и гражданскому обществу и в) за измѣненіями во внутреннемъ устройствѣ церкви (за исключеніемъ папства), по сравненію и съ древнѣйшею жизнію церкви и съ непосредственно-предшествовавшими явленіями ея въ эпоху Каролинговъ.

По содержанію — по разработкѣ своего предмета и уясненію его сочиненіе обладаетъ весьма серьезными достоинствами: предметъ разсмотрѣвъ многосторонне и обслѣдованъ полно, можетъ быть въ одномъ пунктѣ — относительно развитія папства во второмъ періодѣ даже черезчуръ полно; начитанность обнаружена авторомъ весьма обширная (правда почти только въ сочиненіяхъ, составляющихъ ученую переработку первоисточниковъ), свидѣтельствующая о большемъ трудолюбіи его и серьезномъ отношеніи къ своей работѣ; оцѣнка историческихъ явленій почти вездѣ вѣрная, не смотря на многоразличіе взглядовъ, которые автору приходилось встрѣчать въ сочиненіяхъ равно-ученыхъ. Въ послѣднемъ отношеніи замѣтно выдается только одинъ промахъ: недостаточное уясненіе себѣ авторомъ важнаго различія въ состояніи культуры вообще и положенія поэтому церкви въ частности во второмъ періодѣ между Германіей съ одной стороны и Италіей, особенно же Франціей, съ другой.

Къ сожалѣнію, композиція и стиль сочиненія далеко не соотвѣтствуютъ достоинствамъ его содержанія. Во 1-хъ самое раздѣленіе сочиненія на двѣ части какъ-то скрадено, такъ что, читая первую часть, до послѣдней страницы ея, недогадываешься, что за нею слѣдуетъ еще часть. Въ 2-хъ желаніе автора выяснитъ значеніе частныхъ событій и явленій возможно обстоятельнѣе и полнѣе дѣлаетъ по мѣстамъ изложеніе предмета утомляюще растянутымъ. Въ 3-хъ, также по мѣстамъ, связь между отдѣльными положеніями автора является не вполне естественною. Фразеологія нерѣдко страдаетъ многословіемъ и неопредѣленностію выраженій; технические термины не вездѣ употребляются въ общеприня-

томъ-смыслѣ, синодъ напр. употребляется въ смыслѣ собора; географическія названія также иногда невѣрны, читается напр. Бургесъ вмѣсто Буржа, Ройень вмѣсто Руана и т. под. Тѣмъ не менѣе разбираемое сочиненіе всетаки очень хорошее“.

Отзывъ приватъ-доцента Стефана Голубева о сочиненіи студента *Лавренція Кузьминскаго* подъ заглавіемъ: „Исторія перехода западно-русскихъ дворянскихъ фамилій въ католицизмъ и унію въ XVI и XVII стол.“.

„Свое сочиненіе авторъ начинаетъ характеристикю современной, выродившейся изъ западно-русскаго православнаго дворянства, польско-католической шляхты, при чемъ обращаетъ вниманіе на ея неестественное положеніе въ здѣшнемъ краѣ, ея враждебныя отношенія къ православію и русской народности, ея мнѣнія и убѣжденія, сложившіяся подъ вліяніемъ католицизма и польско-шляхетскихъ идей. Затѣмъ непосредственно переходитъ къ древнимъ предкамъ этой шляхты—западно-русскимъ православнымъ дворянамъ, и, на основаніи историческихъ данныхъ, показываетъ, что искони и долгое время дворянство западно-русскихъ областей было православнымъ по вѣрѣ и русскимъ по національности, горячо любило праотцевскую вѣру и свою родину, словомъ было совершенно не похоже на своихъ позднѣйшихъ потомковъ, разорвавшихъ всякую связь какъ съ православіемъ, такъ и съ русскимъ народомъ. Это составляетъ первую часть сочиненія.

Во второй части авторъ излагаетъ самую исторію перехода западно-русскихъ дворянскихъ фамилій въ католицизмъ и унію (въ XVI и XVII стол.), ограничиваясь въ данномъ случаѣ тѣми фамиліями, которыя играли наиболѣе видную роль въ краѣ, или тѣми, отступничество которыхъ отъ праотцевской вѣры изобилуетъ характерными особенностями. Здѣсь сообщаются авторомъ болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія о переходѣ въ католицизмъ (или унію)

слѣдующихъ дворянскихъ родовъ: князей *Гомшанскихъ* или *Ольшанскихъ*, кн. *Сапегъ*, кн. *Пронскихъ*, *Верещинскихъ*, *Семановъ*, кн. *Корибутовъ-Вишневецкихъ*, кн. *Жбаражскихъ*, *Почтевъ*, *Терлецкихъ*, кн. *Острожскихъ*, кн. *Заславскихъ*, *Малинскихъ*, *Чарторыйскихъ*, кн. *Корецкихъ*, кн. *Самушиковъ*, *Балабановъ*, *Киселей* и *Гулевичей*.

Наконецъ въ третьей, послѣдней части своего сочиненія авторъ, на основаніи сообщенныхъ имъ данныхъ относительно перехода западно-руссскихъ дворянскихъ фамилій въ католицизмъ и унію, — старается выяснитъ причины, способствовавшія этому переходу. Главную, основную причину означеннаго печальнаго явленія онъ видитъ въ соединеніи литовско-руссскихъ областей съ Польшею, которая съ первыхъ же дней этого соединенія поставила себя какъ бы задачею всей исторической жизни объединить съ собою во всѣхъ отношеніяхъ литовско-русскій народъ, а потому никогда не переставала оказывать давленіе на религіозныя убѣжденія своихъ иновѣрныхъ (по отношенію къ ней) подданныхъ; указываетъ на іезуитовъ, съ поселенія своего въ литовско-руссскихъ областяхъ усилившихъ здѣсь пропаганду католицизма; обращаетъ вниманіе на низкій уровень просвѣщенія въ западной Руси въ XVI и началѣ XVII стол. и на укоренившійся обычай въ средѣ западно-руссскихъ дворянъ посылать своихъ дѣтей для довершенія образованія въ іезуитскія коллегіи, гдѣ естественно употреблялись всевозможныя старанія къ ихъ обращенію въ католичество; говоритъ о нерѣдкихъ случаяхъ брачныхъ связей православныхъ дворянъ съ католичками, почти всегда заботившимися о привлеченіи мужей къ своей вѣрѣ, и т. п.

Авторъ трудился довольно много и не безъ успѣха, — хотя нельзя не замѣтить, что количество характерныхъ случаевъ перехода южно-руссскихъ дворянскихъ фамилій въ католицизмъ и унію могло бы быть значительно увеличено; а также исторія перехода въ католичество нѣкоторыхъ, помѣщенныхъ въ сочиненіи, фамилій могла бы быть, при бо-

лѣе тщательномъ изученіи источниковъ и пособій,—пополнена. Желательно было бы не встрѣчать въ историческихъ сочиненіяхъ довольно крупныхъ хронологическихъ ошибокъ, въ родѣ, напр., слѣдующихъ замѣчаемыхъ въ рассматриваемомъ сочиненіи: Генрихъ приглашается на польскій престолъ въ 1595 году, Ипатій Подѣй принимаетъ монашество около 1470 года, епископъ Арсеній Балабанъ, живетъ въ самомъ концѣ XVI столѣтія и т. п. Впрочемъ, въ общемъ, рассматриваемое сочиненіе даетъ ясное представленіе о трактуемомъ въ немъ предметѣ и для полученія степени кандидата богословія удовлетворительно“.

В) Церковно-практическаго Отдѣленія отъ 28 мая: „Церковно-практическое Отдѣленіе въ засѣданіи 28 мая 1881 года рассматривало кандидатскія сочиненія студентовъ III курса:

1) Стефана Чижевскаго на тему: „Феликсъ, французскій проповѣдникъ временъ второй имперіи“.

2) Василия Березина на тему: „Современное состояніе русской церковной проповѣди, ея достоинства, недостатки и потребности“.

3) Василия Знаменскаго на тему: „Ecclesiastes sive concionator evangelicus Эразма Роттердамскаго“.

4) Василия Семова на тему: „Борьба русской церковной проповѣди второй половины прошлаго столѣтія противъ антихристіанскаго направленія того времени“.

5) Павла Чистосердова на тему: „Греко-римскія и отечественныя законоположенія о штатахъ церковнаго клира“.

6) Павла Холуйскаго на тему: „Церковное землевладѣніе съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича“.

7) Георгія Молчановскаго на тему: „Сборникъ житій святыхъ западно-русской редакціи 1397 года“.

8) Георгія Соколова на тему: „Историко-критическій очеркъ отношеній русскаго реализма 60-хъ годовъ къ искусству, съ богословской точки зрѣнія“.

9) Якова Горожанскаго на тему: „Хожденіе архимандрита Гребеня въ святую землю“.

10) Елифанія Нестеровскаго на тему: „Исторія праздника Пасхи“.

По выслушаніи подробныхъ отзывовъ о первыхъ четырехъ сочиненіяхъ профессора Пѣвницкаго, о сочиненіяхъ Чистосердова и Холуйскаго—профессора Лашкарева, о сочиненіяхъ Молчановскаго, Соколова и Горожанскаго—профессора Петрова, и о сочиненіи Нестеровскаго—профессора Смирнова, и по обсужденіи достоинства сихъ сочиненій, Отдѣленіе признало сочиненія всѣхъ означенныхъ студентовъ удовлетворительными для степени кандидата, о чемъ честь имѣетъ представить на благоусмотрѣніе Совѣта Академіи“.

Отзывы заслуженнаго ординарнаго профессора Василя Пѣвницкаго:

а) о сочиненіи студента *Стефана Чижевскаго* на тему „Феликсъ, французскій проповѣдникъ временъ второй имперіи“.

„Авторъ сочиненія, посвященнаго характеристикѣ французскаго проповѣдника Феликса, во введеніи къ нему говоритъ объ обстоятельствахъ, по которымъ парижскій архіепископъ Келанъ открылъ въ 1834 году катедру при храмѣ Парижской Богоматери для борьбы съ противохристіанскимъ духомъ нашего вѣка, и кратко характеризуетъ первыхъ представителей этой катедры, Лакордера и Равиньяка, и затѣмъ переходитъ къ ихъ преемнику Феликсу, составляющему предметъ его спеціальнаго изслѣдованія.

Въ рѣчи о Феликсѣ сначала сообщаются біографическія свѣдѣнія о немъ и указываются тѣ стороны, какимъ онъ посвящалъ свое слово, являясь на проповѣднической кафедрѣ, потомъ представляется очень подробный анализъ его проповѣдей о прогрессѣ, составляющихъ цѣлый обширный циклъ и служащихъ главнымъ и наиболѣе выразительнымъ его произведеніемъ, и наконецъ дается общее сужденіе о достоинствѣ и характерѣ его проповѣдническихъ произведеній.

Первая часть составлена хорошо, хотя авторъ въ ней не обнаруживаетъ большой самостоятельности. Удовлетворительно передано и содержаніе проповѣдей о прогрессѣ; но авторъ здѣсь просто пересказываетъ своими словами тѣ матеріи, какія развивалъ въ своихъ проповѣдяхъ Феликсъ, и свой пересказъ не сопровождаетъ никакими сужденіями. Менѣе всего удачна послѣдняя часть сочиненія, въ которой авторъ предположилъ дать критическую оцѣнку проповѣдей Феликса. Характеристика проповѣдничества Феликса въ этой части дается самая блѣдная, и панегирическій отзывъ о немъ является въ сочиненіи мало мотивированнымъ и недостаточно доказаннымъ. Авторъ можетъ работать, но не обладаетъ крѣпкою силою самостоятельнаго сужденія. Для степени кандидата впрочемъ его сочиненіе можетъ быть признано достаточнымъ".

б) о сочиненіи студента *Василія Березина* на тему „Современное состояніе русской церковной проповѣди (ея достоинства, недостатки и потребности)".

„Сочиненіе о современномъ состояніи русской церковной проповѣди не представляетъ мѣткой и полной характеристики своего предмета. Не видно у автора и яснаго сознанія той нормы, къ какой болѣе или менѣе должна приближаться проповѣдь, и по которой онъ судитъ бы о достоинствахъ представляющихся ему произведеній современнаго русскаго проповѣдничества. Сочиненіе его имѣетъ эпизодическій характеръ: части его не выведены изъ одного начала, а поставлены одна подлѣ другой не столько по внутреннему сродству, сколько по произволу мысли.

Въ русской современной проповѣди авторъ указываетъ два направленія, изъ которыхъ одно онъ называетъ жизненно-практическимъ, а другое нравственно-догматическимъ, и говоритъ сначала о проповѣди практическаго направленія, а потомъ нравственно-догматическаго.

Первое направленіе пользуется полнымъ его сочувствіемъ и о всѣхъ проповѣдникахъ этого направленія онъ

дѣляетъ очень похвалыные отзывы. Не входя въ подробный разборъ отличительныхъ чертъ и достоинствъ проповѣдниковъ практическаго направленія, онъ перечисляетъ ихъ, дѣляетъ изъ каждаго изъ нихъ двѣ—три выдержки, и сопровождаетъ эти выдержки общими фразами, которымъ недостаетъ опредѣленности и которыя представляются мало доказанными. Во главѣ нашихъ проповѣдниковъ онъ ставитъ Амвросія епископа Дмитровскаго, вторымъ проповѣдникомъ, достойнымъ сподвижникомъ Амвросія, онъ называетъ протоіерея Иванцова-Платонова, котораго рѣчи впрочемъ, по отзыву автора, „въ высшей степени замѣчательныя по силѣ и впечатлительности“, дающія ему право на высокое мѣсто въ ряду другихъ нашихъ проповѣдниковъ, по его же словамъ, въ строгомъ смыслѣ не могутъ быть названы проповѣдями. Затѣмъ слѣдуетъ рѣчь о петербургскомъ проповѣдникѣ Полисадовѣ, о проповѣдническомъ сборникѣ изданномъ преподавателемъ Воронежской семинаріи Маврицкимъ подъ именемъ „Святителя“, о „пастырскомъ голосѣ“ священника Полтавской епархіи Затворническаго, и послѣ разбора этихъ, избранныхъ и излюбленныхъ авторомъ, проповѣдниковъ, онъ говоритъ о воскресныхъ и праздничныхъ собесѣдованіяхъ съ народомъ, которыхъ, по его словамъ, „несравненно важнѣе и несравненно полезнѣе для простаго народа. чѣмъ церковныя проповѣди“. Послѣ рѣчи о проповѣдникахъ практическаго направленія, авторъ касается нареканій на это направленіе проповѣди со стороны проповѣдниковъ-догматистовъ. Нареканія эти едвали слышатся гдѣ либо и кажутся выдуманными авторомъ, когда напримѣръ авторъ приписываетъ инымъ такое мнѣніе, будто церковная проповѣдь не должна касаться общественной жизни съ ея многочисленными запросами, а должна исключительно разяснять истины вѣры и нравственности безъ всякаго отношенія къ семейной, общественной и политической жизни; а между тѣмъ онъ силится разбивать эти странныя нареканія. Недостатковъ почти никакихъ не за-

мѣчаетъ авторъ въ проповѣдяхъ практическаго направленія.

Не такъ дружелюбно относится онъ къ проповѣдямъ нравственно-догматическаго направленія, которое онъ считаетъ господствующимъ въ современной проповѣднической литературѣ. Онъ мало говоритъ въ пользу этого направленія проповѣди. Его неодобрительные отзывы о нравственно—догматическихъ проповѣдяхъ не сдерживаются и тѣмъ, что законодателями этого направленія онъ представляетъ такихъ знаменитыхъ проповѣдниковъ, какими были Филаретъ Московскій и Иннокентій Херсонскій. О самихъ проповѣдникахъ этого направленія онъ не распространяется такъ, какъ распространяется о проповѣдникахъ противоположнаго направленія, а только вкороткѣ упоминаетъ о пр. Антоніѣ Казанскомъ, пр. Димитріѣ Волынскомъ и священникѣ Стратилатовѣ. Не желая видѣть достоинства проповѣдниковъ, называемыхъ имъ догматистами, онъ порицаетъ ихъ за неприспособленность ихъ словъ къ жизни, за чрезмѣрный формализмъ, за книжный напыщенный языкъ съ архаистическими выраженіями и за вялое бездушное произношеніе.

Сильнаго подтвержденія требуютъ сужденія автора, и взгляды, имъ раскрытые, нуждаются въ исправленіи. Но авторъ писать можетъ; фраза его легка и перо бойкое. Во вниманіе къ этому сочиненію можно признать достаточнымъ для степени кандидата⁴.

в) о сочиненіи студента *Василія Знаменскаго* на тему „*Ecclesiastes vive concionator evaangelicus* Еразма Роттердамскаго“.

„Въ сочиненіи сначала представлена краткая, но обстоятельная, біографія Еразма Роттердамскаго и сдѣлана общая характеристика его многосторонней литературной дѣятельности. Послѣ этой общей части авторъ переходитъ къ подробному разбору того сочиненія Еразма, которое служитъ

спеціальнымъ предметомъ его изслѣдованія. Авторъ передаетъ прежде внѣшнюю исторію этого сочиненія, а потомъ приступаетъ къ анализу его содержанія. Въ этомъ анализѣ авторъ не слѣдуетъ шагъ за шагомъ за Эразмомъ, между прочимъ потому, что Эразмъ въ своемъ „Евангельскомъ проповѣдникѣ“ не слѣдуетъ строго выдержанному плану, и самъ сознается, что въ немъ „многое безсвязно, не закончено, поставлено не на своемъ мѣстѣ и не разъ повторяется“, но ничего существеннаго изъ замѣчаній Эразма не оставляетъ безъ вниманія.

Онъ передаетъ мысли Эразма первоначально объ органахъ церковнаго краснорѣчія и о высокой важности и тривности проповѣдническаго служенія, затѣмъ говоритъ о нравственныхъ качествахъ, какія желательны въ проповѣдникѣ, и о томъ образованіи, какое онъ долженъ имѣть. Послѣ рѣчи о проповѣдникѣ излагается сужденіе Эразма о проповѣди, ея предметъ и цѣли и о родахъ церковнаго краснорѣчія, передаются его замѣчанія о составныхъ частяхъ проповѣди, о проповѣдническомъ изложеніи и о произношеніи проповѣдей.

Удовлетворительно написана эта часть сочиненія, и обнаруживаетъ въ авторѣ не только знакомство съ сочиненіемъ Эразма, но и пониманіе того дѣла, о которомъ говорить Эразмъ.

Въ заключительной части своего сочиненія авторъ представляетъ общее сужденіе о гомилетикѣ Эразма и ея значеніи для послѣдующаго времени. Это сужденіе слишкомъ мало развито и отъ того является блѣднымъ и мало определеннымъ. Коснулся авторъ отношеній Эразма къ тѣмъ авторитетнымъ писателямъ прежняго времени, которыми онъ не мало руководствовался въ своемъ сочиненіи, напр. къ Григорію Двоуслову и блаж. Августину, но объ этомъ онъ говоритъ только вскользь и мимоходомъ; а между тѣмъ этотъ пунктъ заслуживалъ бы болѣе тщательнаго разсмотрѣнія.

Сочиненіе во всякомъ случаѣ для степени кандидата удовлетворительно“.

г) о сочиненіи студента *Василія Симова* на тему „Борьба русской церковной проповѣди второй половины прошедшаго столѣтія противъ антирелигіознаго направленія того времени“.

„Сочиненіе раздѣляется на двѣ части. Въ первой изображается религіозно—нравственное состояніе русскаго общества за вторую половину прошлаго вѣка, создавшееся подъ вліяніемъ идей отрицательной философіи; во второй представленъ разборъ проповѣдей, вызванныхъ современнымъ состояніемъ русскаго общества и направленныхъ противъ вліянія антирелигіозной пропаганды.

Характеристика религіозно—нравственнаго состоянія русскаго общества второй половины прошлаго вѣка сдѣлана бойкою и умѣлою рукою и представляетъ полную, мѣткую и стройно написанную картину: изобразивши сущность европейской цивилизаціи и направленія философскаго движенія XVIII вѣка, авторъ подробно показываетъ, чѣмъ и какъ отразилась эта цивилизація и философія въ нашемъ образованномъ обществѣ, и входитъ въ разсмотрѣніе причинъ, способствовавшихъ распространенію идей модной философіи въ Россіи въ вѣкъ Екатерины. Сужденія его основаны на тщательномъ изученіи литературы того вѣка и обнаруживаютъ мысль твердую, привыкшую вдумываться въ предметъ.

Первая часть, изображающая религіозно-нравственное состояніе русскаго общества въ вѣкъ Екатерины, по плану автора, служитъ частію подготовительною. Она имѣетъ значеніе для уясненія предмета, разсматриваемаго авторомъ; но собственно прямой отвѣтъ на вопросъ данъ во второй существенной части, въ которой авторъ изображаетъ противоѣдствіе проповѣди, въ лицѣ ея достойныхъ представителей, наплыву модныхъ идей. Здѣсь, въ этой части,—нѣтъ

того мастерства характеристики, какое заслуживаетъ особенную похвалу въ первой части; но видна мысль дѣльная, замѣтно основательное изученіе проповѣднической литературы Екатерининскаго вѣка. Авторъ не преувеличиваетъ силы и вліянія проповѣднической полемики противъ антирелигіозныхъ идей вѣка. Онъ указываетъ препятствія, мѣшавшія успѣшному дѣйствию проповѣди противъ духа времени, но не скрываетъ и не умаляетъ заслугъ избранныхъ служителей церковнаго слова, выступавшихъ на защиту вѣры и церкви. На четырехъ главныхъ проповѣдникахъ онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе, именно: на Гедеоноѣ Криновскомъ, митрополитѣ московскомъ Платонѣ, Георгіѣ Конискомъ и Анастасіѣ Братановскомъ.

Приступая къ изображенію самой борьбы проповѣди противъ антирелигіознаго направленія указаннаго времени, авторъ всѣ проповѣди избранныхъ имъ проповѣдниковъ раздѣляетъ на два разряда: на проповѣди догматико-полемическія и нравственно-обличительныя, и затѣмъ, болѣею частью, словами самихъ проповѣдниковъ разъясняетъ тѣ пункты сначала христіанскаго вѣроученія, а потомъ правоученія, которые подвергались отрицанію или неправильному толкованію у людей, поддавшихся вліянію отрицательной философіи. Онъ умѣлъ составить изъ проповѣдей екатерининскаго времени довольно полную и сильную апологію христіанскаго вѣроученія и правоученія противъ тогдашнихъ отрицателей.

Сочиненіе для степени кандидата очень удовлетворительное“.

Отзывы ординарнаго профессора Ник. Петрова:

а) о сочиненіи студ. *Георгія Молчановскаго* на тему: „Сборникъ житій святыхъ западнорусской редакціи 1397 года“.

„Въ предисловіи къ изслѣдованію, сдѣлавъ поверхностный обзоръ трудовъ по собиранію и изслѣдованію памятниковъ древнерусской письменности, авторъ указываетъ между

этими памятниками почетное мѣсто разсматриваемому имъ памятнику и полагаетъ задачу своего изслѣдованія въ опредѣленіи тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ сложилось содержаніе сборника въ настоящемъ его составѣ. Но, приступая къ самому изслѣдованію, онъ не ограничивается одной этой задачей, но говоритъ сначала о внѣшнемъ видѣ и исторической судьбѣ сборника, потомъ о составѣ и содержаніи сборника и наконецъ о языкѣ памятника и филологическихъ его особенностяхъ. Соотвѣтственно тройной задачѣ и самое сочиненіе распадается на три части.

Первая часть, самая незначительная, описываетъ внѣшній видъ рукописи и излагаетъ ея историческія судьбы. Здѣсь авторъ подробно описываетъ переплетъ рукописи, сдѣланный въ 1686 году, начертаніе буквъ, знаки препинанія и придыханія, матеріалъ рукописи и современныя и позднѣйшія приписки въ ней, но особенно останавливается на припискѣ переписчика поповича Березки, писавшаго ее въ 1397 году въ Камяницѣ при великомъ королѣ Андреѣ, повелѣніемъ раба Божія Θεодора. По изслѣдованію автора, упоминаемый здѣсь король Андрей есть родной братъ Литовскаго короля Ягелла. Послѣ принятія Ягелломъ католицизма въ 1386 году, Андрей объявилъ, что Ягелло, измѣнивши православію, потерялъ право власти надъ православными Литовско—русскихъ земель, и потому никто не обязанъ ему повиноваться. Вслѣдствіе этого началась война между Андреемъ и Ягелломъ, кончившаяся для перваго неудачно. Городъ Каменецъ не есть нынѣшній Каменецъ—Подольскій, а другой, находившійся въ предѣлахъ нынѣшней Гродненской губерніи. Что же касается раба Божія Θεодора, повелѣніемъ котораго списана была книга, то авторъ предполагаетъ въ немъ князя Θεодора Давиловича Острожскаго, ревностнаго защитника православія (1386—1441 г.), причисленнаго къ лику преподобныхъ.

Вторая часть сочиненія занимается изслѣдованіемъ состава и содержанія рукописи. Въ ней заключаются житія и

поученія на нарочитые неподвижные праздники и дни и поученія на нѣкоторые воскресные дни, особенно великой четьредесятницы, всего 82 статьи. Авторъ сличаетъ поочередно всѣ эти статьи или съ греческими источниками, если они извѣстны, или съ параллельными славяно-русскими статьями, доселѣ извѣстными, отмѣчаетъ статьи доселѣ неизвѣстныя, излагаетъ содержаніе и апокрифическія и легендарныя статьи сопоставляетъ съ соответствующими имъ произведеніями устной народной словесности, напримѣръ легендарное житіе великомученика Георгія съ былинами и духовными стихами народными о томъ же святомъ. Результатомъ изслѣдованія состава и содержанія рукописи является открытіе нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ доселѣ анонимныхъ произведеній древней русской письменности, не бодѣе, впрочемъ, трехъ—четырехъ статей, и указаніе множества вариантовъ къ извѣстнымъ уже статьямъ, иногда весьма интересныхъ. Особенную важность имѣютъ варианты, заключающіе обличеніе русскихъ языческихъ обычаевъ и тѣмъ свидѣтельствующіе о русскомъ происхожденіи или перелѣлкѣ извѣстныхъ поученій.

Въ третьей части говорится о языкѣ рукописи, который представляетъ изъ себя діалектическую смѣсь особенностей южнорусскихъ и бѣлорусскихъ съ оттѣнками старославянскаго и польскаго языка. При самомъ даже поверхностномъ чтеніи сборника вездѣ бросаются въ глаза фонетическія, этимологическія и синтаксическія особенности переходнаго времени XIV вѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и особенности мѣстныя, съ замѣтнымъ вліяніемъ малорусскаго нарѣчія; нерѣдко попадаются даже цѣлыя выраженія народнаго говора малороссовъ. Эти особенности и указываются авторомъ настолько, что по нимъ можно составить понятіе о языкѣ рукописи даже и не читавшему ее.

Общій планъ изслѣдованія, обнимающій всю широту предмета, не выведенъ у автора логически изъ одной основной мысли. Въ отдѣльных частяхъ сочиненія есть нѣко-

торые недостатки и излишества. Въ первой части, надпримѣръ, напрасно разсматриваются со всею подробностію позднѣйшія приписки въ рукописи и переплетъ ея, неимѣющія отношенія къ задачѣ изслѣдованія; напротивъ голословно высказано мнѣніе о томъ, что городъ Каменецъ, въ которомъ переписана рукопись, находится будто бы въ предѣлахъ нынѣшней Гродненской губерніи. Вторая часть сочиненія, самая важная, потребовала у автора много времени и труда и болѣе всего удовлетворяетъ читателя: съ большею или меньшею полнотою и обстоятельностью показано здѣсь отношеніе статей сборника къ соответствующимъ произведеніямъ древнеславянской письменности и указаны новыя данныя для исторіи древнерусской письменности. Но и въ этой части есть съ одной стороны отстудненія въ сторону отъ главной задачи, съ другой опущеніе точныхъ указаній на источники происхожденія нѣкоторыхъ статей сборника, или же сличеніе этихъ статей съ произведеніями, не вполне имъ соответствующими. Третья часть сочиненія, указывая существенные элементы и стороны языка рукописи, отличается сравнительною краткостію, которую самъ авторъ объясняетъ краткостію времени, бывшаго въ его распоряженіи для составленія сочиненія. Вообще разсмотрѣнное сочиненіе, не имѣя вполне отчетливаго и законченнаго характера, заключаетъ, однакоже, всѣ существенныя данныя по изслѣдованію рукописи и можетъ быть названо удовлетворительнымъ“.

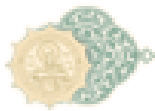
б) о сочиненіи студ. *Якова Горожанскаго*: „Хожденіе архимандрита Грееня въ святую землю“.

„Хожденіе Грееня, находящееся въ рукописи Церковно-археологическаго Музея при Киевской духовной Академіи, доселѣ не издано и время его не опредѣлено съ точностію. Въ рукописи нѣтъ даже указанія на то, откуда отправился въ свое путешествіе архимандритъ Грееній. Для опредѣленія времени и исходнаго пункта путешествія ав-

тору оставалось обратиться къ разсмотрѣнію внѣшнихъ и внутреннихъ признаковъ сборника, въ которомъ находится „Хожденіе“, и самаго этого хожденія и сличенію его съ другими древнерусскими сказаніями о путешествіяхъ во святую землю. Это и пытался сдѣлать авторъ разсматриваемаго сочиненія. Разсмотрѣніе сборника, въ которомъ находится хожденіе, въ палеографическомъ отношеніи привело автора къ общему заключенію о древности его. Но самое хожденіе должно быть составлено раньше составленія или переписки сборника, такъ какъ въ сохранившемся спискѣ оно страдаетъ описками и вообще ошибками, обличающими неисправную копію (а не оригиналъ). Когда же составленъ сборникъ и когда и къмъ написано самое хожденіе? Старѣйшая дата въ сборникѣ относится къ 1396 году, подъ которымъ отмѣченъ день преставленія Пермскаго епископа Стефана Храпѣя, составившаго Пермскую грамоту; во правописаніе сборника и языкъ его указываютъ на болѣе позднее время его завершенія, именно на XV и первую половину XVI вѣка. Что же касается списка хожденія, то въ немъ замѣчаются особенности новгородскаго нарѣчія, котораго, однако, могли и не принадлежать оригиналу.—Опредѣливъ хронологическія границы образованія сборника, въ которомъ находится списокъ хожденія, авторъ сочиненія обращается затѣмъ къ самому хожденію и старается опредѣлить время его написанія и автора. Прежде всего онъ обращаетъ вниманіе на имя Грееній, подъ которымъ преосвященный Филаретъ Черниговскій разумѣлъ нѣкоего Григентія или Григорія, и убѣдительно доказываетъ, что имя Григентій могло появиться въ Россіи только въ концѣ XVI вѣка, вмѣстѣ съ переводомъ на русскій языкъ „Прѣнія Григорія Омиритскаго съ евреемъ Ерваномъ“, тогда какъ въ самомъ хожденіи есть указанія на болѣе раннее время, слѣдовательно подъ Грееніемъ трудно разумѣть Григентія и скорѣе нужно признать это имя за совершенное искаженіе какого—то другаго имени. Основываясь на нѣкоторыхъ сход-

ныхъ чертахъ хожденія архимандрита Грееня со „Сказаніемъ о пути ко Іерусалиму Епифанія монаха“, современника св. Стефана Пермскаго и ученика преп. Сергія Радонежскаго, авторъ допускаетъ предположеніе о тождествѣ Греенія съ Епифаніемъ, и готовъ отнести хожденіе ко времени между 1391 и 1418 годами. Къ сожаленію, одинъ изъ двухъ извѣстныхъ доселѣ списковъ Епифанева сказанія, съ которымъ авторъ хотѣлъ сличить „Хожденіе Греенія“, оказался утраченнымъ безвозвратно... Не настаивая на отождествленіи Греенія съ Епифаніемъ, авторъ сочиненія, однако, указываетъ въ „Хожденіи“ нѣсколько внутреннихъ признаковъ, по которымъ „Хожденіе“ должно быть отнесено ко времени между 1391 и 1517 годами, т. е. приблизительно ко времени путешествія Епифанія премудраго. Въ заключеніе авторъ разсматриваетъ „Хожденіе“ со стороны его содержанія и достовѣрности заключающихся въ немъ свѣдѣній, для этого дѣлаетъ первоначально общій очеркъ древнерусскаго паломничества и указываетъ мѣсто и значеніе „Хожденія“ между однородными съ нимъ памятниками. Болѣе близкое отношеніе оно имѣетъ къ „Страннику“ іеродіакона Зосимы и „Путешествію“ діакона Игнатія. Уступая въ многомъ игумену Даниилу и позднѣйшимъ паломникамъ, авторъ „Хожденія“ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходитъ діакона Игнатія. У послѣдняго нѣтъ той полноты и обстоятельности въ описаніи памятниковъ св. земли, какую мы видимъ въ „Хожденіи“ автора. Но, съ другой стороны, въ „Хожденіи“ нѣтъ той ясности и отчетливости въ описаніи, какая составляетъ характерную особенность Трифона Коробейникова, іеродіакона Іоны и другихъ. Къ сочиненію приложены самый текстъ „Хожденія“, снабженный примѣчаніями преимущественно изъ другихъ описаній путешествій, и таблица разстоянія мѣстъ, показанныхъ въ „Хожденіи“.

Прежде всего, въ сочиненіи автора обращаетъ на себя вниманіе тотъ аналитическій методъ, которому онъ слѣдовалъ при изученіи совершенно почти неизслѣдованнаго пред-

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

I.

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(Еженедѣльное изданіе, отъ 2-хъ до 4-хъ печатныхъ листовъ въ номерѣ) и

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24-хъ печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ) будутъ издаваться при с.-петербургской духовной академіи въ 1882 году на прежнихъ основаніяхъ. Въ обоихъ журналахъ въ теченіи года напечатается болѣе 260 листовъ убористаго шрифта. При „Христіанскомъ Читеніи“ въ слѣдующемъ году будетъ продолжаться начатое съ 1879 г. печатаніе

Толкованій на Ветхій Заветъ

съ особымъ счетомъ страницъ, такъ что къ концу 1882 года составитсѣ *четвертый* выпускъ „Толкованій“ (въ четвертомъ выпускѣ будетъ продолжаться печатаніе „Толкованій на книгу Псалмовъ“).

Годовая цѣна въ РОССІИ за оба журнала и съ „Толкованіями на Ветхій Заветъ“—*семь руб.* съ пересылкою; отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“—*пять руб.*, за „Христіанское Читеніе“ съ „Толкованіями“—*пять руб.* ЗА ГРАНИЦЕЙ ДЛЯ ВСѢХЪ МѢСТЪ: за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р.

Номера „Церковнаго Вѣстника“ по 15 коп.

Въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ печатаются *стороннія объявленія*: авторовъ и книгопродавцевъ о вновь выходящихъ книгахъ, банковъ объ ихъ операціяхъ, магазиновъ и т. д., по опредѣленной и съ прошлаго года пониженной тактѣ, именно *по 15 коп.* за строчку пелита (въ $5\frac{1}{2}$ квадратныхъ), если объявленіе печатается въ одномъ номерѣ, и *по 10 к.*, если повторяется въ двухъ и болѣе номерахъ. При „Церковномъ Вѣстникѣ“ разсылаются отдѣльныя объявленія и прейсъ-курранты—по *пяти руб.* съ каждой тысячи.

Иногородные надписываютъ свои требованія прямо: *Въ Редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Читенія“ въ С.-Петербургъ.*

Адресъ отдѣленія конторы, гдѣ принимаются: объявленія для напечатанія и для разсылки при журналахъ, а также подписка на журналы отъ петербургскихъ подписчиковъ и гдѣ можно получать отдѣльныя изданія редакціи: Солдатскій переулокъ, между Знаменской и Преображенской ул., домъ Иванова № 5, кв. № 3-й.

Кромѣ того можно подписываться у коммиссіонеровъ Редакціи: *въ Петербургъ* при книжномъ магазинѣ И. Л. Тузова (бывшечъ Кораблева), *въ Москву*—при книжномъ магазинѣ А. Н. Ферапонтова.

Въ отдѣленіи конторы редакціи (адресъ ея см. выше) можно получать полныя экземпляры

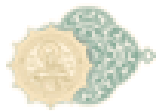
Церковнаго Вѣстника и Христіанскаго Читенія

за 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880 и 1881 г.г.

по *пяти рублямъ* за оба журнала за годъ (вмѣсто семи) и по *три рубля* за годовой экземпляръ каждого журнала отдѣльно.

Тамъ же можно получать:

Собраніе древнихъ литургій въ переводѣ на русскій языкъ—въ пяти выпускахъ: цѣна всѣхъ пяти выпусковъ вмѣстѣ (болѣе 50 печатныхъ листовъ) *три рубля* и съ пересылкою, каждого отдѣльно—*одинъ рубль* съ пересылкою.

„Толкованія на Ветхій Завѣтъ“ 1 и 2 выпуски, цѣна 2 р. 50 к., съ перес.
3 р. Отдѣльно 1-й в. 1 р. 25 к. съ перес., 2-й в. 2 р. съ перес.

15-го ноября выйдетъ третій выпускъ
„ТОЛКОВАНІЙ НА ВЕТХІЙ ЗАВѢТЪ“

Въ этомъ выпускѣ начато толкованіе на книгу Псалмовъ. Цѣна 75 к.
безъ пересылки и 1 р. съ пересылкою.

Примѣчанія:

1) Всѣ статьи и сообщенія для помѣщенія въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ должны быть доставляемы или высылаемы въ Редакцію непременно съ адресомъ автора. Статьи, доставляемыя безъ означенія гонорара за нихъ, признаются бесплатными. За слова и поученія Редакція не платитъ никакого гонорара.

2) Статьи и сообщенія, признаваемыя Редакціей неудобными къ напечатанію, сохраняются въ теченіи трехъ мѣсяцевъ въ Редакціи для возвращенія по личному востребованію; возвращенія же ихъ по почтѣ Редакція на себя не принимаетъ.

ВЪ РЕДАКЦИИ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ:

I. *Христіанское Чтеніе* за 1822, 1823, 1824, 1826, 1827, 1833, 1836, 1839, 1840, 1843, 1844, 1845, 1846 и 1847 гг. по 2 р. за экземпляръ каждого года безъ перес. и по 3 р. съ перес., выписывающіе одновременно за всѣ исчисленные 14 годовъ платятъ безъ перес. 20 р., съ пересылкою 25 р. с.

II. *Христіанское Чтеніе* за 1848, 1856, 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867 и 1868 гг. по 3 р. за экземпляръ каждого года безъ перес. и по 4 р. с. съ пересылкою; за всѣ 13 годовъ 30 р. безъ перес. и 35 р. съ пересылкою.

III. *Христіанское Чтеніе* за 1849, 1850, 1852, 1854, 1855, 1857, 1870 и 1871 гг. по 4 р. за экземпляръ каждого года безъ перес. и по 5 р. съ перес.; за всѣ вмѣстѣ 8 годовъ 27 р. безъ перес. и 32 р. съ пересылкою.

IV. *Христіанское Чтеніе* за 1872, 1873 и 1874 гг. по 4 р. с. за экземпляръ каждого года безъ перес. и по 5 р. съ пересылкою.

V. *Христіанское Чтеніе* за 1875, 1876, 1877, 1878, 1879 и 1880 годы вмѣстѣ съ *Церк. В.* по 5 р. съ перес., отдѣльно по 3 р. За всѣ вышеозначенные годы можно получать журналъ и отдѣльными книжками по 75 к. безъ перес. и по 1 р. съ пересылкою.

Въ „Христіанскомъ Чтеніи“ за прежніе годы помѣщены слѣдующія бесѣды св. Іоанна Златоуста:

а) на кн. Дѣяній св. апостоловъ за 1856 и 1857 гг.

б) на посланія къ Ефесеяамъ и Колоссянамъ—за 1858 г.

в) на посланія къ Солунянамъ, къ Тимоѳею, къ Титу, Филимону и къ Евреямъ—за 1859 г.

VI. ОТДѢЛЬНЫЯ ИЗДАНІЯ:

Бесѣды Св. Іоанна Златоустаго:

1) *къ антиохійскому народу*, томъ первый. Цѣна 1 руб. сер. безъ пересылки и 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2) на *Евангеліе Іоанна* два тома (въ первомъ томѣ 34 листа; во второмъ—34 листа). Цѣна за 2 тома 1 руб. 50 коп. безъ перес. и 2 р. съ пересылкою.

3) на *разныя мѣста Св. Писанія*, три тома (въ первомъ томѣ 35 листовъ; во второмъ—35 листовъ; въ третьемъ—38 листовъ). Цѣна за три тома 3 руб. безъ перес. и 4 р. съ перес.

4) на *разные случаи*, два тома (въ первомъ томѣ 36 листовъ; во второмъ 34 листа). Цѣна за оба тома 2 руб. безъ пересылки и 3 руб. съ перес.

5) на *первое посланіе къ Коринѳянамъ*, два тома (въ 1-мъ томѣ 25 листовъ во второмъ—27 листовъ). Цѣна 1 руб. 25 коп. безъ перес. и 1 р. 50 съ перес.

6) *письма Златоуста* (20 листовъ). Цѣна 50 коп. безъ пересылки и 75 к. съ пересылкою.

7) *Письма Θεодора Студита*, два тома (въ первомъ томѣ 20 листовъ; во второмъ—38 листовъ). Цѣна 1 руб. 50 к. безъ перес. и 2 р. съ пересылкою.

8) *Церковная исторія, Евсевія Памфила*, 1-й томъ (34 листа)—1 р. безъ перес. и 1 р. 50 к. съ перес.; 2-й т.—2 р. съ перес.

9) *Пресвящ. Филарета—Св. подвижники восточной церкви* (25 листовъ). Цѣна 1 руб. безъ пересылки и 1 р. 25 к. съ пересылкою.

10) *Проф. И. В. Чельцова—Древнія формы символовъ* (13 лист.). Цѣна 75 к. безъ перес. и 1 р. съ пересылкою.

11) *Митр. Шалуны—Каноническое право* (40 листовъ). Цѣна 1 руб. безъ перес. и 1 р. 50 к. съ перес.

12) Первый, второй, третій и пятый (последній) выпуски *„Собранія древнихъ литургій“*. Цѣна каждого отдѣльно 1 р. съ перес. Всѣ пять выпусковъ вмѣстѣ *три руб.* съ пересылкою.

13) *Указатель къ „Христіанскому Чтенію“* за 1821—1870 годы. Ц. 30 к. безъ перес. и 50 к. съ пересылк.

14) *Ученіе древней церкви объ исхожденіи Св. Духа* (противъ римскихъ католиковъ). С. Котомскаго. Ц. 1 р. съ перес.

15) *Генетическое введеніе въ православное богословіе*. Лекція (по запискамъ студентовъ) протоіерей Θ. Θ. Сидонскаго. Цѣна 80 к., съ перес. 1 руб.

16) *Положеніе о правахъ и преимуществахъ мнѣ, служащихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ*. Цѣна 30 к. съ пересылкою.

17) *Обозрѣніе посланій св. ап. Павла къ Коринѳянамъ*, проф. М. Голубева. 337 стр. Цѣна 80 к., съ перес. 1 рубль.

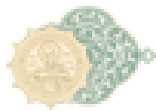
18) *Толкованіе на Ветхій Заветъ*, вып. 1 и 2. (См. выше).

19) *Грамота Константинопольскаго патріарха Паисія I къ московскому патріарху Никону*. Оригинальный текстъ съ русскимъ переводомъ и примѣчаніями. Спб. 1881 г. Цѣна 1 р. съ пересылкой (печатано въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ).

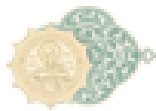
Продаются еще слѣдующія книги:

1) *Объ отношеніи писателей классическихъ къ библейскимъ по воззрѣнію христіанскихъ апологетовъ*. Соч. проф. спб. дух. акад. Е. Ловягина. 1872 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

2) *О необходимости священства* (противъ безпоповцевъ). Соч. бакал. спб. дух. акад. А. Предтеченскаго. 1865 г. Цѣна 30 к., съ перес. 50 к.

- 3) *Исторія санктпетербургской духовной академіи*. Соч. *И. А. Чистовича*. Цѣна 1 р. съ пересылкою.
- 4) *Курсъ опытной психологіи*. *Его же*. 2-е изд. 1875 г. Цѣна 1 р. 25 к.
- 5) *Феофанъ Прокоповичъ и его время*. *Его же*. Цѣна 2 р.
- 6) *Древнегреческій міръ и Христіанство въ отношеніи къ вопросу о безсмертіи и будущей жизни человека*. *Его же*. Цѣна 1 р.
- 7) *Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ*. Историческій очеркъ раскольническаго ученія о бракѣ. Выпускъ 1-й (отъ начала раскола до царствованія императора Николая I). Соч. профессора академіи *И. Нильскаго*. Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. Выпускъ 2-й (царствованіе императора Николая I), цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- 8) *Нѣсколько словъ о русскомъ расколѣ*. *Его же*. Цѣна 75 к., съ пер.
- 9) *Учебникъ логики*. *А. Свѣтилина*. Изд. 5-е Цѣна 50 к., съ перес. 65 к. При требованіи не менѣе 10 экз. за перес. не прилагается.
- 10) *Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ*. Соч. *М. О. Кояловича* (стр. XI и 400). Цѣна 2 р. съ перес.
- 11) *Объ апокрисисѣ Христофора Филалета*. Изслѣдованіе *Н. А. Скабалановича*. Спб. 1873 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.
- 12) *Отношеніе греческаго перевода LXX толковниковъ къ еврейскому мазоретскому тексту въ книгѣ пророка Іереміи*. Изслѣдованіе *И. Якимова*. Спб. 1874 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- 13) *Догматическое ученіе о семи церковныхъ таинствахъ въ твореніяхъ древнѣйшихъ отцовъ и писателей церкви до Оригена включительно*. Историко-догматическое изслѣдованіе проф. *А. Катанскаго*. С-Петербургъ, 1877 г. Цѣна 2 р. 50 к. съ перес. (26¹/₂ печ. л.).
- 14) *Изложеніе вѣры церкви армянскія*, начертанное Персесомъ, епопосомъ армянскимъ. Историко-догматическое изслѣдованіе проф. *И. Троицкаго*. Спб. 1875 г. Цѣна 2 р. съ перес.
- 15) *Историческое обозрѣніе свящ. книгъ новаго завета*. Выпускъ первый. Священника *В. Рождественскаго*. 1878 г. (263 стр.). Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой.
- 16) *Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію*. Соч. проф. *Тимоѣ. Барсова*. 1878 г. Цѣна 3 р. съ пересылкою.
- 17) *Историческіе, критическіе и полемическіе опыты* проф. *Николая Барсова*. 1878 г. (567 стр.). Цѣна 3 р. съ пересылкою.
- 18) *Классификація выводовъ*. Проф. *М. Каринскаго*. Цѣна 2 р. съ перес.
- 19) *Происхожденіе древне-христіанской базилики*. Доцента *Н. Покровскаго*. Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.
- 20) *Вопросъ о религіозности русскаго народа въ нашей современной печати* (по поводу полемикъ гг. Достоевскаго, Градовскаго и Кавелина). Спб. 1881 г. проф. *Н. Барсова*. Цѣна 70 к. съ перес.

II.

ОБЪ ИЗДАНИИ »ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА« въ 1882 году.

Православный Собесѣдникъ

будеть издаваться въ 1882 г. по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, *ежемесячно*, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Цѣна за полное годовое изданіе ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА на 1882 годъ, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ доставкою на домъ по г. Казани и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи—

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Подписка принимается въ Казани, въ Редакціи Православнаго Собесѣдника, при духовной Академіи.

Извѣстія по казанской епархіи,

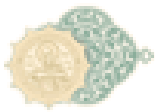
издаваемые при „Православномъ Собесѣдникѣ“ съ 1867 года, будутъ выходить и въ 1882 году, два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цѣна »ИЗВѢСТІЙ« для мѣстъ и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ: а) отдѣльно отъ »Православнаго Собесѣдника« четыре руб., б) а для выписывающихъ и „Православный Собесѣдникъ“ три руб. Всего за оба изданія десять руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается также въ Редакціи Православнаго Собесѣдника.

Въ той же редакціи продаются слѣдующія книги:

А. Православный Собесѣдникъ въ полномъ составѣ книжекъ (т. е. съ приложеніями) за 1855 г. (4 книги въ году) 3 руб. за годъ, за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1864, 1865 и 1866 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 4 руб. за годъ, за 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879 и 1880 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 7 руб. сер. Полныхъ экземпляровъ за 1856, 1857, 1863, 1867, 1868, 1869 1870 и 1871 гг. въ продажѣ нѣтъ. Можно получать и отдѣльныя книжки

Собесѣдника за 1855, 1856 и 1857 гг. по 75 коп., а за остальные годы по 60 коп. за книжку.

Б. *Отдѣльно* отъ приложеній одинъ **Православный Собесѣдникъ**: за 1855 г. одинъ томъ, цѣна 75 коп., за 1856 г. одинъ томъ, цѣна 75 коп.; за 1857 г. одинъ томъ, цѣна 1 рубль; за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1870, 1871 и 1872 годы, по три тома въ каждомъ, по 2 руб. сер. за годъ, за 1873, 1874, 1875 и 1876 годы, по три тома въ каждомъ, по 3 руб. сер. за годъ.

В. *Отдѣльно* отъ **Православнаго Собесѣдника** приложенія къ нему:

1. **Посланія св. Игнатія богоносца** (съ свѣдѣніями о немъ и его посланіяхъ). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

2. **Дѣянія вселенскихъ соборовъ** въ переводѣ на русскій языкъ. Семь томовъ. 1859—1878. Цѣна каждому тому въ отдѣльности: за 1-й томъ 4 руб., за второй 2 руб. 50 коп., за третій 2 руб. 50 коп., за четвертый 2 руб. 50 к., за пятый 3 руб., за шестой 3 руб. 50 коп., за седьмой 4 руб. 50 коп. А за всѣ семь томовъ 20 руб.

3. **Дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ** въ переводѣ на русскій языкъ. Одинъ томъ. 1878. Цѣна 2 руб.

4. **Благовѣстникъ**, или толкованіе блаженнаго Теофилакта, архієпископа болгарскаго, на св. евангелія. 1874—1875 гг. Томъ 1-й—на евангеліе отъ Маттея. Цѣна 1 руб. 75 коп. Томъ 2-й—на евангеліе отъ Марка. Цѣна 1 р. 25 коп. Томъ третій—на евангеліе отъ Луки. Цѣна 2 руб.—Томъ четвертый—на евангеліе отъ Іоанна Цѣна 2 руб. 50 к. За всѣ четыре тома цѣна 7 руб. 50 к.

5. **Его же** толкованіе на соборныя посланія св. апостоловъ. 1865. Цѣна 1 рубль.

6. **Его же** толкованіе на посланіе къ Римлянамъ. 1866. Ц. 1 р. 25 к.

7. **Его же** толкованіе на 1 и 2 посл. къ Коринѳянамъ. Ц. 2 р.

8. **Его же** толкованіе на Дѣянія св. апостоловъ. 1872. Ц. 1 р. 50 к.

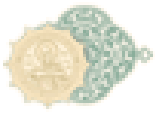
9. **Св. отца нашего Григорія Двоеслова** Собесѣдованія о жизни ита-лійскихъ отцевъ и о безсмертіи души (съ предисловіемъ). 1858. Цѣна 1 рубль.

10. **Сказанія о мученикахъ христіанскихъ**, чтимыхъ православною католическою Церковію (съ предисловіемъ). Томъ 1-й. 1865. Цѣна 1 р. 75 коп. Томъ 2-й. Цѣна 1 руб.

11. **Сказанія о святыхъ**, т. 1. Ц. 3 руб.

12. **Посланія Игнатія**, митрополита сибирскаго и тобольскаго (съ предварительными замѣчаніями). Одинъ томъ. 1855 Цѣна 75 коп.

13. **Сочиненія преподобнаго Максима грека** (съ предисловіемъ). Три тома. 1859—1862. Цѣна за первый томъ (съ портретомъ преп.

Максима) 2 руб. 50 коп., за второй 1 руб. 50 коп., за третій 1 р. За всё три тома 5 руб.

14. **Стоглавъ** (съ предисловіемъ.) Одинъ томъ. 1862. Цѣна 2 р.

15. **Сочиненія инока Зиновія:** Истинны показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1863—1864. Цѣна 2р. 50к.

16. **Остенъ** Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка (съ предисловіемъ и съ портретомъ патріарха Іоакима). 1865. Ц. 75 к.

17. **Сборникъ** древности казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ обстоятельствъ, архимандрита Платона Любарскаго. 1868. Ц. 1р. 25к.

18. **Житіе** преподобнаго, отца нашего Трифона, вятскаго чудотворца. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка. Одинъ томъ. 1868 г. Цѣна 50 коп.

19. **Житіе** пресвященнаго Иларіона, митрополита суздальскаго, бывшаго Флоршцевой пустыни перваго строителя. Памятникъ начала XVIII вѣка. Одинъ томъ 1868. Цѣна 50 коп.

20. **Устройство управленія въ церкви королевства греческаго.** О. Курганова. 1872. Цѣна 2 р. 25 коп.

21. **Западныя миссіи противъ татаръ-язычниковъ и особенно противъ татаръ-мусульманъ.** Н. Красносельцева. 1872. Ц. 1 р. 25 к.

22. **Ересь антиринитаріевъ** III вѣка. Д. Гусева. 1872. Цѣна 1 руб. 25 коп.

23. **Древнее языческое ученіе о странствованіяхъ и переселеніяхъ душъ и слѣды его въ первые вѣка христіанства.** Исслѣдованіе П. Милославскаго. Цѣна 2 р.

24. **Книга о антихристѣ и о прочихъ дѣйствахъ, иже при немъ быти хотящихъ.** 1873. Цѣна 1 р. 25 коп.

25. **Стародубье.** Записки протоіерея Т. А. Верховскаго, Высочайше командированнаго 1845—48 гг. въ черниговскіе раскольническіе посады для водворенія единовѣрія. Цѣна 2 руб.

26. **Толковая Палей.** В. Успенскаго. Цѣна 75 к.

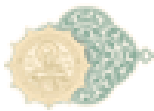
27. **Указатель статей, помѣщенныхъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ съ 1855 по 1876 годъ.** Цѣна 30 коп.

28. **Портретъ патріарха всероссійскаго Іоакима.** Цѣна 20 коп.

29. **Письма о магометанствѣ А. Н. Муравьева.** Изд. 2-е. 1875 г. Цѣна 50 коп.

30. **Списокъ съ писцовыхъ книгъ по г. Казани съ уѣздомъ.** 1877. Цѣна 40 коп.

31. **Азбуковники или Алфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ соловецкой бібліотеки.** Соч. А. Карпова. Казань. 1878. Ц. 50 к.

32. Высокопреосвященнѣйшій Антоній архієпископъ казанскій и свѣяжскій. (Некрологъ). Цѣна 30 к. съ перес.

При казанской д. академіи съ 1873 г. издается особою комиссіей **«Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ»**. Издано пятнадцать выпускъ, въ которыхъ помѣщены слѣдующія сочиненія: 1) Свѣдѣнія о миссіонерскомъ отдѣленіи при казанской духовной академіи; 2) Методъ Миссіонерской полемики противъ татаръ-мухаммеданъ; 3) Причины упорной привязанности татаръ-мухаммеданъ къ своей вѣрѣ; 4) Опытъ изложенія мухаммеданства по ученію ханифитовъ; 5) Доказательства неповрежденности книгъ Священнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣта противъ мухаммеданъ; 6) Доказательства неповрежденности Священныхъ книгъ Новаго завѣта противъ мухаммеданъ; 7) Критическій разборъ мухаммеданскаго ученія о пророкахъ; 8) Очеркъ распространенія христіанства между инувѣрцами казанскаго края; 9) Главныя мысли и духъ Корана; 10) Историко-критическое введеніе въ Коранъ; 11) Мысли алькорана, заимствованныя изъ христіанства; 12) Мѣста Корана благопріятныя для обращенія мухаммеданъ въ христіанство; 13) Что Мухаммедъ заимствовалъ изъ христіанства; 14) Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе Корана; 15) Что заимствовалъ Мухаммедъ изъ іудейства; 16) Признаки истинности православнаго христіанства и лживости мухаммеданства; 17) Мухаммеданскій бракъ въ сравненіи съ христіанскимъ бракомъ, въ отношеніи ихъ вліянія на семейную и общественную жизнь человѣка; 18) Историческое значеніе Мухаммеда; 19) Взглядъ на способы, коими, по сказанію мухаммеданъ, сообщались свыше Мухаммеду откровенія; 20) Ночное путешествіе Мухаммеда въ храмъ іерусалимскій и на небо; 21) Обзоръ мусульманскихъ молитвъ; 22) Мусульманская евхология; 23) О мухаммеданской молитвѣ; 24) Мухаммеданское ученіе о войнѣ съ невѣрными; 25) Міровоззрѣніе мухаммеданства и отношеніе его къ христіанству. Цѣна съ пересылкою за всѣ выпуски, кромѣ распроданнаго V, 19 р.

Тою же редакціею изданы: **КОРАНЪ**, переводъ съ арабскаго языка Г. Саблукова. Цѣна съ перес. 2 р. 50 к. I Приложение къ переводу Корана. Цѣна съ перес. 1 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться къ протоіерею Богоявленной церкви г. Казани *Евѣмію Александровичу Малову*.

Отъ издателей можно выписывать книги:

1. **ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРІЯ**, соч. Гассе, пер. съ нѣм., подъ ред. проф. каз. д. акад. Н. Соколова. *Два тома*. Цѣна каждому 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.; воспитанники духовно-учебныхъ заведеній за пересылку не платятъ.

2. ИСТОРИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ. Составилъ И. Порфирьевъ. Часть I. Древній періодъ. Изд. 3-е. Цѣна 2 р. 30 коп. съ перес. Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ 1. Отъ Петра В. до Екатерины II. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 70 к.

3. ТВОРЕНИЕ БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА »DE CIVITATE DEI«, КАКЪ АПОЛОГІЯ ХРИСТИАНСТВА ВЪ ЕГО БОРЬБѢ СЪ РИМСКИМЪ ЯЗЫЧЕСТВОМЪ. Сочиненіе М. Красина. Казань. 1873. Ц. 2 р.

4. ПЕРВЫЙ ОПЫТЪ КРЕЩЕНО-ТАТАРСКАГО СЛОВАРЯ. Н. Остроумова. Казань. 1876. Цѣна 1 р.

5. РУКОВОДСТВО КЪ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ. П. Знаменскаго. Изданіе третіе. Цѣна 1 руб. 50 коп. На пересылку 25 к.

6. ДУХОВНЫЯ ШКОЛЫ въ Россіи до реформы 1808 года. Сочиненіе Его же. Цѣна 4 р. съ пересылкою.

7. ОЧЕРКИ ПО ЦЕРК. ГЕОГРАФИИ И ЭТНОГРАФИИ. Сост. Терновскій. Ц. 30 коп.

8. СБОРНИКЪ ВЕСЕДЪ СО СТАРООБРЯДЦАМИ. Изд. подъ редакціей э.-орд. проф. Н. Ивановскаго. Цѣна 1 р. 25 коп.

9. АНТИТРИНИТАРИИ XVI В. Выпускъ 1-й. Соч. Е. Будрина. Казань. 1878. Цѣна 3 руб.

10. ХАРАКТЕРИСТИКА РИМСКАГО КАТОЛИЧЕСТВА СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ПАПСКАГО ДОГМАТА Н. Я. Бѣляева. Казань. 1878. Ц. 30 к.

11. АПОКРИФИЧЕСКІЯ СКАЗАНІЯ О ВѢТХОЗАВѢТНЫХЪ ЛИЦАХЪ И СОБЫТІЯХЪ по рукописямъ соловецкой библіотеки. И. Я. Порфирьева. Цѣна 1 р. 25 к. съ перес.

12. СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ПО СВ. ПИСАНІЮ. Сост. И. Знаменскій. Вып. 1-й ц. 60 к. Вып. 2-й ц. 35 к. Вып. 3-й ц. 41 к. съ перес. Три вып. вмѣстѣ—1 р. 20 коп съ перес.

13. ОТНОШЕНІЯ МЕЖДУ ЦЕРКОВНОЮ И ГРАЖДАНСКОЮ ВЛАСТІЮ ВЪ ВИЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ. Соч. Ѳ. Курганова. 1880 г. Ц. 3 руб. съ пересылкою.

14. О ПРОИСХОЖДЕНІИ ХРИСТИАНСКАГО ХРАМА. Н. Ѳ. Красносельцева. Цѣна 1 р. съ перес.

15. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РЕЛИГИИ въ Римско-византійской имперіи. Томъ первый. Государственное положеніе религіи въ римской имперіи (до Константина в.). Изслѣдованіе И. Бердникова. Ц. 3 р. съ пересылкою.

16. ЕРІТОМЕ OF THE ENGLISH GRAMMAR. Краткая англійская грамматика. Памятная книжка для изучающихъ англійскій языкъ. Составилъ П. Милославскій. Цѣна 75 к., съ пересылкою 90 к.

III.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

**„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“
въ 1882 ГОДУ.**

Журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ издается, по благословенію Святѣйшаго Синода, при Киевской духовной семинаріи съ 1860 года. Поставивъ свою особенную задачу способствовать приходскимъ пастырямъ въ ихъ высокомъ служеніи строителей тайнъ Божіихъ и въ многотрудной обязанности учителей народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, ихъ желаній и потребностей, этотъ журналъ съ самаго начала своего изданія и доселѣ остается неизмѣнно вѣрнымъ своей задачѣ. Насколько добросовѣстно редакція журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ выполняетъ задачу своего изданія, это достаточно понято и оцѣнено постоянными подписчиками на него.

Съ наступленіемъ 1882 года редакція будетъ продолжать свое изданіе съ тѣмъ же усердіемъ и исправностію, по той же программѣ, утвержденной Св. Синодомъ, и въ томъ же направленіи, отъ котораго уклоняться она не желаетъ и не можетъ. Въ составъ „Руководства для сельскихъ пастырей“ по прежнему будутъ входить:

I. Поученія къ простому народу различнаго содержанія: догматическаго, нравственнаго, церковно-обрядоваго и проч., а также извлеченія и выписки изъ твореній св. Отцевъ, въ которыхъ говорится о священствѣ и которыхъ нѣтъ въ большей части церковныхъ библиотекъ.

Примѣчаніе: Поученія, въ прежніе годы замѣнявшія передовыя статьи каждаго №, съ самаго начала 1879 года Редакція нашла болѣе удобнымъ печатать въ видѣ прибавленій къ каждому № съ особымъ счетомъ страницъ. Живѣйшее сочувствіе къ такой перемѣнѣ, выраженное многими подписчиками, побуждаетъ Редакцію слѣдовать этому порядку и въ будущемъ 1882 году.

II. Изслѣдованія о различныхъ церковныхъ и духовно-нравственныхъ предметахъ, пригодныя для пастырей какъ въ церковной проповѣди, такъ и въ частныхъ его бесѣдахъ съ прихожанами.

III. Произведенія проповѣднической литературы прежняго времени, преимущественно тѣ, которыя отличаются своего рода современностію, простотою и общепонятностію.

IV. Оригинальныя статьи по части церковной, преимущественно отечественной исторіи, а также матеріалы, относящіеся къ ней, съ надлежащею обработкою ихъ. Изъ матеріаловъ избираются исключительно тѣ, которые по содержанію своему могутъ имѣть какое либо отношеніе къ потребностямъ священника или его паствы.

V. Замѣчанія, совѣты и наставленія, пригодныя священнику въ разныхъ случаяхъ его пастырской жизни и дѣятельности. И во 1-хъ, замѣчанія касательно отправленія богослуженія, церковнаго благочинія, совершенія таинствъ, обращенія съ прихожанами, отношенія къ иновѣрцамъ и въ особенности къ раскольникамъ и т. п. Во 2-хъ, замѣтки о характеристическихъ чертахъ простаго народа и о томъ, какъ пользоваться ими для успѣшнаго дѣйствованія на нравственность прихожанъ. Въ 3-хъ, свѣдѣнія о благочестивыхъ мѣстныхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ, а также о предразсудкахъ, суевѣріяхъ, противныхъ духу православной вѣры, съ указаніемъ, когда нужно, историческаго происхожденія тѣхъ и другихъ. Въ 4-хъ, педагогическія замѣтки касательно обученія въ сельскихъ школахъ дѣтей прихожанъ и матеріалы для уроковъ въ этихъ школахъ. Въ 5-хъ, библіографическія статьи о вновь выходящихъ книгахъ, особенно пригодныхъ священнику, и замѣтки по поводу журнальныхъ статей, касающихся духовенства въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Сверхъ того, Редакція, сознавая, что недостаточно ограничиться выполненіемъ своей ближайшей задачи въ такомъ изданіи, которое для большей части нашего духовенства, особенно сельскаго, служить источникомъ свѣдѣній о жизни церкви и государства, по примѣру прежнихъ лѣтъ будетъ иногда заносить на страницы журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“: 1) ошія замѣчательныя церковно-общественныя извѣстія и въ частности свѣдѣнія о достойныхъ вниманія распоряженіяхъ, учрежденіяхъ и церковныхъ событіяхъ въ разныхъ епархіяхъ; 2) свѣдѣнія о положеніи единовѣрцевъ нашихъ въ Австріи и Турціи и наконецъ 3) извѣстія и сужденія о замѣчательныхъ религіозныхъ явленіяхъ и перемѣнахъ въ католическомъ и протестантскомъ обществахъ.

При обширности этой программы, само собою разумѣется, невозможно дать въ одинъ годъ полный объемъ всѣмъ указаннымъ отдѣламъ въ журналѣ, выходящемъ еженедѣльно, безъ опредѣленныхъ рубрикъ. Развитіе того или другаго отдѣла указывается

современными потребностями пастырей и пасомыхъ; поэтому главное вниманіе будетъ обращено на рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые вызываются текущими обстоятельствами; впрочемъ для того, чтобы журналъ нашъ могъ доставить приходскимъ пастырямъ руководительное и образовательное чтеніе не для одного только года, но и на будущее время, въ немъ не будутъ оставлены безъ вниманія и другія задачи его, обозначенныя въ программѣ.

Статьи постороннихъ сотрудниковъ, соотвѣтствующія цѣли и характеру изданія, будутъ помѣщены съ благодарностію и plentifulнымъ вознагражденіемъ, если о такомъ будетъ заявлено.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ выходитъ еженедѣльно отдѣльными нумерами, въ 8-ю долю листа, въ объемѣ отъ двухъ до 3¹/₂ печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ три тома, исключая печатаемыхъ въ приложеніи къ журналу поученій, образующихъ собою отдѣльный томъ; (каждый приблизительно отъ 40-ка до 45-ти печатныхъ листовъ, съ особеннымъ оглавленіемъ и особенною нумераціею страницъ).

Подписная цѣна и съ пересылкою во всю мѣста Россійской имперіи 6 рублей серебромъ. Плата за журналъ по оффиціальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1882 года.

Въ редакціи этого журнала продаются: 1) экземпляры „Руководства для сельскихъ пастырей“ за 1861, 1864, 1865, 1871, 1872, 1873, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880 и 1881 годы. При требованіи журнала за всѣ означенные годы можетъ быть дѣлаема уступка по особому соглашенію съ редакціею.

2) Сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни и на всѣ замѣчательные случаи церковной и общественной жизни. Выпускъ первый. Поученія на всѣ воскресные дни. Изданіе редакціи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“. Выпускъ 1-й Сборника поученій, помѣщенныхъ въ журналѣ „Руководство для сельскихъ пастырей“, содержитъ въ себѣ поученія на всѣ 52 воскресныхъ дня года; на нѣкоторые воскресные дни въ немъ помѣщены по два, по три, даже по четыре поученія. Цѣна 1 руб. 20 коп. съ пересылкою.

3) Практическія совѣты священникамъ при производствѣ

слѣдствій по проступкамъ и преступленіямъ священно и церковно-служителей. Второе исправленное и дополненное изданіе. Цѣна 60 коп. съ пересылкою.

4) Указатель статей, помѣщенныхъ въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ въ теченіе десяти лѣтъ съ 1860 года по 1869 годъ включительно. Цѣна 35 коп. съ пересылкою. Приготавливается къ печати указатель статей „Руководства“ и на послѣдующіе годы—съ 1870 по 1882-й.

5) Опытъ практическаго руководства для пастырей. Выпускъ первый. Цѣна 40 коп. съ пересылкою.

6) Исторія христіанской церкви въ вѣкъ апостольскій. Цѣна 50 коп. съ пересылкою.

7) *Сборникъ поученій* (печатавшихся въ приложеніяхъ къ журналу „Руководство для сельскихъ пастырей“ за 1879 годъ) на праздничные дни и разные случаи церковно-общественной и религіозной жизни. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

8) *Практическія наставленія митрополита Григорія пастырямъ по предмету спасительнаго дѣйствованія на раскольниковъ*. Цѣна 60 коп. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ на журналъ, такъ и на поименованныя книги нужно адресоваться такъ: *Въ редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“, въ Кіевъ.*—Просимъ не заявлять своихъ требованій чрезъ правленіе Кіевской семинаріи, такъ какъ пересылка денегъ чрезъ означенное правленіе можетъ вести къ излишней перепискѣ и чрезъ то замедлять высылку №№ журнала и книгъ.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи архимандритъ **Виталій.**

IV.
ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

на 1882 годъ (23-й съ начала изданія) принимается въ Москвѣ у редактора, протоіерея *В. Нечаева*, въ Толмачахъ, также у книгопродавцевъ Оерапонтова и Вольфа, въ С. Петербургѣ у книгопродавца Тузова. Цѣна за 12 книжекъ 3 рубля 50 к., съ доставкой и пересылкой 4 рубля.

Оставшіеся неразобранными полные экземпляры **Душеполезнаго Чтенія** за 1864 и 1865 годы продаются въ Редакціи по 1 руб. 50 к. за экз., съ пересылкою въ Европейскую Россію по 2 р., на Кавказъ и въ Сибирь по 2 р. 50 к. Полные экземпляры **Душеполезнаго Чтенія** за 1869, 1870, 1872, 1873, 1874, 1875 и 1878 гг. продаются въ Редакціи по 2 р. 50 к., съ пер. въ Европ. Россію по 3 р., на Кавказъ и въ Сибирь по 3 р. 50 к. за экземпляръ. Цѣна Душ. Чтенія за 1877, 1879, 1880 1881 годы по 3 р. 50 к., съ перес. по 4 р. ПРИ РЕДАКЦИИ **ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ** И У ПОИМЕНОВАННЫХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ, ПРОДАЮТСЯ:

1. **Обозрѣніе употребительнѣйшихъ церковныхъ молитвъ.** Изданіе второе, исправленное. *Прот. В. Нечаева.* 1880 года. Цѣна 40 к. съ пересылкой 50 к.

2. **Уроки покаянія въ Великомъ канонѣ св. Андрея Критскаго, заимствованные изъ библейскихъ сказаній.** *Прот. В. Нечаева.* Цѣна 1 р. 40 к., съ пересылкою 1 р. 60 к.

3. **Духовный свѣтъ.** *Прот. В. Нечаева.* Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 40 к.

4. **Сборникъ для назидательнаго чтенія.** *Прот. В. Нечаева.* Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой 1 р. 40 к.

5. **Публичныя чтенія о вечернѣ.** *Прот. В. Нечаева.* Цѣна 25 к., съ пересылкой 35 к.

6. **Толкованіе на пареміи** изъ книгъ Моисеевыхъ: Исходъ, Левитъ, Числъ и Второзаконія. *Прот. В. Нечаева.* Цѣна 80 к., съ пересылкой 1 руб.

7. **Очерки христіанской жизни.** *Прот. В. Нечаева.* Цѣна 80 коп., съ пересылкой 1 руб.

8. **Исторія четырехъ послѣднихъ вселенскихъ соборовъ.** *А. Лебедева.* Цѣна 1 р. 30 к., съ пересылкой 1 р. 50 к.

9. **Нѣсколько замѣчаній о современныхъ модахъ въ одеждѣ.** 10 к., съ пересылкой 15 коп.

10. Святый Владиміръ равноапостольный. 10 к., съ пересылк. 15 к. 11) Жизнь св. Григорія Богослова 20 к., съ перес. 25 к. 12) Два указателя къ Душеп. Чтенію, одинъ за первое десятилѣтіе (съ 1860 по 1869), 20 к., съ перес. 25 к., другой за второе десятилѣтіе (съ 1870 по 1879 г.), 20 к., съ перес. 25 к. За оба вмѣстѣ съ пересылкою 40 коп.

V.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

„РУСЬ“

1882 ГОДА.

Въ будущемъ 1882 г. газета будетъ выходить, какъ и нынѣ, еженедѣльно, по субботамъ, въ размѣрѣ 3 листовъ убористой печати. Программа остается прежняя.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.	Съ 15 Ноября 1881 года.		Съ 1 Января 1882 года.	
	До 1 іюля 82 г.	До конца 82 г.	На годъ.	На полгода.
Безъ доставки и пересылки	5 руб.	8 руб.	7 руб.	4 руб.
Съ доставкою и пересылкою въ Россіи.	6 „	9 „	8 „	5 „
За границу въ государства всеобщ. почтов. союза. .	7 „	12 „	11 „	6 „

Гг. подписчики, которыхъ срокъ истекаетъ 15 ноября, благоволятъ, если желаютъ дальнѣйшаго безостановочнаго полученія газеты, поспѣшить возобновленіемъ подписки. Разсрочка по уплатѣ подписныхъ денегъ допускается лишь по соглашенію съ редакціей.

Отдѣльные №№ »Руси« продаются по 15 коп.

Объявленія печатаются въ газетѣ по 10 коп. за строку пегита.

Редакція и контора помѣщаются въ Москвѣ, на Спиридоновкѣ, д. Розановой.

Редакторъ-издатель И. Аксаковъ.

VI.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ »РОССИЙСКОЙ БИБЛИОГРАФІИ«

ЭМИЛЯ ГАРТЬЕ

Невскій проспектъ № 27, у Казанскаго моста, въ С.-Петербургѣ.

МАГАЗИНЪ для городской продажи	ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ для книгопродавцевъ.	ОТДѢЛЕНІЕ для иногородныхъ
-----------------------------------	--	-------------------------------

Большой выборъ новыхъ русскихъ и французскихъ книгъ.—Доставка книгъ на домъ.—Новости по желанію на просмотръ.

Пріемъ книгъ на комиссію цѣлыми изданіями, для быстрого распространенія въ столицѣ и, черезъ специальныхъ корреспондентовъ склада, во всѣхъ главныхъ городахъ Имперіи, при безплатныхъ публикаціяхъ въ „Российской Енблѳграфіи“, въ „Ежемесячномъ каталогѣ важн. нов. русск. и иностран. книгъ“, въ „Годовомъ каталогѣ“, а также, по соглашенію, въ болѣе распространен. газетахъ.

Строго аккуратное исполненіе требованій Гг. Иногородныхъ.—Пріемъ подписки на всѣ русскіе и иностр. журналы и газеты.—Ежегод. полученіе иностран. изданій.

Для удобства иногородной публики изданія Эмиля Гартъе имѣются постоянно на лицо и у всѣхъ извѣстныхъ провинціальныхъ книгопродавцевъ.

Постояннымъ покупателямъ высылается **БЕЗПЛАТНО** „Ежегод. каталогъ важн. новыхъ русскихъ и иностранныхъ книгъ“. (Подписная цѣна за 12 №№ въ годъ 1 руб. сер.).

На всѣ относящіяся до книжнаго дѣла запросы, къ которымъ для отвѣта приложена почтовая марка,—складъ отвѣчаетъ немедленно.

при складѣ помѣщаются,	Редакція журнала РОССИЙСКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ (вѣстникъ русской печати).	КОНТОРА ЖУРНАЛОВЪ: Библіотека для чтенія, Электричества, Сборникъ Видовъ, Памятниковъ ит.п. Ремесло.	ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА ПОДПИСКИ на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты	СКЛАДЪ Глобусовъ, Теллурій и ПЛАНЕТАРІЙ изд. Эмиля Гартъе.
	24 №№ въ годъ, цѣна съ дост. и перес. 5 руб.			

VII.

Вышла въ свѣтъ новая книга: »ЦЕРКОВНОЕ ПИСЬМОВОДСТВО«. Собраніе правилъ, постановленій и формъ къ правильному веденію онаго. Составлено на основаніи законовъ и указовъ Св. Правительствующаго Синода протоіереемъ Іоанномъ *Чижевскимъ*. Второе изданіе во многомъ исправленное и дополненное. Харьковъ. Стран. VIII—391. Въ Типографіи Окружнаго Штаба. 1881 года. Цѣна экзем. съ пересылкою и безъ пересылки 1 р. 40 к. Выписывающимъ свыше 10-ти экзем. дѣляется уступка по 20 к. на каждомъ экзем., а отъ 20-ти и свыше—по 30 к. Такая же уступка дѣляется и всѣмъ книгопродавцамъ. Мелочь можно высылать почтовыми марками.

У того же протоіерія І. Чижевскаго
(Харьковъ, Екатеринославская улица, домъ № 15)

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ ЕГО ИЗДАНІЯ:

1. Церковное хозяйство или правила и постановленія касательно благоустройства храмовъ и церковнаго имущества, извлеченныя изъ Свода Закон. и указовъ Св. Правительствующаго Синода протоіереемъ Іоанномъ *Чижевскимъ*. Второе изданіе, исправленное и во многомъ дополненное. Харьковъ. Въ Типографіи Окружнаго Штаба, 1875 года, стран. I—XXX. 416.

Цѣна экзем. 1 р. 20 к. съ пересылкою; выписывающіе 10 экзем. высылаютъ по 1 р. съ пересылкою; отъ 10 до 100 и свыше 100 по 80 к. съ перес. за каждый экзем.

2. Общіе способы призрѣнія священно-церковно-служителей и ихъ семействъ (епархіальныя попечительства, пособіе потерпѣвшимъ раззореніе отъ пожаровъ, опеки, пенсіи и единовременныя пособія) и краткій обзоръ мѣръ, предпринимавшихся къ улучшенію положенія заштатныхъ, вдовъ и сиротъ. Извлечено изъ Св. законовъ, постановленій и распоряженій Святѣйшаго Правительствующаго Синода прот. Іоанномъ *Чижевскимъ*. Харьковъ. 1874 г. I—VII, 207 стран., въ 8-ю д. л. Цѣна съ перес. 40 к. Книга эта необходима для попечительствъ, епарх. благочинныхъ, опекуновъ и пенсіонеровъ.

3. Руководство къ производству слѣдствій къ удостовѣренію дѣйствительности браковъ и рожденій и по случаямъ упушеній и неправильныхъ записей въ метрическихъ книгахъ, составлено, на основаніи законовъ, протоіереемъ Іоанномъ *Чижевскимъ*. Харьковъ, 1877 года. Цѣна съ перес. и безъ перес. 35 коп.

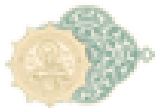
4. Положеніе о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ. Цѣна экзем. безъ перес. 10 к., съ перес. 15 к.; за 10 экзем. безъ перес. 60 к., съ перес. 70 к., а за 100 экзем. съ перес. 4 руб.

Тоже положеніе, напечатанное на большомъ листѣ для рамъ. Цѣна экзем. съ перес. 40 к., безъ перес. 30 коп.

5. Правила для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ народныхъ училищъ лицамъ, желающимъ при отбытіи воинской повинности воспользоваться льготою, опредѣленною п. 4 ст. 56 Уст. о воинской повинности. 1875 г. Ц. экз. безъ перес. 12 к. съ перес. 15 к.

6. Церковно-гражданскія постановленія о церковномъ пѣніи. Харьковъ. 1878 г. Цѣна съ перес. 35 коп.

7. Инструкція для двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ

училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Цѣна съ пересылкою и безъ пересылки 30 коп.

8. Церковное писмоводство, первое изданіе 1880 г. Цѣна съ перес. 1 р. 10 к., безъ перес. 1 руб.

VIII.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ.

НА

БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И КОММЕРЧЕСКУЮ

ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

И

ВИРЖЕВАЯ ГАЗЕТА,

ИЗДАВАЕМУЮ АКЦИОНЕРНЫМЪ ТОВАРИЩЕСТВОМЪ

съ основнымъ капиталомъ 3.000,000 финск. мар. или около 1.200,000 р., раздѣленныхъ на 3000 акцій по 1,000 ф. м. каждая.

Газета «Новости» имѣетъ: собственныя двѣ писчебумажныя фабрики, собственную типографію, собственный книжный магазинъ и съ 1882 года будетъ имѣть: собственный домъ, въ которомъ будутъ сосредоточены: редакция, типографія, литографія, хромолитографія и переплетное заведеніе, приспособленныя для печатанія всевозможныхъ произведеній печати въ безграничномъ количествѣ экземпляровъ.

Газета „Новости“ благодаря своему обширному и разнообразному содержанію и необычайной дешевизнѣ сравнительно съ другими большими 17-ти рублевыми газетами одинаковаго съ нею содержанія, въ теченіе пяти лѣтъ достигла огромной распространенности и въ 1881 г. уже расходилась въ количествѣ около 22,000 экземпляровъ.

Газета „НОВОСТИ“ выходитъ, безъ предварительной цензуры, ежедневно полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней, если получаютъ важныя телеграммы. Форматъ газеты—самый большой изъ существующихъ

у насъ газетныхъ форматъ и заключаетъ въ себѣ 28 столбцовъ (по семи столбцовъ на страницѣ) или около 4,500 строкъ убористаго шрифта.

Въ газетѣ участвуютъ лучшія силы современной періодической литературы. Въ 1881 г. въ ней участвовали:

Алферьевъ, І. В. (авторъ многихъ публицист. статей), *Бѣловъ*, И. Д. (извѣстный педагогъ), *Вейнбергъ*, П. И. (поэтъ), *Весинъ*, Л. П. (авторъ „Обзора географическихъ пособ.“ и др. соч.), *Головачовъ*, А. А. (авт. соч. „Десять лѣтъ реформъ“ и др. соч.), *Думашевскій*, А. В. (быв. редакт. „Судебн. Вѣстника“), *Звѣринскій*, В. В. (редакт. Центрального статистич. комитета), *Забѣлинъ*, А. И. (бывш. ред. „Вилensk. Вѣстн.“), *Ильинъ*, Р. Θ. (авт. многихъ публицистич. статей), графъ *Кутузовъ-Голенищевъ*, А. А. (поэтъ), *Ланчинскій*, М. Д. (докторъ медіц.), *Льсковъ*, Н. С. (извѣстн. бѣллетристъ), *Михневичъ*, В. О. (Коломенскій кандидатъ, фельетонистъ газеты, авт. многихъ сочиненій), *Никитинъ*, В. Н. (авторъ „Многострадальныхъ“, „Тюрьмы и ссылки“ и мн. др. соч.), *Песковскій*, М. Л. (авт. многихъ журн. стат.), *Плещеевъ*, А. Н. (поэтъ), *Самьясъ*, графъ Е. А. (авторъ „Пугачевцовъ“ и друг. соч.), *Сементювскій*, Р. И. (магистрантъ с.-пет. унив.), *Филипповъ*, М. А. (авторъ „Судебной реформы“ и др. соч.), *Чуйко*, В. В. (критикъ, сотрудникъ журналовъ и газ.), *Черепнинъ*, Н. И. (докторъ медицины), *Нотовичъ*, О. К. (редакторъ) и многіе другіе.

Кромѣ ежедневнаго, текущаго, содержанія, отличающагося разнообразіемъ, полнотою и самостоятельностью, газета даетъ еще, въ теченіе года, обширный матерьялъ для чтенія, состоящій изъ серьезныхъ научныхъ произведеній и не менѣе пяти большихъ романовъ, которые въ отдѣльной продажѣ представляюгъ стоимость, почти равную подписной цѣнѣ газеты.

Немаловажную выгоду для подписчиковъ газеты „Новости“ представляетъ предоставленное имъ право приобрѣтать книги, имѣющіяся въ книжномъ магазинѣ газеты „Новости“ и публикуемыя въ этой газетѣ, со скидкой 20% съ номинальной ихъ стоимости. При этой скидкѣ, приобрѣтающій книги, даже разновременно, въ теченіе года, на 40 или 45 руб., получаетъ газету даромъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Петербургѣ:				Въ другихъ городахъ:				Заграницею:			
На	мѣс.	Руб.	К.	На	мѣс.	Руб.	К.	На	мѣс.	Руб.	К.
12	8	—	—	12	9	—	—	12	17	—	—
11	7	50	—	11	8	25	—	6	9	—	—
10	7	—	—	10	7	50	—	3	5	—	—
9	6	50	—	9	7	—	—	1	2	—	—
8	6	—	—	8	6	25	—	На другіе сроки подписка не при- нимается.			
7	5	50	—	7	5	50	—				
6	5	—	—	6	5	—	—				
5	4	50	—	5	4	50	—				
4	3	80	—	4	4	—	—				
3	3	—	—	3	3	—	—	— —			
2	2	—	—	2	2	—	—				
1	1	—	—	1	1	—	—				

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

На послѣдней стран. 10 к., на 1-й 20 к. за строку петита.

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается: для служащихъ, черезъ ихъ казначеевъ, по третямъ, а для неслужащихъ—на слѣдующихъ условіяхъ: 3 р. при подпискѣ; 3 р. въ концѣ марта и 3 р. 1-го августа—для иногородныхъ подписчиковъ. Подписка принимается на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Письма и деньги адресуются: въ С.-Петербургъ, въ контору газеты „Новости“ (Невскій, 44).

Редакторъ О. К. Нотовичъ.

Вышли въ свѣтъ новыя книги:

1) *Опытъ православнаго догматическаго богословія* (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ). Архимандрита Сильвестра, доктора богословія, профессора Киевской дух. Академіи, т. 2-й (40 печат. листовъ). Цѣна 3 руб. 30 к., т. 1-й, ц. 1 р. 75 к.

2) *Объ умозрѣніи и отношеніи умозрительнаго познанія къ опыту* (теоретическому и практическому). П. И. Липицкаго. Содержаніе книги: 1) о законахъ мышленія, 2) опытъ и умозрѣніе, 3) логика и диалектика, 4) познаніе и бытіе, 5) свобода и необходимость, 6) религія и нравственность. Цѣна 1 руб. 50 коп.

3) *Очеркъ религіи и философіи римлянъ*. Н. М. Дроздова. Ц. 30 коп.

4) *Правда объ униі къ православнымъ христіанамъ*. Изъ Им. Мамышевскаго. Изд. 4-е. 1880 г. ц. 40 коп.

5) *Апостольское преданіе, Шуази*. Переводъ И. Максимовича. Ц. 1 р. 50 к.

Адресоваться за этими книгами: Въ Редакцію Трудовъ Киевской дух. Академіи, въ Кіевѣ.

11. Последніе дни жизни Преосвящ. Филарета, Митрополита Киевскаго. Ц. 25 коп. (см. 50 коп.).
12. Описание 50-лѣтняго юбилея Высокопреосвященнаго Арсенія, Митрополита Киевскаго и Галицкаго. Ц. 50 коп., съ перес. 60 коп.
13. Списокъ начальниковъ, наставниковъ и воспитанниковъ Киевской духовной Академіи первыхъ XXV курсовъ (1819—1869). Ц. съ пер. 10 к.
14. Указатель Воскреснаго Чтенія. Цѣл. 30 к., съ пер. 40 к.
15. Историческій характеръ книги Гудіновъ. Н. М. Дроздова. 1876 г. Ц. 50 к.
16. Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, по запискамъ архидіакона Павла Алеппскаго. Ив. Аболенскаго. 1876. Ц. 2 руб.
17. Опытъ историческаго изслѣдованія о числѣ монастырей русскихъ, закрытыхъ въ XVIII и XIX вв. П. Чудецкаго. 1877 г. Ц. 50 коп.
18. Воспоминанія о покойномъ митрополитѣ Киевскомъ Арсеніи. В. О. Цѣвницкаго. 1877 г. Ц. 50 коп. (см. 80 к.).
19. Топографія нынѣшней Киевской епархіи въ XVII в. по Андрею Целарію (съ картою). С. Цѣвѣвича. К. 1877 г. Ц. 75 к.
20. Происхожденіе и составъ 1 и 2 кн. Паралапоменонъ. 1878 г. А. Царевскаго. Ц. 70 к.
- ~~~~~
21. Христіанская наука, или основанія св. герминеvтики, твореніе блаж. Августина. Ц. 25 коп., съ пер. 35 коп. (см. 90 к.).
22. Ученіе св. отцевъ подвижниковъ о благодати Божіей. Ц. 25 коп., съ пер. 35 коп. (см. 65 к.).
23. Императоръ Θεодосій. Ц. 25 коп., съ пер. 35 коп. (см. 45 к.).
24. Императоръ Юстиніанъ и его заслуги для церкви. Ц. 25 к., съ пер. 35 к. (см. 65 коп.).
25. Софроній, патріархъ іерусалимскій. Ц. 25 к., съ пер. 35 к. (см. 55 к.).
26. Михайлъ Керуларій. Ц. 25 коп., съ пер. 35 коп. (см. 65 к.).
27. О времени крещенія св. Ольги. Ц. 10 к., съ пер. 16 к.
28. Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею. В. И. Аскаченскаго. Два большихъ тома. Ц. 1 руб. 50 коп. (см. 3 руб.).
29. Историческое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ. Ц. 25 коп., съ пер. 35 к. (см. 75 к.).
30. О чинѣ православія. Ц. 25 к., съ пер. 35 коп. (см. 65 к.).
31. О первоначальномъ переводѣ св. Писанія на славянскій языкъ. Ц. 10 коп., съ пер. 20 коп. (см. 30 к.).
32. Библейская хронологія. Ц. 60 коп., съ пер. 75 коп.
33. Польская грамматика. Ц. 25 к. съ пер. 35 к. (см. 45 к.).
34. Собраніе сочиненій студентовъ Киевской дух. Академіи. Т. 1-й. Ц. 75 к. съ перес. 1 р. (см. 1 р. 25 к.).
- ~~~~~
35. О книгѣ премудрости Соломона. Д. В. Поспѣхова. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р. 50 к. (см. 3 р.).
36. Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви, т. 1-й. Ив. Игн. Малышевскаго. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к. (см. 4 р.).
37. Обзоръ философскихъ ученій. П. Ив. Линицкаго. Ц. 80 коп. (см. 1 р. 25 к.).
38. Философія отцовъ и учителей церкви (періодъ древнихъ апологетовъ христіанства). К. Ив. Скворцова. Ц. 1 р. 85 коп., съ пер. 2 руб.
39. Объ авторѣ сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ св. Діонисія Ареопагита. К. Ив. Скворцова. Ц. 65 к., съ пер. 80 к.
40. Блаженный Августинъ, какъ психологъ. К. Ив. Скворцова. Ц. 1 руб. 30 коп., съ перес. 1 р. 50 коп.
41. Записки по церковному законовѣдѣнію. Прот. И. М. Скворцова, изд. 4-е. Ц. 90 коп., съ пер. 1 р. 5 коп.
42. О видахъ и степеняхъ родства. Прот. И. М. Скворцова. Цѣна 35 к., съ пер. 45 коп.
43. О происхожденіи и составѣ римско-католической литургіи и отличія ея отъ православной. Ив. М. Бобровницкаго. Цѣна 65 коп., съ пер. 80 к.
44. Синайское дѣло. А. Д. Воронова. Ц. 1 руб. съ перес.

45. Сборникъ изъ лекцій бывшихъ наставниковъ Киевской духовной Академіи, архим. Инносентія, прот. Ив. М. Скворцова, П. С. Авсенева (архим. Оеофана) и Я. К. Амфитеатрова. Ц. 2 р. 50 к. (вм. 3 р. 40 к.).
46. Объ отношеніи древней христіанской церкви къ римскому государству. П. А. Лашкарева. Ц. 30 к. (вм. 40 к.).
47. Киевская архитектура въ X—XII в.в. П. А. Лашкарева, ц. 30 к.
48. Беконъ Веруламскій, Куно-Фишера (съ портретомъ Бекона). Ф. А. Терновскаго. Ц. 2Ѣ к., съ перес. 30 к. (вм. 40 к.).
49. Изученіе византійской исторіи и ея приложеніе въ древней Руси. Ф. А. Терновскаго (*1-й выпускъ весь распространъ*). Выпускъ 2-й. 1876 г. Цѣна 1 р. 50 к.
50. Апокрисисъ Христофора Филалета и исторія Флорентійскаго Собора (большой томъ болѣе 600 страницъ). Цѣна три рубля.
51. Ветхозавѣтная исторія. Прот. И. М. Скворцова. Ц. 70 коп.
52. О богослуженіи православной церкви. И. М. Скворцова. Ц. 80 коп.
53. Призваніе Авраама и церковно-историческое значеніе этого событія. Н. Ив. Щеголева. Цѣна съ перес. 1 р. 20 ч.
54. Правило пастырское св. Григорія Двоеслова. Перев. Д. А. Подгурскаго. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылк.
55. Андрианка. Комедія Теренція. Переводъ Д. А. Подгурскаго. Цѣна 50 к. съ перес.
56. Описаніе рукописей церк.-археологич. музея. Н. И. Петрова. Вып. 1-й, 1 р. 75 коп.; Вып. 2-й. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.; вып. 3-й. 1879 г. Ц. 1р. 75к.
57. Судьбы древнихъ памятниковъ св. земли. А. А. Олесницкаго. Ц. 20 к.
58. Св. земля. А. А. Олесницкаго (болѣе 35 лист. съ рисунками), 1875 г. Т. 1. Цѣна 2 р. 50 к.; т. 2-й, 1878 г. Ц. 3 руб.
59. Отвѣтъ на предложенную старокатоликами схему о Св. Духѣ. Архимандрита Сильвестра. 1875 г. Ц. 75 к. (вм. 1 р.).
60. Богослуженіе христіанское со времени апостоловъ до четвертаго вѣка. О. А. Смирнова. 1876 г. Ц. 2 руб.
61. Жизнь Іисуса Христа по евангеліямъ и народнымъ преданіямъ (съ литографич. изображеніемъ лика Спасителя). К. И. Скворцова. 1876 г. Ц. 2 р.
62. Подложное письмо половца Ивана Смеры къ великому князю Владимиру святому. Ив. Игнат. Малышевскаго. 1876 г. Ц. 75 коп.
63. Дѣятельность митрополита Евгенія въ званіи предсѣдателя конференціи Киевской Академіи. Его-же. Ц. 30 к.
64. Историческій взглядъ на взаимныя отношенія между сербами и русскими въ образованіи и литературѣ. Н. И. Петрова. 1876 г. Ц. 60 к.
65. Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. I. (817 стран.). К. 1876. Ц. 4 р.; т. 2-й (съ рисунками), 1877 г. Ц. 3 руб.
66. Отношеніе римскаго государства къ религіи вообще и къ христіанству въ особенности до Константина великаго исключительно. П. А. Лашкарева. Киевъ, 1876 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 10 к.
67. Ученіе Аугсбургскаго исповѣданія, и его апологіи о первородномъ грѣхѣ. М. Ф. Ястребова. 1877 г. Ц. 1 р. 30 к.
68. Кириллъ и Меѳодій. Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія. А. Д. Воронова. К. 1877 г. Ц. 2 руб.
69. Три первые вѣка христіанства. Проф. Терновскихъ. К. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 80 к.
70. Толковое евангеліе архимандрита (нынѣ епископа) Михаила, кн. 1: евангеліе отъ Матвея, изд. 3, 1877 г.; кн. 2: евангеліе отъ Марка и Луки, 1871 г.; книга 3: евангеліе отъ Іоанна, 1874 г. Ц. каждой книгѣ 3 руб. съ перес.
71. Толковый апостолъ, кн. 1: Дѣянія св. Апостолъ. Егоже. Ц. 3 р. съ пер.
72. Введеніе въ новозавѣтныя книги свящ. Писанія. Герики. Перев. архимандрита Михаила. Въ 2-хъ частяхъ. М. 1869. Ц. за обѣ части 3 руб. за каждую отдѣльно 1 р. 50 коп. съ перес.

Экстраordin. профессоръ А. Олесникий.

